

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3-й кв.

Мощный плацдарм революционных
сил Китая

3: освобожденной Маньчжурии

3:5 лет советско-корейского сотрудничества

Районы Сибири и Дальнего Востока
в преддверии XXVI съезда КПСС

Нгуен Чай — национальный герой
и поэт Вьетнама

Советско-японские торгово-экономические
отношения

3

1980

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

38 [35] 1980

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ, ЯПОНСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

СИНОЛОГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ВАСО

W

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 К 35-летию разгрома империалистической Японии
во второй мировой войне
- 16 Благородная миссия армии-освободительницы
С. П. Иванов
- 27 Мощный плацдарм революционных сил Китая
О. Б. Борисов
- 40 В освобожденной Маньчжурии
М. И. Сладковский

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 55 Районы Сибири и Дальнего Востока в преддверии
XXVI съезда КПСС
В. А. Александров
- 74 35 лет советско-корейского сотрудничества
Б. М. Михайлов
- 81 Кодексы КНР — орудие «узаконенных репрес-
сий»
*Л. М. Гудошников,
Н. Х. Ахметшин*
- 91 Советско-японские торгово-экономические отно-
шения
В. Б. Спандарьян
- 98 Об эволюции общественно-экономических укладов
в КНР
Е. А. Коновалов
- 108 Япония в тисках противоречий
И. И. Тамгинский
- 123 Об изменениях в государственной структуре КНР
К. А. Егоров

ИДЕОЛОГИЯ

- 136 Буддизм в Китае: исторические традиции и
современность
*Л. С. Переломов,
Н. В. Абаев*

ИСТОРИЯ

- 149 Историческая наука Вьетнама сегодня
П. Ю. Цветов

БОРЦЫ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

- 160 К 80-летию со дня рождения Отто Брауна
А. С. Титов

КУЛЬТУРА

- Нгуен Чай — национальный герой и поэт Вьетнама
165 *Н. И. Никулин*
- Проблемы китайской драмы
170 *Н. Т. Федоренко*
- Печать КНР — средство манипулирования общественным сознанием
178 *Г. С. Лонцаков*

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- Образ В. И. Ленина в изобразительном искусстве МНР
186 *Т. А. Пострелова*

ГОВОРЯТ ОНИ САМИ

- Из доклада Дэн Сяопина 16 января 1980 г. на совещании кадровых работников в Доме народных собраний в Пекине
190

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Монография об освободительной борьбе китайского народа
191 *В. А. Кривцов*
- Исследование социальной стратегии колониализма
194 *В. Ф. Ли*
- Маонизм — идейный и политический противник мирового революционного движения
196 *В. А. Долматов*
- Эволюция образа в китайской классике
199 *Н. А. Спешнев*
- Становление прогрессивной литературно-критической мысли в Китае
202 *В. Ф. Сорокин*
- Китай после «культурной революции»
206 *Ф. Ф. Лаппо*

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Красикова, 27,
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1980

Редакционная коллегия:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора), В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОНОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕИ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

К 35-летию разгрома империалистической Японии во второй мировой войне

Разгром государств фашистского блока во второй мировой войне явился тем фактором, который стимулировал все социально-политические и идеологические процессы, составившие содержание мировой истории после Великой Октябрьской социалистической революции. Эти процессы охватили все страны и континенты. Они ознаменовали начало нового этапа мирового развития, в концентрированной форме выражали общую тенденцию общественно-исторического движения — стремительный рост новых социальных сил и общественных отношений, шедших на смену капиталистическому способу производства.

Крушение мирового фашизма имело всемирно-историческое значение для стран Азии, в частности для стран Дальнего Востока. Победа Советской Армии на советско-германском фронте, где была решена судьба фашистской Германии, и стремительный удар советских вооруженных сил по японской армии, приведший к разгрому японского милитаризма, ознаменовали наступление нового этапа в истории этих стран. Как и вторая мировая война в целом, развитие событий в Тихоокеанском регионе в период подготовки и развязывания войны до конца выявило роль различных государств и их армий, продемонстрировало перед всем миром классовую направленность политики воюющих сторон. Рассмотрение различных аспектов политической истории стран Дальнего Востока этого периода опровергает ложь, которую нагромоздили буржуазная историческая наука и буржуазная пропаганда относительно подлинных причин войны, побудительных мотивов действий капиталистических держав, целей, которые преследовал Советский Союз в войне.

Крах антикоммунистической стратегии мирового империализма

При всей сложности процессов, составлявших суть международного развития накануне войны, при всей значимости межимпериалистических противоречий и взаимоисключающих тенденций для складывания межгосударственных отношений внутри капиталистического мира решающим фактором, определявшим мировую политику, явилось существование Советского Союза, что разделило мир на два лагеря. В таких условиях главной классовой целью международного империализма стало уничтожение СССР, символизировавшего тот общественный строй, который шел на смену капитализму.

В Европе в качестве ударной антисоветской силы американский и английский империализм вскормил германские монополии и поощрял фашизм. Американские монополии надеялись направить их агрессию против Советского Союза, добиться в антисоветской войне ослабления своих империалистических соперников и создать таким образом новые условия для расширения сферы своего экономического и политического господства. Из этой классовой цели родилась пресловутая политика умиротворения фашистского агрессора.

На Дальнем Востоке основная роль в осуществлении антикоммунистической стратегии была возложена на Японию. Антикоммунистическое, антисоветское содержание глобальных планов американского империализма и стратегическая цель японского империализма — уничтожение Советского Союза и китайского национально-освободительного движения как условие закабаления Китая — придали американско-японским отношениям особые черты и нюансы. Они способствовали тому, что межимпериалистические противоречия между этими странами на определенных этапах и в определенной степени отходили на второй план, давая выход антисоветским, антикоммунистическим устремлениям империалистов США и Японии, которые были едины в своей политике «сдерживания коммунизма». Необходимо отметить, что «борьба за Китай», которую вели между собой силы мирового империализма, начиная с 1920-х годов все больше была связана с их стремлением остановить революционный процесс на Азиатском континенте, положить конец воздействию Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического примера СССР на народы азиатских стран.

Кульминационным пунктом американско-японского антикоммунистического альянса, ярким выражением единства целей американских и японских монополий в отношении Советского Союза и китайского коммунистического движения явилась политика умиротворения Японии и поощрения японского агрессора, проводившаяся американским империализмом на Дальнем Востоке. Эта политика проявилась как в политической, так и в экономических сферах. Ее влияние ощущалось и в области чисто военной.

В политическом отношении американский империализм предпринимал непрерывавшиеся маневры, стремясь достичь договоренности с японскими правящими кругами относительно характера и содержания действий в Китае и во всем дальневосточном регионе, с тем чтобы они отвечали антикоммунистическим целям американских и японских монополий и соответствовали основному стратегическому плану США — добиться уничтожения СССР и сил национально-революционного фронта китайского народа руками японской военщины. В качестве платы за это американские правящие круги предоставили Японии право на аннексию обширных районов китайской территории, позволили ей принять участие в грабеже национальных богатств китайского народа. Англо-американский империализм отдал на растерзание японским дзайбацу северо-восточные провинции Китая, занял умиротворенческую позицию в годы японской агрессии во Внутренней Монголии, постарался отделаться формальными протестами против решения правящих кругов Японии расширить район военных действий в Центральном Китае с целью полного подчинения страны.

Из общей стратегической линии сил мирового империализма во главе с США вытекала и их позиция по отношению к национально-освободительной борьбе китайского народа в годы японо-китайской войны. США и их западные союзники по империалистическим захватам в Китае, не желая «раздражать» Японию, отказались прийти на помощь китайскому национально-патриотическому фронту в антияпонской войне. В период войны на Тихом океане в условиях крайне неблагоприятной военно-стратегической обстановки США были вынуждены оказать некоторую помощь гоминьдановскому правительству, но при этом американские стратеги всегда имели в виду, что оружие, которое они направляли чунцинскому режиму, предназначалось не столько для ведения боевых операций против Японии, сколько для борьбы чанкайшистов против КПК.

В экономической области эгоизм американского империализма японской агрессии проявилось в снабжении японской военной промышленности необходимыми стратегическими материалами. Удивительно, но факт: накануне тихоокеанской войны Япония, которая уже раз-

вернула вооруженную агрессию против Китая, непосредственно угрожая интересам США, заняла ведущее место в общем объеме американского экспорта стратегического сырья. Сфера снабжения стратегическими ресурсами была самым слабым местом японской экономики, полностью лишенной собственной сырьевой базы. Без американской помощи японским дзайбацу не удалось бы наладить военное производство в размерах, необходимых для ведения большой войны.

Что же касается японского империализма, то он стремился максимально использовать в своих интересах заинтересованность США в расширении японской агрессии против Советского Союза. Подобно гитлеровской Германии, правящие круги Японии запугивали американских монополистов жупелом «коммунистической угрозы», все откровеннее демонстрировали свой антикоммунизм. Японская военщина делала все возможное, чтобы показать свою готовность к нападению на СССР. С расчетом на реакцию в международных империалистических кругах, прежде всего в США, японский милитаризм в 1938 и 1939 гг. спровоцировал вооруженные конфликты на границах с СССР и МНР. Таким путем японская военщина стремилась зарекомендовать себя как наиболее боеспособную и активную антисоветскую силу.

Но реальное развитие событий оказалось не подвластным американскому империализму. Антагонистические противоречия между Японией и США на данном этапе мировой истории возобладали над их антикоммунистическими, антисоветскими предубеждениями. Расценив умиротворенческую позицию американского империализма как свидетельство его слабости, Япония в 1941 г., вместо того чтобы напасть на СССР, повела военные действия против США. Не последнюю роль в принятии такого решения японским империализмом играло намерение более активно и всесторонне подготовиться к войне против СССР. Это могла дать успешная война против США. Как и всякий агрессор, японский империализм рассчитывал на успех своей авантюры, которая, по его представлениям, должна была сделать его обладателем всего американского имущества в Китае и единственным правителем обширных территорий на Дальнем Востоке.

Нападение Японии на США означало крах политики умиротворения, банкротство осуществлявшейся американскими правящими кругами антикоммунистической стратегии. На первом этапе войны, до вступления в нее Советского Союза, эта политика в Европе поставила на грань национальной катастрофы капиталистические государства, правящие круги которых выступили в качестве инициаторов и проводников стратегической линии на поощрение фашистского агрессора. Сходное положение сложилось на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, где японские войска нанесли противнику серьезные удары, оправиться от которых он смог только к концу войны.

Антикоммунистическая стратегия американского империализма, рассчитанная на поощрение японской агрессии, стала одной из основных причин войны на Тихом океане, как и второй мировой войны в целом.

СССР и США: два государства — две политики

Развитие событий в послевоенный период с особой ясностью выявило классовую природу внешнеполитических линий СССР и США на Дальнем Востоке, показало диаметрально противоположность целей этих государств в войне против японского агрессора. СССР, вступая в войну против империалистической Японии, руководствовался теми принципами, которые составляют самую суть социалистических общественных отношений и воплощают лучшие мечты человечества о таком состоянии общества, при котором навсегда будут ликвидированы социально-классовые силы, вызывающие войны, и причины, порождающие их. Тогда, в

августе 1945 г., самой настоящей задачей было положить конец кровопролитной войне, развязанной международным империализмом и продолжавшей уносить тысячи человеческих жизней; освободить народы Дальнего Востока от колониального ига и дать им самим, без какого-либо вмешательства извне, выбрать путь национального и социального развития; сделать так, чтобы силы милитаризма и агрессии на Дальнем Востоке никогда больше не могли поднять голову и толкнуть народы в пучину нового военного конфликта.

Иными были цели, которые преследовал американский империализм в войне и в годы послевоенного урегулирования. Эксплуататорская сущность того общественного строя, который олицетворяют собой США, экспансионистский характер их политики, агрессивность замыслов империалистических монополий, определившая их внешнеполитические действия накануне и в годы войны, проявились по всем линиям. Послевоенная политика США на Дальнем Востоке явилась частью глобальной стратегии американского империализма, направленной на завоевание мирового господства.

В области экономической она преследовала цель обеспечить доступ американским монополиям к источникам сырья и рабочей силы, подчинить экономику государств этого региона интересам американского государственно-монополистического капитала, создать такие экономические связи между США и завоеванными странами, которые накрепко привязывали бы их к американским монополиям.

В области политической правящие круги США добивались сохранения сил местной реакции, укрепления позиций местных эксплуататорских классов, союз с которыми должен был стать главной опорой их империалистического господства. Одновременно была поставлена задача беспощадного подавления национально-освободительных движений, демократических сил, при этом главный удар наносился по коммунистическому и рабочему движению.

В области военной эта политика предусматривала подчинение всех стран, входивших в сферу господства США, целям их восходившей к довоенному периоду военно-стратегической доктрины «сдерживания коммунизма» и уничтожения СССР, обеспечение возможности использовать их в качестве военного плацдарма для нападения на СССР и другие социалистические страны.

Диаметральная противоположность целей политики СССР и США наглядно проявилась в Китае и Корее. Она обнаружилась и в ходе оккупации американскими войсками Японии.

Верные своему интернационалистскому долгу, СССР и его вооруженные силы оказали ни с чем не соизмеримую помощь китайскому народу в его борьбе с силами реакции и империализма. Образование в 1949 г. Китайской Народной Республики означало стремительный рывок полуфеодальной в прошлом, полуколониальной страны в качественно новое состояние общественных отношений, свидетельствовало о подъеме Китая на новую ступень социального развития. От народно-демократической революции Китай стал постепенно переходить к революции социалистической. Эти изменения всемирно-исторического значения явились следствием помощи Советского Союза, результатом его политики, направленной на поддержку сил национально-освободительной революции.

Солидарность советского и китайского народов восходит к первым годам Советской власти. В 20—30-х годах в условиях расширения империалистической агрессии против китайского народа, в обстановке фактической изоляции Китая, оставшегося один на один с японскими захватчиками, и интриг международного империализма против Китайской республики Советский Союз был единственной страной, которая пришла на помощь китайской революции.

Советская помощь имела всесторонний характер. При первостепенной важности военного фактора в развитии китайской революции, вынужденной силой оружия отстаивать свои завоевания от посягательств империалистов и местной реакции, громадным вкладом в дело защиты интересов национально-освободительного движения явилась военная помощь СССР. Уже в начале 20-х годов Советский Союз оказал существенную поддержку революционному правительству Южного Китая в организации вооруженных сил.

В годы японо-китайской войны, когда над Китаем нависла угроза полного порабощения японским империализмом, эта помощь приобрела особенно важное значение. Она стала тем источником снабжения вооруженных сил национально-патриотического фронта, который позволил Китаю организовать сопротивление японскому агрессору. Военная помощь СССР не сводилась только к поставкам оружия. Трудно переоценить влияние дислокации советских вооруженных сил на границах с Китаем и действий Советской Армии по отражению агрессии японской военщины у озера Хасан в 1938 г., на реке Халхин-Гол в 1939 г. на складывание военно-стратегической обстановки в Китае. Стремительные удары советских войск по японскому агрессору эхом прокатились по всему китайско-японскому фронту, заставив японское командование внести существенные коррективы в свои стратегические планы.

Не ограничиваясь чисто военной помощью, СССР установил широкие экономические связи с Китайской республикой. В 1939 г. между Советским Союзом и Китаем был заключен торговый договор. На его основе впервые в истории Китая устанавливались действительно равноправные, действительно взаимовыгодные экономические отношения с соседней страной. Советский Союз делал все возможное, чтобы бесперебойно осуществлялась связь с Китаем. Этому служил знаменитый Синьцзянский тракт — дорога жизни для Китая, по которому непрерывным потоком днем и ночью из Советского Союза шли грузы.

Большое значение имела морально-политическая поддержка СССР в борьбе Китая против японских захватчиков. СССР неизменно поддерживал связи со всеми общественными организациями и политическими течениями, которые на деле вели борьбу за освобождение Китая, выступали за широкие социальные преобразования и объединение страны на демократической основе. Естественно, что СССР всегда выделял в своей китайской политике Коммунистическую партию Китая как наиболее передовой, наиболее боеспособный отряд китайских трудящихся. Поддержка КПК со стороны КПСС вытекала из принципа пролетарского интернационализма, составляющего основу политики СССР по отношению ко всем революционным силам современности.

Вступление СССР в войну против милитаристской Японии, позиция Советского Союза по отношению к китайскому революционному движению после разгрома японского империализма ознаменовали наступление качественно нового этапа советской интернационалистской политики оказания помощи китайскому народу.

Капитуляция Квантунской армии под ударами советских войск создала исключительно благоприятные условия для развертывания наступательных операций народно-освободительной армии против чанкайшистских войск, облегчила ей продвижение в северо-восточные районы страны, где была создана мощная революционная база, ставшая опорой всех национально-революционных сил Китая. Советское командование передало НОАК большое количество трофейного японского оружия, оказало содействие в реорганизации ее войск, в обучении руководящего ядра китайской революционной армии. Благодаря интернационалистской позиции СССР силы китайского национально-освободительного движения смогли укрепить и реорганизовать свою армию так, что она смогла успешно довести дело китайской революции до конца.

Поистине историческое значение для победы китайского народа получила экономическая, хозяйственная и организационная деятельность советских органов по созданию и укреплению Маньчжурской революционной базы; помощь в восстановлении промышленности, речного и железнодорожного транспорта, в обеспечении предприятий необходимым сырьем, содействии китайским властям в снабжении населения продовольствием, медикаментами, товарами повседневного спроса, деятельность по совершенствованию руководства экономикой; помощь в подготовке хозяйственных кадров и квалифицированной рабочей силы. Эти и другие мероприятия, проведенные СССР в северо-восточных провинциях Китая, создали прочную социально-экономическую базу народно-демократического режима, установленного на территории Маньчжурской революционной базы. Такое же значение имела братская помощь КПСС, советских общественных организаций для поднятия уровня партийной работы местных организаций КПК, для активизации деятельности профсоюзов китайских трудящихся, для установления на территории северо-восточных провинций подлинно демократической формы правления. Тем самым была заложена политическая основа народно-демократического строя в Маньчжурии. Бывшая колония японского империализма в результате всех проведенных здесь при помощи и поддержке СССР мероприятий превратилась в самый передовой район Китая, стала центром прогрессивных общественных движений на заключительном этапе китайской революции.

В первые послевоенные годы СССР оказал Китаю дипломатическую помощь в решении внутривнутриполитических проблем в интересах компартии и всех революционно-демократических сил. Верный принципам своей внешней политики, СССР стремился помочь мирным, демократическим путем добиться осуществления чаяний китайского народа по демократизации страны. Большое значение во внешнеполитической деятельности СССР придавалось обеспечению благоприятных внешнеполитических условий для развития китайской революции, пресечению попыток империалистических кругов вмешаться во внутренние дела Китая на стороне гоминьдана с целью изменить положение в пользу сил реакции.

Всестороннее содействие китайскому народу в отражении империалистической агрессии, бескорыстная экономическая и военная помощь национально-освободительному движению, моральная поддержка, чувство братской солидарности с китайскими трудящимися — эта позиция СССР по отношению к Китаю явилась решающим международным фактором, способствовавшим победе китайской революции.

Послевоенная политика американского империализма в Китае определялась тем местом, которое американские правящие круги отводили китайскому плацдарму в своих гегемонистских планах завоевания мирового господства и стратегии «сдерживания коммунизма».

Господствующей элите США представлялось, что в результате разгрома японского империализма открылись самые благоприятные перспективы для осуществления давно вынашивавшихся планов закабаления Китая. В своих колониалистских происках против этой страны они сделали ставку на режим Чан Кайши.

Утверждение колониального господства США в Китае вылилось в открытую политическую, дипломатическую и вооруженную борьбу американского империализма против сил национально-освободительной революции. США оказали Чан Кайши громадную военную помощь, снабжая его войска оружием, боеприпасами, средствами связи, различными видами транспорта и пр. Не ограничиваясь помощью Чан Кайши, США осенью 1945 г. в условиях всеобщего наступления национально-революционных сил на позиции гоминьдана совершили прямую вооруженную агрессию против китайского народа, стремясь спасти гоминьдановский режим от неминуемого краха. В крупнейшие порты Северного Китая

вошли многочисленные корабли американского тихоокеанского флота, сюда передислоцировались различные авиационные соединения американской армии, одновременно была осуществлена высадка американской морской пехоты. В своих империалистических замыслах против Китая реакционные правящие круги США заходили настолько далеко, что планировали посылку американских войск в Маньчжурию для уничтожения Народно-освободительной армии и выхода к границам СССР.

Осуществляя военное вмешательство в дела китайской революции, США предприняли ряд политических маневров, намереваясь реорганизовать и укрепить режим Чан Кайши, разобщить силы демократического лагеря. Путем этих маневров США стремились выиграть время, дать гоминьдану возможность укрепить свои позиции. Все эти попытки США сохранить в Китае гоминьдановский режим и упрочить в этой стране основы своего империалистического господства окончились крахом. Гоминьдановская реакция и защищавшие ее армии в результате победоносного наступления народно-освободительных войск с Маньчжурской революционной базы были изгнаны с территории континентального Китая. Образование в 1949 г. Китайской Народной Республики явилось ответом китайского народа на планы американской и чанкайшистской реакции по превращению страны в антикоммунистический, антисоветский плацдарм мирового империализма.

Такой исход колониалистских происков США в Китае не был случайным явлением, результатом отдельных ошибок и просчетов американских стратегов, претендовавших на мировое господство. В развитии событий в этой стране, закончившихся крахом империалистической политики США, проявилась историческая закономерность. Эта закономерность по мере углубления общественного прогресса все отчетливее пробивала себе путь сквозь толщу различных негативных явлений, возникавших в результате усилий мировой реакции приостановить процесс поступательного развития общества. Эта закономерность утверждает неизбежность крушения изжившей себя социальной системы — капитализма и его империалистической политики — и одновременно провозглашает торжество дела национального освобождения, дела социализма, демократии и мира.

Разгром Квантунской армии и вступление советских войск на территорию Кореи создали самые благоприятные условия для национального возрождения корейского народа. В Северной Корее, где дислоцировалась Советская Армия, была уничтожена японская военная машина — главный оплот японского империализма в Корее, рухнула система империалистического господства со всем аппаратом колониального угнетения: полицией, жандармерией и пр. В стране, в течение длительного времени являвшейся колонией японских дзайбацу, в условиях крушения мирового фашизма и ослабления сил международной реакции на повестку дня было поставлено проведение кардинальных социально-политических мероприятий.

Пребывание советских войск в северной части страны облегчило корейскому народу проведение преобразований во всех сферах жизни. Повсюду возникали органы подлинно народной власти — народные комитеты, профсоюзные объединения, массовые общественные организации. Руководящую роль в этом процессе национального и социального возрождения играли вышедшие из подполья, освобожденные из тюрем корейские коммунисты. Северная Корея уверенно шла по пути народно-демократической революции. В 1948 г. в Корее были проведены выборы в Верховное народное собрание, оно провозгласило создание Корейской Народно-Демократической Республики.

Так же, как и на северо-востоке Китая, Советская Армия была в Северной Корее не только силой, карающей мечом агрессора, но и армией-созидательницей, которая способствовала экономическому возрождению

денню районов, освобожденных от японского колониального господства. В северной части Корейского полуострова в результате хозяйничания японского империализма экономика пришла в крайний упадок, на транспорте царил разоруха, многие заводы и фабрики стояли из-за порчи оборудования и отсутствия сырья. Советская военная администрация сделала все, чтобы помочь корейскому народу восстановить промышленность. Во все отрасли народного хозяйства были направлены советские военные специалисты для организации восстановительных работ. Из Советского Союза непрерывно поступало оборудование и материалы, развернулась работа по подготовке квалифицированных национальных кадров. В результате комплекса мероприятий хозяйство северной части страны было быстро восстановлено, создавалась реальная база для успешного продвижения корейского народа по пути социального и экономического прогресса. Впервые в истории корейского народа возникло государство, выражающее интересы национального и социального развития корейского общества, которое вскоре перешло на рельсы социалистического строительства.

Другая судьба была уготована народу Южной Кореи, оккупированной американскими войсками. Разгром японского милитаризма и пребывание советских вооруженных сил на севере страны оказали огромное революционизирующее влияние на развитие внутривластных процессов на юге полуострова. Под напором народных масс японские колониальные власти прекратили свою деятельность. В обстановке всеобщего подъема зарождались органы народного самоуправления — народные комитеты. Прибывшие в Южную Корею через месяц после капитуляции Японии американские войска застали в этой части страны нормально функционирующую широкую сеть народных комитетов, выражавших волю народных масс. Американские военные власти своей первой задачей поставили не содействие расширению и углублению этого естественного и закономерного процесса национального возрождения и социального освобождения, а подавление его. Американская армия, являясь непосредственным проводником политики американского империализма на Корейском полуострове, лишила южнокорейскую демократическую общественность права голоса в решении кардинальных вопросов национального развития, ввела широкую систему полицейских ограничений в сфере общественной жизни, рассчитанных на поддержку местных реакционных сил и укрепление позиций американских монополий. При помощи американских оккупационных властей был создан широкий союз представителей различных эксплуататорских классов и групп — помещиков, крупной буржуазии, чиновничества и т. д. Именно эти силы стали опорой американского оккупационного режима на юге страны. Стремясь укрепить позиции южнокорейской реакции и добиться на этой основе осуществления далеко идущих замыслов по превращению Южной Кореи в плацдарм американского империализма, правящие круги США сделали ставку на привлечение к управлению оккупированной зоной реакционной корейской эмиграции из гоминьдановского Китая и США.

Отвергнув предложение Советского Союза о выводе всех иностранных войск с территории Кореи с целью создания условий, в которых демократические силы страны могли бы свободно, без какого-либо вмешательства извне решить все свои внутривластные проблемы, США в 1948 г. на юге полуострова инсценировали выборы в так называемое «национальное собрание», которое объявило о создании «корейской республики». Так, вопреки воле корейского народа, стремившегося видеть свою родину единой, демократической, независимой, США сделали все, чтобы приостановить в Южной Корее процесс демократизации, создать здесь реакционный режим и расколоть страну. Колонизаторские цели восточноазиатской политики американского империализма, его роль как душителя национально-освободительного, демократического

движения народов Дальнего Востока проявились в Южной Корее во всей своей неприглядной наготе.

Столь же наглядно империалистическая сущность политики правящих кругов США выявилась в ходе проведения ими оккупационного курса в отношении Японии после капитуляции японских вооруженных сил в 1945 г. Союзные государства по требованию Советского Союза и мировой демократической общественности приняли согласованные решения, предусматривавшие совместное осуществление политики в отношении Японии с целью превращения ее в миролюбивое демократическое государство. Однако на последнем этапе войны и в особенности после ее завершения США взяли курс, рассчитанный на установление единоличной оккупации японской территории и недопущение Советского Союза к решению дел, связанных с послевоенным устройством этой страны. Незаконно присвоив себе право единственной оккупирующей державы, Соединенные Штаты приложили максимум усилий для того, чтобы добиться осуществления своей классово-направленной политики на Японских островах.

Империалистические замыслы США в отношении Японии все яснее обнаруживались по мере того, как рассеивались их надежды на использование гоминьдановского Китая в качестве основного звена антикоммунистической стратегии на Дальнем Востоке.

Во-первых, США выступили в Японии как реакционная сила, ставшая на путь подавления широкого демократического движения японского народа. Используя факт присутствия на Японских островах американских войск, империализму США удалось приостановить нарастающую волну народной революции и направить социально-политические процессы в русло реформ, нацеленных на сохранение и укрепление буржуазных общественных отношений. Именно этому в основном служили широко разрекламированные реформы оккупационных властей, задача которых заключалась в «демократизации» Японии по американскому образцу.

Наступление американского империализма на демократическое движение японского народа осуществлялось в различных формах. Американские власти не останавливались перед вооруженным подавлением японских трудящихся силой оккупационных войск; широко применялись ими и прямые военно-административные меры против участников забастовочной борьбы.

Во-вторых, американский империализм сделал все возможное, чтобы сохранить и укрепить в стране позиции реакционных сил, игравших роль оплота оккупационного режима. Если в Германии политические и административные функции управления страной в результате крушения государственной машины гитлеровского рейха перешли к союзным державам, то в Японии США в основном сохранили государственный аппарат и структуру власти, существовавшие в годы императорского правления. Этот аппарат был лишь очищен от лиц, не угодных американским правящим кругам, что сделало его послушным исполнителем воли американских монополий. Политика подавления революционного движения японского народа, проводившаяся США в Японии, более всего импонировала японским правящим кругам, которые обоснованно усмотрели в американских властях своего классового союзника и на основе общности классовых интересов проводили внешнеполитический курс, соответствовавший интересам американского империализма.

В-третьих, США в основном оставили нетронутой существовавшую в Японии систему господства монополистического капитала, реорганизовав его в той мере, в какой это было необходимо для ослабления его конкурентоспособности и приспособления к задачам, поставленным стратегической линией американского империализма на Дальнем Востоке. В условиях крушения японской колониальной империи и традиционно сложившихся хозяйственно-экономических связей Японии американскому

монополистическому капиталу удалось накрепко привязать японскую экономику к американской, глубоко проникнуть в экономическую структуру страны.

В-четвертых, вопреки международным соглашениям господствующие круги США вскоре после капитуляции японского империализма приступили к осуществлению политики, нацеленной на превращение Японских островов в их опорный пункт на Дальнем Востоке. Здесь были дислоцированы большие контингенты различных родов американских войск, созданы военные базы. Не ограничиваясь этим, американский империализм сделал ставку на возрождение японского милитаризма и перевооружение Японии. Так называемое послевоенное урегулирование для Японии увенчалось заключением по инициативе США в 1951 г. сепаратного Сан-Францисского мирного договора и созданием пресловутой сан-францисской системы, основу которой составил японо-американский «договор безопасности», юридически оформивший образование японо-американского военно-политического союза, который создал новую угрозу миру на Дальнем Востоке.

Два классово противоположных государства — две политики: так можно сформулировать содержание внешнеполитических курсов СССР и США на Дальнем Востоке после разгрома японского милитаризма. «Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение той же политики, с записью тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями»¹, — писал В. И. Ленин, раскрывая взаимосвязь политики и войны. Анализ некоторых аспектов международного развития на Дальнем Востоке в послевоенные годы с неопровержимой очевидностью доказывает правоту данного положения ленинского учения.

* * *

Прошло 35 лет со дня окончания войны на Тихом океане. Неузнаваемо изменился за эти годы мир, неизмеримо возросли силы социализма, значительно ослабли позиции империализма. Но и в сложившейся ныне международной обстановке продолжают действовать закономерности, определенные всем ходом общественного развития, и в наше время на повестке дня стоят проблемы, ответ на которые был дан историей.

Как и накануне второй мировой войны, в настоящее время империализм, который ныне возглавляют США, представляет собой главную угрозу международной безопасности и миру. Об этом свидетельствуют все военные и политические акции американских правящих кругов, принятые ими за последние годы. Нарастание военно-промышленного потенциала, безудержная гонка вооружений, укрепление и расширение военных баз по всему миру, осуществление провокаций против национально-демократических движений, вооруженные вторжения на территории освободившихся государств, являющихся объектом империалистической экспансии, поддержка международной реакции и феодально-компрадорских сил — эти и другие особенности внешнеполитического курса США повторяют те его черты, которые оформились и закрепились в годы подготовки и развязывания второй мировой войны и в период послевоенного урегулирования. По-прежнему одним из регионов наиболее активной военно-политической деятельности США является Дальний Восток, где американская правящая элита стремится обеспечить себе стратегические преимущества для удержания тех позиций, которые ей удалось захватить в результате тихоокеанской войны.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 269.

США сохраняют многочисленные военные базы на Японских островах и в других районах Дальнего Востока и бассейна Тихого океана, они непрерывно модернизируют свои вооруженные силы, оснащая их новейшими образцами военной техники и подготавливая американские части к ведению широких наступательных операций. В связи с недавними антиправительственными выступлениями во многих крупных городах Южной Кореи США для сохранения созданного ими в южной части страны марионеточного режима направили сюда дополнительные соединения авиации и флота, усилив свое военное присутствие в этом регионе.

Большое место в планах американских господствующих кругов на Дальнем Востоке отводится использованию вооруженных сил союзных с США государств. Американская военщина добивается увеличения этих сил, замышляет возложить на них выполнение функций, вытекающих из тех военно-политических задач, которые поставил перед собой американский империализм в Азии. В дополнение к существующим в дальневосточном регионе и бассейне Тихого океана агрессивным военно-политическим блокам США планируют создание новых военных союзов, направляют свою внешнеполитическую деятельность на сохранение и укрепление системы американского диктата, служащей обеспечению интересов американских монополий и целям подавления коммунистического и национально-освободительного движения.

В союзе с американским империализмом ныне на международной арене выступает Япония. На данном этапе японские монополии предпочитают в основном следовать за США, используя их помощь для обеспечения своих классовых интересов. Но межимпериалистические противоречия между этими странами не снимаются — они присутствуют в скрытом виде, все более обнаруживая себя по мере активизации империалистической политики в Азии.

Тревожным фактором, оказывающим отрицательное влияние на развитие международной обстановки в районе Дальнего Востока, является рост японского милитаризма. Реакционные круги Японии не извлекли должного урока из поражения японского империализма во второй мировой войне, игнорируют стремление японского народа, не раз испытывавшего на себе все ужасы империалистических войн, к миру и дружбе с другими народами. Стремясь удовлетворить империалистические интересы японских монополий и расширить масштабы японо-американского военного сотрудничества, они ратуют за расширение военных приготовлений в стране, настаивают на дальнейшем усилении японских вооруженных сил, требуют все новых ассигнований на военное строительство. Параллельно с ростом милитаристских тенденций в Японии происходит рост агрессивного японского национализма. Буржуазные идеологи пытаются пересмотреть оценку, которую демократические общественные круги дали Японии как одному из зачинщиков второй мировой войны, отрицают разрушительную роль милитаризации в истории страны, стараются обелить японскую военщину и политику, которую проводил японский империализм в отношении народов Азии. Одновременно правящие круги выдвигают требования, означающие пересмотр итогов войны, ведут пропаганду, рассчитанную на искусственное разжигание в стране антисоветских настроений.

Росту японского милитаризма способствуют США, которые стремятся использовать его в интересах своей глобальной антикоммунистической стратегии.

Как и накануне войны на Тихом океане, империалистические устремления американских и японских монополий во многом нацелены на Китай. Правящие классы США и Японии хотят лишить китайский народ завоеваний, которых он добился в освободительной борьбе, стремятся создать такую ситуацию, которая позволила бы им вернуться к тем вре-

менам, когда они могли оказывать решающее воздействие на внутриполитические процессы в этой стране.

Существует еще один аспект дальневосточной политики США, имеющий аналог в недалеком прошлом. Это стремление придать антикоммунистическую, антисоветскую направленность своему внешнеполитическому курсу, оправдать политику нагнетания напряженности и военных приготовлений измышлениями о «советской угрозе», желанием играть роль главной силы мирового империализма в борьбе с коммунизмом.

В современных условиях благодаря стараниям империалистических политиков антисоветизм и антикоммунизм превращены в инструмент подстегивания гонки вооружений, они используются как орудие борьбы не только против СССР и других социалистических стран, не только против коммунистов, но и против всех противников войны.

На антикоммунистической, антисоветской платформе происходит слияние политики правящих кругов США и Японии, к ним примкнуло маоистское руководство КНР, ставшее на путь конфронтации с Советским Союзом. Нынешнее китайское руководство видит в Соединенных Штатах надежного союзника в осуществлении политики, нацеленной на создание «широкого международного фронта» против СССР и других социалистических стран. Оно давно вынашивает планы вовлечения США в орбиту своей антисоветской стратегии, проводит курс, рассчитанный на провоцирование советско-американского военного конфликта. Пекинские деятели с радостью приветствовали происшедший за последнее время поворот политики администрации США в сторону усиления антисоветизма, расширения гонки вооружений и срыва процесса разрядки. В действиях американских правящих кругов китайские стратеги усмотрели новую возможность для достижения договоренности с руководством США на антисоветской основе.

Особое место в стратегических планах Пекина отводится Японии, которую он стремится, так же как и США, использовать в качестве своего союзника в борьбе против СССР. Китайское руководство выступает за расширение японо-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке и в зоне Тихого океана, поддерживает курс японских правящих кругов на усиление вооруженных сил Японии, ведет подстрекательскую политику, надеясь ухудшить японо-советские отношения и сыграть на антисоветизме реакционных правящих кругов Японии.

Со своей стороны, правящие круги США и Японии проявляют все возрастающую заинтересованность в сближении с Пекином по мере усиления политики антисоветизма китайских лидеров, все большей становится их ставка на «китайскую карту» в осуществлении антисоветской стратегии. Наиболее интенсивными темпами развивается сотрудничество мирового империализма и пекинского гегемонизма в военной области. Из США и других стран Запада, а также из Японии одна за другой направляются в Китай группы представителей военных и промышленных кругов, ставящие своей задачей содействие милитаризации Китая, все более ярко обнаруживается параллелизм в действиях китайского руководства и агрессивного империалистического блока НАТО.

Партнерство империализма и пекинского гегемонизма создает все большую угрозу дела мира на земле, оно представляет собой опасное явление для всего человечества.

Современная международная обстановка, все мировое развитие подтверждают незыблемость миролюбивой внешней политики СССР, его верность принципам пролетарского интернационализма, его заинтересованность в сохранении прочного мира на Дальнем Востоке и во всем мире. В ответ на провокации империалистических, антисоветских сил, перед лицом нарастающей военной угрозы со стороны международной реакции Советский Союз твердо проводит политику решительного противодействия проискам поджигателей войны.

Именно этой задаче подчинены все внешнеполитические акции Советского правительства, его инициативы и предложения по проблемам международной безопасности и сотрудничества. Особенно плодотворными в борьбе за всеобщий мир, за разрядку были 70-е годы, когда благодаря последовательной миролюбивой политике СССР и других социалистических стран, продемонстрировавшей благотворную роль социализма в мировых делах, были достигнуты существенные сдвиги в международных отношениях. Опираясь на свою экономическую и оборонную мощь, СССР, социалистическое содружество в целом провели в эти годы многообразную и активную деятельность, которая способствовала заметному оздоровлению международной обстановки. Упрочилось мирное сосуществование, произошел спад «холодной войны», были созданы предпосылки для разрешения спорных вопросов путем справедливого мирного урегулирования.

Говоря о внешнеполитических задачах КПСС и Советского государства, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев перед лицом наблюдающегося ныне нового наступления сторонников империалистических войн в странах капитала и усиления провокаторской роли пекинских гегемонистов подчеркнул, что «мы и в дальнейшем не пожалеем сил, чтобы сохранить разрядку, все то доброе, что дали нам 70-е годы, добиться поворота к разоружению, поддержать права народов на свободное и независимое развитие, сберечь и упрочить мир»².

Непоколебимое миролюбие Советского Союза, его твердая решимость не ослаблять усилий по предотвращению происков поджигателей войны — это важнейшее условие, которое позволяет советскому народу, всему человечеству пользоваться благами мира и мирного созидательного труда. Такая позиция СССР является гарантией того, что трагедия, которую по вине мирового империализма пережило человечество в 1939—1945 гг., больше не повторится.

² «Правда», 24.VI.1980.

Благородная миссия армии-освободительницы

(К 35-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИЕЙ)

С. П. Иванов,
генерал армии

Генерал армии С. П. Иванов как начальник штаба Главкома советских войск на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского принимал участие в планировании Маньчжурской кампании, участвовал в подготовке войск и штабов фронтов, флота и армий к предстоящим боевым действиям, организовывал управление войсками при проведении боевых действий в операциях в Маньчжурии, Корее, на острове Сахалин и на Курильских островах.

Заключительным этапом второй мировой войны и Великой Отечественной войны Советского Союза явилась кампания советских войск на Дальнем Востоке.

35 лет назад, с 9 августа по 3 сентября 1945 г., Советская Армия под командованием Главкома советских войск на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского провела на огромной территории Маньчжурии, в Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах стратегическую операцию против войск милитаристской Японии.

Решение провести кампанию по разгрому японских войск было продиктовано стремлением Советского Союза возможно быстрее ликвидировать последний очаг второй мировой войны, а вместе с тем и постоянную угрозу нападения японских милитаристов на СССР и МНР; изгнать японских захватчиков из оккупированных ими Китая и Кореи, с Сахалина и Курильских островов; сократить число жертв и разрушений, неизбежных при затягивании войны.

Договоренность об участии СССР в разгроме милитаристской Японии была достигнута на Ялтинской конференции. В подписанном 11 февраля 1945 г. соглашении отмечалось, что «руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступает в войну против Японии...».

Решения конференции предусматривали, что после разгрома японского империализма будут выполнены следующие условия:

1. Сохранение status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);
2. Восстановление принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году, а именно:
 - а) возвращение Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;
 - б) интернационализация торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;
 - в) совместная эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на

началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;

3. Передача Советскому Союзу Курильских островов.

Агрессивная политика милитаристской Японии против Советского Союза имеет длительную историю. Япония неоднократно совершала разбойничьи нападения на Россию и Советский Союз.

С приходом к власти в Германии фашистов японский милитаризм и германский фашизм заключили «антикоммунистический пакт», цель которого состояла в том, чтобы «оттеснить Советский Союз в скованные льдом районы севера», как писал японский журнал «Дайамондо». 25 ноября 1936 г. был подписан японо-германо-итальянский договор, направленный против СССР. После захвата Маньчжурии японские милитаристы систематически устраивали вооруженные провокации на нашей границе.

В июле 1938 г. они вторглись на советскую территорию в районе озера Хасан; в мае 1939 г. развязали войну против дружественной Советскому Союзу МНР в районе Халхин-Гола. Получив сокрушительные удары, японские милитаристы откатывались туда, откуда приходили. Особенно нагло вели себя японские империалисты после нападения фашистской Германии на Советский Союз. Уже 2 июля 1941 г. на секретном совещании руководящих военных и политических деятелей Японии было принято решение вести подготовку к войне против СССР. К концу того же года свыше миллиона японских войск, свыше 1000 танков, 1500 самолетов в нарушение нейтралитета было сосредоточено в Маньчжурии вдоль границы с Советским Союзом.

Учитывая реальность агрессии со стороны империалистической Японии, в течение почти всей Великой Отечественной войны Ставка вынуждена была держать на Дальнем Востоке от 32 до 59 расчетных дивизий сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий, до 6 дивизий и 4 бригад войск ПВО, а всего свыше 1 млн. человек, 8—16 тыс. орудий, свыше 2 тыс. танков, 3—4 тыс. самолетов и более 100 кораблей основных классов, что составляло в разные периоды от 15 до 30 % боевых сил СССР. А ведь эти силы были крайне необходимы на западе для ведения войны против фашистской Германии. Японские милитаристы систематически устраивали провокации на советской границе, топили в нейтральных водах советские торговые суда, занимались шпионажем в пользу Германии. С 1 декабря 1941 г. по 10 апреля 1945 г. японские военные корабли 200 раз останавливали, иногда применяя оружие, и осматривали советские торговые и рыболовные суда, 18 судов было потоплено. Общие убытки советского судоходства за это время составили около 637 млн. руб.

Японские милитаристы искали момента, когда можно было бы напасть на Советский Союз. Лишь разгром Советской Армией немецко-фашистских войск под Москвой, а затем под Сталинградом охладил самурайский пыл, сорвал план вторжения Японии на территорию СССР.

В 1945 г. для японских милитаристов наступил час неизбежной расплаты. Соединенные Штаты Америки и Великобритания добились в 1945 г. значительных успехов в войне против Японии на тихоокеанском театре военных действий. Флот и соединения морской пехоты США овладели важными островами, в том числе Тинианом, Сайпаном и Гуамом, откуда бомбардировщики союзников достигали метрополии Японии. Летом 1945 г. США и Великобритания овладели важнейшими островами — Иводзима и Окинава, находящимися в непосредственной близости от метрополии.

В июле 1945 г. в Потсдаме от имени США, Англии и Китая было

опубликовано обращение, призывающее Японию безоговорочно капитулировать. Японское правительство отклонило эту декларацию. Премьер-министр Японии заявил: «Мы игнорируем ее. Мы будем неотступно идти вперед и вести войну до конца». Военный совет Японии, руководивший войной, объявил тотальную мобилизацию «духа Ямато», то есть всех сторон идеологической, экономической и политической жизни общества, и призывал к самопожертвованию во имя империи.

Все свои надежды японские правящие круги возлагали на мощные сухопутные войска, которые в военных действиях в зоне Тихого океана понесли сравнительно небольшие потери и в основном были сосредоточены в Японии (2,5 млн. человек), Китае (свыше 2,5 млн.), Маньчжурии, на Сахалине, на Курильских островах, в Корее (свыше 1,5 млн.) и в Юго-Восточной Азии (около 1 млн. человек). Всего японские сухопутные войска насчитывали 7,5 млн. человек.

Американо-английское командование оказалось перед фактом возрастающей решимости японских милитаристов продолжать ожесточенные сражения на всех сухопутных фронтах, и особенно в метрополии.

Командование сухопутных войск США в 1945 г. разработало свой план разгрома Японии. 29 марта 1945 г. комитет начальников штабов утвердил этот план и дал ему кодовое наименование «Даунфол». Высадку американских войск на острова собственно Японии предусматривалось провести в два этапа: сначала в южной части острова Кюсю (операция «Олимпик»), а затем на остров Хонсю (операция «Коронет»). Операцию «Олимпик» планировалось проводить с 1 ноября 1945 г. Предполагалось высадить 14 дивизий при поддержке более 3 тыс. кораблей и судов 3-го флота США для захвата и удержания плацдарма в южной части острова Кюсю.

Операцию «Коронет» было намечено проводить с 1 марта 1946 г., высадив на остров Хонсю 22 пехотные и 2 танковые дивизии, а также три дивизии морской пехоты. По расчетам американского командования, для выполнения плана «Даунфол» требовалось не менее 5 млн. человек. Окончание военных действий на островах собственно Японии планировалось на конец 1946 г.

Характеризуя намечавшиеся действия на островах метрополии, военный министр США Стимсон писал президенту, что американские войска ожидают «даже более жестокая битва, чем в Германии». По его мнению, потери только американских войск должны были превысить 1 млн. человек. Но даже если бы острова собственно Японии были заняты, военное и политическое руководство США не могло быть уверено, что «могущественная Квантунская армия, находящаяся на почти полном самообеспечении, не будет продолжать борьбу». Не исключалась и вероятность объединения этой армии с экспедиционными войсками в Китае с целью воссоздать «империю Ямато». Единственный выход комитет начальников штабов видел в том, чтобы «изгнанием японской армии с материка занялись русские». Генерал Макартур был убежден даже, что американские войска не должны высаживаться на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет военные действия в Маньчжурии.

Анализ плана «Даунфол» показывает, что высшее военное и политическое руководство США в целом верно оценивало силы японских войск. Разгром японских сил в Японии и на материке был немислим без участия СССР.

Япония в 1945 г. готовилась к решающим сражениям в метрополии и Маньчжурии. Ее главной заботой было существенное увеличение численности сухопутных войск и реорганизация системы командования ими. В итоге к середине августа 1945 г. в метрополии была создана крупная группировка сухопутных войск в составе 58 пехотных, 2 танковых и

8 авиационных дивизий общей численностью почти 2,4 млн. человек. Другую крупную стратегическую группировку, значительно увеличившуюся, составили Квантунская армия и японские войска в Корее. Таким образом, перед советскими войсками на Дальнем Востоке находилась группировка общей численностью 1 млн. 580 тыс. человек.

Японское правительство и ставка были полны решимости продолжать войну. Они считали, что располагают крупными вооруженными силами, способными создать глубокоэшелонированную оборону, задержать американские войска и нанести им значительный урон. В этом случае война затянулась бы, и Япония могла бы добиться выгодных условий мира. Японское главное командование исходило из того, что японская армия подготовлена лучше, чем американская. К тому же последняя, воюя на континенте, была бы лишена поддержки корабельной артиллерии и морской авиации, а стратегический тыл вооруженных сил США все больше бы удалялся от баз снабжения.

«Партизанские» действия, которые могло организовать японское командование на материке, и удары по коммуникациям, несомненно, снизили бы возможности американских войск. Исходя из этой оценки, военные руководители Японии придавали особое значение укреплению плацдарма на территории Маньчжурии. Они полагали, что успехи Японии в операциях 1945 г. будут зависеть от тесного взаимодействия сил, размещенных в Японии, Маньчжоу-го и Китае. Предусматривалось максимально использовать людские, сырьевые и промышленные ресурсы этих районов в интересах сухопутного фронта.

На территории Маньчжоу-го имелся хорошо оборудованный плацдарм, где против границы СССР было построено 17 укрепленных районов, где дислоцировалась крупная группировка войск во главе с Квантунской армией. Военная промышленность Маньчжурии могла обеспечить производство и ремонт различных видов вооружения и боевой техники. Сельское хозяйство было в состоянии снабдить продовольствием не только Квантунскую армию, но и вооруженные силы, размещенные в собственно Японии. В течение 1944—1945 гг. на территорию Маньчжурии были эвакуированы некоторые промышленные предприятия большого военного значения. На севере Китая, в провинциях Хэбэй и Шаньси, оккупационные власти значительно расширили старые и создали новые отрасли тяжелой промышленности, такие, как металлургическая, химическая, энергетическая и другие.

Японское руководство проводило крупные организационные мероприятия в вооруженных силах, осуществляло большую перегруппировку войск. Китай как объект захвата потерял для него прежнее значение. Япония готовилась к боям за метрополию и на островах, и на материке.

Предпринятое Соединенными Штатами летом 1945 г. воздушное наступление на города Японии и обстрел прибрежных городов корабельной артиллерией ожидаемого результата не принесли. Япония не капитулировала, а 28 июля она отклонила требование США, Англии и Китая о капитуляции. Стало ясно, что авиация не в состоянии самостоятельно поставить Японию на колени, а отказ ее от капитуляции дал президенту США Трумену предлог применить атомную бомбу, с тем чтобы окончательно повлиять на японское правительство и устроить весь мир, в том числе и Советский Союз, новым американским оружием.

Гитлеровская Германия в мае 1945 г. безоговорочно капитулировала, и Япония оказалась в полной изоляции.

Пакт о нейтралитете между Японией и СССР, поскольку он постоянно нарушался японцами, в том числе и после решений Ялтинской конференции, окончательно потерял смысл. Кроме того, Япония продолжала воевать против США и Великобритании, которые являлись союзниками СССР, поэтому министр иностранных дел СССР В. М. Молотов

от имени Советского правительства 5 апреля 1945 г. сделал японскому послу в Москве К. Сато заявление о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете.

Дальневосточный театр военных действий, охватывавший Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, по площади, протяженности и рельефу местности резко отличался от европейского театра военных действий и был чрезвычайно труден для наступающих войск. Площадь его превышала 1,5 млн. км² и была равна территории Германии, Италии и Японии, вместе взятых. Протяженность границы превышала 5 тыс. км., основной объект ТВД — Маньчжурская равнина, окруженная хребтом Большой Хинган и плоскогорьем Барга на востоке и юго-востоке, хребтами Ильхури-Алинь и Малый Хинган на севере и северо-востоке, а также Восточно-Маньчжурской горной системой на востоке. С севера и северо-востока район защищали реки Аргунь, Амур, Уссури. Внутренняя Монголия — это безводная полупустыня или песчаная степь, частично всхолмленная и гористая, необжитая и почти лишенная дорог. Европейская часть Советского Союза соединялась с Дальним Востоком только Транссибирской железнодорожной магистралью.

Перед советскими войсками к началу операции находилась особенно крупная группировка японских войск с 17 укрепленными районами. Квантунская армия была наиболее сильной у японцев. В течение многих лет ее готовили для нападения на Советский Союз.

На Дальнем Востоке советским войскам противостояли войска японцев в составе четырех фронтов и одной отдельной армии, которые насчитывали свыше 1,5 млн. боевых войск, не считая местных формирований, 1215 танков, 6700 орудий, 25 кораблей, 1907 самолетов. Основные силы Квантунской армии были сосредоточены на Маньчжурской равнине, в пограничной с СССР полосе; они имели две полосы обороны и сильные резервы. Весь личный состав Квантунской армии в течение длительного времени воспитывали в духе фанатичной верности империи и ненависти к Советскому Союзу. Это был сильный и коварный противник.

Еще одна трудность состояла в том, что на подготовку к стратегической операции отводилось всего три месяца, причем необходимо было перевезти с запада на восток на расстояние 10—12 тыс. км по одной-единственной железнодорожной магистрали огромное количество войск и военных грузов.

Перегруппировка столь значительных средств и сил и на огромное расстояние потребовала тщательной ее организации как со стороны Генштаба, так и на местах. Заблаговременно были приняты меры, чтобы надежно прикрыть пути движения, районы сосредоточения и развертывания войск от возможных ударов со стороны японцев. Были введены большие ограничения в допуске лиц к планированию и знанию мероприятий, запрещалось ведение переписки и переговоров по телефону. Станции погрузки и выгрузки кодировались номерами. Боевая техника укрывалась и маскировалась, передача сводок велась шифром, войска выгружались ночью, после выгрузки немедленно уходили в районы сосредоточения.

Развертывание ударных группировок прошло настолько скрытно, что в начале маньчжурской операции была достигнута полная внезапность.

Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Обороны страны, Ставка Верховного Главнокомандования создали передовой командный пункт на востоке, сформировали оперативную группу, в которую вошли службы Генштаба, первые заместители начальников центральных управлений и командующих родов войск, первый заместитель начтыла, командующий ВВС, военно-морской министр, предста-

вители некоторых других министерств и ведомств; тем самым был сформирован штаб Главкома советских войск на Дальнем Востоке.

Штаб Главкома уже в начале июня 1945 г. был на КП, а после парада Победы в Москве туда прибыли Главком маршал Василевский, командующие фронтами и начальник штаба Главкома. Штаб Главкома советских войск по приказу Ставки и Генштаба провел тяжелую, сложную и многогранную работу по перегруппировке войск на театре военных действий, подготовке их к бою, снабжению и обеспечению войск боеприпасами, горючим и всем необходимым для предстоящих боевых действий, организовал разработку фронтовых и армейских планов; провел подготовку командиров всех степеней и штабов к бою; организовал связь и управление войсками. Все эти мероприятия были проведены таким образом, что от японской разведки были скрыты их объем, планы и сроки боевых операций. Весь личный состав войск горел желанием разгромить японских милитаристов, обезопасить государственные границы СССР и покончить с войной.

Стадия стратегического развертывания войск на Дальнем Востоке происходила с марта по август 1945 г. силами дислоцированных на Дальнем Востоке войск и вновь прибывшими войсками.

Вечером 8 августа 1945 г. Советское правительство через посла Японии в Москве заявило, что с 9 августа 1945 г. СССР считает себя в состоянии войны с Японией. Причины, которые лежали в основе этого решения Советского правительства, были следующими: обеспечение безопасности дальневосточных рубежей СССР; точное выполнение союзнических обязательств, взятых на себя Советским Союзом на Ялтинской конференции; стремление приблизить окончание второй мировой войны, которая продолжала приносить народам бесчисленные страдания; желание оказать помощь народам Восточной и Юго-Восточной Азии в их освободительной борьбе. Решение Советского правительства предопределило неминуемый разгром империалистической Японии.

Через день Малый Хурал МНР объявил войну империалистической Японии, выставив на фронт армию в 80 тыс. человек во главе с маршалом Х. Чойбалсаном и генералом Ю. Цеденбалом.

Вступление в войну Советского Союза было встречено восторженно советским народом и вооруженными силами, выполнявшими освободительную миссию на Дальнем Востоке. Главком советских войск на Дальнем Востоке Маршал Советского союза А. М. Василевский обратился с воззванием к китайскому народу, в котором подчеркивалось: «Красная Армия, армия великого советского народа, идет на помощь союзному Китаю, поднимает свои боевые знамена как армия — освободительница народов Китая, Маньчжурии, Кореи от японского гнета и рабства».

8 августа 1945 г. главное командование Народно-освободительной армии Китая направило Председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину приветственную телеграмму. «От имени китайского народа, — говорилось в ней, — мы горячо приветствуем объявление Советским правительством войны Японии. Стомиллионное население и вооруженные силы освобожденных районов Китая будут всемерно координировать свои усилия с Красной Армией и армиями других союзных государств в деле разгрома ненавистных захватчиков».

В ночь на 9 августа войска трех советских фронтов перешли в наступление. Передовые и разведывательные отряды устремились на территорию противника. Одновременно советская авиация нанесла мощные удары по укрепленным районам, японским аэродромам и военно-морским базам.

Стратегическая задача советских войск на Дальнем Востоке состояла в том, чтобы при равной численности войск и при преимуществе в

танках и авиации разгромить группировку сухопутных войск на материке — Квантунскую армию, освободить от японских оккупантов Маньчжурию, Северную Корею и северо-восточные провинции Китая, сокрушить японские войска на Южном Сахалине и Курильских островах. Мы верили в своих солдат, офицеров и генералов, надеялись на превосходство нашей техники и при тщательной подготовке рассчитывали на успешное выполнение задач.

Замысел операции был решительный, наступательный, он заключался в том, чтобы войсками трех фронтов стремительно ворваться в Маньчжурию по сходящимся направлениям. Основные удары было решено нанести силами Забайкальского фронта с территории Монголии на восток, 1-го Дальневосточного фронта из Приморья на запад, 2-го Дальневосточного фронта — ударом с севера рассечь главную группировку японцев в Маньчжурии, по частям ее уничтожить и овладеть важнейшими центрами Шэньяном, Чанчунем, Харбином и Гирином. Успешное претворение этого плана в жизнь зависело от выбора направления ударов. Был рассмотрен ряд вариантов, окончательные планы фронтовых операций были утверждены Главкомом советских войск на Дальнем Востоке на месте.

Забайкальский фронт (командующий маршал Р. Я. Малиновский) должен был обойти с юга два укрепленных района — Хайларский и Халун-Аршанский и нанести удар с территории МНР в направлении на Чанчунь, Шэньян. Этим ударом рассекался 3-й фронт японцев, войскам предстояло преодолеть безводную пустынную степь и труднопроходимый горный хребет Большой Хинган.

Со стороны Приморья из района южнее озера Ханка в направлении на Гирин планировался удар 1-го Дальневосточного фронта под командованием Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова. Войска фронта кратчайшим путем должны были прорваться через укрепленную навстречу войскам Забайкальского фронта. Фронтная наступательная операция и армейские наступательные операции были детально разработаны, рассмотрены и утверждены на месте после тщательного изучения обстановки и местности. Были приняты оригинальные решения. [редусматривалось разгромом «корейской» группировки войск совместно с силами ТОФ овладеть портами Расин, Сейсин и освободить Северную Корею.

2-му Дальневосточному фронту (командующий генерал армии М. А. Пуркаев) было приказано и спланировано наступать на Сунгарийском и Жаохэском направлениях на Харбин, разгромить противостоящие части противника и тем самым обеспечить расчленение маньчжурских войск и помочь Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронтам. На основании докладов штаба и Главкома Генеральному штабу, после отработки планов операции Ставка Верховного Главнокомандования издала оперативную директиву, поставила фронтам и флоту задачи. Войска полностью выполнили поставленную задачу.

Наступление началось без артиллерийской подготовки, под проливным дождем. Советские сухопутные войска повсеместно пересекли государственную границу, разгромили японские войска прикрития и вступили на территорию Северо-Восточного Китая одновременно с запада, севера и востока. Тихоокеанский флот начал подготовку к десантным операциям, а его воздушные силы и соединения торпедных катеров подвергли ударам корабли и объекты противника на северо-восточном побережье Кореи.

Внезапность и сила ударов советских войск с суши, воздуха и моря внесли растерянность и замешательство в японские правящие круги. Ночью 9 августа в Токио в экстренном порядке была созвана императорская конференция, на которой присутствовало и высшее военное командование. Военный министр Японии Анами, отвергая Потсдамскую

декларацию, заявил: «Необходимо выполнить наш долг перед императором, даже если вся наша нация погибнет. Не может быть сомнения в том, что мы должны вести войну до последней возможности и что мы еще имеем достаточно сил воевать».

Японские милитаристы не стремились к быстрейшему окончанию войны. Их не волновала судьба японского народа, который в длительной войне пролил море крови и понес огромные жертвы. Они заботились прежде всего о защите интересов правящих кругов страны, промышленных и финансовых магнатов. Председатель тайного совета Хиранума заявил: «Что касается целостности национального государственного строя и благополучия императорской фамилии, то необходимо защищать их, даже если погибнет вся нация».

9 августа император Японии отдал приказ войскам Квантунской армии о продолжении упорной обороны и подготовке операций большого масштаба. Но уже к концу дня с фронтов Маньчжурии стали поступать сообщения о том, что японские войска не в состоянии сдержать натиск Советских Вооруженных Сил.

Противник яростно пытался удержать занимаемые позиции. Наибольшее сопротивление японцы оказали на цичикарском направлении, используя выгодный рубеж по реке Аргунь, где были сооружены укрепленные районы. Опираясь на них, японские войска хотели задержать наступление 36-й армии генерала А. А. Лучинского. Но советские войска в упорных боях преодолели Чжалайнор-Маньчжурский укрепленный район, форсировали реку Аргунь и устремились к Хайлару, продвинувшись за день боя на 40 км.

1-й Дальневосточный фронт под командованием Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова наступал в условиях тайги и бездорожья. Но, несмотря на невероятные трудности, 1-я Краснознаменная армия генерала А. П. Белобородова и 5-я армия генерала Н. И. Крылова сумели прорвать полосу пограничных укреплений противника на Харбинском направлении и за день упорных боев продвинулись до 20 км. 35-я армия генерала Н. Д. Захватаева, наступавшая на правом крыле фронта, форсировала реки Уссури и Сунгача, преодолела болотистый район и вклинилась в оборону противника на 12 км. На левом крыле фронта действовала 25-я армия генерала И. М. Чистякова. Ее продвижение на первый день боя составило 10—12 км.

Войска 2-го Дальневосточного фронта, которыми командовал генерал армии М. А. Пуркаев, развернули наступление на сунгарийском и жаохэйском направлениях. 15-я армия генерала С. К. Мамонова во взаимодействии с Амурской флотилией контр-адмирала А. С. Антонова форсировала реку Амур севернее города Тунцзян.

Во взаимодействии с советскими войсками наступала Народно-Революционная армия Монголии под командованием маршала Х. Чойбалсана и генерал-лейтенанта Ю. Цеденбала.

Наступление Вооруженных Сил СССР на Дальнем Востоке — подлинно молниеносный удар, закончившийся полным окружением Квантунской армии и уничтожением ее по частям. В итоге шестидневных боев советские и монгольские войска нанесли Квантунской армии серьезное поражение. Они разгромили войска противника в 16 укрепленных районах. Забайкальский фронт продвинулся на 250—400 км, выйдя на рубеж Долоннор, Линьси, Таоань, Ванъмяо; 2-й Дальневосточный фронт — на 50—200 км, выйдя на рубеж Хэйхэ, Хаолчжэнь, Баоцин; 1-й Дальневосточный фронт — на 120—150 км, выйдя на рубеж Линькоу, Мулин, Расин.

Японское командование уже в первые дни боев потеряло управление войсками. 14 августа 1945 г. кабинет министров Японии объявил о капитуляции. Однако Генеральный штаб Красной Армии был вынужден дать войскам на Дальнем Востоке разъяснение: сообщение Японии о

капитуляции является только общей декларацией, приказ вооруженным силам японской армии о прекращении военных действий не отдан, а японцы по-прежнему ожесточенно сопротивляются.

С 15 августа начался второй этап войны с Японией, в ходе которого были разгромлены основные силы японских войск, а с 20 августа происходила массовая капитуляция японских войск.

На втором этапе маньчжурской стратегической операции войска трех фронтов полностью выполнили поставленные задачи. Враг был разгромлен, рассеян и пленен.

17 августа 1945 г. командующий Квантунской армией обратился к Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому с предложением начать переговоры о прекращении военных действий. Однако на практике японские заявления о капитуляции были декларативными. Командование японских войск не скупилось на них, а войска на многих участках продолжали оказывать сопротивление. В плен сдавались преимущественно части Маньчжоу-го.

Вечером 18 августа маршал А. М. Василевский довел до войск директиву, в которой приказывалось «на тех участках, где японские войска складывают оружие и сдаются в плен, боевые действия прекратить». Все соединения начали создавать подвижные отряды, которые быстро продвигались к намеченной цели.

18 августа 1945 г. японские войска на ряде участков фронта приступили к выполнению требований о капитуляции. 19 августа основные силы Квантунской армии прекратили сопротивление и десятками тысяч стали сдаваться в плен. В целях ускорения разоружения и пленения японских войск, предотвращения возможных разрушений промышленных предприятий и других важных объектов, а также для сохранения материальных и культурных ценностей в районы крупных городов, портов и военно-морских баз Северо-Восточного Китая, Северной Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов были высажены советские воздушные и морские десанты. 20 августа войска всех трех фронтов соединились в центре Маньчжурии, а к 24 августа во взаимодействии с Тихоокеанским флотом овладели крупнейшими стратегическими пунктами противника на побережье Желтого и Японского морей.

Полное разоружение и пленение войск Квантунской армии завершилось к концу августа. Очаг постоянной военной опасности для Советского Дальнего Востока и дружественной нам Монгольской Народной Республики был ликвидирован. Разгрому подверглись все войска Квантунской армии Японии, армии Маньчжоу-го, армии Внутренней Монголии князя Дэ Вана, Суйюньской армейской группы, до половины войск 17-го и 5-го фронтов и Сунгарийская речная флотилия — всего десять армий, армейских групп и одна флотилия.

В течение почти месяца военных действий Красная Армия освободила Северо-Восточный Китай, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. Это была молниеносная, талантливо организованная и умело проведенная стратегическая операция. Японские империалисты потерпели самое крупное поражение в истории своего существования. Квантунская армия — отборное ядро сухопутных сил, которую почти полтора десятилетия готовили для нападения на СССР, — была разгромлена. Эта великая Победа Советских Вооруженных Сил предрешила окончательное поражение милитаристской Японии и окончание второй мировой войны.

В результате успешных операций трех фронтов и флота были разбиты главные группировки войск Японии, она потеряла военно-промышленные базы в Маньчжурии и Корее. С капитуляцией Квантунской армии была ликвидирована угроза нападения милитаристской Японии на Советский Союз и Монгольскую Народную Республику.

Население Китая встречало войска Советской Армии восторженно,

оказывая всяческую помощь и выражая благодарность за освобождение от японских захватчиков.

К концу августа вся территория Маньчжурии площадью 1,3 млн. км² с населением 40 млн. человек была полностью освобождена от японцев. Восстановление хозяйственной жизни было возложено на военные комендатуры, которых было создано около 80. Советские командиры помогали организовать нормальную жизнь населенных пунктов и охраняли мирный труд освобожденного народа. Им пришлось вести борьбу с хунхузами и японскими отрядами. Например, комендатура города Шэньян за сравнительно короткий срок разоружила около 9 тыс. хунхузов и уничтожила их центр. Создавались провинциальные, городские и местные комитеты КПК. Уже в сентябре население получило продукты питания по твердым ценам. Тогда же начали формироваться новые демократические власти взамен старых, создавалась революционная база в Маньчжурии, которая стала крепким тылом для освободительной армии Китая.

К январю 1946 г. в Маньчжурии была образована Объединенная демократическая армия (ОДА) численностью свыше 300 тыс. человек, а также созданы корпус охраны мира и полиция. По просьбе китайцев советское командование передало им оружие, боеприпасы и снаряжение Квантунской армии. К концу 1945 г. в Маньчжурию были переброшены части регулярных войск — до 100 тыс. человек — и около 50 тыс. партийных и административных работников. В заявлении ЦК КПК от 14 февраля 1946 г. говорилось: «Созданы избранные народом местные демократические органы власти. В руководство вооруженными силами и местными органами власти вошли члены разгромленных японцами партийных организаций КПК. На руководящую работу в Маньчжурию была направлена группа членов ЦК КПК, создано Маньчжурское бюро ЦК. В настоящее время в Маньчжурии установлены мир и порядок, возрождается экономическая жизнь».

К 1 мая 1946 г. практически вся территория Северо-Востока Китая была занята войсками ОДА. Военное, дипломатическое, экономическое и иное содействие Советского Союза Маньчжурской революционной базе в 1945—1949 гг. — важный интернациональный вклад советского народа в народно-освободительную борьбу в Китае.

Освобожденная советскими войсками Маньчжурия превратилась в новый политический центр китайской революции, в мощный плацдарм революционных сил. Маньчжурская группировка народно-освободительных сил Китая впоследствии, в 1948—1949 гг., нанесла поражение гоминьдановским войскам, внося решающий вклад в освобождение Китая от гоминьдановского режима, опиравшегося на империализм США.

К концу августа вся северная часть Кореи до 38-й параллели была освобождена от японских захватчиков силами 25-й армии под командованием генерала И. М. Чистякова. Разгром Советской Армией японских колонизаторов принес корейскому народу свободу и независимость, создав, таким образом, все условия для осуществления его национальных чаяний. В 1948 году в результате всеобщих выборов был созван высший законодательный орган — Верховное народное собрание Кореи, 1-я сессия которого провозгласила создание Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) и приняла первую в истории Кореи конституцию. 1-я сессия приняла также обращение к правительствам СССР и США об одновременном выводе советских и американских войск не позднее 1 января 1949 г. Советское правительство уже к 25 декабря 1948 г. вывело все свои войска из Кореи. Американские войска в Южной Корее остаются по сей день, угрожая миру и безопасности на Дальнем Востоке, препятствуя воссоединению страны.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» был подписан акт о капитуляции Японии.

Разгром японского милитаризма, решающий вклад в который внесли советский народ, его Вооруженные Силы, принес избавление японскому народу от военно-фашистской диктатуры. Прогрессивные силы страны получили возможность развернуть активную борьбу за мирный и демократический путь развития Японии.

Эта борьба носит упорный характер. Нельзя не заметить, что в Японии сохраняются реакционные силы, мечтающие о возрождении военной мощи своей страны. Им не нравятся значительные достижения в развитии добрососедства и сотрудничества между СССР и Японией с момента восстановления дипломатических отношений в 1956 г. Есть противники развития добрососедских советско-японских отношений также в Вашингтоне и Пекине. Они стараются вбить клин между нашими странами, посеять в Японии недоверие к политике Советского Союза. Вопреки массовым выступлениям японских трудящихся против милитаризации и военного союза своей страны с американским империализмом, правящие круги Японии довели расходы государства на военные цели уже до уровня западноевропейских участников НАТО, они рассматривают военно-политическое сотрудничество с США как краеугольный камень своей внешней политики. Под прикрытием назойливой пропаганды о несуществующей «угрозе с севера», которая сопровождается призывами к пересмотру итогов второй мировой войны, претензиями на советские территории, реакционные силы Японии намечают новые рубежи в политике милитаризации. Кое-кто подумывает о возможности развития тройственного альянса Вашингтон — Токио — Пекин на антисоветской основе.

Но такой путь не отвечает интересам японского народа.

Советский Союз и Япония — две крупные страны в Азии. От того, в каком направлении будут развиваться отношения между ними, во многом зависит обстановка в этом районе земного шара.

Линия Советского Союза в отношении Японии ясна и понятна. Она является принципиальной и последовательной и не связана с какими бы то ни было колебаниями конъюнктуры. Суть ее состоит в развитии и укреплении отношений добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. Советские люди уверены, что именно этот путь отвечает интересам всех тех, кому дороги мир и безопасность в Азии.

Мощный плацдарм революционных сил Китая

(К 35-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ МАНЬЧЖУРСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БАЗЫ)

О. Б. Борисов

Прошло 35 лет со времени разгрома милитаристской Японии. Победа над Японией — главной союзницей Германии — ознаменовала конец второй мировой войны, самой ожесточенной и кровопролитной войны в истории человечества.

Советский Союз, наш героический народ и его Вооруженные Силы внесли решающий вклад в разгром главной силы японского милитаризма — Квантунской армии. Этот факт имеет непреходящее историческое значение.

Подчеркивая роль Советского государства, его борьбы и побед для судеб китайской революции, Мао Цзэдун в 1949 г. признавал: «Если бы не существовало Советского Союза, если бы не была одержана победа во второй мировой войне, направленной против фашизма, если бы японский империализм не был разгромлен... то нависшие над нашими головами силы международной реакции, конечно, были бы неизвестно во сколько раз больше, чем сейчас. Разве могли бы мы победить при таких обстоятельствах? Конечно, нет»¹.

Историческая победа Советского Союза на Дальнем Востоке явилась не только ударом по японскому милитаризму, но и поворотным пунктом в истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. В результате победы Советских Вооруженных Сил окончательно решился исход многолетней войны между Японией и поработанными ею народами Китая и других стран Азии, началось бурное развитие национально-освободительного движения на этом континенте.

Освободительная борьба китайского народа вступила в решающий этап. В результате разгрома японского милитаризма в ходе второй мировой войны на Северо-Востоке Китая возник основной плацдарм для завоевания окончательной победы — Маньчжурская революционная база.

Пребывание советских войск на Северо-Востоке Китая позволило китайскому народу и его коммунистической партии провести ряд мероприятий по созданию и укреплению Маньчжурской революционной базы. Большую роль в этом сыграли советско-китайский договор от 14 августа 1945 г. и соглашения, закрепившие присутствие советских войск в Порт-Артуре, Дальнем и на Китайско-Чанчуньской железной дороге. За сравнительно короткий срок Коммунистической партии Китая удалось создать в Маньчжурии революционные формирования, которые были вооружены трофейным оружием, боевой техникой и в достатке обеспечены боеприпасами. Именно в Маньчжурии была создана основная ударная сила китайской революции — Объединенная демократическая армия (ОДА), опиравшаяся на союз рабочего класса и трудового крестьянства при активной руководящей роли партийных организаций КПК.

¹ Мао Цзэдун. О демократической диктатуре народа. — Сборник избранных произведений. Пекин, 1972, с. 464—465.

Вступив в войну против милитаристской Японии, Советская Армия выполнила свою гуманную освободительную миссию в отношении китайского народа. Большое значение имела в то время (в 1945 г.) деятельность советских политических органов, партийных организаций. Обращения Маршала Советского Союза А. М. Василевского «К братскому китайскому народу», «К японской армии. К японскому народу» были изданы на китайском, корейском, монгольском и японском языках. В обращении к китайскому народу говорилось: «Наступило время рассчитаться и со вторым разбойничьим гнездом — с милитаристской Японией... В этот великий час освободительной войны вставайте все как один на священную борьбу за свою честь, за освобождение своей Родины от кровавого режима японской военщины. Делайте все, что в ваших силах, чтобы помочь Красной Армии!» «Если вы будете до конца поддерживать, — подчеркивалось в обращении «К японской армии. К японскому народу», — своих теперешних правителей и военную клику авантюристов, то Японии не избежать судьбы Германии»².

С 10 августа 1945 г. самолеты советской авиации начали сбрасывать листовки с обращениями над густонаселенными районами Внутренней Монголии, Маньчжурии и Северной Кореи. Всего за первые пять дней военных действий было сброшено свыше 24 млн. листовок, в том числе политорганами 1-го Дальневосточного фронта — более 12 млн., 2-го Дальневосточного фронта — почти 5,4 млн.³

Одновременно политуправления фронтов и флота вели большую разъяснительную работу среди советских воинов. В листовке-обращении политуправления 1-го Дальневосточного фронта «Держать высоко честь нашей армии-освободительницы» говорилось: «Товарищ боец! Воин Страны Советов! Ты вступил на землю Маньчжурии с великой, благородной целью — разгромить войска японских агрессоров и ликвидировать второй очаг мировой войны, чтобы ускорить восстановление мира во всем мире и обеспечить безопасность наших дальневосточных границ.

Ты пришел также сюда, чтобы помочь китайскому народу освободиться от японского порабощения.

Будь достоин великой освободительной миссии, которая возложена на тебя Родиной, высоко держи честь советского воина.

Китайское население с радостью встретило своих освободителей — советские войска.

Будь внимателен к интересам местного китайского населения, уважай его собственность, обычаи...

Советский воин! Наш народ с гордостью следит за твоими подвигами. Он верит в то, что ты своим поведением еще больше прославишь героическую Красную Армию.

Высоко держи честь и достоинство советского воина!»⁴

Китайское население встречало Советскую Армию восторженно. Жители Харбина, Чанчуня, Гиррина, Шэньяня и других городов выходили с красными повязками на рукавах, радостно приветствовали своих освободителей. На массовый митинг по случаю освобождения Харбина собралось свыше 36 тыс. жителей.

Волнующим был массовый митинг жителей города Мулина, прошедший 14 августа. На нем было принято обращение к гражданам провинции Муданьцзян, в котором говорилось: «Соотечественники Муданьцзянской провинции, к вам обращаются граждане г. Мулина. Сегодня мы впервые после долгой тягостной жизни под гнетом японских империалистов свободно собрались на митинг. Как темная осенняя ночь была наша жизнь при японских захватчиках, которые почти 14 лет

² Архив МО, ф. 32, оп. 3191, д. 1, л. 247.

³ Там же, ф. 66, оп. 3191, д. 6, л. 455, 507.

⁴ Там же, д. 12, л. 44.

грабили, угнетали нашу страну, превратив нас в рабочий скот. Мы не жили, а существовали в холоде, голоде и нищете. Сейчас над нашей страной поднимается заря освобождения. Великий русский народ и его Красная Армия освободили нас от японского рабства. Мы за это горячо благодарим наших освободителей — Красную Армию и могучий Советский Союз. Соотечественники! Мы призываем вас оказывать всемерную помощь Красной Армии...»⁵.

Когда части соединений Забайкальского фронта входили в город Лубэй, 2 тыс. китайцев, несмотря на проливной дождь, вышли на улицы с красными флагами, чтобы приветствовать советских танкистов. 150 жителей Чжалайнора организовали добычу угля для нужд Советской Армии. Торговцы города Фуцзинь из своих запасов выделили 20 т муки и риса в подарок той воинской части, которая прибыла в город первой.

Группа генералов и офицеров Забайкальского фронта во главе с членом Военного совета фронта генералом А. Н. Тевченковым посетила лагерь военнопленных, располагавшийся на окраине Мукдена. Здесь находилось свыше 2 тыс. человек, в подавляющем большинстве американцы. Это были изможденные люди, выжившие в невыносимых условиях японского плена. Когда им сообщили, что все они свободны, стихийно возник митинг. На импровизированную трибуну — крыльцо одного из домов — поднялся американский солдат. «Нам русские войска принесли свободу, — сказал он, — три с половиной года мы томились в японской тюрьме. Тысячи из нас умерли от голода и пыток. За все время только четверем удалось бежать из этого лагеря, но они были схвачены японцами... Нет слов, чтобы рассказать здесь об издевательствах японских властей над нами. Наши русские боевые друзья, к вам обращаюсь я, простой американский солдат, со словами горячей благодарности и любви. Никто из нас не забудет этого дня. На всю жизнь мы ваши самые верные друзья, и эту дружбу с Россией мы завещаем своим детям».

5 сентября, после репатриации 940 слабых и больных, в лагере оставалось 1470 человек, в том числе 1148 американцев, 253 англичанина, 59 голландцев. Из японского плена были освобождены военнослужащие союзных армий, среди них маршал авиации Великобритании П. Молтби, командиры американских корпусов генералы Дж. Паркер, А. Джонс, Б. Чинвет, У. Шарп, командиры дивизий К. Пиэрс, М. Лаф, А. Фонк и другие генералы и офицеры.

К концу августа 1945 г. вся территория Маньчжурии площадью более 1,3 млн. км² с населением свыше 40 млн. человек была полностью освобождена от японских захватчиков. Требовалось срочно восстановить нормальную жизнь городов и сел: наладить производство, помочь в уборке урожая, обеспечить население продовольствием. Эти важнейшие задачи были возложены на советские военные комендатуры, которые создавались в крупных городах и важных населенных пунктах. В районах, занятых войсками Забайкальского фронта, на 28 августа имелось 48 комендатур, в районах дислокации войск 1-го Дальневосточного фронта на 15 сентября — 44 комендатуры. Коменданты явились первыми представителями военной и гражданской власти в освобожденных нашими войсками районах.

В первый период советские военные комендатуры организовали всю политическую, экономическую и культурную жизнь населенных пунктов, охраняли мирный труд освобожденного народа. Им пришлось вести трудную борьбу с бандитами-хунхузами, мелкие и крупные отряды которых, связанные с гоминьдановским подпольем, грабили и терроризировали население, совершали нападения на военнослужащих и даже

⁵ Архив МО, ф. 32, оп. 11306, д. 787, л. 13.

на тыловые службы и учреждения советских войск. За сравнительно короткий срок только комендатура города Шэньяна разоружила около 9 тыс. хунхузов и уничтожила их центр.

Жизнь в Маньчжурии постепенно налаживалась. Были открыты начальные и средние школы, начали функционировать предприятия Шэньяна, Харбина, Чанчуня и других городов. Военная комендатура города Дальнего через местные органы власти добилась выдачи единовременного пособия 70 тыс. безработных. Через торговые палаты города организовывались заготовки продовольствия. Уже в сентябре 1945 г. горожане получали по твердым ценам продукты питания и некоторые товары первой необходимости.

Создавались провинциальные, городские, а на предприятиях — местные комитеты КПК. Китайские коммунисты заняли руководящее положение во всех местных органах власти и общественных организациях. Были проведены мероприятия по демократизации органов местного самоуправления, одобренные рабочими, крестьянами, городской беднотой, интеллигенцией. Рост активности широких слоев народа, всесторонняя помощь и поддержка подлинно демократических элементов привели в ряде городов и уездов к смене старого управления. Аппарат власти, сформированный демократическими организациями и профсоюзами, пользовался большим уважением народа.

Общественность городов и сел на митингах и собраниях принимала приветственные адреса и письма командованию Советской Армии, благодарила за освобождение, торжественно клялась в вечной и нерушимой дружбе с советским народом. Тысячи подарков, благодарственных гисем от отдельных граждан, общин, организаций были преподнесены в знак глубочайшей признательности. Многие из этих реликвий и сейчас хранятся в Центральном музее Вооруженных Сил в Москве.

Среди этих волнующих подарков — рулон шелка длиной более 700 м с подписями китайских граждан провинции Гирин, резолюции митингов, письма общин и отдельных граждан. Так, в письме мэра города Чанчуня военному коменданту города генералу Ф. Н. Карлову, которое он получил сразу же после вступления советских войск в столицу бывшего Маньчжоу-го, говорилось: «Мы, китайский народ, проживающий на северо-востоке Китая, уже много лет переживаем гнет японских насильников со дня нашего освобождения в Маньчжурию. Они причинили нам большие бедствия, когда началась война на Тихом океане. Они самым бесстыдным образом требовали от нас все, что у нас было... В момент, когда все население страдало от голода... пришла в наш край доблестная Красная Армия и вызволила нас из столь тяжелого и безвыходного положения, разбив японских империалистов... Этому радуемся не только мы, но и весь мир. Мы получили мир и спокойствие, установленные здесь благодаря победам Красной Армии над японскими империалистами. Свидетельствую замечательную дисциплину Красной Армии, любовь и искренние отношения Вашей воинской части к населению, за что население города очень благодарно. Я, будучи здесь главой города, считаю долгом выразить Вам и просить Вас, господин генерал-майор, передать Вашей Красной Армии чувство искренней благодарности как от себя, так и от всего населения нашего города и искренне желаю, чтобы еще больше укрепилась дружба между нашими народами. Да здравствует дружба двух народов — русских и китайцев, их совместное сотрудничество в деле поддержания мира во всем мире!»⁶

В соответствии с соглашением советские войска оставались в Маньчжурии до 3 мая 1946 г. Присутствие войск Советской Армии в огромной степени способствовало укреплению китайских революционных

⁶ Архив МО, ф. 32, оп. 11318, д. 208, л. 384—385.

сил. Войскам, находившимся под контролем Компартии Китая, был обеспечен прочный тыл.

Гоминьдановское командование понимало, что с вступлением Советского Союза в войну против милитаристской Японии согласованные действия союзников приведут к окончательному ее поражению. Судьба японских войск в Китае была предрешена, а главным противником для армий Чан Кайши становились вооруженные силы, руководимые Компартией Китая, которые не могли не воспользоваться наступлением Советской Армии на северо-востоке страны и в Корее, чтобы добиться установления народной власти на территории всего Китая. Чунцинское гоминьдановское руководство давно готовило силы для развертывания гражданской войны. Этому способствовали и США, форсировавшие темпы обучения гоминьдановских войск, поставки оружия и военной техники для армии Чан Кайши.

Уже 11 августа 1945 г. гоминьдановцы с помощью американского флота и авиации спешно перебросили преданные Чан Кайши части в Восточный и Северный Китай, захватили важнейшие коммуникации и города. Во всех гоминьдановских частях, которые Чан Кайши намеревался использовать в гражданской войне (39 дивизий), велась антикоммунистическая пропаганда. Особенно широко она развернулась в 18 пехотных дивизиях, подготовленных американскими советниками и инструкторами и оснащенных американским оружием и боевой техникой. Именно эти дивизии должны были составить первый эшелон и главную ударную силу гоминьдана в гражданской войне. Однако гоминьдановское командование не имело необходимых транспортных средств, чтобы ускорить выдвижение своих войск в стратегически важные районы Маньчжурии.

В обстановке усиления опасности американской агрессии и активизации военных действий превосходящих сил гоминьдана руководство КПК решило осуществить ряд дополнительных мер с целью форсировать продвижение революционных войск в Маньчжурию. В частности, из района южнее Шаньхайгуаня на северо-восток были стремительно переброшены войска и кадровые работники общей численностью 150 тыс. человек, с тем чтобы укрепить силы народных войск. ЦК КПК указывал: «Случай в высшей степени срочный, посылка войск и кадров на северо-восток в настоящее время — стратегическое мероприятие общегосударственного масштаба. Для нашей партии и последующей борьбы китайского народа это имеет решающее значение. Ныне время решает все, медлить нельзя ни минуты, иначе история не простит»⁷.

В конце августа 1945 г. в соответствии с приказом Чжу Дэ первая группа войск КПК вступила в Шаньхайгуань, где встретилась с войсками советской 17-й армии. С их помощью она погрузилась на поезд и по железной дороге отправилась на север с целью упредить гоминьдановские войска, стремившиеся выйти в Маньчжурию. Вслед за этой группой двинулись и другие воинские формирования, руководимые компартией.

В последних числах октября часть войск КПК сосредоточилась в Шэньяне (Мукден). Вскоре эта группа выросла до 60 тыс. человек, получив наименование 3-й колонны. Позднее к ней присоединились формирования, прибывшие морем из провинции Шаньдун.

К ноябрю 1945 г. вся территория Маньчжурии севернее реки Сунгюри перешла под контроль войск Линь Бяо и Чжоу Баочжуна. Войска спешно вооружались трофейным японским оружием и снаряжением, организовывались новые соединения и части, которые позднее были введены в бой против хорошо обученных и вооруженных гоминьдановских войск.

⁷ «Лиши яньцзю», 1978, № 11, с. 24.

Маньчжурия явилась не только арсеналом создаваемой армии КПК, но и своеобразным учебным полигоном для Линь Бяо и его генералов, которые до этого никогда не имели под своим командованием более 40 тыс. человек одновременно. Они учились руководить крупными формированиями войск, использовать полученное оружие. Большую роль в создании и обеспечении новой армии сыграли командиры, прошедшие военную подготовку в Советском Союзе.

В новой обстановке под влиянием Советского Союза и его Вооруженных Сил, осуществивших в кратчайшие сроки разгром крупной стратегической группировки японских войск и принудивших Японию капитулировать, военачальники реорганизуемой национально-революционной армии в Маньчжурии весьма успешно осваивали богатый опыт Советской Армии, накопленный ею в сражениях с гитлеровскими и японскими захватчиками, тщательно изучали принципы ее организации и строительства.

Особенно большое внимание они уделяли овладению искусством проведения крупных маневренных операций по прорыву подготовленной обороны противника, окружению вражеских группировок и уничтожению их по частям, закреплению достигнутых успехов. Учитывая географические особенности театра военных действий, где революционным войскам предстояло сражаться против многочисленной и хорошо вооруженной гоминьдановской армии, особое значение придавалось изучению опыта проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции Советскими Вооруженными Силами.

Слабым звеном в боевом обеспечении войск КПК были артиллерия и связь. Поэтому в ходе реорганизации войск в Маньчжурии китайские военачальники стали уделять большое внимание развитию артиллерии и войск связи, искусству их использования в бою. Неоценимую помощь в организации и проведении учебы высшего командного состава оказали советские военные специалисты. В годы гражданской войны большая часть операций Народно-освободительной армии Китая по разгрому гоминьдановских войск в стране планировалась при их участии.

Стремясь быстро создать сильную группировку войск в Маньчжурии, освобожденной Вооруженными Силами СССР, правительство Чан Кайши в ходе переброски своих войск в Северный Китай прибегло к помощи американского военно-морского флота и транспортной авиации. Однако проникнуть в Маньчжурию из этих районов можно было только по железной дороге, которая проходила по районам, занятым войсками, управляемыми КПК, или морским путем. Советское же командование отказалось удовлетворить просьбу правительства Чан Кайши о предоставлении железнодорожного транспорта для перевозки гоминьдановских войск из района Шаньхайгуаня и тем более об обеспечении охраны эшелонов на пути их следования.

Такая позиция советского командования вызвала, естественно, недовольство гоминьдановцев и американцев. Последние, стремясь оказать помощь в доставке гоминьдановских войск в Маньчжурию морским путем, погрузили крупные силы Чан Кайши на свои корабли и суда и двинулись на север. Однако единственным портом на побережье Маньчжурии, который мог принимать крупные корабли и обеспечить высадку большой массы войск и военной техники, был Дальний, где по советско-китайскому договору размещались советские войска.

Советское командование, руководствуясь соглашением от 14 августа 1945 г., не разрешило высадку гоминьдановских войск. В результате революционные формирования КПК получили необходимое время для подготовки и сосредоточения в Южной Маньчжурии, которые завершились 5 ноября. Гоминьдановские войска смогли высадиться лишь в порту Циньхуандао, расположенном в 25—30 км южнее Шаньхайгуаня,

откуда только 16 ноября начали выдвижение в Маньчжурию. Таким образом, войска КПК получили предпочтительные позиции, а главное — своевременно подготовились к навязанной им гоминьдановцами (при поддержке США) гражданской войне.

Поскольку процесс создания вооруженных сил КПК еще не был завершен, руководство Компартии Китая считало необходимым продлить пребывание советских войск на территории Маньчжурии, и особенно в провинции Жэхэ. Подчеркивая важность этого района, Мао Цзэдун в телеграмме уполномоченному ЦК КПК в Маньчжурии Пэн Чжэню в конце октября 1945 г. писал: «Жэхэ является узлом оперативного действия. Поэтому ни в коем случае не допускайте туда войска Чан Кайши. Передайте об этом советским товарищам, чтобы Красная Армия оставалась в провинции Жэхэ до конца декабря 1945 г. В течение этих двух месяцев мы организуем силы и закрепимся в Жэхэ. Результаты сообщите»⁸.

19 ноября он же писал Пэн Чжэню: «В связи с поддержкой нашего старшего брата (Советского Союза. — О. Б.) и развитием нашей партии в Маньчжурии войска Чан Кайши не могли успешно продвинуться в Маньчжурии, а также не смогли провести работу по приему власти в Маньчжурии». А на следующий день, указывая на значимость отсрочки ухода войск Советской Армии из Маньчжурии, Мао вновь напомнил Пэн Чжэню: «...попросите наших друзей, чтобы они по возможности оттянули срок прихода в Маньчжурию войск гоминьдана»⁹.

Аналогичные просьбы на имя Пэн Чжэня шли и от Военного совета 8-й армии. «Американские войска, — говорилось в телеграмме уполномоченному ЦК КПК в Маньчжурии, — используют полуостров Циньхуандао для прикрытия концентрации гоминьдановских войск, имеющей целью захватить северо-восток. Просим передать командованию Красной Армии, чтобы оно держало в своих руках Шанхайгуань до прибытия туда наших частей под командованием Хуан Кэчэна»¹⁰.

За первые два месяца пребывания советских войск на территории Маньчжурии КПК смогла провести значительную работу по созданию революционной базы, реорганизовать и укрепить вооруженные силы. Еще в октябре 1945 г. в связи с массовым притоком добровольцев командованию 8-й армии Хэбэй-Жэхэ-Ляонинского округа удалось переформировать партизанские полки в регулярные части.

К ноябрю 1945 г. только в бывшей Мукденской провинции была сформирована более чем 100-тысячная армия. 23 ноября вооруженные силы КПК в Маньчжурии насчитывали уже 195 тыс. человек без учета охранных отрядов при уездных управлениях (около 20 тыс. человек). «При этом наибольшую активность, — говорилось в заявлении для печати представителя ЦК КПК из Яньани 14 февраля 1946 г., — проявили солдаты и командиры бывшей Антияпонской объединенной армии. Численный состав этой армии под командованием Чжоу Баочжуна вскоре вырос до нескольких десятков тысяч человек. К ним присоединились находившиеся в плену в Северном Китае бойцы и командиры 8-й Национально-революционной армии Китая, а также партизаны и бойцы корпуса народных добровольцев в Маньчжурии. На соединение с этими войсками были направлены части 8-й Национально-революционной армии и отряды Новой 4-й армии. На базе указанных вооруженных сил в январе 1946 г. и была образована Объединенная демократическая армия в Маньчжурии численностью до 300 тыс. человек, а также созданы корпус охраны мира и милиция».

⁸ Архив МО, ф. 16 а, оп. 1022, д. 27, л. 68.

⁹ Там же, ф. 210, оп. 3173, д. 144, л. 227.

¹⁰ Там же, ф. 16а, оп. 1022, д. 27, л. 69.

Неоценимое значение имела помощь СССР в оснащении вооруженных сил КПК в Маньчжурии оружием и боевой техникой. По просьбе руководства КПК советское командование передало руководимым ею войскам оружие, боевую технику и снаряжение бывшей Квантунской армии. Это дало возможность перевооружить, а также оснастить вновь сформированные части и соединения. Несколько позже китайским вооруженным силам была передана и часть советского оружия.

В результате маньчжурская группировка войск КПК еще накануне развязывания гоминьданом гражданской войны была снабжена в достаточном количестве первоклассным по тому времени оружием. Эта группировка имела преимущественное положение по сравнению с соединениями, находившимися в других частях Китая.

Как указывалось, к концу 1945 г. в Маньчжурию были переброшены части регулярных войск общей численностью до 100 тыс. человек и около 50 тыс. партийных и административных работников. Это позволило не только усилить войска КПК на северо-востоке, но и создать на местах демократические органы власти.

«В районах, очищенных от японцев и марионеток,— говорилось в заявлении ЦК КПК от 14 февраля 1946 г.,— созданы избранные народом местные демократические органы власти. В руководство указанными вооруженными силами и местными органами власти вошли члены разгромленных японцами партийных организаций КПК. На руководящую работу в Маньчжурию была направлена группа членов ЦК КПК, создано Маньчжурское бюро ЦК. В настоящее время в Маньчжурии установлен мир и порядок, возрождается экономическая жизнь: торговля, промышленность, другие отрасли хозяйства, улучшаются жизненные условия населения»¹¹.

Динамика роста революционных вооруженных сил в Маньчжурии выглядела следующим образом. Если в октябре 1945 г. здесь имелось около 60 тыс. человек из состава войск, руководимых КПК, то к середине декабря 1945 г.— более 334 тыс. человек. Увеличение революционных войск в Маньчжурии происходило главным образом за счет местных формирований. Во второй половине октября 1947 г. войска КПК в Маньчжурии насчитывали уже 465 тыс. человек, в том числе более 240 тыс. человек в регулярных войсках и 222 тыс. человек в местных формированиях.

Сопоставление боевого и численного состава войск КПК в Маньчжурии, Северном и Центральном Китае показывает, что уже к концу 1947 г. маньчжурская группировка фактически являлась сильнейшей в составе войск КПК в целом, особенно если учесть, что войска КПК в Северном и Центральном Китае не были единой компактной группировкой в отличие от маньчжурской, а действовали разрозненно.

По мере постепенного ухода из Маньчжурии советских войск вставляемые ими города и населенные пункты вступали войска КПК. К 1 мая 1946 г. практически вся территория, за исключением Шэньяна и прилегающего к нему района Южной Маньчжурии, была занята войсками ОДА.

Приход в Маньчжурию войск КПК и восстановление с помощью советских организаций промышленности и транспорта имели для Компартии Китая не только громадное военно-стратегическое, но и социально-политическое значение. Компартия после долгих лет борьбы в экономически отсталых сельскохозяйственных районах стала действовать в больших городах, крупных организациях, в промышленности и на транспорте, установила тесные связи с рабочим классом. Это благоприятным образом сказалось на усилении позиций коммунистов-интернационалистов, на укреплении влияния рабочего класса в органах

¹¹ Цит. по: Foreign Relations of United States. 1946, vol. IX, p. 453.

народной власти. Организации КПК вели работу по созданию административного аппарата и демократической власти на местах, формированию провинциальных правительств, уездных управлений и низового аппарата.

Перед компартией и народно-демократической властью встали сложные политические и хозяйственные задачи. Проблемы укрепления демократической власти в городах, привлечения к управлению трудящихся и вовлечения их в активную борьбу за национальное освобождение нужно было решать одновременно с неотложными хозяйственными вопросами, с которыми революционным кадрам прежде не приходилось сталкиваться.

Зарождался политический и экономический аппарат управления будущей Китайской Народной Республики. Революционные кадры проходили школу хозяйствования, демократических преобразований, опираясь на мощный государственный (общественный) сектор в виде экспропрированной крупной промышленности. При этом партийные организации КПК, народно-демократическая власть при проведении социально-экономических преобразований на территории Маньчжурской революционной базы в 1945—1947 гг. широко использовали опыт Советского Союза.

Говоря о строительстве народной власти, командующий войсками КПК в Маньчжурии Линь Бяо в интервью иностранным корреспондентам заявил: «Мы провели серьезные демократические преобразования в области административного управления провинциями. Все административные органы в занимаемых нами районах, от провинциального правительства до деревенского старосты, избраны самим народом, избраны те, кому он доверяет»¹².

Профсоюзы Маньчжурии активно включились в общественно-политическую, хозяйственную и другие сферы деятельности. Их представители вошли в состав руководящих муниципальных органов. Профсоюзы брали в свои руки контроль над производством, создавали потребительские кооперативы, клубы, школы, органы печати.

Опираясь на поддержку советских военных властей, демократические силы в Маньчжурии быстро росли и укреплялись. Происходила замена старых органов власти в городах и селах народно-демократическими органами, где руководящую роль заняли представители рабочего класса и трудового крестьянства.

Многоплановые революционно-демократические преобразования в Маньчжурии создавали предпосылки для успеха битв за освобождение всей страны. Именно в центре Маньчжурской революционной базы начали создаваться будущие высшие политические органы КНР. После 1947 г. революционный центр в Китае практически переместился из Яньани в Маньчжурию, где концентрировались основные военно-политические силы, нормально функционировала промышленность, в том числе военная. Здесь партийные организации КПК, опиравшиеся на большой отряд рабочего класса и союз с широкими массами крестьянства, ковали окончательную победу китайской революции.

Маньчжурская революционная база оказала огромное влияние на политическую борьбу, ход гражданской войны и социально-экономические преобразования, проводившиеся в Маньчжурии во второй половине 40-х годов с помощью и при благотворном влиянии Советского Союза. Этот важный международный фактор создавал благоприятные условия для развития и укрепления революционной базы в Маньчжурии и успешного хода борьбы китайского народа за окончательное освобождение от внутренней реакции и империалистического господства.

¹² Цит. по: О. Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная база. 1945—1949. М., 1975, с. 160—161.

* * *

Таким образом, возникновение и существование Маньчжурской революционной базы связаны как с героической борьбой китайских революционеров, так и в первую очередь с решительными действиями Советского Союза, освободившего в 1945 г. Маньчжурию и отстоявшего ее независимое, демократическое развитие. Маньчжурия была защищена от иностранного и гоминьдановского вторжения. Военное, дипломатическое, экономическое и иное содействие Советского Союза Маньчжурской революционной базе в 1945—1949 гг. — важный интернациональный вклад советского народа в народно-освободительную борьбу в Китае.

Победа революции в Китае стоила бы слишком больших жертв, если бы Советский Союз в этот период не вел дипломатической борьбы в интересах китайского народа, используя свой международный авторитет, политическое и военное влияние, особенно в условиях первоначальных неудач КПК в ходе гражданской войны. Этими действиями было сорвано широкое прямое вмешательство США во внутренние дела Китая. Своей борьбой на международной арене и непосредственной помощью китайским революционным силам Советский Союз отстоял интересы китайского народа, не допустил разгрома сердцевины освободительного движения в Китае в 40-х годах — Маньчжурской революционной базы. СССР вывел свои войска из Китая с полным учетом интересов освободительной борьбы. В этот сложный период он эффективно использовал на благо китайской революции договор и соглашения от 14 августа 1945 г., свое присутствие в Маньчжурии, в том числе в военно-морской базе Порт-Артур и на Китайско-Чанчуньской железной дороге.

Партийные организации, рабочий класс и армия Маньчжурской революционной базы, опиравшиеся на поддержку Советского Союза, провели всестороннюю подготовку к противоборству с гоминьданом. Поэтому совершенно закономерен тот факт, что именно вооруженные силы, сформированные, оснащенные и обученные в Маньчжурии, оказались на острие освободительной борьбы и с успехом выдержали экзамен. Они выиграли два из трех основных сражений с гоминьданом на заключительном этапе революции. Во взаимодействии с другими группировками войск КПК они привели китайскую революцию к победе.

Выдающееся значение Маньчжурской революционной базы как нового политического центра китайской революции объясняется не только факторами международного характера, но и тем, что именно в этом районе с его мощным промышленным потенциалом были сосредоточены значительная часть рабочего класса, сильные партийные организации.

Органическое соединение военно-промышленного потенциала Маньчжурской революционной базы, рабоче-крестьянских вооруженных сил, активной помощи и поддержки международного социализма, и прежде всего Советского Союза, а также широких народных выступлений по всему Китаю было использовано КПК для завоевания окончательной победы. Эту борьбу на местах возглавляли тысячи партийных организаций и китайских коммунистов, в том числе прошедших школу революционной борьбы и накопивших опыт хозяйственного строительства в Маньчжурии.

Значение Маньчжурской революционной базы в победе китайской народной революции определяется следующими основными факторами.

В военном отношении. Маньчжурская революционная база и ее вооруженные силы в тяжелых боях сохранили самостоятельность, защитили свои границы и обеспечили мирное развитие народно-демократической Маньчжурии, гарантировали стабилизацию экономического и

внутриполитического положения. Революционные силы в Маньчжурии опирались на передовой советский военный опыт, их костяком являлись регулярные, хорошо обученные и вооруженные войска, крепкие в партийном и политическом отношении, получившие в ходе гражданской войны большой боевой опыт. Пребывание Советской Армии на военной базе Порт-Артур также явилось важной школой обучения революционных войск современному военному искусству.

С экономической точки зрения Маньчжурия во второй половине 40-х годов усилила свой потенциал и превратилась в развитую военно-промышленную базу, которая удовлетворяла в экономическом и военном отношении нужды не только Маньчжурии, но и революционных сил других освобожденных районов Китая.

Восстановление и развитие промышленности и сельского хозяйства явилось существенной поддержкой молодой Китайской Народной Республики. Сердцевинной тяжелой индустрии КНР стали крупные металлургические, машиностроительные, химические, оборонные и другие предприятия Маньчжурии, построенные и реконструированные с помощью Советского Союза, при активном участии советских специалистов.

В социально-политическом отношении партийные организации КПК и органы народно-демократической власти, организованные в Маньчжурии, осуществили широкие революционные преобразования, которые расширили социальную базу КПК, привлекли на ее сторону широкие массы трудящихся.

Социально-экономические мероприятия в Маньчжурии проводились в основном с учетом принципов научного социализма, с использованием опыта Советского Союза применительно к конкретным условиям Китая. Революционные преобразования осуществлялись под руководством партийных организаций КПК при ведущей роли рабочего класса, имевшего в Маньчжурии немалый вес и влияние. Маньчжурский рабочий класс опирался на борьбу за реализацию ближайших и конечных целей революции.

Опыт Маньчжурии опровергает домыслы оппортунистов, утверждающих, что социализм был экспортирован в Китай, что он не имеет там перспективы в силу специфики страны. Практика социально-экономических преобразований на территории Маньчжурской революционной базы доказывает, что они осуществлялись на основе общих закономерностей классовой борьбы.

В идеологическом аспекте опыт Маньчжурии показывает, что борьба интернационалистской и националистской линий в КПК, характеризующая всю ее историю, в ходе становления и укрепления базы носила довольно острый характер. Не случайно руководящая группа в КПК стремится сегодня всячески скомпрометировать маньчжурские кадры. Сама обстановка, в которой боролись и трудились коммунисты Маньчжурии, воспитывала у них чувство высокого интернационализма, убеждала в необходимости проведения социальных и демократических преобразований, в преимуществах опыта Советского Союза. Китайские коммунисты проникались доверием к принципам научного социализма, социалистического интернационализма, идеалам марксизма-ленинизма. Все это в свою очередь превращало многочисленный отряд кадровых работников в костяк революционных вооруженных сил, в активную оппозицию националистическому курсу маоистского руководства.

Партийная организация Маньчжурской революционной базы по сравнению с другими революционными базами Компартии Китая отличалась довольно крепким в идейном отношении составом. Она меньше других была подвержена националистическим вывихам, хотя, разумеется, и в Маньчжурии имели место выступления оппортунистического, антимарксистского толка, в том числе и в руководящем звене Севе-

ро-Восточного бюро ЦК КПК. Жизнь подтверждает, что проблемы становления и развития Маньчжурской революционной базы, выяснение ее подлинной роли в национально-освободительном движении в Китае, а также показ решающего вклада Советского Союза во все эти процессы имеют актуальное политическое значение.

Китайская революция 1949 г. явилась прямым продолжением мирового революционного процесса, начало которому положил Великий Октябрь. Богатая революционная практика китайских коммунистов, специфические условия освободительной борьбы в Китае наложили отпечаток на революционное движение, но не опровергли те установки, основанные на ленинской теории революции, которые ранее выдвигались подлинными китайскими марксистами. Революционный опыт Маньчжурской революционной базы полностью опровергает маоистские лозунги типа «опора на собственные силы», «главная сила в революции — крестьяне» и т. п. Он опровергает многочисленные фальсификаторские концепции, ставящие цель принизить значение международного фактора в победе китайской революции вообще и роль СССР в освобождении и укреплении Маньчжурии в частности.

Из приемов, к которым прибегают маоисты, фальсифицируя исторические события 1945 г. и последующие этапы вооруженной и политической борьбы революционных сил Китая против объединенной американско-гоминьдановской реакции, наиболее характерны стремление полностью замолчать роль в этих событиях СССР, Советской Армии и в особенности братскую помощь, которая в ходе этих событий была оказана советской стороной китайскому народу, его революционным силам, Компартии Китая и ее вооруженным формированиям. В маоистских материалах, посвященных этим событиям, действия китайских революционных сил в этот период неправомерно изображаются практически без всякой связи с общей международной обстановкой.

Совершенно очевидно, что замалчивание значения Советского Союза и его Вооруженных Сил в борьбе против японского милитаризма, в освобождении части территории Китая, в помощи вооруженным формированиям КПК представляет собой грубейшую фальсификацию истории, насилие над историческими фактами.

Примером того, как пекинская пропаганда, говоря о событиях августа — сентября 1945 г., тщательно замалчивает роль Советского Союза в этой войне, является публикация газеты «Жэньминь жибао» от 9 мая 1975 г., в которой утверждалось, что «народы Китая, Кореи и некоторых других стран Азии вели продолжительную вооруженную борьбу против Японии и сыграли решающую роль в борьбе за победу над японским фашизмом».

По существу, тот же прием используется и в материале о событиях 1945 г., помещенном в газете «Жэньминь жибао» 18 мая 1980 г. В нем рассказывается о вступлении передовых частей войск КПК в Маньчжурию после капитуляции Японии, причем о том факте, что к этому времени войска Советской Армии уже разбили японскую Квантунскую армию и разоружили ее, в статье даже не упоминается. При этом автор статьи представляет дело таким образом, будто осенью 1945 г. войска КПК в Маньчжурии должны были «наносить удары по вражеским и марионеточным войскам, захватывать оружие японских и марионеточных войск».

Версия, приводимая в статье «Жэньминь жибао», фактически представляет собой попытку замолчать и в конечном счете фальсифицировать тот факт, что именно с помощью Советского Союза маньчжурская группировка войск КПК еще накануне развязывания гоминьданом гражданской войны была снабжена в достаточном количестве первоклассным по тому времени оружием. Как раз в результате этой помощи маньчжурская группировка оказалась в преимущественном поло-

жении по сравнению с соединениями войск КПК, находившимися в других частях Китая.

В статье «Жэньминь жибао» полным молчанием обойдено и то важнейшее обстоятельство, что на наиболее трудном и опасном этапе формирования маньчжурской группировки войск КПК (впоследствии превратившейся в главную ударную силу революционных войск) присутствие советских войск в Маньчжурии (до мая 1946 г.) надежно предохраняло эту еще не окрепшую группировку от воздействия гоминьдановских войск, пользовавшихся всесторонней поддержкой американских империалистов.

Можно с уверенностью сказать, что китайская революция навсегда останется в истории освободительной борьбы трудящихся всего мира. «Победа народной революции,— подчеркивал в речи 6 октября 1974 г. в Берлине Л. И. Брежнев,— была великим событием в жизни Китая, в развитии всего мирового революционного движения. Мы воздаем должное подвигу тех китайских коммунистов, которые, выражая чаяния своего народа, возглавили борьбу за национальное освобождение, за утверждение в своей стране новых социальных порядков».

Эти слова можно с полным основанием адресовать и многочисленному отряду партийных, хозяйственных и военных кадров Маньчжурской революционной базы, которые в 1945—1949 гг. вели героическую борьбу за торжество в Китае новых социальных отношений.

В освобожденной Маньчжурии

*М. И. Сладковский,
член-корреспондент АН СССР*

Разгром советскими войсками миллионной Квантунской армии, составившей главную военную силу Японии на Азиатском материке, предопределил крушение всей колониальной системы империи Ямато. В расчетах на затяжную войну с США и Англией центральное место японским командованием отводилось Маньчжурии — основной военно-экономической базе, располагавшей богатыми сырьевыми и продовольственными ресурсами, глубокому тылу японской армии, на далеких подступах к японским островам пытавшейся сдержать натиск военно-морских и воздушных сил США.

Экономика Маньчжурии накануне вступления советских войск

Созданное японцами марионеточное государство Маньчжоу-го стало придатком колониальной системы Японии, и его роль в ходе тихоокеанской войны возрастала по мере утраты Японией Индонезии, Бирмы, Филиппин. На территорию Маньчжурии с Японских островов были перебазированы многие военные заводы, созданы новые аэродромы. В связи с американскими воздушными налетами японское правительство готовилось даже разместить в Маньчжурии императорский двор.

К началу 1945 г. Япония располагала в Маньчжурии следующими крупными промышленными предприятиями:

В области черной металлургии: Аньшаньский металлургический комбинат (мощностью 1750 тыс. т чугуна, 1125 тыс. т мартеновской стали и 600 тыс. т стального проката); комбинат в Бэньсиху (650 тыс. т чугуна, 400 тыс. т стали и 250 тыс. т проката).

В области цветной металлургии: Аньдунский, Гиринский и Фушуньский заводы по производству алюминия (соответственно 6 тыс., 12 тыс. и 12 тыс. т); Аньдунские заводы по производству цветных металлов (3 тыс. т), свинца (3 тыс. т) и цинка (500 т); Цзиньчжоуские заводы по производству свинца (7 тыс. т), цветных металлов (8 тыс. т) и цинка (8 тыс. т).

В области производства синтетического горючего: заводы по производству нефтепродуктов из сланцев и угля (два фушуньских производительностью по 560 тыс. т, фусиньский — 120 тыс. т и цзиньчжоуский — 120 тыс. т).

В области электроэнергетики: две тепловые электростанции в Аньшане (общей мощностью 104 тыс. кВт); по три в Бэньсиху (132 тыс. кВт), Дальнем (153 тыс. кВт) и Фушуне (312 тыс. кВт); по одной в Мукдене (159 тыс. кВт), Туихуа (71 тыс. кВт), Фусине (162 тыс. кВт), Харбине (54 тыс. кВт), Цзямусы (50 тыс. кВт), Шулане (72 тыс. кВт). В районе Гирина строилась крупная гидроэлектростанция проектной мощностью 300 тыс. кВт.

В области машиностроения и военного производства: машиностроительный завод в Дальнем (производство и сборка грузовых машин и производство различного оборудования); автосборочные заводы в Аньдуне, Гирине, Чанчуне; два самолетосборочных и самолеторемонтных заводов в Мукдене и один в Муданьцзяне; танкостроительные и танкосборочные заводы в Муданьцзяне, Мукдене, Гунчжулине.

Система управления экономикой Маньчжурии находилась под полным контролем генерального штаба Японии и осуществлялась монополистическими концернами, среди которых основную роль играли «Мангио» (развитие и эксплуатация тяжелой промышленности), «Дангио» (развитие и эксплуатация электроэнергетической промышленности) и «Мантецу» (концерн Южно-Маньчжурской железной дороги, осуществлявший контроль над всеми железными дорогами и предприятиями, обслуживающими их; под его контролем находилась транспортно-экспедиционная компания «Кокусай-Юнион»).

Режим военного контроля и жесткой централизации через монополистические концерны и военные органы был установлен также над всеми банками, закупкой сельскохозяйственных продуктов и оптовой торговлей.

Во всех этих колониально-монополистических организациях не только высшее, но и среднее руководство, а на отдельных предприятиях и низшая администрация комплектовались только из японцев. Подданные «Маньчжоу-го» (маньчжуры и китайцы) лишь числились на отдельных должностях руководителями или заместителями, но фактически никакого участия в управлении не принимали. При таком положении с кадрами после капитуляции Японии, когда японская администрация, естественно, разбежалась, страшаясь возмездия за издевательства над китайскими рабочими и жесточайшую эксплуатацию, деятельность предприятий, фирм и организаций — вся экономика Маньчжурии оказалась парализованной. При отсутствии местных китайских кадров командование Советской Армии вынуждено было взять на себя обязанности по обеспечению функционирования жизненно необходимых предприятий промышленности и транспорта.

Восстановление прав Советского Союза на КВЖД

По решению Ялтинской конференции союзников (СССР, США и Великобритания), к которому присоединилось и гоминьдановское правительство Китая, вступление СССР в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии влекло за собой восстановление прав Советского Союза, утраченных в результате агрессии Японии против России и СССР, в частности восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР и права на эксплуатацию Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог путем организации смешанного советско-китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза.

На основе решения Ялтинской конференции после объявления японским императором Хирохито 14 августа 1945 г. безоговорочной капитуляции Японии в тот же день в Москве состоялось подписание советско-китайского договора о дружбе и союзе и соглашения о совместной собственности СССР и Китая на КВЖД и совместном управлении ею в течение 30 лет, а также об использовании Порт-Артура в качестве совместной военно-морской базы, оборона которой на 30 лет вверялась Советскому Союзу. Были подписаны и другие документы (о Дайрене и пр.).

В начале сентября во исполнение подписанного соглашения из Москвы в Чанчунь прибыл назначенный правительством СССР в качестве заместителя председателя советско-китайского общества КВЖД

генерал-лейтенант интендантской службы И. В. Каргин с группой советских специалистов-железнодорожников. Китайское правительство со своей стороны назначило председателем правления КВЖД Чжан Цзяо, ранее занимавшего пост директора Банка Китая (1928—1935) и министра коммуникаций (1937—1942).

При содействии советских Восточно-Сибирской и Приморской железных дорог в течение двух-трех месяцев был произведен предупредительный ремонт железных дорог и открыто движение поездов по всей линии в направлении Владивостока, Читы и Дальнего. 26 января 1946 г. в Харбин прибыл назначенный правительством СССР управляющий КВЖД А. Ф. Журавлев, ранее работавший управляющим Приморской железной дорогой. Из Нанкина к этому же времени на пост заместителя управляющего КВЖД прибыл Ван Чжунтин. Управление КВЖД располагалось в Харбине и должно было приступить к руководству дорогой, названной по соглашению Китайско-Чаньчуньской железной дорогой.

Восстановление советских внешнеторговых организаций

Для восстановления советских торговых организаций на территории Маньчжурии, оказания помощи командованию Советской Армии в регулировании экономических отношений с местными китайскими властями и для установления торговых связей с маньчжурскими фирмами к советскому военному командованию была прикомандирована группа, которую возглавлял я, как начальник Восточного управления МВТ; в нее входили также А. В. Каратаев, Д. Я. Щербина, Т. С. Новиков, М. М. Саратовский, Г. Султанов, М. А. Ивкин, Т. А. Гомелевский и др.

Деятельность этой группы согласовывалась с командующим Забайкальским военным округом Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским, ставка которого находилась в Чанчуне, называвшемся Маньжоу-го Синьцзин (Новая столица).

По предложению Р. Я. Малиновского центром деятельности нашей группы был избран Чанчунь. Здесь было создано управление уполномоченного Наркомвнешторга СССР, и мне как начальнику Восточного управления Наркомвнешторга было поручено возглавить его.

К концу 1945 г. отделения торгпредства СССР были созданы: в Дальнем (заведующий И. И. Коломеец), Харбине (Т. И. Новиков), Мукдене (М. Ивкин) и агентство торгпредства в Гирине (И. В. Мяков). В это же время на территории Маньчжурии были созданы конторы или представительства Всесоюзных объединений Наркомвнешторга СССР. «Экспортхлеб» имел конторы в Чунцине (П. А. Софронов), Харбине (Д. Н. Вялков) и Дальнем (А. П. Кононенко); «Дальинторг» в Дальнем (И. И. Корниец), «Дальнештранс» — в Харбине (М. М. Саратовский) с отделениями в Чанчуне, Цзямусы и на ст. Маньчжурия. В Чанчуне находилась контора акционерного общества «Интурист» (И. И. Абрамов). Кроме того, в Харбине были представители «Союзпушнины» и «Международной книги». Аппарат советских торговых организаций частично укомплектовывался местными советскими гражданами.

О создании дополнительных советско-китайских компаний

По условиям заключенных соглашений советско-китайское сотрудничество ограничивалось лишь сферой КЧЖД. Между тем и эта дорога не могла нормально функционировать без кооперации с другими местными предприятиями, прежде всего с энергетическими (угольными)

копиями, электростанциями), находившимися в то время в бесхозном состоянии. В рамках правления КЧЖД переговоры по этому вопросу не привели к положительным результатам, пришлось вступить в официальные переговоры на правительственном уровне. После доклада в Москву о сложившейся ситуации из центра последовало указание маршалу Р. Я. Малиновскому и экономическому советнику командующего вступить в переговоры с официальными представителями китайского правительства. Такими представителями в Маньчжурии были председатель правления КЧЖД Чжан Цзяо и уполномоченный МИД Китая Цзян Цзинго (сын Чан Кайши).

Нам поручалось также принять по актам как трофейное имущество наиболее крупные предприятия японских компаний, с тем чтобы они были включены в советско-китайские компании. Это было время, когда в Китае появились надежды на создание коалиционного демократического правительства с участием двух ведущих партий — КПК и Гоминьдана, — и можно было ожидать, что советско-китайское сотрудничество будет развиваться.

Для осуществления этой задачи было необходимо отыскать и привлечь к участию японских специалистов, рассеявшихся по различным районам края.

Решить эту проблему помог бывший президент японского концерна «Магнито» Т. Такасаки, который в благодарность нашему управлению за оказанную ему помощь в излечении «расконспирировался» и изъявил желание сотрудничать с советской администрацией¹. Т. Такасаки помог нам привлечь большую группу (свыше 20 человек) японских инженеров-специалистов, руководителей бывших японских компаний.

К концу ноября наше управление уже располагало необходимой технической документацией на большую часть ведущих предприятий тяжелой и энергетической промышленности. Были подготовлены также проекты актов для приемки этих предприятий от бывших распорядителей (директоров или председателей) промышленных компаний.

В конце ноября на специальном самолете вместе с Г. Султановым, Т. Гомелевским, а также Т. Такасаки с двумя японскими консультантами побывали в Мукдене, Фушуне, Фусине, Аньшане и Аньдуне, где встретились с бывшими японскими распорядителями и подписали акты сдачи-приемки в общей сложности около 20 предприятий. Представленная техническая документация и акты явились отправными материалами для определения технического состояния и стоимости предприятий, необходимых для переговоров с Чжан Цзяо и Цзян Цзинго о создании смешанных советско-китайских обществ.

В переговорах, начавшихся с конца октября, обсуждались в первую очередь перечень компаний, которые предполагалось создать, а также принципы формирования капитала и управления компаниями.

При формировании капитала обществ в советскую долю предлагалось включить подлежащее поставке новое советское оборудование и расходы, связанные с его монтажом и пуском, материалы, научно-техническую помощь, в том числе оплату работы советских специалистов. В китайскую долю предусматривалось включение полной стоимости передаваемых обществам бывших японских предприятий, а также строительные материалы, необходимые для их восстановления и эксплуатации.

¹ Т. Такасаки, опасаясь, что советская военная администрация арестует его, как военного преступника, скрывался в одном из японских особняков на окраине Чаньчуня. В середине ноября 1946 г. этот дом подвергся нападению китайских бандитов, в ходе которого Такасаки был ранен. После лечения в советском военном госпитале он согласился остаться при управлении экономическим советником советского командования в качестве руководителя группы японских технических специалистов.

Согласование перечня обществ и подведомственных им предприятий заняло много времени. После состоявшихся в Москве в начале января 1946 г. переговоров представителя гоминьдановского правительства Цзян Цзинго с советскими руководителями этот вопрос был окончательно согласован лишь в середине января.

Согласование перечня обществ было закончено в Чанчуне в начале января 1946 г. Во второй половине января 1946 г. для участия в переговорах и для работы в компаниях в Чанчунь прибыли 25 высококвалифицированных советских специалистов. Когда переговоры по основным вопросам подходили к концу, советские специалисты были готовы к выезду на основные предприятия Мукдена, Харбина, Фушуня, Аньшаня и других городов. Однако в феврале 1946 г. обстановка в Маньчжурии резко изменилась. Гоминьдановское правительство отказалось признавать местные народно-демократические органы власти и развязало гражданскую войну. Советские представители были вынуждены покинуть районы Южной Маньчжурии, и переговоры были прерваны.

Советская помощь народно-демократической администрации Маньчжурии в условиях гражданской войны

К середине 1946 г. в результате крупных наступательных операций гоминьдановских войск Маньчжурия оказалась расчлененной на три части. Ляодунский полуостров, где по условиям договора оставалась Советская Армия, находился под контролем народно-демократической администрации. Южная и юго-западная часть от границы с Ляодунским полуостровом до нижнего течения Сунгари (Аньшань, Мукден, Сыпингай, Гирин) были захвачены и контролировались гоминьдановскими войсками. Северная Маньчжурия от нижнего течения Сунгари на север и северо-запад (до советской границы) оставалась под контролем народно-демократических властей, руководимых КПК.

Гоминьдановские войска, оснащенные современным американским оружием, имели большой перевес над Народно-освободительной армией. В результате чего во внутреннем («застенном») Китае они в течение 1946 г. одерживали крупные победы.

Нависла угроза и над демократическими районами Северной Маньчжурии. Части НОА нуждались в срочной военной и экономической помощи. Такая помощь китайским коммунистам, народно-демократическим властям пришла со стороны Советского Союза.

В течение 1946 г. и первой половины 1947 г. Народно-освободительная армия под командованием Линь Бяо получила от Советской Армии современное оружие (в том числе японское трофейное), самолеты, танки, артиллерию и готовилась к контрнаступлению. Для этого требовалось обеспечить армию горючим, автомашинами, одеждой, медикаментами и укрепить тыл, нуждавшийся в жизненно необходимых товарах.

В ноябре 1946 г. Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, поддерживавший связь с народно-демократической администрацией Северной Маньчжурии, доложил в Москву о тяжелом положении народных властей и просил об оказании им срочной помощи. К. А. Мерецков отмечал, что экономическая жизнь в крае парализована, крестьяне не имеют возможности сбывать соевые бобы (главная культура Маньчжурии), которые отправлялись ранее в Японию, и ощущают крайнюю нужду в жизненно необходимых товарах, даже в соли.

На основе этого сообщения правительством СССР было принято решение направить на Дальний Восток комиссию во главе с министром

ром продовольственных резервов СССР Д. И. Фоминым, в состав которой включили меня как начальника Восточного управления Минвнешторга СССР (зам руководителя), заместителя председателя Все-союзного объединения «Экспортхлеб» М. И. Сулименко и группу экспертов: М. М. Саратовского, С. Я. Беннинсона и др. Комиссия в начале декабря 1946 г. прибыла в Ворошилов, куда по договоренности маршала К. А. Мерецкова с народно-демократической администрацией Северо-Восточного Китая (так стала называться Маньчжурия) прибыла и китайская делегация в составе руководителя народно-демократической торговой компании «Тунсин» Е Цзичжуана, его политического помощника Чжан Хуадуна и переводчицы Чжэн Сюн.

Китайская делегация обратилась с просьбой о срочной поставке из СССР нефтепродуктов, хлопчатобумажных тканей для военного обмундирования, грузовых автомашин, медикаментов и медицинструментов, а также сахара, соли и других товаров. Китайские товарищи просили оказать содействие в организации торговли, денежного обращения, закупки и вывоза соевых бобов и в решении целого ряда других вопросов, связанных с восстановлением экономической жизни края.

Е Цзичжуан имел, как он сказал, и «особую просьбу». Дело в том, что при избытке некоторых видов продовольствия в Северной Маньчжурии части НОА, находившиеся в Южной Маньчжурии, были отрезаны гоминьдановцами, испытывали острую жажду в продовольствии, одежде. Он попросил советские организации организовать доставку в эти районы через Владивосток и Северную Корею (где находились советские войска) зерна, растительного масла, сахара, нефтепродуктов и других товаров.

Основываясь на имевшихся у нас директивах, мы приняли китайские предложения и согласовали товарные списки взаимных поставок. Было условлено, что вопрос о транзите продовольствия из Северной Маньчжурии на Ляодунский полуостров будет решен в ближайшее время.

21 декабря 1946 г. в Ворошилове было подписано первое торговое соглашение советских организаций с народно-демократической администрацией Северо-Восточного Китая. Поскольку в этот период Советский Союз еще сохранял официальные отношения с гоминьдановским правительством, то было условлено, что достигнутое соглашение будет оформлено на неправительственной основе путем заключения коммерческого контракта, в котором советские внешнеторговые объединения представляются В/О «Экспортхлеб», а народно-демократическая администрация — компанией «Тунсин».

30 декабря группа советских внешнеторговых работников (Сладковский, Саратовский, Беннинсон) вместе с китайской делегацией поездом через Гродеково отбыла в Харбин.

В Харбине

По прибытии в Харбин 3 января мы встретились с управляющим советского генконсульства М. Ф. Лысковым. Он ввел нас в курс сложных военно-политических событий, особенно обострившихся после крупного поражения частей НОА летом 1946 г. под Сыпингаем. Хорошо вооруженные гоминьдановские войска, перебрасываемые с китайско-бирманской границы, прочно удерживали все основные города Южной Маньчжурии и угрожали народно-демократическим районам Северной Маньчжурии.

Весьма полезной была наша встреча и с управляющим КЧЖД А. Ф. Журавлевым. Обязанности его были весьма сложны. КЧЖД оказалась разорванной на три части: Южный участок — от пункта Вторая Сунгари (южная часть реки) до Ляодунского полуострова —

находился под контролем гоминьдановской армии; участок на Ляодунском полуострове, хотя и оставался под советским контролем, фактически был изолирован и имел местное значение. Управление дороги под руководством А. Ф. Журавлева контролировало остальную часть КЧЖД — в направлении Забайкалья (станция Маньчжурия) и Приморье (станция Пограничная-Суйфэнхэ).

Уже в первый день нашего знакомства А. Ф. Журавлев пригласил нас на вечернее диспетчерское совещание. Мы должны были убедиться, что, несмотря на недостаток подвижного состава, необеспеченность дороги углем и суровые зимние условия, управляющий имел хорошо налаженную связь с основными железнодорожными узлами и осуществлял централизованное руководство движением поездов. Ответственные китайские представители, назначенные в управление гоминьдановскими властями до начала гражданской войны, покинули службу, и вместо них народно-демократическая администрация назначила своего представителя коммуниста Люй Жэньцяо, но в железнодорожных делах он еще был не сведущ. Остальные китайские работники, среди которых, как показали последующие события, было немало гоминьдановских диверсантов, нужного содействия управляющему не оказывали.

А. Ф. Журавлев, зная о нашем предстоящем приезде, подготовил план расширения железнодорожных перевозок и просил помощи от соседних советских дорог (Восточно-Сибирской и Приморской), в частности направил на советскую сторону для ремонта большую часть паровозов.

Конкретная деятельность нашей группы и находившегося в Харбине уполномоченного МВТ СССР В. П. Бойко должна была согласовываться с местными китайскими руководителями.

Встреча с Гао Ганом

Н. Ф. Лысков сообщил мне, что Гао Ган — глава народно-демократической администрации Северо-Восточного Китая — хочет принять меня и уполномоченного МВТ В. Бойко. Встреча состоялась в середине января в здании Народно-демократического комитета, находившегося в Новом Харбине (привокзальная часть города), недалеко от управления дорог. Я уже много слышал о Гао Гане еще во время пребывания наших войск в Чаньчуне, о его авторитете в китайских демократических кругах как руководителя, тесно сотрудничавшего с нашей армией, проявляющего большой интерес к жизни СССР.

Первая встреча с Гао Ганом оставила благоприятное впечатление. Гао был высокого (для китайцев) роста — около 175 см. Его рябоватое лицо как бы скрывали массивные роговые очки, придававшие ему суровый, недоступный вид. Другим Гао был в беседе. Было видно, что он искренне хотел ввести нас в курс событий, найти товарищеское взаимопонимание и на этой основе обсудить наши дела. Положение народно-демократических районов он оценивал как крайне тяжелое, значительно усложнившееся после летнего поражения под Сыпингаем. По его мнению, слабое сопротивление частей НОАК гоминьдановскому наступлению произошло потому, что бойцы-крестьяне, вступившие в народную армию, разочаровывались в народных властях, которые никак не улучшили их зависимое от помещиков и кулаков-мародеров положение. По мнению Гао, руководители ЦК КПК, отвечающие за сельское хозяйство, допустили ошибки, затянули проведение начальных этапов земельной реформы, хотя решением ЦК КПК от 4 мая 1946 г. предлагалось приступить к конфискации помещичьих земель и передаче их в собственность малоземельных и безземельных крестьян. Сейчас, говорил собеседник, уже началось проведение аграрной реформы в Северо-Восточном крае, и можно ожидать улучшения обстановки.

Среди наиболее важных вопросов, в решении которых народно-демократические власти ожидали помощи от советских организаций, Гао Ган выделил следующие:

а) несложное получение нефтепродуктов, автомашин, тканей и ваты для пошивки зимнего обмундирования НОА, а также медикаментов и некоторых продовольственных товаров;

б) помощь в обеспечении создаваемых в глубоком тылу военно-учебных баз, госпиталей и различных интендантских служб с центром в городе Цзямусы;

в) оздоровление внутренней торговли, обеспечение нормального денежного обращения;

г) оказание помощи транспорту — железным дорогам, речному пароходству по Сунгари, особенно на участке Цзямусы — советская граница, а также автотранспорту.

Основываясь на имевшихся у нас директивах, мы заверили Гао Гана, что со стороны советских организаций будут приняты необходимые меры для максимально возможного удовлетворения просьб китайских товарищей.

Мы выразили готовность обсудить конкретные вопросы с компетентными представителями народно-демократической администрации. Гао Ган пояснил нам, что торгово-финансовые вопросы нам следует решать с Е. Цзичжуаном — руководителем народно-демократической торговой компании «Тунсин», которой поручено вести торгово-экономические дела с советскими организациями. Что касается оказания помощи тыловым армейским ведомствам, то нам следует побывать в Цзямусы и переговорить по этим вопросам с членом Северо-Восточного бюро ЦК КПК Ло Фу (Чжан Вэньтянем)², который руководит всеми этими вопросами. Желательно также, чтобы мы съездили в Цицикар и переговорили с находившимся там членом бюро ЦК КПК Ли Фучунем, которому поручены интендантские вопросы по центрально-западным районам Северо-Востока.

Сотрудничество с компанией «Тунсин»

Во время встречи с Е. Цзичжуаном согласовывались конкретные мероприятия по отдельным разделам общей программы.

Первым мероприятием было создание перевалочных баз и приемосдаточного аппарата. Были определены четыре направления, по которым последует перевалка грузов: а) Забайкальское с перевалочными базами на станциях Маньчжурия (китайская) и Отпор (ныне Забайкальск — советская); б) Приморское — на станциях Суйфэнхэ (китайская) и Гродеково (советская); в) по реке Сунгари в Цзямусы (китайская) и г) на озере Ханка (Турни Рог, советская). В выходных железнодорожных пунктах главная роль принадлежала железнодорожникам, которые под руководством А. Ф. Журавлева выполнили значительные работы: провели укладку дополнительных подъездных путей, отремонтировали склады, установили подъемно-транспортное оборудование. По реке Сунгари с советской стороны работы велись под руководством уполномоченного «В/О «Дальнештранс» М. М. Саратовского, с китайской стороны ответственным был Ван Шоудао. В районе озера Ханка советской стороной было создано агентство В/О «Экспортхлеб» под руководством М. И. Сулименко.

Более сложными оказались вопросы оказания нашей помощи в налаживании внутренней торговли в Китае. В условиях продолжавшейся

² Чжан Вэньтянь был введен в ЦК КПК V пленумом шестого созыва (январь 1934 г.). Во время учебы в Советском Союзе в конце 20-х годов он в целях конспирации носил русскую фамилию Измайлов, произносимую по-китайски Исэмайлофу. Окончание этой фамилии и составило партийную кличку Чжан Вэньтяня — Ло Фу.

войны торговцы настороженно относились к новым денежным знакам «жэньминьпяо» («народные деньги»), выпущенным Народно-демократическим комитетом Северо-Востока, что мешало нормализации торговли. Положение осложнялось и тем, что народно-демократическая администрация не располагала достаточными товарными ресурсами, а на ликвидацию частной торговли, находившейся в руках лотошников и мелких торговцев (крупная китайская торговля была уничтожена японцами), она пойти не могла.

По просьбе Е. Цзичжуана мы привлекли к участию в решении вопросов торговли фирму «И. Я. Чурин и К°», акции которой были куплены советскими внешнеторговыми организациями в октябре 1945 г., после чего она перешла в их владение³. Было условлено, что фирме «И. Я. Чурин» будет разрешено сверх договоров с компанией «Тунсин» ввозить из СССР различные советские промышленные товары и продавать их через свои магазины на новую валюту «жэньминьпяо». Торговые операции фирмы «И. Я. Чурин» оказали благотворное влияние на восстановление торговли и, что особенно важно, утвердили доверие к «жэньминьпяо», активизировали торговлю китайских купцов.

Сотрудничество с народной администрацией в Цзямусы

В зимние месяцы, до начала навигации по Сунгари, советские организации направляли в Цзямусы по железной дороге преимущественно нефтепродукты, медикаменты, пошивочную ткань. Под руководством М. М. Саратовского проводились также работы по подготовке в Цзямусы пристани, причалов для приемки советских судов и сооружались товарные склады.

Навигация началась в середине апреля 1947 г. Вместе с председателем АО «Чурин и К°» И. Т. Стениным и заместителем руководителя фирмы «Тунсин» Чжан Хуадуном поездом через Муданьцзян отправились в Цзямусы. По дороге в Цзямусы мы должны были убедиться, насколько необходима наша срочная помощь народно-демократическим властям и НОАК, сражающейся против реакционных гоминьдановцев.

На вокзале в Цзямусы нас встретил представитель Ло Фу и пригласил нас на обед. Ло Фу встретил нас с исключительной сердечностью, приветливо, по-дружески. Он с первого взгляда располагал гостей, вызывал доверие к себе. Среднего роста, лысоватый, в роговых очках, Ло Фу производил впечатление ученого, университетского профессора. Он хорошо говорил по-русски, да и русскую кухню, как это подтверждали обеденные блюда, знал хорошо.

Ло Фу признался, что соскучился по русским товарищам, по далекой Москве, где он провел свои университетские годы. Квартира его состояла из одной довольно большой комнаты, где размещался книжный шкаф с книгами В. И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса и других европейских авторов, с большим количеством китайских книг и западно-

³ Фирма была основана в 1868 г. иркутским купцом И. Я. Чуринным при участии братьев Бабинцевых. Первые магазины ее были открыты в Иркутске и Чите. Бурный рост фирмы начался в связи со строительством Владивостока, Уссурийской дороги и КВЖД, когда ею были созданы крупные торговые центры во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, а также торговые магазины и различные подсобные предприятия в Маньчжурии: Харбине, Мукдене, Дальнем и других городах. В годы японской оккупации фирма «И. Я. Чурин и К°» оказалась в тяжелом финансовом положении и в 1936 г. перешла в собственность английского кредитора — Гонконг-Шанхайского банка — в оплату задолженности около 1 млн. японских оккупационных иен. 20 октября 1945 г. был заключен договор о продаже Гонконг-Шанхайской банковской корпорацией всех акций акционерного общества «И. Я. Чурин и К°» Всесоюзному объединению «Дальнештранс».

европейской литературой на английском языке. Тут же была железная кровать, стол, кресло, стулья. На стене я заметил географические карты: Китая, Северо-Востока Китая.

Ло Фу был хорошо осведомлен о послевоенных трудностях СССР, о наших разрушенных городах и продовольственных затруднениях. В таких условиях помощь Советского Союза китайской революции, говорил он, является подвигом советских людей, доказательством неизменности ленинской внешней политики СССР, его пролетарской солидарности. Получая от СССР военную и другую помощь, мы, китайцы, говорил Ло Фу, в том числе народно-демократические власти Северо-Востока, который по некоторым сельскохозяйственным продуктам, в частности по соевым бобам, имеет избытки, должны помогать и советскому народу. Например, избыток угля, добываемого на копях Цзямусы, вынуждает сокращать добычу, лишать работы горняков, а в приамурских советских городах Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре он найдет применение. Было понятно, что эти рассуждения и доводы вытекают из решений, уже принятых китайскими руководителями, и они готовы положить их в основу нашей договоренности. Изложенная позиция совпадала и с нашими предположениями.

Из рассказов Ло Фу было видно, что в районе нижнего течения Сунгари с центром в Цзямусы ставятся следующие главные задачи: а) военные — подготовка командных и политических кадров; госпитальное обслуживание фронта, формирование воинских частей; б) общехозяйственные — поставка в прифронтовые районы продовольствия, угля и других товаров, организация подвоза по реке Сунгари советских нефтепродуктов, промышленных товаров, медикаментов и медицинских материалов и вывоз в приамурские советские города соевых бобов, угля.

Наши переговоры и все мероприятия, связанные с принимаемыми обязательствами, были успешно завершены. Порт Цзямусы был готов к открытию речного сообщения Цзямусы — советские приамурские города (Благовещенск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре). Через неделю мы дружески попрощались с Ло Фу и к вечеру собрались к отъезду.

С середины мая 1947 г. стало осуществляться регулярное речное сообщение по Сунгари — Амуру. Хабаровск был основным поставщиком в Цзямусы нефтепродуктов, некоторых видов оборудования, медикаментов и различных промышленных товаров. В свою очередь из Цзямусы направлялись в Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре уголь, соевые бобы и другие товары. В дополнение к железным дорогам Сунгари и Амур явились надежными в летнее время транспортными артериями в глубоком тылу.

На заседании Северо-Восточного бюро ЦК КПК

Функции, возложенные на нашу комиссию, к концу мая 1947 г. мы считали выполненными. Председатель комиссии Д. И. Фомин и находившиеся с ним на советской территории члены комиссии вернулись в Москву уже в феврале. На территории Маньчжурии (Северной) оставался постоянный аппарат советских внешнеторговых и транспортных организаций. Были созданы договорные отношения с народно-демократическими организациями Северо-Востока и определены взаимные обязательства, установлены надежные транспортные коммуникации, обеспечивающие возрастающие советско-китайские связи в этом регионе.

В последних числах мая А. Ф. Журавлева, М. Ф. Лыскова и меня пригласили на заседание Северо-Восточного Бюро ЦК КПК. В зале заседания, куда мы вошли, мы увидели, что члены Бюро стоя беседовали между собой, как бы поджидая нас. Видно, они закончили часть

заседания, и мы были приглашены на последние вопросы, касающиеся нас. Началось знакомство. Впереди стоял Линь Бяо — командующий войсками Северо-Востока и руководитель (первый секретарь) Северо-Восточного Бюро ЦК КПК. Линь Бяо был одет в военную форму, без каких-либо знаков отличия. Здороваясь с нами, он слегка улыбнулся, и тут же лицо его приняло непроницаемо спокойный вид. Вторым был уже знакомый мне Гао Ган. Третий — небольшого роста, средних лет, но с изрядно поседевшей головой — пристально взглянул на меня, крепко пожал руку и буквально выкрикнул (по-китайски): «В Шанхае на Гунпинлу жили?» Узнал его и я. Передо мной стоял китайский друг моей юности, незабываемых дней революционного Шанхая 1926 г. товарищ Ляо. Сейчас он был известен как член Бюро ЦК Чэнь Юнь. На несколько минут мы с Ляо спутали весь протокольный церемониал, всех невольно заинтересовала наша встреча по прошествии свыше двадцати бурных и сложных лет, изменивших и нас, и мир.

На заседании Бюро также присутствовали Чжан Вэньтянь (Ло Фу), Ли Фучунь и др. Заседание открыл и вел Линь Бяо, хотя наибольшую активность и в обсуждениях, и в формулировании решений проявлял Гао Ган — он был фактический руководитель всего народного хозяйства края, кроме военных дел.

Линь Бяо информировал о ведущейся подготовке частей НОАК к контрнаступлению в направлении Чаньчуня, Гирина и на другие пункты и просил А. Ф. Журавлева дать оценку состояния железнодорожного транспорта и высказать соображения о мерах по дальнейшему развитию. А. Ф. Журавлев подробно осветил состояние дел на железнодорожных узлах, отметив, что выходные приграничные станции не только обеспечивают текущий грузооборот, но и имеют резервы, которые уже к концу года смогут обеспечить удвоенный грузооборот. Касаясь перспектив развития железнодорожного транспорта, особенно в свете предстоящего наступления на Южную Маньчжурию, он довольно определенно заявил, что имеющимися на Северо-Востоке силами и средствами обеспечить восстановление железнодорожного сообщения в Южной Маньчжурии нельзя: там взорваны крупные железнодорожные мосты, и их восстановление требует много специальных материалов, механизмов. В заключительных выступлениях Линь Бяо и Гао Ган выказали просьбу к А. Ф. Журавлеву подготовить предложения о наиболее крупных восстановительных работах на железных дорогах Южной Маньчжурии, обещав со своей стороны передать ему информацию о состоянии южного участка КЧЖД.

По просьбе китайских руководителей их информировали о проделанной совместно с китайскими организациями работе по взаимным товарным поставкам, о сотрудничестве в области внутренней торговли, денежного обращения, в выполнении срочного заказа на поставку нефтепродуктов, медикаментов, материалов для пошива обмундирования и по другим вопросам.

Смысл нашего приглашения на заседание Бюро, как выяснилось, состоял в том, что китайские руководители, зная о моем предстоящем отъезде в Москву, решили еще раз повторить свою просьбу о переброске продовольствия из Северной Маньчжурии через Владивосток и Северную Корею на Ляодунский полуостров и об увеличении завоза туда нефтепродуктов, автомашин и других товаров, крайне необходимых для частей НОАК, действующих в Южной Маньчжурии и в провинции Шаньдун (через Ляодунский пролив).

Мы информировали об уже осуществляемых поставках на Ляодунский полуостров и обещали передать центру об увеличении таких поставок.

Советская помощь в восстановлении железных дорог в Южной Маньчжурии

В середине 1947 г. наступил решительный перелом в гражданской войне в Китае. Народно-освободительная армия Северо-Восточного Китая под командованием Линь Бяо превратилась к тому времени в главную ударную силу НОА всего Китая. Оснащенная с помощью Советского Союза современным вооружением — артиллерией, танками, самолетами, НОАК перешла в решительное наступление против гоминьдановских войск, расположенных южнее и юго-восточнее излучины Сунгари. В начале 1948 г. произошло Шэньянское сражение, успешный исход которого сыграл решающую роль в полном разгроме и изгнании гоминьдановских армий со всей территории Маньчжурии и переносе освободительной борьбы народной армии в «застенный» Китай.

Подготовка к завершающему этапу общего стратегического наступления НОАК, сопряженная с сосредоточением крупных воинских частей и тяжелой боевой техники, требовала создания надежных коммуникаций, восстановления в первую очередь сильно разрушенного весной 1948 г. железнодорожного транспорта Южной Маньчжурии. Народно-демократическая администрация обратилась с просьбой к правительству Советского Союза оказать срочную помощь в восстановлении железных дорог в Южной Маньчжурии и направить для этой цели дорожно-восстановительные отряды с необходимой техникой. В начале июня из Москвы выехала правительственная комиссия во главе с И. В. Ковалевым (ранее занимавшим пост министра железных дорог), в состав которой входили я как начальник Восточного управления МВТ, начальник управления МПС СССР Ф. Н. Доронин и большая группа специалистов-железнодорожников.

Советское участие в восстановлении Южно-Маньчжурского участка КЧЖД — главной транспортной артерии этого края — основывалось на советско-китайском соглашении о совместном управлении этой дорогой. В обоснование советского участия в восстановительных работах первым секретарем Бюро ЦК КПК по Северо-Востоку Линь Бяо был издан приказ, в котором говорилось: «Китайско-Чанчуньская железная дорога является, согласно советско-китайскому договору, совместным предприятием Китая и СССР. Наша армия несет ответственность по охране имущественных прав как дороги, так и отдельных советских граждан и их жизней по всей линии, занятой народно-освободительными войсками... Все бойцы нашей армии, администрация, местные власти и народ должны строго охранять административные и имущественные права дороги и ни под каким предлогом не нарушать их»⁴.

По прибытии в Харбин в середине июня комиссия вступила в переговоры с Народно-демократическим комитетом, возглавляемым Гао Ганом. Помимо Гао Гана, с китайской стороны в переговорах участвовали Лю Жэньцяо и два руководящих работника управления дорог. Советская сторона была представлена И. В. Ковалевым, А. Ф. Журавлевым, М. И. Сладковским, М. Ф. Лысковым и Ф. И. Дорониным. Все встречи и протокольные мероприятия делегацией проводились при активном участии сотрудников советского генерального консула, а также молодого дипломата О. Б. Рахманна.

В переговорах была согласована программа восстановительных работ, предусматривавшая ремонт разрушенного пути, мостов и других железнодорожных сооружений. Согласованным графиком были намечены ориентировочные сроки окончания восстановительных работ по

⁴ Архив МПС СССР, КЧЖД, оп. 219, д. 9, л. 10.

основным крупным объектам с расчетом окончания всех работ к 1 января 1949 г.

К началу работ стали регулярно прибывать из Советского Союза ремонтно-восстановительные поезда, подъемные механизмы и дорожно-строительные материалы: рельсы, сваи, балки, металлические конструкции и др. Работы проводились под руководством Ф. И. Доронина с участием большой группы советских специалистов: 50 инженеров, 52 инструктора восстановительных работ и 220 техников и квалифицированных рабочих. Под их руководством были созданы рабочие отряды из китайских граждан.

Начало работ было отмечено в здании железнодорожного клуба торжественным заседанием, на котором присутствовали Линь Бяо, Гао Ган, Чэнь Юнь, Ли Фучунь и другие китайские руководящие работники. Выступавшие с речами китайские руководители оценивали участие советских железнодорожников в восстановлении железных дорог как проявление братской, бескорыстной помощи Советского Союза, имеющей важнейшее значение для достижения победы китайской революции.

Восстановительные работы на южном участке КЧЖД были закончены за две недели до окончания срока — 15 декабря 1948 г. В течение этого срока было отремонтировано свыше 150 км железнодорожного полотна и все вспомогательные сооружения на линиях Харбин — Дальний — Порт-Артур — Аньдун — Шаньхайгуань, а также восстановлено 120 крупных и средних мостов протяженностью более 9 тыс. м, в том числе у станции «Сунгари II» (987 м), через Сунгари на участке Чанчунь — Гирин (440 м), через Иньмахэ (320 м).

В ходе этих работ советские железнодорожники обучили большую группу китайских граждан, из которых были созданы специальные отряды для восстановления железных дорог во Внутреннем Китае. Приемка подготовленных к эксплуатации объектов производилась комиссией, возглавляемой членами Политбюро ЦК КПК Чэнь Юнем и Ли Фучунем.

Открытие сквозного движения по КЧЖД соединило крупный индустриальный район (Дальний — Порт-Артур, находившийся под охраной советских войск и не пострадавший в годы гражданской войны) с богатыми сельскохозяйственными районами Северной Маньчжурии.

На Ляодунском полуострове

По условиям советско-китайского договора советские войска продолжали оставаться на Ляодунском полуострове и после вывода наших войск из всех других районов Маньчжурии. Изолированный гоминьдановскими войсками от других районов Маньчжурии, Ляодун испытывал большие затруднения в продовольственном обеспечении. Его экономика после изгнания японцев оказалась дезорганизованной. Восстановление экономической жизни Ляодуна, прежде всего важнейшего промышленно-транспортного узла дальневосточного региона города Дальнего, является большой заслугой маршала К. А. Мерецкова, Первого члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта Т. Ф. Штыкова, командующего 39-й армией генерала Людникова, члена Военного совета армии генерал-майора Бойко и руководимой ими гражданской администрации, в составе которой были замечательные Китаеведы — выпускники ГДУ Владивостока: дальневосточный партизан Феодосий Кобыща, Анатолий Ильевский и др.

С весны 1947 г. на Ляодуне были образованы на паритетных началах советско-китайские акционерные компании, ставившие своей целью налаживание работы жизненно важных для края предприятий

и подготовку китайских специалистов, силами которых в последующие годы китайская сторона смогла бы самостоятельно обеспечить управление этими предприятиями.

Акционерная компания «Дальэнерго» стала одним из первых таких советско-китайских обществ. Она была создана весной 1947 г. «Дальэнерго» сыграла исключительно важную роль в нормализации всей экономической жизни полуострова. В ее ведении находилось 14 крупных предприятий, в том числе две электростанции в Дальнем, радиотелефонный, электроламповый, стекольный, цементный и лакокрасочный заводы. По мере восстановления и модернизации заводов за счет импорта советского оборудования «Дальэнерго» в 1948 г. не только обеспечивала своей продукцией потребности Ляодуна, но и приступила к ее экспорту. В 1948 г. общая стоимость экспорта этой компании составила 145 млн. руб. (по текущему курсу). Было вывезено 21 тыс. т кальцинированной соды, 28 тыс. т цемента, 1,1 млн. м² оконного стекла, 703 тыс. электроламп и другие товары (краски, электроизоляторы и пр.).

Общий объем промышленной продукции компании в 1948 г. оценивался в 2,5 млрд. юаней. В 1949 г. в связи с освобождением всей территории Маньчжурии и укреплением хозяйственных органов народно-демократической администрации компания «Дальэнерго» была ликвидирована и все ее имущество передано в ведение китайских властей с выплатой советским акционерам фактической стоимости оборудования и материалов, завезенных из СССР для нужд общества.

Советско-китайская акционерная компания «Ляодунрыба». С уходом японских оккупантов в Дальнем и его окрестностях рыболовный промысел практически прекратился, остановилось и связанное с ним производство. В первые месяцы эти предприятия находились в непосредственном ведении советской гражданской администрации, которая восстановила и ввела их в действие с помощью советских специалистов и органов местного самоуправления.

Весной 1947 г. была образована советско-китайская компания «Ляодунрыба», в июле 1947 г. зарегистрированная в управлении Дальнего. Ее капитал в 100 млн. юаней формировался на основе 1000 акций, распределенных поровну между советской и китайской сторонами.

Компания имела пять соляных промыслов, расположенных между Дальним и Порт-Артуром, консервный завод, три холодильника, судоремонтные мастерские, 77 рыболовных судов (мелкие суда, катера, самоходные баржи), жестянобаночную, канатную и мешкотарную фабрики.

Судостроительный завод «Дальдок». Дальнинский (Дайренский) судостроительный завод, основанный правительственными ведомствами России в 1903 г., был самым крупным промышленным предприятием Ляодунского полуострова. По Портсмутскому русско-японскому договору 1905 г. он вместе с другим русским имуществом был передан Японии. В годы японской оккупации Маньчжурии японцы расширили его и превратили в один из крупнейших судостроительных заводов на Азиатском континенте. Механическое оборудование предприятия позволяло ремонтировать и выпускать морские суда водоизмещением 12 тыс. т. В годы тихоокеанской войны, вызвавшей перенапряжение японской экономики, оборудование дальнинского завода было сильно изношено, и к концу войны он производил лишь текущий ремонт судов.

На основе решений Ялтинской конференции, предусматривавших восстановление принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., советская гражданская администрация приняла его в свое ведение от японской дирекции.

В 1947 г. советские специалисты начали модернизацию и реконструкцию завода на основе импортируемого из СССР оборудования.

К концу того же года предприятие располагало 350 металлообрабатывающими станками, 50 единицами кузнечно-прессового и 30 единицами литейного оборудования, 11 литейными печами. В его составе функционировали два сухих дога, машиностроительные, механические, инструментальные, деревообделочные цехи и различные подсобные предприятия. К этому времени на заводе уже работали 264 инженера и техника, 261 служащий и свыше 2 тыс. рабочих.

При помощи советского инженерного и технического персонала на заводе было организовано обучение китайских рабочих и служащих, они выдвигались на административные и технические должности вначале дублерами, а затем и основными исполнителями. По мере подготовки китайского административно-технического персонала завод переходил на паритетное советско-китайское управление. В середине 1949 г. начались переговоры о создании на базе «Дальдока» смешанного советско-китайского акционерного общества «Совкитсудстрой». Соответствующее соглашение было подписано в 1950 г. Акционерное общество «И. Я. Чурин» имело в Дальнем свое отделение, располагавшее крупным универсальным магазином и различными подсобными предприятиями, работающими на местном сырье. Оно получало через советско-китайские акционерные компании советские товары (ткани, табачные изделия, пищевые продукты и товары бытового назначения), а также некоторые товары из Северной Маньчжурии через свое пхеньяньское отделение. С освобождением от гоминьдановцев Южной Маньчжурии ляодунское отделение фирмы установило прямые связи со своей главной конторой в Харбине, и его операции приняли крупные масштабы.

Как и в городах Северной Маньчжурии, ляодунское отделение общества сыграло существенную роль в восстановлении экономики края.

Торговые операции советских объединений с китайской народно-демократической фирмой «Фучаньгунъе». В 1946 г. китайские власти Ляодуна создали торговую фирму «Фучаньгунъе», перед которой была поставлена задача обеспечить с помощью советских организаций завоз продовольствия для снабжения местного населения, а также нефтепродуктов, автотранспорта, тканей, медикаментов и других товаров для переправки их через Бохайский пролив в провинцию Шаньдун для частей НОАК, боровшихся там против гоминьдановцев.

Советские внешнеторговые организации в сотрудничестве с местными китайскими народно-демократическими властями при содействии командования Советской Армии создали надежную торгово-экономическую систему, обеспечивавшую нормальную работу промышленных и торговых предприятий, удовлетворение нужд населения.

Гражданская война, развязанная гоминьдановцами, не смогла нарушить нормальную жизнь Ляодунского полуострова.

* * *

В течение 4-х лет народно-демократическим силам Китая приходилось вести трудную гражданскую войну. При поддержке США гоминьдановские войска в начальный период получили большое военное преимущество и весной 1947 г. смогли даже занять Яньань, оттеснив народную армию в глубинные, экономически отсталые районы. Только на территории освобожденной Советской Армией Маньчжурии НОА Северо-Востока Китая при содействии Советского Союза не только смогла удерживать обширную территорию, но и превратить этот район в главную военно-экономическую базу, позволившую НОА с середины 1947 г. перейти в стратегическое наступление против гоминьдановских войск. Сотрудничество народно-демократической администрации Северо-Востока Китая с Советским Союзом позволило ей обеспечить полную победу в гражданской войне и создать условия для образования Китайской Народной Республики.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Районы Сибири и Дальнего Востока в преддверии XXVI съезда КПСС

В. А. Александров

Экономика Сибири и советского Дальнего Востока как часть единого народнохозяйственного комплекса СССР динамично развивается в текущей десятой пятилетке. В соответствии с решениями XXV съезда КПСС восточным районам страны были определены ускоренные темпы роста, позволяющие более полно и быстро использовать их могучий природный потенциал. Прирост промышленного производства здесь должен быть на пятую часть, а возможно, и на четверть выше, чем в целом по стране¹. Таким образом, решается двуединая задача дальнейшего наращивания производства на огромной территории, лежащей к востоку от Урала, и включения ее уникальных возможностей в хозяйственный оборот всей страны.

Развитие Сибири и Дальнего Востока находится под пристальным вниманием Центрального Комитета КПСС, высших советских государственных органов. За годы пятилетки были приняты решения партии и правительства, посвященные многим сторонам промышленного и сельского производства, науки и культуры, социальным вопросам жизни сибиряков и дальневосточников. Неоценимое значение имела поездка Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку весной 1978 г. Она способствовала мобилизации дополнительных резервов производства, успешной реализации линии КПСС на комплексное освоение природных богатств и развитие производительных сил этих районов.

Естественно, что до завершения пятилетнего цикла 1976—1980 гг. было бы преждевременно говорить об окончательных итогах проделанной работы в масштабах как всей страны, так и различных ее регионов. Однако, анализируя показатели отдельных ведущих отраслей, состояние узловых строек, названных в решениях партийного съезда, можно составить наглядную картину крутого подъема народного хозяйства Сибири и Дальнего Востока, его возрастающего вклада в укрепление сил мирового социализма.

Нефтегазовый комплекс

В полном соответствии с решениями XXV съезда КПСС и пятилетним планом в Сибири и на Дальнем Востоке ускоренное развитие получает топливная промышленность. Широкое использование сибирских залежей нефти, газа, угля позволило Советскому Союзу стать единственным в мире крупным индустриальным государством, которое базирует свое экономическое развитие на собственных топливно-энергетических ресурсах. Это весьма важная предпосылка устойчивого роста советской экономики и вместе с тем существенная черта, определяющая ее серьезные преимущества перед хозяйством ведущих стран капиталистического мира, которые все без исключения находятся в зависимости от привозных энергоносителей.

¹ См. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 175, 152.

Рост добычи нефти и газа осуществляется в Сибири такими темпами, которые не имели аналогов в мировой истории. Вот с какой динамикой наращивалось в районе Западно-Сибирской низменности производство нефти: 25 сентября 1959 г. буровая установка геологоразведчиков впервые вышла на месторождение, что дало надежду на успех. Первое месторождение нефти было открыто в 1960 г. на берегу реки Конды, где сейчас вырос город Урай. Но и после этого потребовалось определенное время, чтобы наладить добычу нефти в промышленном масштабе. В 1964 г. первые 200 тыс. т сибирской нефти были отправлены на Омский нефтеперерабатывающий завод. В следующем году был добыт первый миллион тонн нефти, а в 1970 г. было получено уже 28,5 млн. т нефти и газового конденсата.

В 1975 г. Западная Сибирь вышла на уровень производства 143 млн. т нефти в год. На десятую пятилетку была поставлена задача превратить Западную Сибирь в главную базу нефтедобычи. Эта задача была решена. В 1980 г., то есть в завершающем году десятой пятилетки, добыча нефти и газового конденсата в Сибири составит 315 млн. т. Это выше показателей, утвержденных XXV съездом КПСС, решениями которого определялся уровень добычи западносибирской нефти в 300—310 млн. т². Сибирь не только взяла на себя всю прибавку нефтедобычи в стране, но и позволила перекрыть снижение ее добычи в ряде других районов. Здесь добывается 52 % всей нефти и газового конденсата Советского Союза. Сейчас примерно каждая десятая тонна добытого в мире жидкого топлива имеет сибирское происхождение. Примечательна и такая динамика: если на добычу первого миллиарда тонн сибирской нефти потребовалось 14 лет (1964—1978), то второй миллиард планируется извлечь из недр втрое быстрее.

Аналогичный стремительный подъем характеризует и добычу природного газа. В сентябре 1953 г. в городе Березове вырвавшийся из разведывательной скважины факел обозначил открытие крупнейших в мире газовых месторождений. Через 13 лет сибирский газ был подведен к Уралу и вошел важным компонентом в топливно-энергетический баланс страны.

В текущей пятилетке началась добыча газа на крупнейшем из известных в мире газоконденсатном месторождении в Уренгое, расположенном в самом Северном Полярном круге, на полуострове Ямал. В выявленных здесь газоносных пластах на глубине 1000—1250 и 2300—3150 м сосредоточено свыше 5 триллионов м³ газа.

В 1978 — первом году эксплуатации — здесь было добыто почти 16 млрд. м³ газа, в следующем — более 26 млрд., а в нынешнем, завершающем году пятилетки объем добычи должен достигнуть 58 млрд. м³. Затем добыча будет доведена до 100 млрд., а в перспективе реально получать в Уренгое 200—250 млрд. м³ природного газа в год.

Уже в нынешнем году на Уренгойском, Медвежьем, Вынгапурском и других промыслах Западной Сибири будет добыто 163 млрд. м³ газа, это — 37 % общесоюзной добычи³. Решениями XXV съезда КПСС намечалось довести здесь добычу газа до 125—155 млрд. м³. Таким образом, установки партийного съезда будут превзойдены и в этом важном направлении развития сибирского региона⁴.

Естественно, что такое бурное развитие Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса осуществляется не на стихийной основе. Оно представляет собой результат продуманной политики партии, самоотверженных усилий сотен тысяч людей, работающих подчас в суровых

² См. Материалы XXV съезда КПСС, с. 226.

³ См. «Социалистическая индустрия», 21.V.1980.

⁴ См. Материалы XXV съезда КПСС, с. 226.

условиях. Высокую трудовую активность, большое чувство ответственности, мужество и трудовой героизм отмечал Л. И. Брежнев в приветствии передовым коллективам Тюменской области, взявшим повышенные обязательства по ускорению буровых работ, расширению мощностей по добыче нефти и газа⁵.

Характеристика нефтегазового комплекса Западной Сибири с обилием шифр и экскурсами в историю приведена не только для того, чтобы доказать возрастающий вклад этого района в развитие народного хозяйства СССР. Дело в том, что в последние годы за рубежом появилось немало суждений, призванных бросить тень на возможности месторождений нефти и газа на востоке СССР.

К каким только ухищрениям не прибегают ради этого. Лондонская «Файнэншл таймс», например, в мае с. г. в который уже раз обратилась к докладам американского ЦРУ — его специалисты, видимо, считают одной из главных своих задач выдавать время от времени «прогнозы» советского развития. Хотя эти прогнозы и оказываются легковесными, они какое-то время все-таки позволяют тешить душу недругам Советского Союза прорицанием непреодолимых трудностей, которые будто бы не позволяют ему успешно развивать свое хозяйство.

Не вступая в полемику с теми, у кого недоброжелательность к СССР стала профессией, хотелось бы обратить внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, чтобы за короткий срок стать самым крупным в мире производителем нефти, надо располагать немалыми природными ресурсами, поскольку из бесплодной земли ничего выжать нельзя. Известно, что только за первые три года текущей пятилетки в СССР, преимущественно в Сибири, было открыто более 270 нефтяных и газовых месторождений. Нынешний уровень производства подтверждает наличие значительных ресурсов.

Во-вторых, сибирские районы нефтегазодобычи — одни из самых молодых в мире по времени разработки. Если продолжают сохранять уровень добычи те промыслы, история которых исчисляется сотней лет, то какая же перспектива у только что открытых залежей?

В-третьих, по мнению специалистов, Сибирь приоткрыла лишь часть своих сокровищ. Она день ото дня преподносит щедрые сюрпризы. Например, на части Уренгойского газоконденсатного месторождения из-под газоконденсатных горизонтов с глубины трех тысяч метров вдруг начинают бить нефтяные фонтаны. Не раскрыты еще тайны многих отдаленных районов. И речь идет не только о западносибирской субарктике. В настоящее время ведется также выявление промышленных запасов газа Якутии, ведутся поисковые работы на шельфе у побережья Сахалина. Кроме того, существует проблема так называемой глубинной нефти. Ждут своего часа нефтегазоносные палеозойские отложения, скрытые на глубине пять и более километров от поверхности земли.

Наконец, далеко не использованы возможности всех ныне действующих промыслов. Ведь в большинстве стран мира научились брать из залежей не более третьей части разведанных запасов. В Советском Союзе благодаря внедрению прогрессивных методов удается значительно повысить коэффициент нефтеотдачи. В десятой пятилетке, отмечал министр нефтяной промышленности СССР Н. А. Мальцев, подготовлено несколько новых методов повышения нефтеотдачи: закачка растворов поверхностно-активных веществ и полимеров, каустической соды, серной кислоты, тринатрийфосфата, пенных систем, теплоносителей (горячей воды и пара), внутрислоевого горения. За счет разработки и внедрения новых способов вторичной и третичной добычи показатель отдачи нефти с каждого месторождения может быть значительно увеличен⁶. Социализм

⁵ См. «Экономическая газета», 1979, № 24.

⁶ См. «Нефтяное хозяйство», 1979, № 11, с. 5—9.

активно ставит на службу народному хозяйству научно-технические достижения и обеспечивает этим невиданный успех развития экономики.

По некоторым подсчетам, в недрах планеты содержится не менее 77 триллионов т углеводов, из них значительная часть на территории Советского Союза, который занимает шестую часть земной суши. За столетнюю историю нефтедобычи в СССР жидкого топлива извлечено не более 9 млрд. т. Какие же еще немалые богатства ждут советских людей, какие силы земли будут поставлены нашим народом на службу коммунизму!

Хотя добыча энергоносителей представляет собой только часть всего нефтегазового комплекса, включающего также транспортную сеть, хранилища, очистку и переработку сырья, успехи в производстве нефти и газа, достигнутые в десятой пятилетке, позволяют сделать ряд важных выводов.

Прежде всего развитие нефтегазового комплекса Сибири существенно укрепляет экономику Советского Союза, позволяет ускоренно развивать многие отрасли хозяйства, в том числе энергетику, химию, транспорт и на этой основе — машиностроение, сельское хозяйство, производство товаров потребления. Добыча энергосодержащего сырья в СССР в 1965 г. составила 966 млн. т условного топлива, а в 1978 — 1790 млн. т. При этом в первом случае в балансе страны на нефть и газ приходилось 51,3 %, во втором — 70,3 %⁷.

Великая стройка в Западной Сибири открывает широкие возможности для расширения международного сотрудничества, помогает укреплять социалистическую экономическую интеграцию, делает прочнее материальную основу политики мирного сосуществования. Топливо и электроэнергия составляли в 1965 г. немногим более 17 % всего советского экспорта, а в 1978 г. уже превысили 35 %, при этом весомость каждого процента экспорта СССР за это время возросла с 73 млн. до 356 млн. руб.⁸ Вклад Сибири в наращивание экспортных возможностей Советского Союза несомненен⁹.

Немаловажно и то, что достигнутый уровень добычи углеводородного сырья в Сибири был обеспечен почти полностью за счет собственных ехнических, научных и других ресурсов СССР, за счет труда советских людей. Сотрудничество с другими странами помогало делу, но не было определяющим фактором развития. Это значит, что и в дальнейшем газон и нефтедобывающие отрасли будут динамично развиваться, создавая дополнительные условия для взаимовыгодного сотрудничества СССР с другими странами, при этом никакое внешнее обстоятельство не остановит поступательного движения Сибири. Вспоминая предвидение знаменитого русского ученого М. В. Ломоносова, советские люди выражают глубокую уверенность, что богатства их страны и впредь во многом будут прирастать за счет сибирских и северных районов.

На угольных месторождениях

В решениях XXV съезда КПСС была поставлена задача — совершенствовать структуру топливно-энергетического баланса страны и в этих целях рационально сочетать различные виды топлива, шире применять каменный уголь¹⁰.

Особое значение в десятой пятилетке придается расширению добычи угля в восточных районах, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке.

⁷ См. Народное хозяйство СССР в 1978 г. (Ежегодник ЦСУ), 1979, с. 144.

⁸ См. там же, с. 547 и 551.

⁹ Подробнее о международных аспектах сибирского развития см. «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 3.

¹⁰ См. Материалы XXV съезда КПСС, с. 176.

Работы здесь разворачивались в двух направлениях. С одной стороны, осуществлялась реконструкция и модернизация действующих шахт и угольных разрезов. Это относилось прежде всего к Кузбассу. С другой стороны, принимались меры по ускоренному освоению новых угольных районов и созданию на их базе мощных энергетических комплексов, главным образом за счет добычи угля наиболее экономичным открытым способом. Речь шла о названных в документах съезда партии Южно-Якутском угольном районе и Канско-Ачинском топливно-энергетическом комплексе¹¹.

Кузнецкий бассейн, освоение которого стало символом индустриального развития СССР в начале 30-х годов, является второй после Донбасса по мощности угольной базой страны. В 1979 г. в Кузбассе было добыто почти 155 млн. т угля из 752 млн. т всей добычи угля в стране. Прирост добычи угля в этом районе за четыре года пятилетки превысил 9 % и был выше, чем в целом по СССР. В нынешнем году шахтеры Кузбасса должны добыть примерно 162 млн. т угля.

Хорошо видна и дальнейшая перспектива развития Кузбасса, ведь именно отсюда поступает основная часть коксующегося угля для металлургического производства СССР, а также в Японию и некоторые другие страны. К концу текущего десятилетия здесь будет действовать 50 шахт средней производительностью 2,8 млн. т и 20 разрезов по 6,5 млн. т добычи угля в год. Суммарное годовое производство угля в Кузбассе достигнет примерно 270 млн. т.

Для того чтобы выйти на такие высокие рубежи, и при этом без существенного увеличения численности рабочих, заранее принимаются должные меры. В соответствии с технической политикой партии происходит перевооружение угледобывающей отрасли. Пионером совершенствования нелегкого труда шахтеров выступает коллектив шахты «Распадская» в Кузбассе. Проводившаяся на протяжении нескольких лет реконструкция обеспечила добычу на этой шахте 20 тыс. т угля в сутки, или 7,5 млн. т топлива в год. Разведанное шахтное поле площадью 45 км² позволит шахте в таком ритме работать не менее 50 лет. Шахта «Распадская» аккумулировала самые передовые методы и прогрессивную советскую и зарубежную технологию, что позволило полностью механизировать здесь добычу угля. Не случайно и производительность труда на этой шахте высока: на одного рабочего добывается 280 т угля в месяц по сравнению с 55 т в среднем по отрасли.

Глубокая реконструкция с внедрением такой же передовой технологии осуществлена на шахте «Зенковская» с ее крутопадающими пластами, в которых и сосредоточены наиболее ценные запасы коксующихся углей. Более 3,5 млн. т в год дает шахта «Юбилейная», где используется один из наиболее сложных и эффективных методов добычи — гидравлический.

Происходит перевооружение техники, занятой и на открытой добыче угля в Кузбассе. Например, реконструкция угольного разреза имени 50-летия Октября позволит увеличить добычу вдвое и довести ее до 12 млн. т в год. В бассейне работают мощные экскаваторы с емкостью ковша 40 м³, 120-тонные карьерные автосамосвалы. Производительность труда в разрезах еще выше, чем в самых передовых шахтах: 600 и более тонн в месяц на одного рабочего.

В десятой пятилетке особый упор делается на использование открытых разработок угля в силу ряда причин. С одной стороны, советская индустрия располагает сейчас могучей техникой, необходимой для работы в карьерах, ведь приходится перетаскивать миллионы кубометров горных пород при вскрытии залежей и добыче горючего. Наличие техники — главная предпосылка успешного решения задачи.

¹¹ См. там же, с. 179.

Вместе с тем учитывается экономическая эффективность добычи угля открытым способом. По мнению генерального директора объединения «Кемеровоуголь» Л. Резникова, она определяется следующими обстоятельствами: разрезы создаются значительно быстрее, чем шахты (соответственно 3 года и 10 лет); добыча угля из разрезов может производиться поэтапно, до окончания строительства; окупаемость затрат происходит вдвое быстрее, производительность труда в три раза выше, чем при подземной угледобыче¹².

С учетом таких преимуществ производства угля открытым способом этот метод находит широкое применение не только в Кузбассе, но и при освоении других угольных районов Сибири — Канско-Ачинского и Южно-Якутского.

В директивных документах XXV съезда КПСС была поставлена задача — развернуть работы по ускоренному созданию Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса¹³. Директивы съезда получили развернутое выражение в специальном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О создании Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса»¹⁴. В соответствии с этим постановлением для создания комплекса в 1979—1990 гг. предусматривается строительство мощных угольных разрезов, крупных тепловых электростанций, энергетических и транспортных коммуникаций, нового современного города.

Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс (КАТЭК) будет представлять собой уникальную концентрацию энергетических мощностей. Связано это с огромными богатствами бассейна, расположенного в самом центре азиатской части СССР и протянувшегося на 800 км вдоль существующей Транссибирской магистрали. Запасы малосернистого и малозольного бурого угля, по общей геологической оценке, определяются здесь в 1,2 триллиона т. Добычу предполагается вести открытым способом на нескольких разрезах мощностью 30—50 млн. т угля в год. Высокопроизводительная техника позволит доводить выработку до трех и более тысяч тонн в месяц на одного рабочего, себестоимость угля — держать на уровне 0,7—0,9 руб. за тонну. Запасы угля делают реальной добычу в этом районе до миллиарда тонн угля в год. Несколько электростанций, из которых две по 6,4 млн. кВт, позволяют превзойти самый крупный энергетический комплекс США — «Теннесси», где действует 31 электростанция общей мощностью 14 млн. кВт. Со временем КАТЭК будет давать примерно половину нынешнего объема добычи каменного угля в СССР. Масштабы стройки огромны в пространстве и во времени. Специалисты считают, что разрезы и электростанции КАТЭК будут служить людям не менее пяти веков.

Не следует забывать о возможности использования угля не только в энергетических целях, но и как сырья для производства другой продукции. Как отмечал академик М. А. Стырикович, в перспективе (начало XXI в.) при существенном удорожании природного жидкого топлива и предельном использовании угля на электростанциях и у других крупных потребителей будет целесообразно широкомасштабное производство из угля синтетического жидкого топлива, в первую очередь в зонах массовой добычи дешевых углей, удаленных от центров потребления¹⁵.

КАТЭК — не только будущее, но и частично настоящее Сибири. Созданы строительные тресты «КАТЭКэнергострой», «КАТЭКуглестрой»; осваиваются отдельные участки угольных разрезов; начинается строительство первой из серии электростанций-гигантов — Березовской ГРЭС-1; создается Красноярский завод тяжелых экскаваторов, предназначенный для карьерной угледобычи; десятки научных учреждений

¹² См. «Известия», 12.V.1978.

¹³ См. Материалы XXV съезда КПСС, с. 179.

¹⁴ См. «Известия», 6.IV.1979.

¹⁵ См. «ЭКО», 1979, № 11, с. 87.

заняты решением совершенно новых технических, экологических, социальных проблем, связанных с формированием в таежном крае центра энергетики, ориентированного на последние достижения научно-технического прогресса. Сюда стекаются первые десятки тысяч людей разных профессий, из которых будут формироваться города и поселки с проектируемой общей численностью населения примерно в 800 тыс. человек.

Наряду с развитием Кузбасса и КАТЭК в материалах XXV съезда КПСС назван еще один угольный район Сибири — Южно-Якутский, определена необходимость его ускоренного развития¹⁶. В силу многих обстоятельств это месторождение привлекает к себе особенно пристальное внимание. Здесь у самой поверхности мощными слоями — до 66 м — залегают первоклассные коксующиеся угли. В одном таком «гнезде», в районе Нерюнгри — 450 млн. т. Сюда подведено меридианальное ответвление Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Уголь отсюда начал поступать в города Дальнего Востока и на экспорт.

Угольные богатства Южной Якутии поставлены на службу народному хозяйству страны. Создается разрез, который будет давать 13 млн. т коксующегося угля в год. Строится и обогатительная фабрика, рассчитанная на выпуск 9 млн. т угольного концентрата. Здесь будет действовать самое передовое оборудование, обеспечивающее минимальное использование труда рабочих.

Из созданных участков БАМ, части Транссибирской магистрали, вновь оборудованного порта Восточный с самым совершенным угольным причалом создана и начинает действовать линия транспортировки южно-якутского угля зарубежным партнерам СССР. Угольные карьеры в Нерюнгри возвращают в государственную казну средства, вложенные в промышленное и транспортное освоение этого края.

Сибирь и Дальний Восток щедро одарены залежами угля не только названных трех мощных бассейнов. Черные квадратики угольных месторождений можно встретить в самых различных точках на геологических картах восточных районов, они густо рассыпаны по Приморскому краю. И здесь добыча угля выросла за годы десятой пятилетки; она превзошла в 1979 г. 14 млн. т. Около 6 млн. т в том же году добыли шахтеры Сахалина.

Наряду с расширением угледобывающей отрасли, с созданием новых шахт и разрезов в Сибири, как и во всей стране, проводится большая работа по интенсификации производства, углублению процесса переработки сырья, повышению его качественных характеристик. Например, в Кузбассе, близ Новокузнецка, на рубеже девятой и десятой пятилеток начал действовать крупнейший в угольной промышленности обогатительный комплекс «Сибирь», который ежегодно перерабатывает 6,5 млн. т коксующегося угля. В едином технологическом цикле здесь действуют мощные сепараторы, гидравлические осадочные машины, гидроциклоны, флотационные машины. Установлена совершенная аппаратура, позволяющая автоматизировать процесс обогащения угля и его погрузку. С начала 1980 г. весь концентрат выпускается комплексом только с государственным Знаком качества. За восьмичасовую рабочую смену 324 вагона этого сырья для металлургической промышленности отправляется отсюда на заводы Сибири, Урала и центра страны.

Очистка, сушка, обогащение угля представляет чрезвычайно важную задачу, если учесть возрастающие потоки угольных перевозок, когда сотни миллионов тонн перемещаются на тысячекilометровые расстояния. Специалисты подсчитали, что при транспортировке непереработанного угля содержимое вагонов подчас на 40—45 % состоит из воды и пустой породы. Создание таких обогатительных фабрик, как комплекс «Сибирь», позволит значительно снизить транспортные издержки и вы-

¹⁶ См. Материалы XXV съезда КПСС, с. 179.

свободить вагонный парк для других перевозок. Не случайно одновременно с созданием нерюнгринского разреза осуществляется строительство обогатительной фабрики в Южной Якутии. Ценность каждой тонны обогащенного угля возрастает по крайней мере на одну треть.

Что же дает ускоренное развитие добычи угля в Сибири и на Дальнем Востоке? Ответить на этот вопрос нельзя ссылкой на какую-то одну сторону. В этом деле проявляется значительная сумма производных, меняющих производственную и социальную структуру больших регионов. Среди этих производных нельзя не назвать по крайней мере некоторые.

Так, развитие добычи угля позволяет укрепить всю топливно-энергетическую и сырьевую базу на востоке. Это в свою очередь создает важнейшие предпосылки для роста индустрии и дальнейшего сдвига промышленного развития в районы восточнее Урала. Улучшаются условия для более равномерного размещения промышленного производства на всей территории СССР. В частности, все более реальной становится возможность реализации давно вынашиваемого проекта создания новой крупной металлургической базы на Дальнем Востоке с использованием коксующихся углей Нерюнгри и железной руды Алдана.

Включение в народнохозяйственный оборот сотен миллионов тонн сибирского угля придает дополнительную гибкость топливно-энергетическому и сырьевому балансу восточных регионов и страны в целом. Это позволяет переключить производство тепла и электроэнергии на уголь как на более дешевое и распространенное топливо, высвободить значительное количество нефти и газа для использования их в химии и нефтехимии.

Увеличение добычи угля позволяет расширить экспортные возможности СССР. Эта сторона проявляется двояко. Во-первых, возрастают прямые поставки угля за рубеж, например нерюнгринского коксующегося в Японию. Во-вторых, совершенствование топливно-энергетического баланса создает условия для пропорционального увеличения доли углеводородного сырья, предназначенной для экспорта. Это тем более важно, что на международном рынке углеводородного сырья спрос значительно превосходит предложение. Причем такая тенденция, по всей видимости, не только сохранится, но и будет усиливаться в конце XX и начале следующего века. Не нужно быть большим провидцем, чтобы предостеречь себя, как за спазмами нефтяного кризиса эконоимику капиталистического мира будет лихорадить нехватка и других видов невосполнимого органического топлива. И в этой связи раскрытие кладовых Сибири с триллионами тонн энергетического и технологического угля имеет глобальный смысл.

Десятая пятилетка останется в летописи советского народного хозяйства как период, когда только начинается эра большого угля Сибири, начинается уверенно, с научным расчетом, с прицелом на будущее, как и подобает экономике страны, где жизнь строится на принципах научного коммунизма.

Плюс электрификация

Сооружение на Ангаре Иркутской и Братской, на Енисее Красноярской гидроэлектростанций яркими страницами вошло в летопись предыдущих пятилеток. В середине нынешнего пятилетия включились в сеть все агрегаты Усть-Илимской ГЭС. Двух лет работы на полную мощность этой электростанции оказалось достаточно, чтобы полностью окупилась средства, затраченные на ее сооружение. Вырабатываемая здесь электроэнергия самая дешевая в СССР. Себестоимость одного киловатт-часа составляет 0,06 коп., то есть в 2,5 раза ниже, чем в среднем по всем гидроэлектростанциям нашей страны.

Успехи гидростроительства в Сибири, выполнение и перевыполнение

планов связаны со многими обстоятельствами. Среди них существенно, конечно, то, что экономика страны нуждается в опережающем развитии энергетики для расширения многих производств, в том числе энергоемких. Поэтому в планах для гидростроителей определяются высокие рубежи, выделяются соответствующие средства. Но есть еще один чрезвычайно важный фактор: энергостроительные организации сложились как мощные, согласованные во всех звеньях коллективы. Им по плечу последовательно решать задачи создания все более сложных и в то же время экономичных энергоустройств. Они как бы шагают по гигантским ступеням плотин, продвигаясь от обжитых районов к наименее освоенным.

Так, костяк организации строителей Иркутской ГЭС составил основу коллектива строителей Братской гидроэлектростанции. Не завершились еще окончательно работы в Братске, а коллектив «Братскгидроэнергостроя» уже начал разворачивать строительство в Усть-Илимске. Как только стали подходить к концу работы в этом новом городе, гидростроители перебазировались еще ниже по Ангаре, строить четвертую ступень каскада — Богучанскую ГЭС.

От этого коллектива отпочковался еще один, который обосновался на реках Амурского бассейна. На его долю выпала задача сооружения Зейской ГЭС. Пуск этой электростанции полностью пришелся на десятую пятилетку. Но не успели завершиться все работы на Зее, как тот же коллектив приступил к созданию плотины на другом притоке Амура — реке Буре.

Каждая гидроэлектростанция обычно решает комплекс проблем: выработки электроэнергии, создания запасов воды, развития мелиоративного земледелия, речного судоходства и пр. Эта комплексность особенно отчетливо видна на стройках Амурского бассейна.

Во многих местах на Амуре ниже впадения Зеи и Буреи можно увидеть разрушительные последствия их разливов. Долинные берега, возделанные поля, села, дороги — все это превращается в игрушку мутных потоков. Что может быть печальнее для земледельца, чем вид загубленных трудов, когда стебли картофеля, завязь капусты, ростки хлеба, скошенное сено — все оказывается во власти стихии? Периодически повторявшиеся стихийные бедствия в значительной степени были причиной отрицательной миграции населения в этом районе.

Плотины на Зее и Буре призваны укротить их злой нрав. Потоки воды, скатываясь с гор, не попадут в долину, а будут заперты в водохранилищах. Зейская ГЭС уже выполняет возложенную на нее роль укротителя стихии. В следующей пятилетке наступит очередь и плотин на Буре.

Такая же последовательность, как на Ангаре или реках Амурского бассейна, прослеживается и на Енисее. В 1972 г. был подписан акт о приеме первенца Енисейского каскада — Красноярской ГЭС мощностью 6 млн. кВт. Но задолго до этого управление «Красноярскгэсстрой» передвинуло коллектив строителей на новую площадку — началось сооружение крупнейшей в мире гидроэлектростанции — Саяно-Шушенской.

Вслед за первым агрегатом поочередно стали вступать в строй и другие. С вводом десятого в начале следующей пятилетки общая мощность этой станции составит 6,4 млн. кВт. Саяно-Шушенская ГЭС прекрасно иллюстрирует взлет в развитии энергетики, индустрии, всей экономики, который характеризует нашу страну.

Плотина в Саянах взметнется на высоту 242 м и будет сдерживать напор 32 млрд. м³ воды, которые будут замкнуты в водохранилище протяженностью 400 км. Паводковые потоки через водосбросные отверстия смогут проходить со скоростью 14 тыс. м³ в секунду.

В историю гидростроительства эта ГЭС войдет многими техническими новшествами. Она стала вырабатывать ток значительно раньше, чем

завершилось строительство плотины и заполнение водохранилища. Строители установили сменные рабочие колеса, для работы которых было достаточно плотины высотой всего 80 м. По достижении напора воды в 120 м эти рабочие колеса заменят штатными, действующими на полную мощность. Свыше 150 изобретений воплотилось только в создание гидроагрегатов.

Для ослабления разрушительного воздействия вырывающихся из турбин потоков воды рядом с плотиной-гигантом создается ее младшая сестра — Майнская ГЭС. 22 апреля с. г., когда отмечалась 110-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина, в подпорную стенку этого гидроузла был уложен первый гидротехнический бетон. Расположенная в нескольких десятках километров вниз по течению, плотина будет регулировать уровень воды в Енисее, позволяя Саяно-Шушенской ГЭС работать на полную мощность. Себестоимость электроэнергии здесь будет, как и на других реках Сибири, одной из самых дешевых в СССР.

Рассказ о гидроэлектростанциях Сибири и Дальнего Востока будет неполным, если не упомянуть еще одно гидроэнергетическое сооружение, для которого нынешний год является начальным годом трудовой деятельности. Это Колымская ГЭС, которая сооружается на вечной мерзлоте в исключительно трудных условиях Крайнего Севера. Здесь работы начались восемь лет назад с создания рабочего поселка, подъездных путей, строительной базы. А теперь уже стоит плотина, создан машинный зал, выдвигаются на стартовые позиции энергоагрегаты.

Скоро край золотодобытчиков, горняков, шахтеров получит постоянный источник энергии, который даст в пять раз больше электричества, чем все действующие в округе четыреста местных дизельных и газотурбинных электроустановок. И если управление «Колымгэсстрой» в противоположность другим коллективам гидростроителей не имело уходящего в десятилетия прошлого, то будущее у него такое же перспективное. Не за горами время, когда следом за нынешней стройкой на картах будут стоять отметки Усть-Среднеканского, Могучегорского и других гидроузлов, которые помогут в корне преобразовать жизнь в этом студенном крае, по соседству с самым восточным районом СССР — Чукоткой.

Энергетика Сибири и Дальнего Востока имеет две опоры — гидроэлектростанции и топливные электростанции. Сочетание этих двух элементов необходимо, так как исключительно велики потребности в электроэнергии. И если большой перепад рек на востоке региона создает благоприятные предпосылки для гидроэнергетики, то равнинный характер рек Западной Сибири предполагает другое решение проблемы. И здесь на помощь приходят минеральные ресурсы, прежде всего газ севера Тюменской области и каменный уголь Красноярского края. Первый позволяет вырабатывать электроэнергию на месте, второй — передавать ее потребителю, находящемуся на дальнем расстоянии.

Первоначально формирование Западно-Сибирского территориально-промышленного комплекса осуществлялось на базе электроэнергии, поставляемой с Урала или вырабатываемой на местных небольших электростанциях. Широкий размах работ по освоению нефтяных богатств, обустройство месторождений, обеспечение новых городов с их промышленными предприятиями потребовали в прошлом десятилетии быстро изменить географию энергетики в Западной Сибири. Был найден и самый рациональный топливный вариант: использовать попутный газ, который поднимался из недр вместе с нефтью и не находил применения в хозяйстве.

Значительная часть попутного газа потребляется Сургутской ГРЭС, энергоблоки которой начали действовать в текущем пятилетии. Теперь уже не север Западной Сибири получает энергию с Урала, а индустриальный Урал становится потребителем сибирского электричества.

Вслед за первой ГРЭС в Сургуте будет возведена вторая станция. Здесь будут установлены шесть блоков мощностью по 800 тыс. кВт каждый. Пуск первого агрегата намечен уже на 1983 г. В ближайшие годы войдет в строй Тобольская ТЭЦ, начнется строительство Уренгойской ГРЭС, а также Нижневартовской ТЭЦ, Тюменской ТЭЦ-2. Этой энергии должно хватить для создающихся нефтехимических предприятий Томска и Тобольска, лесоперерабатывающих заводов и фабрик края, городов и сел. Избыточное количество электроэнергии планирует передавать в европейский центр страны.

Для удовлетворения местных потребностей в энергии была сооружена Якутская газотурбинная ГРЭС, расположенная близ Якутска и работающая на местном природном газе. Также преимущественно для местных нужд, но уже с использованием угля была построена в Бурятии Гусиноозерская ГРЭС. Ее энергия пришлась очень кстати в связи с развернувшимся строительством Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Эта станция служит и связующим звеном между энергетическими системами СССР и МНР.

Новой ступенью в развитии советской энергетики станет энергомагистраль, который закладывается на базе использования каменноугольных месторождений Канско-Ачинского бассейна. Первая из серии электростанций КАТЭК, Березовская ГРЭС-1 будет иметь 8 энергоблоков, каждый мощностью по 0,8 млн. кВт, то есть общая мощность станции составит 6,4 млн. кВт, как и у Саяно-Шушенской ГЭС. Она будет потреблять ежегодно 25 млн. т угля, прошедшего предварительную термическую обработку, и вырабатывать более 40 млрд. кВт·час электроэнергии. Для передачи энергии КАТЭК потребителям разрабатываются линии повышенной напряженности, которой не знает мировая практика.

Укрепление энергетической базы на востоке СССР тесно связано со специфическими отраслями индустрии, получившими широкое развитие в этом регионе в соответствии с решениями съездов КПСС, а именно с созданием и расширением энергоемких производств. Нетрудно понять, что энергоемкие производства — металлургия, прежде всего цветная, химия, деревопереработка — означают в наши дни развитие самых передовых направлений промышленности, где используется минимум рабочих рук и максимум техники, с автоматизацией участков и целых цехов, широким внедрением ЭВМ, совмещением производства с наукой. Жороче говоря, это означает выход промышленности Сибири и Дальнего Востока на передовые рубежи научно-технического прогресса.

Передовые рубежи индустрии

Индустрия восточных районов набирает темпы роста благодаря развитию в двух направлениях, характерных для всей советской промышленности в десятой пятилетке: это реконструкция, расширение действующих предприятий и создание новых производств. Если в добывающей промышленности в силу освоения новых районов упор делается на второй стороне дела, то в обрабатывающей — повышенное внимание уделяется первой, хотя говорить о приоритете того или другого направления едва ли было бы оправданно.

Чтобы составить представление о том, как глубоко осуществляется в наши дни перестройка действующих предприятий, как на ходу происходит модернизация производства и что это дает, достаточно обратиться к одному из флагманов современной индустрии Сибири — Западно-Сибирскому металлургическому заводу имени 50-летия Великого Октября. Годовщина, давшая имя Запсибу, свидетельствует о сравнительной молодости предприятия. Первый чугун здесь начали варить в 1964 г., а заодно осваивали производство стали, проката.

Казалось бы, после первой плавки доменной печи № 1 прошло немало времени, но в 1977 г. ей уже пришла замена. С минимальным разрывом во времени одну доменную печь заменили другой, более мощной. Результат — значительное увеличение выпуска продукции, рост производительности труда, повышение степени механизации производства. Только прибавка металла составила 600 тыс. т в год.

На Запсибе, отмечал первый секретарь Кемеровского обкома КПСС Л. Горшков, ежегодно вводятся в строй крупные цехи и агрегаты. Их фактическая мощность, как правило, оказывается выше расчетной. Объясняется это тем, что проекты в процессе строительства продолжают совершенствоваться, дополняются предложениями рационализаторов и изобретателей, впитывают в себя последние достижения науки и техники¹⁷.

Благодаря такому творческому подходу проектная мощность доменных печей на заводе перекрыта почти на 17 %, сталеплавильных конверторов — на треть. А это значит, что обеспечено производство дополнительно сотен тысяч тонн металла и изделий из него. Раньше запланированного срока на Запсибе был введен в этой пятилетке крупнейший в мире среднесортный прокатный стан «450». Отмечая это достижение сибиряков, Л. И. Брежнев подчеркнул в приветственной телеграмме, что оно свидетельствует о высокой сознательности и ответственности коллективов за порученное дело.

Сибирскую металлургию отличают сегодня не только большие масштабы и высокий технический уровень предприятий, но и разнообразие отраслей.

Цветная металлургия Сибири — это медь, никель, олово, молибден, кобальт, алюминий и пр. Их производство в текущей пятилетке шагнуло в своем развитии далеко вперед.

Гордостой сибирской цветной металлургии стал Норильский горно-металлургический комбинат, строительство которого началось еще в 1935 г. В нынешней пятилетке в развитии Норильского горно-металлургического комбината и всего заполярного города открылась новая страница: на плато «Надежда» вступил в строй новый металлургический завод. В 1978 г. на нем стали производить полуфабрикаты цветных металлов, в следующем году полностью вступила в строй первая очередь предприятия, к концу пятилетки должна войти в строй и его вторая очередь.

Специалисты говорят, что Надеждинский металлургический завод или, как его просто называют, «Надежда», произвел революцию в отрасли. Прежде при производстве меди и никеля не использовались руды с повышенным содержанием серы. Если какая-то часть серы попадала в печи, она начисто выжигалась и выбрасывалась на ветер. На «Надежде» применена новая технология, которая позволяет получать и металл и серу. Практически произошло соединение двух отраслей — металлургии и химии. Новый завод позволяет в полтора раза увеличить производство норильских металлов, дает значительное количество ценного химического сырья — серы, и, кроме того, он становится потребителем миллионов тонн руды, которая прежде не могла идти в переработку и находилась в отвалах.

Этот многосторонний эффект был обеспечен прежде всего за счет внедрения новейших достижений научно-технического прогресса, соединения науки и производства. «Надежда» воплотила в себе труд ученых Москвы, Ленинграда и многих других городов. Сказалась способность социалистического планового хозяйства сконцентрировать на важном участке крупные силы и решить проблему, какой бы сложной она ни была. Так получило реализацию конкретное предписание XXV съезда

¹⁷ См. «Известия», 7.IV.1977.

КПСС: «Обеспечить дальнейшее развитие Норильского горно-металлургического комбината»¹⁸.

Упор на научно-технический прогресс, улучшение качественных показателей, как это определено XXV съездом КПСС, характерен и для других комбинатов, заводов и фабрик цветной металлургии, достаточно густо размещенных в различных районах Сибири. Развивают производство за счет внедрения наиболее совершенной технологии Братский, Иркутский, Красноярский алюминиевые заводы, Сорский молибденовый комбинат в Красноярском крае, Новосибирский оловокомбинат, Солнечный горнообогатительный комбинат в Хабаровском крае и многие другие предприятия.

На основе новейших достижений науки и техники развивается и такая молодая отрасль сибирской индустрии, как химия. Если в прежние годы предприятия этой сферы концентрировались преимущественно в районе Кузбасса рядом с металлургией и производством кокса для доменных печей, то в последнее время новыми центрами химии становятся газонефтедобывающие районы Западной Сибири. Добыча большого количества нефти и газа предопределила размещение по соседству крупных заводов химии и нефтехимии. Экономическая целесообразность такого решения очевидна: не требуется больших затрат на транспортировку многотоннажного и объемного сырья, более компактная и лишенная отходов продукция в 6—8 раз выше стоимости используемого сырья.

На нынешнюю пятилетку пришелся разворот строительства двух мощных нефтехимических комбинатов — Томского и Тобольского, расположившихся в ближайшем соседстве с районами нефтедобычи. Окончательный пуск предприятий произойдет позже, однако уже в текущем году их коллективы наметили дать первую продукцию.

Тобольский химический комплекс станет крупной базой производства синтетического каучука, сырьем для которого послужит нестабильный газовый бензин, получаемый из попутных нефтяных газов. Первая очередь Тобольского комбината будет производить изопрен и бутadiен, из которых здесь будет вырабатываться искусственный каучук. На втором этапе стройки в Тобольске будут выпускаться поверхностно-активные вещества, спирты, бензол, полиэтилен, полипропилен, белково-витаминные концентраты и пр. Третью очередь составит нефтеперерабатывающий завод по производству высококачественного моторного топлива и масел. Один только перечень производств свидетельствует о грандиозности строительства. Для обслуживания создающегося комбината рядом со старым Тобольском вырастет новый город.

Все это уже сейчас в значительной мере реализуется на обширных строительных площадках. Более 600 млн. руб. вложено в строительство в текущей пятилетке. Вступают в строй первые объекты, задолго до завершения всего строительства потребители будут получать отсюда первую продукцию с центральной газифракционной установки, перерабатывающей нестабильный газовый бензин.

Еще дальше продвинулось строительство Томского нефтехимического комбината: идет подготовка к сдаче под пусконаладочные работы первой очереди предприятия — производства полипропилена. Только пусковой комплекс первой очереди комбината потребовал полмиллиарда рублей капиталовложений. И эти вложения должны как можно быстрее дать отдачу. В нынешнем году томичи планируют выпустить первые 6 тыс. т пропилен, а в следующем настанет очередь другой важной продукции — метанола. Прочная прозрачная пленка, пластмассовые трубы, изоляционные материалы, предметы быта, детали машин, строительные конструкции, полимерные смолы — для всего этого будет давать исходный материал нефтехимический комплекс в Томске.

¹⁸ Материалы XXV съезда КПСС, с. 181.

Характерной особенностью этих крупнейших строек советской нефтехимии является использование высших достижений научно-технического прогресса. Здесь, как и во многих других местах, на практике реализуется курс Коммунистической партии на повышение интенсификации производства. Новейшая технология при максимальной автоматизации позволит резко снизить численность рабочих. Строго выдерживается и еще одно важное требование современности — эффективная и надежная система защиты окружающей среды. Не случайно о нефтехимических комбинатах в Томске и Тобольске говорят, что они выдержат экзамен на вступление в XXI век.

Развитие сибирской индустрии давно уже приобрело не только важное общегосударственное, но и международное значение. Добывающая промышленность прочно утвердилась в качестве стабильного поставщика экспортных товаров. Каменный уголь, нефть, газ, лесоматериалы, добываемые и производимые сейчас в Сибири занимают существенное место во внешней торговле СССР. Год от года все больший вес приобретает и продукция перерабатывающей промышленности. Очевидно, что нефтехимическое производство также окажет положительное влияние в этом плане.

Вместе с тем в Сибири есть предприятия, которые еще на стадии строительства стали своеобразными символами международного сотрудничества СССР. В их числе почетное место принадлежит одной из наиболее совершенных новостроек — Усть-Илимскому лесопромышленному комплексу. Эта стройка весьма показательна с точки зрения как организации комплексного производства, так и соединения задач международного сотрудничества СССР с планомерным освоением богатств труднодоступных восточных районов страны.

Лесопромышленный комплекс в Усть-Илимске будет в год перерабатывать 6,3 млн. м³ древесины. Из этого сырья будет производиться в год до 500 тыс. т беленой сульфатной целлюлозы, 1,2 млн. м³ пиломатериалов, 250 тыс. м³ древесностружечных плит, канифоль, скипидар и другая продукция — в общей сложности 20 наименований.

В соответствии с соглашением, заключенным в 1972 г., в строительстве целлюлозного завода участвуют СССР, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, обеспечивающие объем работ и поставок на сумму около 330 млн. переводных рублей. Были заранее определены формы участия различных стран в этой стройке. Так, СССР обеспечивал завод проектной документацией, технологическим оборудованием и материалами, строительными машинами и механизмами, а также осуществлял строительные-монтажные работы; Болгария поставляла кабель, стальные и кровельные панели, электрокары, автокары; Венгрия — вентиляционное оборудование, некоторые конструкции, склады, двери, оконные переплеты; ГДР — электроаппаратуру, холодильные установки, металлоконструкции. После пуска завода на полную мощность страны-участницы будут получать из СССР в течение длительного времени примерно 200 тыс. т целлюлозы в год. При этом поставки будут распределяться в соответствии с долей участия в строительстве.

В строительстве Усть-Илимского ЛПК есть еще одна весьма примечательная черта: параллельно с интеграционным социалистическим сотрудничеством здесь осуществляются связи на компенсационной основе с предприятиями капиталистических стран. В порядке компенсационных сделок СССР закупил для ЛПК технологическое оборудование у французских, шведских и финских фирм. Таким образом, высшая форма международных экономических отношений социалистических стран находится в тесном взаимодействии с одной из наиболее совершенных форм сотрудничества между государствами противоположных общественных систем в соответствии с принципами мирного сосуществования.

20-тысячный коллектив этой стройки в ноябре 1979 г. отметил зна-

менательное событие: была проведена первая варка целлюлозы, что позволило начать процесс выращивания в очистных сооружениях активного ила — особых микроорганизмов, перерабатывающих отходы производства. В нынешнем году начинается процесс непрерывной варки небеленой целлюлозы, а затем начнется и выпуск конечной продукции — беленой целлюлозы. Все это будет серьезным вкладом сибиряков в реализацию решения XXV съезда КПСС о завершении в основном в десятой пятилетке формирования Братско — Усть-Илимского территориально-производственного комплекса.

Конечно, перечисленные предприятия представляют собой лишь часть современного индустриального потенциала Сибири и Дальнего Востока. Наряду с ними создаются десятки других заводов и фабрик во всех отраслях. Только в одной Новосибирской области за первые три года пятилетки вступило в строй 120 новых предприятий, цехов и производств.

Среди новостроек Сибири немало заводов и фабрик, производящих товары потребления. Достаточно назвать хотя бы крупнейшую в Восточной Сибири фабрику верхнего трикотажа в Улан-Удэ с годовым производством 580 тыс. изделий, которая начала действовать прошлым летом. В Иркутске стал давать продукцию новый хлебозавод. Построено немало швейных предприятий, расширилось производство на радиозаводе в Бердске, на заводе бытовых холодильников в Красноярске и пр.

Все это подтверждает представление о Сибири и Дальнем Востоке как о сложившихся индустриальных районах с высокой концентрацией современного производства. Времена «белых пятен» и зон чисто аграрного труда безвозвратно ушли в прошлое. Социализм в корне преобразил эту суровую, но щедро наделенную природой землю.

Даже краткий анализ развития Востока показывает, что здесь наряду с мощной сырьевой базой сложилась сильная обрабатывающая промышленность, что в обеих этих сферах наращивание производства осуществляется прежде всего за счет внедрения достижений научно-технического прогресса.

В усложняющейся структуре производства восточных районов проявляют себя многочисленные цепи зависимостей, прямые и обратные связи. Насыщение наиболее передовой техникой и кадрами отраслей производства, находящихся на острие народнохозяйственных потребностей, ведет также к повышению технического уровня всей инфраструктуры — транспортной, жилищно-коммунальной, социально-культурной и пр.

Народное хозяйство страны делает увеличенные вложения в экономику Сибири в силу того, что здесь многое пришлось начинать с нуля. Оптимальные размеры производства в современных условиях с крупными сериями специализированной или комплексной продукции также предполагают большие затраты. Вместе с тем современное предприятие, построенное по наиболее рациональной схеме, сторицей возвращает вложенные средства, служит опорой для развития других производств.

Отдача индустрии востока будет все более возрастать по мере повышения степени использования созданных здесь фондов. Капиталовложения десятой пятилетки укрепляют фундамент развития советской экономики в соответствии с теми планами, которые будут рассмотрены и приняты XXVI съездом КПСС.

Вровень с индустрией

Параллельно с промышленностью успешно развиваются и другие отрасли народного хозяйства Сибири и Дальнего Востока. Повышение уровня сельскохозяйственного производства создает предпосылки для

решения важной народнохозяйственной задачи — полной самообеспеченности восточных районов продуктами питания, поставок их отсюда в другие зоны страны.

Обширная территория Сибири и Дальнего Востока с различными природными условиями затрудняет возможность вывести какие-то среднеарифметические величины, которые давали бы обобщенную характеристику состояния сибирского села и динамику его развития. Разительная степень обеспеченности населения важнейшей составной частью производительных сил сельского хозяйства — продуктивной землей. Если на юге — в Алтайском крае — приходится примерно по два гектара пашни на жителя, то на Сахалине — только 0,05 гектара, а в северных районах, где сосредоточена добыча нефти и газа, в районе Байкало-Амурской магистрали плодородные почвы вообще измеряются на квадратные метры.

Работа по увеличению пахотного поля продолжается во всех районах Сибири и Дальнего Востока. Примечательной особенностью сельского хозяйства и здесь служит упор на широкое применение техники, без которой немислимо ни поднять миллионы гектаров целины, ни использовать новые земли, отвоеванные у болот и тайги. Например, только в Алтайском крае, где под хлеб засеивается более 4,5 млн. га земли, используется около 48 тыс. тракторов, 25 тыс. комбайнов, 14 тыс. жаток и множество другой техники. В результате производительность труда в Сибири на четверть выше, чем в среднем по стране.

Южные районы Сибири давно уже известны как крупные производители зерна. Мощная техника здесь соседствует с передовыми агрономическими приемами борьбы с эрозией почв и широким применением достижений науки. Внедрение высокоурожайных сортов, выведенных селекционерами Сибири — пшеницы «новосибирская-67», «омская-9», ячменя «белозерный», — способствует наращиванию урожая. В годы, неблагоприятные по погодным условиям для европейских районов СССР, Сибирь не раз оказывалась большим подспорьем для сельского хозяйства страны. Так было, например, в 1975 и 1979 гг.

Рост производства хлеба сейчас происходит прежде всего за счет увеличения урожайности. В Омской области, например, в начале 60-х годов сбор зерна был на уровне 1,8 млн. т, а в текущей пятилетке — 3,5 млн. т примерно на тех же площадях. Также в два раза возросла урожайность в Алтайском крае, Амурской области, других краях, областях и автономных республиках Сибири. В отдельных хозяйствах Алтайского края и Омской области озимых получают по 30—40 центнеров с гектара.

Первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС А. Черный приводел в печати такую динамику роста урожайности на полях хабаровчан: в первом году девятой пятилетки в крае было получено на круг по 7,1 центнера зерна с гектара, в нынешнюю пятилетку край вступил уже с 16-центнеровой урожайностью; продуктивность картофельного гектара поднялась с 35 до 100 центнеров, овощного — с 37 до 150 центнеров¹⁹.

Можно смело сказать, что сибирские и дальневосточные земли еще далеко не вышли на верхние пределы своих возможностей, и предстоящие годы будут отличаться значительным наращиванием валовых сборов зерна и другой продукции. Резервы для этого имеются большие. Так, первый секретарь Алтайского крайкома КПСС Н. Аксенов показывал, что даст краю усиление технической базы сельского хозяйства. При нынешнем ее состоянии уборка урожая в крае затягивается на месяц и более, а если хлеб перестоит на корню более 20 дней, потери урожая превосходят 30%. Устранение этого позволило бы дополнительно получать только на Алтае не менее миллиона тонн хлеба²⁰.

¹⁹ См. «Правда», 16.III.1980.

²⁰ См. «Сельская жизнь», 8.II.1980.

Мелиорация земель, более широкое применение минеральных удобрений, повышение уровня технической вооруженности в соответствии с решениями июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС призваны обеспечить значительное повышение урожайности полей повсюду в нашей стране, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке.

Большие задачи решаются и в животноводстве, прежде всего за счет внедрения промышленных методов. Только за последние два года были введены в строй такие крупные предприятия, как Амурская птицефабрика по выращиванию 6 млн. бройлеров в год, птицефабрика «Хабаровская», новый комплекс совхоза «Лузинский» на содержание 170 тыс. свиней в Омской области и другие предприятия. Намечается провести большой объем работ по повышению продуктивности животных, что позволит значительно увеличить производство мяса, молока и другой продукции животноводства для городов Сибири и Дальнего Востока.

Упорная работа проводится по продвижению многих культур в районы Севера, с тем чтобы, с одной стороны, улучшить снабжение быстро растущего населения, способствовать его закреплению в этих местах, а с другой — избавить экономику от необходимости дальних перевозок продовольственных грузов. Стабильными производителями картофеля, овощей стали Сахалин и Камчатка, откуда продукты в свежем виде доставляются в Магадан и на Чукотку. Все более полагается на собственные картофельные и овощные плантации Якутии. За последние 10 лет площади, занятые под картофелем, увеличились в Якутии в 2,4 раза, под овощами — в 1,6 раза. На завершающий год пятилетки здесь запланировано собрать 100 тыс. т картофеля и около 30 тыс. т овощей, а ведь не так давно их здесь почти не производили.

Основываясь на имеющемся опыте, строители БАМ принимают меры по сельскохозяйственному освоению зоны, прилегающей к магистрали. В прошлом году праздник первого урожая отметил новый совхоз «Магистральный», созданный на западном участке стройки. Всего же в районе БАМ будет создано несколько хозяйств с общими размерами сельскохозяйственных земель 130—150 тыс. га, в том числе 45—60 тыс. га пашни.

Как отмечал в докладе на научно-практической конференции «Человек на БАМе» член-корреспондент ВАСХНИЛ В. Р. Боев, в этих хозяйствах 42 гектара пашни можно получать до 100—160 центнеров картофеля 130—420 центнеров овощей, а также большое количество кормов. По мнению ученых Сибирского отделения ВАСХНИЛ, проблема обеспечения жителей зоны БАМ продовольствием будет решаться по трем направлениям: организация баз для скоропортящихся продуктов на местах потребления; организация тыловых баз в сопредельных районах; производство продуктов в более отдаленных районах. По всем этим направлениям уже развернуты интенсивные работы²¹.

Так же как и вокруг БАМ, всюду, где разворачивается индустриальное строительство, непременно начинает формироваться хотя бы небольшое хозяйство для производства продуктов питания. Некоторые из этих хозяйств накопили немалый опыт и добиваются высоких результатов. Так, совхоз «Норильский», созданный у Полярного круга, получает в год по 20 кг огурцов с каждого квадратного метра теплиц. Рядом с ведущей стройкой Томской области — Томским нефтехимическим комбинатом создается тепличный комбинат площадью 35 га. Здесь будет выращиваться 10 тыс. т овощей в год. Но еще до полного завершения строительства этого хозяйства его отдельные цеха начали снабжать город огурцами, луком, помидорами. Свежие овощи становятся обычными на столах томичей даже в суровую пору зимы.

Такое сочетание передового производства и высокой организации обслуживания рабочих естественно для социалистического строя, где раз-

²¹ См. «БАМ», 6.IV.1979.

витне производительных сил — не самоцель и не средство увеличения чьих-то прибылей, а предпосылка роста жизненного уровня людей труда.

В ногу с индустрией уверенно идет и развитие системы транспорта — важного звена освоения отдаленных районов и дальнейшего подъема всего хозяйства Сибири и Дальнего Востока. Давно ли, кажется, отпраздновали первые добровольцы из городов европейского центра на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, а газета «БАМ», выходящая в городе Тынде, уже публикует расписание движения пассажирских поездов по новой дороге. С июня прошлого года, когда на трассе было уложено в общей сложности 1295 км путей, скорый поезд Москва — Тында совершает регулярные рейсы. Идут поезда из Тынды в Ургал, из Ургала — в Комсомольск-на-Амуре.

Масштабы проводимой здесь работы с полным основанием позволили назвать БАМ стройкой века. Когда в декабре 1979 г. был введен в постоянную эксплуатацию северный отрезок меридианальной части магистрали линия Тында — Беркамит протяженностью 220 км, строители подвели итог проделанной работы: она включала отсыпку более 25 млн. м³ грунта в земляное полотно, строительство тоннеля длиной 1320 м и 280 других искусственных сооружений, укладку 257 км главных и станционных путей, 25-километровый путь к Нерюнгринскому каменноугольному бассейну, постройку семи станционных поселков, жилья на 100 тыс. м², школ, детских садов, больниц и пр. Такого же объема работ по прокладке пути и обустройству потребовали и остальные участки магистрали²².

После завершения линии Тында — Беркамит полностью вступил в строй так называемый «малый БАМ». Уже в нынешнем году по нему будет перевезено 2,5 млн. т якутского угля, который предназначается потребителям в СССР и за рубежом.

По трассе БАМа, где будет расположено 56 станций, 10 локомотивных и 6 вагонных депо, идет подготовка службы движения, часть строителей овладевает новой профессией — эксплуатационников. А на «малом БАМе», где занято почти две тысячи железнодорожников, происходит пробование звеньев всего создающегося коллектива работников магистрали, который будет насчитывать свыше 40 тыс. человек.

В настоящее время в районе БАМа живет и трудится около миллиона человек и разрабатываются меры для привлечения еще такого же числа людей для формирования здесь 50 промышленных узлов и освоения ресурсов края.

Пока трудно сказать, на какие объекты будут направлены усилия коллектива строителей БАМа после ввода этой магистрали, ясно одно: сложившимся здесь строительным организациям по плечу и сооружение дороги до Якутска, и продление ее до Магадана, о чем также высказывались ранее предложения. Как и коллективы строителей первых электростанций на Ангаре и Енисее, строители БАМа пойдут в новые районы, будут вводить в народнохозяйственный оборот страны новые богатства в соответствии с планами пятилеток, с решениями партии.

Как бы ни была величественна стройка БАМа, на ней не замыкаются работы по развитию транспортной системы Сибири и Дальнего Востока. Более того, это не единственная железнодорожная новостройка десятой пятилетки. Столь же быстрыми темпами сооружается магистраль Тюмень — Тобольск — Сургут — Уренгой с ответвлением на Нижневартовск. Полторы тысячи километров путей свяжут здесь месторождения нефти и газа с имеющейся Транссибирской железной дорогой.

К началу десятой пятилетки магистраль, которую называют «Сибирским меридианом», была доведена до Тобольска, в 1977 г. — до Сургута. Это в общей сложности более 700 км. В решениях XXV съезда КПСС была поставлена задача «начать строительство железной дороги Сур-

²² См. «БАМ», 4.1.1980.

— Уренгой». Ударный труд строителей позволил пойти дальше: строители обязались 7 ноября 1980 г. открыть движение по всей трассе до Уренгоя. Таким образом, и это задание съезда партии будет перевыполнено.

Расширяется сеть трубопроводных коммуникаций, которые взяли на себя основную нагрузку по транспортировке нефти и газа Сибири. Только с начала текущей пятилетки в Тюменской области введено в эксплуатацию 7,5 тыс. км магистральных и промысловых нефтегазопроводов. К системе дальнего транспорта подключено более 20 новых нефтяных и газовых месторождений. За пределами этой области проложен нефтепровод-гигант Сургут — Полоцк протяженностью 3,3 тыс. км. Сдан в эксплуатацию газопровод Нижневартовск — Кузбасс протяженностью 1,7 тыс. км.

Необычайно велик объем работ, связанных с этими стройками. Здесь занята первоклассная техника, где самые мощные тракторы взаимодействуют с вертолетами, зачастую выполняющими роль грузовиков и подъемных кранов. Стоимость одного километра современной газовой магистрали достигает миллиона рублей, а затраты на строительство одной единицы газопровода из Тюмени в европейские районы страны составляют не менее 2,5 млрд. руб. Эти цифры дают представление о размахе работ и о тех преобразованиях, которые несет с собой каждая новая стройка.

Как бы догоняя время, ускоренными темпами достигая высоты развития, Сибирь насыщается самыми совершенными транспортными средствами. И это касается не только железных дорог и трубопроводов. Строятся новые речные и морские порты, среди которых — порт Восточный, который будет самым крупным морским портом страны. Прокладываются новые авиалинии; сейчас примерно из 900 ежедневных пассажирских авиарейсов из Москвы более 200 имеют конечным пунктом города Сибири и Дальнего Востока. Преображается даже городской транспорт: в Новосибирске строится первая в Сибири линия метро.

Растет индустрия, укрепляются сельское хозяйство, транспортная сеть Сибири и Дальнего Востока, меняется и жизнь людей в этих краях. Известно, что из 136 городов, появившихся в СССР за годы девятой и десятой пятилеток, большая часть расположена в восточных районах. Среди них Нижневартовск, Надым и Лабытнанги в Тюменской области, Стрежевой в Томской, Усть-Илимск — в Иркутской, Тында в Амурской области, Саяногорск и Сосновоборск в Красноярском крае, Амурск — в Хабаровском, Нерюнгри в Якутии.

Сибирь и Дальний Восток стали районами наиболее динамичного роста населения. Так, если в целом по Российской Федерации в период между переписями 1970 и 1978 гг. население выросло на 6 %, то в восточных районах — на 10 %, а в Магаданской, Камчатской, Тюменской областях — на 32—34 %.

В обстановке подъема, успехов в развитии всех отраслей хозяйства встречаются сибиряки и дальневосточники большое и важное событие в жизни нашей страны — XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. В трудовых рапортах съезду будет сказано о многих свершениях в областях, краях и автономных республиках Сибири и Дальнего Востока. Достигнутые успехи убедительно показывают, что трудящиеся этих районов в состоянии решить в предстоящем пятилетии новые, еще более значительные задачи, способствуя упрочению могущества своей социалистической Родины.

35 лет советско-корейского сотрудничества

Б. М. Михайлов

35 лет назад, в августе 1945 г., Советская Армия, решительным ударом разгромившая войска милитаристской Японии, принесла народу Кореи свободу и независимость. Таким образом, была открыта новая страница в истории корейского народа. «Если бы Советская Армия не освободила Корею, — подчеркивал товарищ Ким Ир Сен, — то не существовала бы Корейская Народно-Демократическая Республика и не было бы такого победоносного шествия нашего национально-освободительного движения».

Теперь, спустя 35 лет, особенно четко вырисовываются антагонистические силы влияния на судьбы корейской нации. Одна из них, представленная КНДР и другими странами социалистического сотрудничества, олицетворяет политику мирного созидания, решения национальной проблемы воссоединения собственными усилиями народа. Другая, опирающаяся на империализм, гегемонизм и реакцию, пытается или повернуть колесо истории корейского народа вспять, или навязать новой Корее свою волю, свои интересы. В настоящее время политическое противоборство этих сил продолжается. Началось же оно в тот момент, когда единодушное стремление корейского народа к независимости естественно оформлялось в органы демократической власти — народные комитеты. Таким образом, были созданы необходимые условия, чтобы поступательный ход национального освобождения волей самого корейского народа завершился качественно новым, подлинно народным государственным образованием. Однако реализация национальных чаяний корейского народа была приостановлена империалистическим вмешательством.

Как известно, на Потсдамской конференции глав великих держав летом 1945 г. при обсуждении вопросов, связанных с войной против милитаристской Японии и капитуляцией ее войск, расположенных в Китае, Корее и других странах Азии, была достигнута договоренность — считать 38-ю параллель разграничительной линией военных действий советских и американских войск в Корее. Несколько позднее в решениях Московского (декабрь 1945 г.) совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании была изложена программа восстановления Кореи как суверенного, независимого государства. Главная задача созданной на основе этих решений совместной советско-американской комиссии заключалась в том, чтобы содействовать скорейшему образованию единого для всей Кореи демократического правительства.

Однако правящие круги США избрали иной путь. На юге Кореи в зоне ответственности американской военной администрации, народные комитеты не были признаны органами народной власти, не допускались к управлению политической и экономической деятельностью. Демократические партии и общественные организации Юга подвергались жестоким преследованиям. Дело велось к тому, чтобы сорвать процессы демократизации и становления корейским народом собствен-

ной государственной власти, сохранить на неопределенно долгое время положение, которое, по существу, означало продолжение оккупации.

Такой подход к корейской проблеме встретил решительное противодействие Советского Союза. Подверглись осуждению американские планы длительной опеки при сохранении прежней, то есть прояпонской, административной системы, было выдвинуто предложение о выводе из Кореи всех иностранных войск, с тем чтобы дать ее народу возможность самому решить свои внутренние дела. Отвергая попытки Вашингтона помешать закономерному историческому процессу становления собственной государственности на земле древней Кореи, советские предложения отвечали коренным национальным интересам корейского народа.

Начало политическому, по сути братскому сотрудничеству советского и корейского народов было, таким образом, положено еще до образования в сентябре 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республики и до установления ею дипломатических отношений с СССР. С заключением 17 марта 1949 г. первого в истории Кореи равноправного соглашения — об экономическом и культурном сотрудничестве с Советским Союзом — отношения наших народов дополнились материальным содержанием.

Суровую проверку единение народов Кореи и Советского Союза прошло в начале 50-х годов, когда Корейский полуостров вновь стал ареной экспансионистских устремлений, прямой агрессии, на этот раз империализма США. Война в Корее явилась испытанием для тех, кто отстаивал независимость своей страны, верность интернациональному долгу, для всех, кому дороги мир и безопасность народов, их стремление к независимости. Корейская война оказалась, по существу, международным фронтом, где опять столкнулись политические интересы двух противоположных социальных систем. Разношерстной агрессивной группировке капиталистических государств и их наемников, прикрывшейся флагом ООН, противостояло интернациональное сплочение народов свободной Кореи, Советского Союза, других социалистических стран.

Верный интернациональному долгу, Советский Союз оказывал народной Корее и ее армии огромную материальную, моральную и дипломатическую поддержку. Большое значение для укрепления тыла КНДР в период отечественной войны корейского народа против американского империализма имела помощь СССР оружием, боеприпасами, транспортными средствами, горючим, промышленными товарами, продовольствием, медикаментами. В пограничных с Кореей провинциях Китая располагались советские авиационные дивизии, прикрывая тылы корейской народной армии. В боевых операциях участвовали опытные советские летчики. На случай ухудшения обстановки СССР готовился отправить в Корею пять бронетанковых дивизий¹. Боевые рубежи в этой войне располагались и далеко за пределами Кореи — в ООН, где представители братских стран вели бескомпромиссную дипломатическую борьбу за прекращение агрессии.

Ценой огромных людских жертв и материальных потерь, благодаря мужеству и стойкости своего народа, дружественной всесторонней поддержке КНДР не только отстояла свою независимость, но и доказала бесплодность и бесперспективность любых попыток империализма посягнуть на поступательный ход истории.

Послевоенный период восстановления и развития разрушенного народного хозяйства демократической Кореи, по существу, наследовал в мирных условиях интернационалистские принципы взаимопомощи и солидарности социалистических стран. Мобилизация внутренних сил

¹ См. М. С. Капца. КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979, с. 53.

и средств КНДР дополнялась экономической помощью социалистического содружества, которая достигла в 1954—1956 гг. 3/4 млрд. руб., в том числе около 300 млн. руб. из Советского Союза.

При техническом содействии советских специалистов невиданно высокими (до 40 % в год) темпами наращивался в этот период промышленный потенциал КНДР. Высшие учебные заведения СССР и других социалистических стран помогли ей решить проблему подготовки инженерно-технических кадров. Подводя итоги трехлетнего восстановительного периода, III съезд Трудовой партии Кореи (ТПК) в апреле 1956 г. призвал к всемерному укреплению связей с братскими странами социализма, и прежде всего с Советским Союзом.

К концу 50-х годов социалистические преобразования в городе и деревне, прерванные войной, были в основном завершены. Это позволило IV съезду ТПК наметить в сентябре 1961 г. курс на социалистическую индустриализацию в ходе выполнения новой, семилетней экономической программы. Значительную роль в осуществлении ее конкретных заданий предстояло сыграть почти 50 предприятий энергетической, металлургической, химической, машиностроительной отраслей, восстановленным или созданным во взаимодействии со странами социалистического содружества.

В 60-е годы советский и корейский народы продолжали наращивать фундамент дружественных, равноправных отношений и многосторонних взаимосвязей. В 1960 г. были подписаны советско-корейский договор о торговле и мореплавании и первое долгосрочное (на 5 лет) торговое соглашение, учитывавшее поставленные принятым КНДР семилетним планом задачи расширения действующих и сооружения новых крупных предприятий.

Новые стороны сотрудничества между СССР и КНДР нашли отражение в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенном в июле 1961 г. Призванный служить важным фактором безопасности и укрепления мира на Дальнем Востоке, советско-корейский договор не только гарантирует взаимную помощь, включая военную, на случай агрессии, но и предусматривает регулярные консультации между двумя странами как одно из важных средств политического взаимодействия. «Заключением этого договора, — говорил член Политкомитета ЦК ТПК, первый заместитель председателя Кабинета Министров КНДР Ким Ир, — народы Кореи и Советского Союза выразили твердую решимость, крепко сплотившись в борьбе против империализма и во имя общего дела мира, социализма и коммунизма, еще теснее сотрудничать и оказывать взаимную поддержку и помощь, ясно продемонстрировали всем, что никакая сила не может поколебать дружбу и сплоченность народов наших двух стран»².

Курс на параллельное ведение хозяйственного и оборонного строительства, вызванный нуждами укрепления безопасности КНДР, потребовал отвлечения значительных людских резервов и материальных средств от задач социалистического строительства, намеченных IV съездом партии. В этих условиях для КНДР особое значение приобрели ее соглашения с Советским Союзом, заключенные в середине 60-х годов и предусматривавшие совместные усилия в укреплении обороноспособности КНДР, расширение экономического и технического сотрудничества, рост объема торговли в 1966—1970 гг. и, наконец, создание (в 1967 г.) межправительственной консультативной Комиссии по экономическим и научно-техническим вопросам. Политический, оборонительный союз дружественных государств был тем самым подкреплен и дополнен более совершенным механизмом торгово-экономического взаимодействия. Этот новый координирующий орган на уровне

² «Нодон снимун», 6.VII.1962.

правительств, который расширял и развивал функции созданной еще в феврале 1955 г. Комиссии по научно-техническому сотрудничеству, был настоятельно необходим, поскольку многосторонние народнохозяйственные связи двух стран перешли на долговременное планирование, обрели устойчивую тенденцию к расширению и углублению.

К началу 70-х годов в КНДР в основном завершился процесс индустриализации. В всепартийный форум корейских коммунистов пришел к этому знаменательному выводу после подведения итогов напряженного труда в промышленности и сельском хозяйстве за истекшее десятилетие. В практике отношений советского и корейского народов он означал значительный рост возможностей КНДР ответить взаимностью на регулярную поддержку и помощь СССР. Товарооборот между обеими странами в 1973 г. увеличился по сравнению с 1960 г. в 3,4 раза³; в корейском экспорте возрос удельный вес продукции машиностроения, легкой промышленности, сельского хозяйства. В последующие годы объем торговли СССР и КНДР неуклонно возрастал.

Торговля СССР с КНДР (в млн. руб.)

	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.
Оборот	300,5	328,7	378,1	491,8
Экспорт (в КНДР)	181,8	164,7	176,5	235,4
Импорт (из КНДР)	118,7	164,0	201,6	256,4

Источник: «Внешняя торговля СССР» (стат. сборник), 1976, 1977, 1978, 1979.

Диверсификация советско-корейских связей, осуществляемая с учетом намеченных XXIV съездом КПСС и V съездом ТПК направлений коммунистического и социалистического строительства, была оформлена в первой половине 70-х годов рядом новых соглашений и взаимных обязательств в области экономического и научно-технического сотрудничества. Наиболее важными среди них являются межправительственные соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве (сентябрь 1970 г.), о взаимных поставках товаров и платежах на период 1971—1975 гг. (февраль 1971 г.), о сотрудничестве в области рыболовства (январь 1974 г.), о сотрудничестве в заготовке на территории СССР леса для народного хозяйства КНДР (январь 1975 г.). Реализация этих договоренностей помогла в какой-то мере преодолеть трудности роста, которые испытывала экономика КНДР, особенно такие ее отрасли, как транспорт, горнодобывающая промышленность, энергетика. Декабрьская (1977 г.) сессия Верховного Народного Собрания (ВНС) КНДР констатировала среднегодовое увеличение промышленного производства в 1971—1976 гг. на 16,3%⁴. В 1976 г. валовой объем промышленной продукции возрос по сравнению с 1970 г. в 2,5 раза⁵.

Проблемы модернизации и преобразования на научной основе самостоятельной социалистической экономики КНДР стали стержневыми во втором семилетнем плане развития народного хозяйства, принятом сессией ВНС республики. За годы семилетки (1978—1984) промышленное производство должно возрасти более чем в два раза, производство зерна — до 10 млн. т⁶.

Запланированные высокие экономические темпы, проблема ликвидации «узких мест» потребовали максимальной мобилизации трудовых

³ См. «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 3, с. 103.

⁴ См. «Нодон синмун», 18, 7.XII.1977.

⁵ См. там же, 29.I.1978.

⁶ См. там же.

и технических ресурсов страны на длительный семилетний период. Такая задача оказалась по плечу авангарду трудящихся КНДР — корейским коммунистам. В январе 1978 г. было опубликовано «Письмо ко всем членам партии», призывавшее двухмиллионную армию членов ТПК и всех трудящихся страны на борьбу за овладение высотами семилетки. Состоявшийся в эти же дни республиканский съезд передовиков сельского хозяйства принял решение собрать в 1978 г. 8,8 млн. т зерновых⁷. Апрельская сессия ВНС утвердила «социалистическое трудовое законодательство КНДР», предусматривающее более полную реализацию преимуществ труда в условиях социализма: расширенное применение средств морального и материального поощрения, предоставление передовикам производства разного рода льгот и привилегий. Следуя принципам социалистического хозяйствования, корейские труженики развернули движение за максимальную экономию сырья и материалов, вновь высказались за широкое применение хозрасчетного метода ведения хозяйства.

Крупные организационно-политические мероприятия ЦК ТПК и правительства КНДР в сочетании с активным использованием методов как морального, так и материального стимулирования, а также с целенаправленной экономической и технической помощью стран социализма не замедлили сказаться на итогах первых двух лет выполнения семилетней программы. Рост производства промышленной продукции составил в 1978 г. 17 %, в 1979 г. 15 %; урожай зерновых достиг в 1979 г. 9 млн. т⁸.

Всестороннее советско-корейское сотрудничество, охватывая ведущие отрасли народного хозяйства, науку, культуру, здравоохранение, спорт, продолжало совершенствоваться, обретало новые качества. Во второй половине 70-х годов получила развитие как более совершенная и эффективная так называемая компенсационная форма совместного индустриального строительства, посредством которой в КНДР сооружаются заводы автомобильных аккумуляторов, эмалированных проводов, микроэлектродвигателей и другие предприятия. Заметное место в корейской металлургии и электроэнергетике занимают металлургический комбинат имени Ким Чака в Чхонджине, Пукчанская ТЭЦ, расширение и строительство которых также ведется при содействии СССР. К 1980 г. с экономической и технической помощью СССР в КНДР реконструировано, построено и введено в эксплуатацию 59 промышленных предприятий и объектов.

Взаимное обогащение социалистических культур в процессе их интернационального общения, несомненно, способствует духовному сближению народов, углубляет взаимопонимание. Поставленный в 1956 г. на плановую основу советско-корейский культурный обмен с 1974 г. планируется уже на двухлетний период. Только за истекшее десятилетие в КНДР побывали прославленные советские коллективы: дважды Краснознаменный имени Александрова ансамбль Советской Армии, Северный русский народный хор, оркестр русских народных инструментов имени Осипова, ансамбль народного танца Украины им. П. Вирского, хор Тихоокеанского военного флота и многие другие. В Советском Союзе с большим интересом были встречены выступления корейской оперной труппы «Пхибада» и ансамбля «Мансудэ» в 1972 и 1975 гг. Прочно вошла в практику культурных контактов организация разного рода выставок в обеих странах, ежегодно в СССР и КНДР устраиваются недели национальных фильмов, регулярно обмениваются делегациями творческие союзы, ученые, спортсмены.

⁷ См. там же.

⁸ См. там же, 1.1.1979; 1.1.1980.

Особую роль в динамике отношений между СССР и КНДР играли и играют встречи партийных и государственных руководителей, разносторонние межпартийные связи. В сердечной, товарищеской обстановке Л. И. Брежнев и Ким Ир Сен обсудили в мае этого года на встрече в Белграде вопросы советско-корейских отношений и сотрудничества, актуальные международные проблемы. Последнее десятилетие отмечено рядом контактов на высоком уровне, среди которых можно было бы назвать визиты в Советский Союз делегации ТПК во главе с членом Политкомитета ЦК ТПК, секретарем ЦК ТПК Ким Дон Гю (1973), члена Политкомитета ЦК ТПК, премьер-министра Административного совета КНДР Пак Сен Чера (1977); КНДР посетила в январе 1978 г. советская партийно-правительственная делегация, которую возглавил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев. Полезный обмен мнениями по важным вопросам международного положения и борьбы против гегемонистской политики агрессивных кругов империализма и реакции состоялся во время визита в СССР в июне 1979 г. корейской партийной делегации, возглавлявшейся членом Политкомитета ЦК ТПК, секретарем ЦК ТПК Ким Ен Намом. Стороны высказались за дальнейшее развитие на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма межпартийных связей и сотрудничества, которые уже ряд лет осуществляются планомерно, с учетом многогранных взаимных интересов.

Важным моментом внешнеполитического сотрудничества советского и корейского народов является неизменная солидарность СССР с длительной, трудной борьбой КНДР, прогрессивных сил всего мира за объединение Кореи без какого-либо вмешательства внешних сил, на демократической основе, в условиях мира и безопасности на полуострове. Советский Союз последовательно поддерживает многолетние настойчивые усилия КНДР в этом направлении. С одобрением была воспринята в нашей стране и новая инициатива КНДР, в соответствии с которой в феврале текущего года возобновились контакты представителей Севера и Юга Кореи с целью подготовки встречи премьеров для обсуждения насущной национальной проблемы.

Традиционными стали проводимые в СССР месячники солидарности с борьбой корейского народа за вывод иностранных войск из Южной Кореи. Ликвидация военного присутствия США на Корейском полуострове явилась бы решающей предпосылкой объединения. В этой связи нельзя не отметить враждебную корейскому народу позицию Пекина, который не скрывает своей заинтересованности в том, чтобы на полуострове оставалась почти 40-тысячная американская армия. С активизацией антисоциалистической гегемонистской деятельности Пекина проблема номер один внешней политики КНДР все чаще становится объектом маоистских политических спекуляций, своего рода разменной монетой в заигрываниях китайских лидеров с империалистическими кругами США и Японией. Китайско-японские и китайско-американские контакты прошлого и нынешнего годов еще раз убедили народ Кореи, что Пекину глубоко безразлична судьба разделенной страны. Характерна в этом отношении позиция, занятая китайским руководством в связи с революционными выступлениями населения Кванджу и других южнокорейских городов. По свидетельству японской прессы, уже на первом туре переговоров в Токио в конце мая этого года премьер Охира и китайский лидер Хуа Гофэн пришли к единому мнению, что «нестабильность» на Корейском полуострове нежелательна, ибо она «подрывает стабильность» в Азии и во всем мире, и что с этой точки зрения руководителей двух стран в одинаковой мере беспокоит ход событий на полуострове⁹. Иными словами, Пекин, верный своему

⁹ «Дейли Емнури», 1.VI.1980.

курсу на разделение Кореи и сохранение американского военного присутствия на Корейском полуострове, выступил в поддержку марионеточного сеульского режима.

* * *

Решения декабрьского (1979) пленума ЦК ТПК о созыве в октябре текущего года VI съезда Трудовой партии Кореи создают в стране обстановку политического подъема и трудового энтузиазма, необходимую для выполнения сложных экономических и внешнеполитических задач. Очередному партийному форуму, период работы которого совпадает с 35-летием создания ТПК, предстоит подвести итоги социалистического развития КНДР за истекшее после V съезда десятилетие, наметить перспективы дальнейшей деятельности авангарда корейского народа.

Вместе с пожеланиями успехов предстоящему съезду корейских коммунистов советские люди выражают уверенность в том, что отношения наших народов, скрепленные немеркнущими традициями совместной антимпериалистической борьбы за национальное освобождение и независимость, будут развиваться и крепнуть на основе классовой солидарности, в соответствии с принципами марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Кодексы КНР — орудие «узаконенных репрессий»

Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук

Н. Х. Ахметшин,
кандидат исторических наук

Нынешний пекинский режим прилагает немало усилий, чтобы предстать в глазах собственного народа и мировой общественности в новом, более респектабельном виде. Для этого, в частности, были приняты первые в истории КНР кодексы законов. Эта акция, по замыслу ее организаторов, вероятно, должна убедить китайский народ и весь мир в том, что в стране покончено с беззакониями и произволом и что отныне при решении всех дел власти будут опираться на закон. Правда, китайское руководство при этом не было оригинальным — кодификацию права оно начало с уголовного, повторяя историю первых кодификаций, предпринятых в императорском, республиканском и гоминьдановском Китае. На 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) пятого созыва в июне — июле 1979 г. были приняты сначала Уголовный, а затем и Уголовно-процессуальный кодексы. Тогда же были приняты и обновленные законы об организации суда и прокуратуры¹.

Такой акцент на законодательство, регулирующее организацию и деятельность репрессивных органов, не случаен. Он вызван как необходимостью борьбы с противниками режима, так и возросшей с времен «культурной революции» уголовной преступностью, особенно среди молодежи².

Совершаемые в КНР уголовные преступления весьма разнообразны. Особенно часто происходят изнасилования, индивидуальные или групповые кражи, в частности со взломом, иногда сопровождаемые убийствами. В крупных городах между группами хулиганов часто происходят уличные драки. Много сообщений о случаях грабежей, угоне автомобилей и карманных кражах. В Нанкине, Шанхае и ряде других городов процветает черный рынок. В южных провинциях страны — Гуандун, Гуанси и Юньнань — распространены контрабанда и торговля наркотиками³. В некоторых провинциальных городах, по свидетельствам очевидцев, жители не решаются ходить по улицам поздно вечером. «Гуанмин жибао» 9 декабря 1979 г. писала в передовой статье: «Не так давно в ряде мест, и особенно в крупных и средних городах, начался разгул преступности, был подорван общественный порядок, начали совершаться такие серьезные преступления, как убийства, грабежи, изнасилования, групповые жестокие побоища. Некоторые преступные элементы, организовав бандитские шайки, начали устраивать скандалы и

¹ Уголовный кодекс КНР был опубликован в «Жэньминь жибао» 7.VII.1979 г., а Уголовно-процессуальный кодекс; законы об организации суда и прокуратуры были опубликованы 6.VII.1979 г. Все эти акты вступили в силу с 1.I.1980 г.

² Французская газета «Монд» со ссылкой на китайские данные указывала, что уровень преступности среди китайской молодежи сейчас по крайней мере в 10 раз выше, чем в годы, предшествовавшие «культурной революции» (см. «Le Monde», 15.I.1980).

³ Здесь не имеется в виду тайная торговля наркотиками самим государством с целью получения иностранной валюты.

беспорядки. Они врывались в магазины и учреждения и устраивали там погромы, занимались разбоем и грабежами в общественных местах, расправлялись с женщинами».

Постоянной питательной средой для преступности является безработная молодежь — выпускники школ и так называемая «грамотная молодежь», вернувшаяся из ссылки в деревню. Китайская печать относит сюда также бывших активистов «культурной революции».

«Гуанмин жибао» писала в цитированной выше передовой статье: «Некоторые уголовные элементы раньше были теми «скандалистами», которые под маркой «Борьбы с каппутистами» четко следовали за «бандой четырех». Сегодня они опять выступают под флагом «борьбы с бюрократией», «борьбы с привилегиями», «борьбы за демократию и свободу». При этом преступные элементы вновь пользуются такими методами контрреволюционной группировки «банды четырех», как «раздувание пожара», провоцирование беспорядков, пытаются подорвать общественный порядок, чтобы затем «в беспорядке захватить власть».

Выступая на Всекитайском совещании по вопросам наведения общественного порядка, член Политбюро ЦК КПК, председатель комиссии законодательных предложений Пэн Чжэнь не мог не отметить, что «широкие массы крайне недовольны таким положением и требуют от партии и правительства принятия энергичных мер»⁴. Газета «Жэньминь жибао» 9 декабря 1979 г. писала: «Задача наведения общественного порядка в стране признается актуальной и важной, решать ее должны вся партия, вся армия и весь народ под правильным руководством ЦК».

Создается впечатление, что пекинские лидеры в настоящее время не в состоянии обеспечить сохранение общественного порядка. На состоявшемся в феврале 1980 г. 13-м пленарном заседании Постоянного комитета ВСНП вновь обсуждался вопрос об укреплении общественного порядка. Заместитель министра общественной безопасности Линь Юнь признал, что органы общественной безопасности и юстиции не в состоянии «обуздать» преступность.

В нарушение положений статьи 19 Конституции КНР Пекин использует вооруженные силы страны для выполнения полицейских функций. По сообщениям западных корреспондентов, в конце 1979 г. китайские власти призвали на помощь полиции армию в девяти провинциях: Аньхой, Хэнань, Шэньси, Хубэй, Фуцзянь, Гуанси, Гуандун, Цзилинь и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Позднее армейские части стали использоваться и в других провинциях. Войска охраняют общественные места и районы вокруг государственных учреждений. «Жэньминь жибао» 10 декабря 1979 г. сообщала, что командование пекинского гарнизона наградило почетными грамотами 15 воинских подразделений и 49 военнослужащих, отличившихся в несении полицейской службы в столице. «Многие военнослужащие, — писала газета, — покинув воинский пост, приступают к выполнению дополнительных задач, находясь в охранении в течение 10 с лишним часов кряду».

Введение нового законодательства в Китае выдают за «укрепление социалистической законности», «совершенствование законодательного строительства». Китайские средства массовой информации настойчиво пытаются убедить китайский народ и международную общественность в том, что в КНР создано стабильное законодательство, которое якобы будет охранять права и свободы граждан страны. Они стремятся доказать, что произвол и беззаконие, царившие в Китае на протяжении многих лет, уходят в прошлое. Однако анализ нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства КНР показывает, что оно направлено главным образом на сохранение существующего режима, а не на укрепление законности. Более того, оно законодательно закрепляет

⁴ «Жэньминь жибао», 9.XII.1979.

произвол в применении уголовной репрессии и возможность широких расправ с политическими противниками нынешнего китайского руководства, даже если их деятельность относилась к отдаленному периоду.

Так, Уголовный кодекс (УК) КНР исходит из возможности применения уголовной репрессии по аналогии. Как известно, под аналогией понимается применение при решении каких-либо дел (гражданских, уголовных и пр.) закона, предусматривающего наиболее сходный (аналогичный) с рассматриваемым случай, если последний прямо не предусмотрен законом. Аналогия используется для обхода законов с целью привлечения граждан к ответственности даже тогда, когда они не нарушали закона. В статье 79 Уголовного кодекса КНР говорится, что, если деяние не предусмотрено какой-либо статьей кодекса, оно может быть уголовно наказуемо по сходной статье. Кроме того, статья 80 дает возможность органам власти в отдельных районах приспособлять положения кодекса к местным условиям. Практически это может привести к широкому использованию уголовной репрессии за действия, не предусмотренные законом. Применение аналогии сводит на нет общее определение понятия преступления (ст. 10), которое формально декларирует, что преступлением признается деяние, предусмотренное в законе, и оставляет за карательными органами право произвольно решать вопрос о преступности тех или иных человеческих поступков.

Кодекс отражает глубокие противоречия современной китайской действительности. Система уголовного законодательства отсутствовала в Китае долгие годы. Особенно отрицательно сказалось это в годы «культурной революции» (1965—1969), когда практика массовых хунвэйбиновских судилищ и расправ стала повседневным, обыденным явлением. Обвиняемых лишали элементарных юридических прав, в том числе и права на защиту, а многотысячные толпы хунвэйбинов и цзаофаней требовали немедленной смерти обвиняемых. Многие из нынешних пекинских лидеров подверглись в те годы яростным нападкам и преследованиям, и сейчас они считают, что пришло время им самим расправиться со своими обидчиками, но уже в «законном порядке». Поэтому в статье 9 УК предусмотрено, что уголовная репрессия возможна за деяние, совершенное до принятия Уголовного кодекса, которое хотя и не квалифицировалось действовавшим тогда законодательством в качестве преступления, но может быть признано таковым, если оно, по мнению китайского руководства, не соответствует нынешнему политическому курсу. Такое несоответствие пекинские лидеры усматривают прежде всего в действиях «банды четырех», бывшего министра обороны Линь Бяо и его сторонников.

В статье 9 содержится ссылка на § 8 главы 4 Общей части о сроке давности за преступления. Пункты 3 и 4 статьи 76 определяют срок давности в 15—20 лет, в исключительных случаях этот срок продлевается. Нетрудно предположить, что положения статьи 9 УК КНР могут быть использованы против инициаторов и активных участников «культурной революции» второй половины 60-х годов, то есть событий 12—15-летней давности. Положения Уголовного кодекса предоставляют широкие возможности для этого.

В УК КНР во многих случаях отсутствуют четкие определения признаков преступлений, имеются многочисленные общие формулировки и расплывчатые понятия, что позволяет карательным органам произвольно квалифицировать различные действия как преступные и подвергать китайских граждан уголовной репрессии.

В Специальной части Уголовного кодекса 15 статей главы 1 отведены так называемым контрреволюционным преступлениям, однако в законе нет четкого определения, какое деяние является контрреволюционным. Таким образом, усердно критикуя «банду четырех» за приклевывание ярлыков и незаконные обвинения в «контрреволюционной деятель-

ности» в середине 60-х и первой половине 70-х годов, пекинское руководство в конце 70-х годов, по существу, узаконило ту же практику.

В УК КНР неоднократно упоминается об измене, подстрекательстве и участии в измене, но определение понятия измены отсутствует. В результате многие правонарушения, которые должны быть квалифицированы только как общеуголовные, по Уголовному кодексу могут быть определены как контрреволюционные преступления. Даже угон автомобиля по статье 100 (п. 3) может рассматриваться как контрреволюционное преступление, а обвиняемому в этом случае может грозить смертная казнь (ст. 103). Смертная казнь как высшая мера наказания предусмотрена в подавляющем большинстве статей о контрреволюционных преступлениях. Обвинение, таким образом, приблизительное, а наказание вполне конкретное.

В главе о преступлениях против общественного порядка и порядка управления (гл. 6 Специальной части) в качестве преступлений предусмотрены, например, дезорганизация любым способом общественного порядка (ст. 158), создание помех выполнению служебных обязанностей государственными сотрудниками, управляющими общественным порядком (ст. 159), поиск поводов для беспорядков (ст. 160) и другие. Естественно, что при таком определении в законе признаков составов преступлений привлечение к уголовной ответственности лиц, которые по тем или иным причинам не согласны с действиями властей, полностью зависит от усмотрения соответствующих органов и их должностных лиц.

Для привлечения к уголовной ответственности и для определения вида и размера уголовного наказания важное значение имеют отягчающие и смягчающие обстоятельства. Уголовный кодекс КНР говорит об отягчающих, смягчающих и «особо отвратительных» обстоятельствах, однако эти понятия не раскрываются. Используются такие понятия, как сравнительно легкие, сравнительно тяжкие, значительные, тяжкие и другие преступления, но их определения также отсутствуют. Например, бродяжнические действия (в кодексе не определено, какие именно это действия) при смягчающих обстоятельствах могут быть подвергнуты критике либо дела по ним направляются на рассмотрение в административные органы⁵. Эти же действия, но совершенные при отягчающих обстоятельствах, квалифицируются по статье 160 и наказываются лишением свободы на срок до 7 лет. Открытое оскорбление человека либо клевета с применением насилия и других способов, включая использование дацзыбао и сяоцзыбао, наказываются только при отягчающих обстоятельствах и при наличии жалоб потерпевшего. Но как только эти действия «нарушают общественный порядок и интересы государства», ограничения снимаются (ст. 145). Пекинские лидеры не допускают малейшего проявления недовольства их политическим курсом.

Вопиющим нарушением прав граждан следует признать положение обвиняемого в уголовном процессе КНР. Важнейшей гарантией соблюдения прав личности в уголовном судопроизводстве является презумпция невиновности. Только по решению суда лицо может быть признано виновным в совершении преступления. В Уголовно-процессуальном кодексе КНР (УПК) лицо признается обвиняемым с момента возбуждения уголовного дела.

Китайское законодательство обязывает различные организации и коллективы, а также отдельных граждан, обнаруживших факты преступления либо лиц, подозреваемых в преступлении, направлять жалобы (заявление) в органы общественной безопасности, народной прокуратуры, народного суда (ст. 59 УПК). На основе этих «жалоб» народные суд, народная прокуратура и органы общественной безопасности могут

⁵ См. «Жэньминь жибао», 12.VII.1979.

возбуждать уголовное дело. С этого момента лицо, против которого возбуждено дело, объявляется обвиняемым со всеми вытекающими отсюда последствиями: по китайской юридической терминологии обвиняемого во время предварительного следствия «допрашивают» (§1, гл. 2, ч. 2), а свидетелей «опрашивают» (§2, гл. 2, ч. 2); обвиняемый до завершения предварительного следствия и без предъявления конкретного обвинения может быть подвергнут аресту (ст. 91 УПК).

В законодательстве КНР право обвиняемого на защиту практически ограничено. Государство не в состоянии обеспечить обвиняемому квалифицированную защиту, поэтому в Уголовно-процессуальном кодексе КНР определяется, что обвиняемые, за исключением тех, кто сам пользуется правом защиты, могут поручить защиту: 1) адвокату (юристу); 2) общественным организациям, либо лицам, рекомендуемым организациями, в которых состоят обвиняемые, либо гражданам по разрешению суда; 3) близким родственникам, опекунам (ст. 26).

По заявлениям китайских официальных лиц и сообщениям средств массовой информации, в Китае число профессиональных адвокатов ничтожно, что связано и с массовыми репрессиями в отношении юридических работников во время «культурной революции» и в последующие годы, и с отсутствием в стране на протяжении многих лет систематической подготовки новых кадров. Так, по сообщению агентства Синьхуа от 12 сентября 1979 г., в Китае с 1972 по 1978 г. не производился набор студентов в юридические институты; только в 1979 г. возобновились занятия в политико-юридических институтах Шанхая, Сианя, Чунцина и других городков. Не являются обнадеживающими и перспективы подготовки новых специалистов в области юриспруденции, так как нынешнее пекинское руководство главное внимание уделяет кадровому комплектованию органов суда и прокуратуры. В таких условиях квалифицированная защита при судебных разбирательствах практически исключена, а между тем разбор дел в китайских судах будет осуществляться профессиональными судьями (ст. 105 УПК).

Адвокаты и «другие защитники» (по китайской классификации) пользуются неодинаковыми процессуальными правами. Профессиональные адвокаты наряду с выяснением обстоятельств уголовного дела, встречами и перепиской с обвиняемым имеют право требовать и проверять материалы дела, что является вполне естественным. Однако «другие защитники», то есть перечисленные выше общественные организации, либо лица, рекомендуемые организациями, в которых состоят обвиняемые, либо граждане по разрешению суда, близкие родственники или опекуны лишены этого права (ст. 29 УПК). Таким образом, еще до начала судебного разбирательства обвиняемый в уголовном процессе поставлен в чрезвычайно сложное положение, даже лицу, не виновному в совершении преступления, трудно рассчитывать на оправдательный приговор. Сам факт привлечения лица к судебной ответственности, по существу, предвещает применение к нему мер уголовной репрессии.

Для характеристики репрессивных функций нынешнего пекинского режима существенное значение имеют уголовные наказания и порядок их применения. В Уголовном кодексе смертная казнь предусмотрена в 17 из 99 статей Специальной части. Она может применяться за совершение контрреволюционных и некоторых общеуголовных преступлений, в том числе таких, как заговор (ст. 91, 92), участие в измене (ст. 94), руководство или активное участие в массовых беспорядках либо других значительных преступлениях (ст. 95), массовом либо организованном грабеже (ст. 96), шпионаже (ст. 97), преднамеренное убийство, (ст. 132), ограбление при отягчающих обстоятельствах (ст. 150), хищение общественного имущества, совершенное государственными служащими с использованием служебного положения (ст. 155), и др.

Формально запрещено применение смертной казни к лицам, не до-

стигшим к моменту совершения преступления 18 лет, но в законе существуют положения, позволяющие легко обойти это ограничение. Допускается отсрочка исполнения смертного приговора на 2 года. В том случае, если в течение двух лет осужденный «вел себя недопустимо, сопротивлялся перевоспитанию», смертная казнь приводится в исполнение (ст. 46). Осужденные в возрасте от 16 до 18 лет могут быть приговорены к смертной казни с отсрочкой исполнения на два года (ст. 44). По истечении двух лет на них распространяются общие правила и смертный приговор может быть приведен в исполнение.

Кодекс предусматривает бессрочное лишение свободы по 22 видам преступлений, в том числе за все преступления, караемые смертью, а сверх того — за хищения, незаконное производство и торговлю оружием (ст. 112), фальшивомонетничество (ст. 122), нарушение положений об охране и вывоз за границу памятников культуры (ст. 173) и др.

Лишение свободы устанавливается на срок от 6 месяцев до 15 лет, а в некоторых случаях до 20 лет. Если приговоренный к смертной казни с отсрочкой исполнения в течение двух лет «докажет свое раскаяние и изменение к лучшему», то смертная казнь может быть заменена пожизненным заключением либо лишением свободы на срок от 15 до 20 лет (ст. 46).

В санкциях целого ряда статей Уголовного кодекса (122, 133, 150, 171, 173 и др.) не определены максимально допустимые сроки лишения свободы. Это дает возможность правоприменительным органам произвольно определять меры наказания. В результате обвиняемый даже за незначительное преступление может быть приговорен к лишению свободы на срок до 15 лет. В статье 160 УК КНР предусмотрено, что организаторы так называемых «бродяжнических групп» наказываются лишением свободы на 7 и более лет. Выше уже отмечалась полнейшая неопределенность понятия «бродяжнические действия». В условиях продолжающейся внутривластной борьбы в стране китайские карательные органы могут квалифицировать как «бродяжнические» любые проявления недовольства существующим режимом, различные выступления народных масс, не соответствующие нынешним пекинским установкам, и в таком случае инициаторы выступлений, общественные активисты могут быть подвергнуты самым суровым наказаниям.

Согласно статье 111 УК, повреждение телефонной сети и других средств связи может наказываться лишением свободы на 7 и более (до 15) лет. Едва ли в этом случае тяжесть преступления и степень вины лица, совершившего его, соответствуют жестокости наказания, предусмотренного в кодексе.

В статье 137 УК, строго запрещающей массовые погромы, вообще не указана мера наказания. В ней, правда, оговаривается, что нанесение телесных повреждений человеку либо убийство в результате погромов подлежит квалификации как телесное повреждение либо как убийство, а организаторы погромов, повлекших за собой уничтожение либо разграбление общественной или личной собственности, за исключением случаев, когда причиненный ущерб возмещен, наказываются как за грабеж. Однако совершенно неясно, как же будут квалифицироваться действия участников погромов, не повлекших за собой «нанесения телесных повреждений либо смерти». Отсутствие во многих статьях Уголовного кодекса четких границ применяемых наказаний создает судебным органам лазейки для осуществления репрессий в отношении политических противников нынешнего режима.

Применяются и другие меры наказания, в частности арест по приговору суда⁶ на срок от 15 дней до 6 месяцев. Контроль за отбытием этого

⁶ Арест по приговору суда отличается от лишения свободы предоставлением заключенным краткосрочных отпусков (ст. 38 УК КНР).

наказания осуществляют органы общественной безопасности. Гласный надзор устанавливается на срок от 3 месяцев до 2 лет. Согласно статье 34 УК, преступники, приговоренные к надзору, должны повиноваться контролю масс, активно участвовать в труде, в определенное время докладывать исполнительным органам о своей деятельности, не выезжать за пределы своего места жительства без разрешения властей.

В Уголовном кодексе КНР предусмотрены дополнительные виды наказания (штраф, лишение политических прав, конфискация имущества), которые могут применяться и самостоятельно (ст. 29). В качестве дополнительного наказания уголовное законодательство предусматривает лишение следующих политических прав: 1) права избирать и быть избранным, 2) прав, предусмотренных статьей 45 Конституции КНР⁷, 3) права занимать должности в государственном аппарате и 4) права занимать руководящие должности на предприятиях и в общественных организациях. Лишение политических прав на срок от одного года до пяти лет применяется к осужденным за контрреволюционные преступления. Оно может применяться также к осужденным за тяжкие преступления, нарушающие общественный порядок. Лица, приговоренные к смертной казни или бессрочному лишению свободы, подлежат лишению политических прав пожизненно. В случае замены смертной казни с отсрочкой исполнения наказания или бессрочного лишения свободы лишением свободы на какой-либо срок дополнительное наказание в виде лишения политических прав назначается на срок от 3 до 10 лет (ст. 50—53).

Существование аналогии в уголовном законодательстве КНР, ограничение прав и свобод китайских граждан, использование суровых мер наказания отражают общий курс китайского руководства не на «укрепление социалистической законности», о чем сейчас твердят в Пекине, а на усиление репрессивных функций правящего режима. В настоящее время, по сообщениям западных корреспондентов, в 902 исправительно-трудовых лагерях страны содержится 10,5 млн. заключенных⁸.

Одним из ярких доказательств того, что новые законы лишь закрепляют существующий антинародный режим и направлены исключительно на усиление репрессий в стране, является устранение прокурорского надзора за законностью в деятельности местных органов власти и управления, в том числе органов общественной безопасности, и их должностных лиц.

В социалистических странах прокуратура осуществляет надзор за точным исполнением законов государственными и общественными учреждениями, предприятиями и организациями, должностными лицами и всеми гражданами, возбуждает уголовное преследование по совершенным преступлениям, поддерживает обвинение в суде, осуществляет надзор за своевременным и правильным исполнением приговоров, выполняет ряд других функций. В. И. Ленин последовательно отстаивал независимость прокуратуры от местных органов власти. В работе «О «двойном» подчинении и законности» он решительно возражал против двойного подчинения прокуратуры и центру, и местным властям: «Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности по всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям»⁹. При этом В. И. Ленин считал, что «проку-

⁷ Декларированное статьей 45 Конституции право граждан КНР на широкое высказывание мнений, полное изложение взглядов, широкие дискуссии с использованием дацзыбао имело демагогический характер, а состоявшийся в Пекине в феврале 1980 г. V пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва постановил предложить ВСНП его вообще аннулировать (см. «Жэньминь жибао», 1.III.1980).

⁸ In: "L'Europeo", 10.I.1980.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 198.

пор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом»¹⁰. Он настаивал на подчинении прокуратуры одному центру, «чтобы местные представители прокурорского надзора были назначаемы только центром и были подчинены только центру»¹¹.

В Конституции КНР 1954 г. были закреплены ленинские принципы организации прокуратуры в социалистических странах. В статье 81 устанавливалось, что местные народные прокуратуры и специальные народные прокуратуры работают под руководством вышестоящих народных прокуратур и все они находятся под единым руководством Верховной народной прокуратуры. Конституция закрепила независимость органов прокуратуры от местных органов власти: «Местные народные прокуратуры в осуществлении своих функций независимы от государственных органов на местах» (ст. 83).

Антинародный курс пекинского руководства во главе с Мао Цзэдуном на установление в стране военно-бюрократического режима привел к нарушению ленинских принципов социалистической законности. В годы «культурной революции» народная прокуратура была ликвидирована, значительно расширены функции органов общественной безопасности. В условиях произвола и беззакония в КНР они играли ведущую роль в осуществлении уголовной репрессии.

Ликвидация народных прокуратур в Китае была узаконена в конституции 1975 г. Хотя раздел 5 главы 2 конституции и назывался «Судебные органы и прокуратура», статья 25 не оставляла на этот счет никаких сомнений: «Функции прокуратуры осуществляются органами общественной безопасности». Это положение Конституции КНР законодательно закрепило многолетнюю практику судилищ и расправ в обход даже тех курых законов, которые существовали в Китае в то время. Ситуация носила парадоксальный характер, когда органы общественной безопасности выполняли карательные, полицейские функции и одновременно осуществляли надзор за законностью своих действий.

Нынешнее пекинское руководство после прихода к власти пытается показать, будто оно стремится покончить с дискредитировавшими себя глазах китайского народа и международной общественности методами борьбы Мао Цзэдуна со своими политическими противниками. Этой цели служат новые законы, принятые в КНР за последние два года.

Конституция КНР 1978 г. формально восстановила органы прокуратуры, однако в действительности ее положения находятся в явном противоречии с ленинскими принципами организации и деятельности прокуратуры. Статья 36 устанавливает, что уездные и вышестоящие собрания народных представителей избирают и имеют право освобождать от должности главного прокурора народной прокуратуры соответствующей ступени. Статьи 22 и 23 нового Закона о народной прокуратуре КНР конкретизируют и развивают положения статьи 36 конституции.

В статье 22 Закона о народной прокуратуре определено, что главные прокуроры провинций, автономных районов, городов центрального подчинения избираются и отзываются соответствующими собраниями народных представителей, а заместители главных прокуроров, прокуроры и члены коллегий прокуратур назначаются и снимаются постоянными комитетами собраний народных представителей соответствующей ступени по представлению главных прокуроров народных прокуратур. Согласно статье 23 закона, главные прокуроры автономных областей, городов провинциального подчинения, уездов, городов, районов городского подчинения избираются и отзываются собраниями народных представителей соответствующей ступени; заместители главных прокуроров, прокуроры и члены коллегий прокуратур назначаются и снимаются

¹⁰ Там же, с. 199.

¹¹ Там же, с. 197.

постоянными комитетами собраний народных представителей соответствующей ступени по представлению главных прокуроров народных прокуратур.

В Конституции КНР зафиксировано подчинение народных прокуратур местным властям, органы прокурорского надзора лишены независимости в осуществлении своих функций. Статья 43 конституции гласила: «Местные народные прокуратуры ответственны перед местными собраниями народных представителей равной ступени и им подотчетны». На сессии ВСНП в 1979 г. среди прочих были внесены изменения и в статью 43 конституции, которые еще более ограничили права органов прокурорского надзора. В новой редакции статья 43 устанавливает подчиненность и подотчетность местных народных прокуратур не только собраниям народных представителей, но и их постоянным комитетам.

Уголовно-процессуальный кодекс КНР ограничивает функции народной прокуратуры в уголовном судопроизводстве, но предоставляет широкие полномочия органам общественной безопасности. В статье 3 УПК отмечается, что за предварительное следствие ответственны органы общественной безопасности; они же ведут следствие по абсолютному большинству уголовных дел (ст. 13). При решении вопроса об аресте обвиняемого в качестве меры пресечения статья 49 допускает длительную тягосту между органами общественной безопасности и народной прокуратурой. По закону арест обвиняемого должен производиться органами общественной безопасности с санкции прокурора либо по решению суда (ст. 39), но, если органы общественной безопасности считают, что прокурор не санкционировал арест ошибочно, они могут добиваться повторного решения. Если же и в этом случае получен отказ, то органы общественной безопасности могут обратиться в народную прокуратуру вышестоящей ступени. Учитывая зависимость прокуратур от местных органов власти, нетрудно предположить, что органы общественной безопасности всегда могут рассчитывать на решение об аресте.

В УПК, по существу, ничего не сказано о прокурорском надзоре за соблюдением законов в период предварительного следствия, о полномочиях прокурора в отношении органов общественной безопасности, ведущих предварительное следствие.

Таким образом, деятельность народной прокуратуры в КНР носит чрезвычайно ограниченный характер. Можно с полным основанием говорить о фактическом отсутствии прокурорского надзора за соблюдением законности в стране. Находясь в полной зависимости от местных властей, органы прокуратуры должны лишь санкционировать полицейские действия органов общественной безопасности.

* * *

Нынешнее пекинское руководство, сохраняя верность маоистской доктрине, предпринимает усилия закамуфлировать наиболее однозвучные моменты политики бывшего председателя КПК. Принятие новых законодательных актов имеет целью создать видимость укрепления законности в КНР. На деле же политика пекинского руководства является прямым продолжением антинародного курса Мао Цзэдуна и направлена на дальнейшее ограничение прав и свобод китайских трудящихся.

Законодательное закрепление применения уголовной репрессии за действия, не отнесенные к числу преступных в Уголовном кодексе, отсутствие презумпции невиновности и устранение прокурорского надзора в Уголовно-процессуальном кодексе отвечают интересам правящей верхушки в Китае. Пекинские лидеры, видимо, считают, что «узаконенные» произвол и беззаконие являются важнейшими условиями существования нынешней власти в КНР.

Кроме того, еще до вступления кодексов в законную силу сфера их действия была значительно ограничена подтверждением действия пе-

начально знаменитого Положения о трудовом воспитании, принятого Постоянным комитетом ВСНП и опубликованного Государственным Советом КНР в 1957 г. Согласно этому дополнительному положению, административные органы могут без суда и следствия заключать в специальные воспитательно-трудовые лагеря практически любого гражданина КНР на основании весьма неопределенных критериев (например, «отказывался от перевода на другую работу», «мешал работать другим» и пр.). При этом срок заключения в воспитательно-трудовые лагеря (это заключение считается административной мерой воздействия) может достигать четырех лет. Руководство такими административными репрессиями возложено на специально для этого созданные органы, называемые комиссиями по управлению трудовым воспитанием и состоящие из работников органов общественной безопасности, гражданской администрации и труда. Они без участия суда и прокуратуры устанавливают «необходимость» и сроки трудового воспитания, а фактически внесудебного лишения свободы¹².

Таким образом, новому уголовно-правовому законодательству КНР, так же как и законодательству об административных наказаниях, уготована роль орудия террора, а не закона.

¹² См. «Жэньминь жибао», 30.XI.1979.

Советско-японские торгово-экономические отношения

*В. Б. Спандарьян,
кандидат экономических наук*

Советско-японские экономические отношения, динамично развивающиеся с момента заключения в декабре 1957 г. Торгового договора между СССР и Японией, находятся ныне на переломном этапе. Можно без преувеличения сказать, что именно сейчас определяется перспектива их дальнейшего развития: будут ли торговля и экономическое сотрудничество между СССР и Японией и дальше идти по восходящей линии, в интересах развития экономики обеих стран и укрепления между ними подлинно добрососедских отношений или же этот процесс будет осложнен под воздействием сил, враждебных укреплению и развитию взаимовыгодных советско-японских связей, взаимопонимания и дружбы между нашими народами и странами.

Такие объективные предпосылки, как высокий уровень экономического и научно-технического развития обеих стран при взаимодополняющей структуре их внешней торговли, а также географическая близость Японии и быстро развивающихся восточных районов СССР, создают необходимые условия для успешного развития советско-японских экономических связей на долгосрочной и крупномасштабной основе.

Красноречивым свидетельством этого является неуклонный рост советско-японской торговли и экономического сотрудничества. Объем взаимных поставок товаров после заключения Торгового договора увеличился почти в 100 раз и достиг в 1979 г., по данным японской статистики, 4,4 млрд. руб. Начиная с 1966 г., когда между СССР и Японией стали заключаться пятилетние соглашения о товарообороте и платежах, то есть когда советско-японские торговые связи были поставлены на долгосрочную основу, товарооборот между двумя странами удваивался каждые пять лет. Эта тенденция сохраняется и в текущем пятилетии. За четыре года действия Третьего соглашения о товарообороте и платежах, заключенного на период 1976—1980 гг., объем взаимных поставок уже превысил 9 млрд. руб. против 6,1 млрд. руб. за предшествующее пятилетие (1971—1975).

Структура советско-японской торговли отражает ее взаимовыгодный и взаимодополняющий характер. Наибольший удельный вес в советском экспорте в Японию занимают такие необходимые для японской экономики товары, как лес, нефтепродукты, хлопок, каменный уголь, цветные металлы и металлы платиновой группы, калийные соли, китовое мясо и рыбопродукты и др. За четыре года действия Третьего пятилетнего соглашения о товарообороте и платежах в Японию было экспортировано из СССР свыше 30 млн. м³ деловой древесины, 5,7 млн. т нефти и нефтепродуктов, около 400 тыс. т хлопка, 10 млн. т коксующегося угля, около 200 тыс. т алюминия и пр. В 1979 г. Советский Союз, по данным японской статистики, занимал первое место в импорте Японией балансов и палладия, второе место в импорте хлопка и древесины хвойных пород, цветных металлов и металлов платиновой группы, третье место в японском импорте стального лома, никеля, химических удобрений и пр. По-

ставки советской деловой древесины примерно на 23 % удовлетворяют импортные потребности Японии, хлопка — на 12 %, цветных металлов — примерно на 10 %, калийных солей — на 50 %.

Советские экспортные товары не конкурируют на японском рынке с местной продукцией, они не только не затрудняют развитие японской экономики, а, напротив, содействуют ему, способствуют диверсификации импорта энергоресурсов, сырья и промышленных материалов.

В последнее время заметно возрос экспорт из СССР в Японию машин и оборудования, а также новейшей технологии. Так, большинство крупных японских металлургических предприятий применяет новейшее советское оборудование и технологию, в том числе установки непрерывной разливки стали, газоперерабатывающие турбины, использует советский метод сухого тушения кокса и водяного охлаждения доменных печей. Советские внешнеторговые организации продают в Японию станочно-пресовое оборудование, вертолеты, тракторы и другую машино-техническую продукцию, хотя удельный вес этих товаров в экспорте СССР в Японию пока еще невелик и не соответствует имеющимся возможностям.

В свою очередь Советский Союз импортирует из Японии необходимые народному хозяйству товары, в экспорте которых заинтересованы многие ведущие отрасли японской экономики. Советские внешнеторговые организации являются одними из крупнейших покупателей продукции черной металлургии (стальные трубы, прокат черных металлов, белая жель и др.), машиностроения, химической и текстильной промышленности Японии. За тот же четырехлетний период (1976—1979) из Японии было импортировано в Советский Союз различных машин и оборудования, включая комплектные предприятия, на общую сумму около 4 млрд. долл., свыше 3 млн. т стальных труб, 2,6 млн. т проката черных металлов, более чем на 450 млн. долл. химических продуктов, 55 тыс. т синтетического волокна и пряжи, более чем на 440 млн. долл. трикотажных швейных изделий.

Крупные и постоянные советские закупки способствуют стабильной загрузке производственных мощностей и росту занятости в Японии. Так, в период 1964—1979 гг. СССР закупил в Японии свыше 50 комплектных предприятий и 19 установок нефтехимической промышленности на общую сумму около 3 млрд. долл., в том числе 32 завода и установки по производству аммиака, пять заводов по производству сложных удобрений, три газоперерабатывающих завода, завод по производству крупногабаритных шин, заводы по производству синтетического волокна и пр. В поставках для этих заводов участвовали сотни фирм-поставщиков и субпоставщиков, сотни тысяч рабочих и служащих. Таким образом, экономические связи с Советским Союзом заметно способствуют увеличению занятости, что имеет особенно важное значение в периоды спадов в японской экономике. Например, в настоящее время проблема занятости приобретает все более острый характер, она стала предметом особой озабоченности профсоюзов.

Росту торговли между СССР и Японией способствовало развитие кредитных отношений; в счет предоставленных советской стороне банковских и коммерческих кредитов в Японии были закуплены десятки комплектных предприятий, различные машины и оборудование, сотни тысяч труб большого диаметра.

Важной составной частью всего комплекса торгово-экономических отношений между СССР и Японией стало экономическое сотрудничество в развитии некоторых видов природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока СССР в рамках созданных в 1965 г. на деловом уровне Советско-японского и Японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству. Следует отметить, что это сотрудничество не только пустило глубокие корни, но и уже дает определенные плоды.

Два Генеральных соглашения о сотрудничестве в развитии лесной промышленности Дальнего Востока СССР, а также Генеральное соглашение о строительстве первой очереди порта Восточный в бухте Врангеля уже выполнены. Завершается выполнение Генерального соглашения о сотрудничестве в производстве сырья для целлюлозно-бумажной промышленности. В стадии выполнения находятся Генеральные соглашения о сотрудничестве в разработке Южноякутского угольного бассейна, о разведке шельфа Сахалина на нефть и газ, о доразведке Якутского газового месторождения.

Генеральные соглашения, связанные с ними целевые кредиты, предоставленные Японией Советскому Союзу, позволили значительно расширить объем закупок в Японии машин и оборудования, промышленных материалов и товаров народного потребления. Так, в счет указанных соглашений в Японии было закуплено свыше 5 тыс. автобусов, около 3,8 тыс. автосамосвалов, 2,6 тыс. бульдозеров, различные станки, специальные технические суда, трубы, кабель, металлоконструкции и пр.

Советские организации в порядке встречных компенсационных поставок экспортировали в Японию в счет лесных соглашений около 255 млн. м³ деловой древесины, 3,6 млн. технологической щепы и балансов, приступили к поставкам коксующихся углей (в настоящее время — из Кузнецкого бассейна) в счет соглашения по южноякутским углям, значительно увеличили транспортные перевозки японских грузов через нашу территорию, используя контейнерные причалы порта Восточный. Успешные результаты разведки шельфа Сахалина предполагают возможность приступить в недалеком будущем к поставкам в Японию нефти и газа.

Такое сотрудничество обеспечивает крупные заказы для японской промышленности и надежные источники поставок нужных Японии товаров. Выгода для нашей страны заключается в определенном ускорении темпов развития соответствующих отраслей народного хозяйства Сибири и Дальнего Востока. Новые предприятия и сооружения, создаваемые советскими организациями с привлечением японского оборудования, машин, промышленных материалов и других товаров, уже дают отдачу для нашего народного хозяйства, в том числе и для развития экспортного потенциала нашей страны.

Экономическое сотрудничество между СССР и Японией дало ощутимые результаты и способствовало как количественному, так и качественному росту торгово-экономических отношений между обоими странами. Нельзя не согласиться с мнением управляющего директора Федерации экономических организаций Японии («Кэйданрэн») Р. Кото, который заявил следующее: «Я думаю, что сотрудничество Японии в разработке природных ресурсов Сибири составит основу экономического сотрудничества между Японией и СССР, и его удельный вес возрастет в целом»¹.

За два с небольшим десятилетия, прошедшие после восстановления экономических отношений между СССР и Японией, советские внешне-торговые и хозяйственные организации и японские деловые круги накопили богатый положительный опыт в развитии торговли и экономического сотрудничества, установили прочные и взаимовыгодные связи, отработали коммерческие, технические, финансовые, юридические и многие другие сложные вопросы взаимоотношений между странами с различными социально-экономическими системами.

Таким образом, созданы соответствующие формы и условия осуществления экономических связей между СССР и Японией. Не будет преувеличением сказать, что сегодня торговля и экономическое сотрудничество по праву занимают важное место во всем комплексе советско-

¹ «Вага кунн но кэйдай Кёрёку», «Сангё Сейсаку Кэнкюсё», 1979.

японских отношений, содействуют развитию экономики и росту благосостояния народов обеих стран, способствуют укреплению добрососедства и сотрудничества между СССР и Японией.

Позиция советской стороны в вопросе развития торгово-экономических связей с Японией предельно ясна. Она была четко изложена в памятной беседе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева с делегацией «Кэйдаирэн» в августе 1976 г. Советский Союз стоит за развитие экономических связей с Японией на долгосрочной и крупномасштабной основе, за создание для этого наиболее благоприятных условий, включая подписание долгосрочного, рассчитанного на 10—15 лет, межправительственного соглашения об экономическом сотрудничестве. Эта позиция была вновь подтверждена советской стороной на восьмом совместном совещании Советско-японского и Японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству, состоявшемся в Москве в сентябре 1979 г.

Судя по позиции, занятой на совещании японской делегацией, можно сделать вывод, что широкие деловые круги Японии здраво и реалистически подходят к вопросам развития советско-японского экономического сотрудничества. Именно поэтому важнейшие вопросы, связанные с новыми и перспективными проектами такого сотрудничества, были обсуждены на совещании конкретно и в деловом духе.

На совещании выявилась взаимная заинтересованность сторон в продолжении сотрудничества по комплексному развитию лесной промышленности Дальнего Востока и районов, прилегающих к трассе БАМ, в заключении Третьего генерального соглашения по этому вопросу; в реконструкции целлюлозно-бумажных предприятий на Сахалине и строительстве третьей очереди Амурского целлюлозно-картонного комбината, в строительстве второй очереди порта Восточный.

Что же касается объектов сотрудничества, рассчитанных на более длительную перспективу (строительство металлургического комбината полного цикла на Дальнем Востоке, разработка Удоканского медного месторождения и месторождения асбеста «Молодежное»), то японская сторона проявила интерес к ним и изъявила готовность совместно изучать технико-экономические и коммерческие аспекты этих крупных проектов.

В этой связи следует подчеркнуть, что для крупномасштабного и долгосрочного советско-японского экономического сотрудничества сейчас создаются новые важные объективные предпосылки.

Существующие в этом отношении огромные потенциальные возможности возрастают по мере претворения в жизнь планов развития Сибири и Дальнего Востока, в особенности грандиозной задачи по комплексному освоению богатых природных ресурсов в обширных районах, прилегающих к трассе Байкало-Амурской магистрали. В этих осуществляемых Советским Союзом планах найдется место и для взаимовыгодного сотрудничества с теми деловыми кругами зарубежных стран, включая Японию, которые правильно и вовремя оценят открывающиеся перед ними огромные возможности и будут готовы сотрудничать с Советским Союзом на взаимовыгодных условиях.

С другой стороны, оценивая важность развития торгово-экономических связей с Советским Союзом, нельзя не учитывать серьезные и глубокие изменения, происходящие в мировой экономике и международной торговле: растущую дефицитность энергоносителей и многих видов сырьевых материалов, усиление протекционистских тенденций и неустойчивость валютной системы в ведущих капиталистических странах и пр. Все эти явления ощутимо и болезненно отражаются на экономике и внешней торговле Японии.

В этих условиях развитие экономического сотрудничества между Советским Союзом и Японией, являющимися крупными участниками мировой торговли, не только будет содействовать укреплению экономики и росту благосостояния обеих стран, но и иметь стабилизирующее значение для международных экономических отношений в целом. Уместно заметить, что советско-японское экономическое сотрудничество не только не направлено против третьих стран, а, наоборот, в ряде случаев открывает для них возможность участия в этом деле. Известно, что в отдельных советско-японских проектах активно участвуют фирмы третьих стран, в частности крупные американские компании.

Широкие деловые и общественно-политические круги Японии отдают себе отчет в важности развития торгово-экономических связей с Советским Союзом, в особенности участия в освоении природных богатств Сибири и Дальнего Востока. Вот несколько красноречивых высказываний по этому поводу: «Для Японии, бедной собственными природными ресурсами, Сибирь означает существование»². «Для Японии остается крайне важной проблема стабильного обеспечения страны топливно-сырьевыми ресурсами, а с другой стороны, для нее остается неизменной важность Советского Союза в качестве рынка готовой промышленной продукции»³.

Процесс развития торгово-экономических отношений между СССР и Японией выдвигает ряд принципиальных вопросов, требующих решения. Сегодня японские деловые круги, заинтересованные в стабильном и обширном советском рынке, в получении крупных советских заказов, уже не могут рассчитывать на успех, если будут действовать в условиях, менее благоприятных, чем те, которыми пользуются фирмы многих западноевропейских стран.

Так, Советский Союз имеет с Францией, ФРГ, Италией, Финляндией и многими другими странами Запада долгосрочные межправительственные соглашения об экономическом сотрудничестве, что позволяет планировать такое сотрудничество на 10—15 и даже 20 лет вперед. Подобного рода соглашения, учитывающие плановый характер советской экономики и интересы западноевропейских фирм, создают наиболее благоприятные условия для крупномасштабного и долгосрочного экономического сотрудничества между странами с различными социально-экономическими системами.

Японское правительство занимает по этому вопросу иную позицию. Вот как ее характеризует авторитетный орган «Сэкай Сюхо»: «Если сравнить позицию японской стороны с активным подходом советского правительства, то мы вынуждены сказать, что действия японского правительства выглядят довольно безразличными, хотя иногда и раздаются призывы улучшить отношения с Советским Союзом. Японское правительство заняло крайне негативную позицию в отношении предложения Советского Союза заключить долгосрочное соглашение об экономическом сотрудничестве. На сегодняшний день из развитых западных стран Япония является единственной страной, которая не имеет долгосрочного соглашения об экономическом сотрудничестве с Советским Союзом»⁴.

По кредитным условиям Япония также отстает от своих западных конкурентов, которые предоставляют СССР общие государственные кредиты, позволяющие советским организациям свободно размещать заказы на различное оборудование через фирмы соответствующих стран. Япония же не предоставляет советским организациям такие кредиты, что введет к потере японскими фирмами крупных заказов.

Японские деловые круги отдают себе отчет в том, что в этих условиях серьезно страдают их интересы, и призывают изменить сложившуюся

² «Эмпури симбун», 1.XI.1979.

³ «Сэкай Сюхо», 18.IX.1979.

⁴ Там же.

ся систему кредитования. Интересна точка зрения такого специалиста, как управляющий директор Экспортно-импортного банка Японии Ф. Араки. «Мы полагаем, — заявил он, — что в качестве дальнейшего направления необходимо принять такие новые формы, какие осуществляют другие страны, то есть применить долгосрочные «глобальные» кредиты. Неестественно, что Япония применяет ту же форму кредитования, которая осуществлялась 10—15 лет назад»⁵.

Весьма примечательна также точка зрения видного политического деятеля, депутата парламента от либерально-демократической партии Т. Косака. В статье, опубликованной в газете «Джапан таймс» накануне его назначения генеральным директором Управления экономического планирования, Т. Косака высказал мнение о целесообразности для Японии «занять более позитивную позицию в отношении экономического сотрудничества с Советским Союзом в развитии Сибири и других делах, включая ожидающий решения вопрос о предложении генеральных банковских кредитов в качестве эффективной меры предотвращения ухудшения ее отношений с Советским Союзом»⁶.

Отсутствие отделения Торгпредства СССР в Осака (на район Кансай приходится около 25 % всего советского товарооборота с Японией), представительства В/О «Дальинторг» в районах Японии, заинтересованных в развитии прибрежной торговли с Дальним Востоком СССР (западное побережье Японии, остров Хоккайдо), также сдерживает развитие советско-японской торговли. События последнего времени показывают, что кое-кто пытается возвести искусственные препятствия на пути развития крупномасштабного, долговременного и взаимовыгодного сотрудничества Японии и Советского Союза, испортить здоровую деловую атмосферу, характерную для отношений между советскими организациями и японскими фирмами.

В результате грубого нажима извне японская сторона, по существу, заморозила продвижение новых проектов экономического сотрудничества огласованных на 8-м совещании Советско-японского и Японо-советского комитетов, аннулирован огромный (свыше 350 млн. долл.) контракт на поставку завода по производству специальной стали, выигранный японскими фирмами в жесткой конкуренции с фирмами других стран, ряд других крупных контрактов. Однако самое главное заключается в том, что под сомнение поставлена надежность Японии как торгового партнера.

В этой связи следует напомнить, что попытки организовать экономическую блокаду, торговую дискриминацию СССР с целью добиться политических целей неоднократно предпринимались и раньше. Все они как известно, заканчивались полным провалом. Сейчас, когда экономика СССР достигла высокого уровня, когда советская промышленность в состоянии обеспечить свое народное хозяйство практически всеми видами современного, самого сложного оборудования, надежды основывать наше развитие с помощью дискриминационных мер по меньшей мере наивны.

Известно, что несколько лет назад, также под давлением извне, Япония отказалась сотрудничать в развитии нефтяной промышленности Тюмени. Сегодня этот район дает около 50 % добываемой в СССР нефти и продолжает успешно развиваться. Японские фирмы потеряли крупные заказы и возможности получать высококачественную нефть.

В этих условиях среди деловых кругов Японии все чаще раздаются голоса, ставящие под сомнение экономические санкции в отношении Советского Союза. «В результате того, что Франция, ФРГ, Италия и другие европейские страны оставляют Японию позади в экспорте комплек-

⁵ «Вага куни но кэйдзай Кёрёку», «Сангё Сейсаку Кэнкюсё», 1979.

⁶ «Japan Times», 10.XII.1978.

ного оборудования в Советский Союз, можно потерять все то, что было накоплено в ходе развития сибирских ресурсов за последние 10 лет», — с опасением указывает влиятельный орган деловых кругов Японии «Дзайкай»⁷. «Япония, исходя из необходимости обеспечения страны источниками энергии, возлагает большие надежды на проекты совместной разработки в этой области в СССР, в связи с чем отказ от них окажет неизмеримое отрицательное воздействие на дальнейшее положение с энергетическими ресурсами Японии», — подчеркивает «Никкей Сангё Симбун»⁸.

Советская сторона неуклонно выполняет свои обязательства по имеющимся соглашениям и контрактам и готова к расширению экономического сотрудничества с Японией, как и с другими странами, на взаимовыгодной и стабильной основе. Однако было бы глубоко ошибочно толковать принципиальную позицию Советского Союза как его особую или одностороннюю заинтересованность в этом вопросе. Развитие торгово-экономических связей — дело взаимовыгодное. И это понимают дальновидные представители японских деловых кругов. «Для Японии, — заявил недавно на пресс-конференции председатель Торгово-промышленной палаты С. Нагано, — совместные проекты развития природных ресурсов Сибири являются не помощью Советскому Союзу, а деловыми соглашениями, необходимыми самой Японии»⁹.

Для дальнейшего развития взаимовыгодных торгово-экономических связей на долгосрочной и крупномасштабной основе имеются необходимые объективные предпосылки, однако для этого нужны постоянные усилия и добрая воля обеих сторон, трезвый деловой подход, учитывающий подлинные интересы народов наших стран. Нельзя также упускать из виду, что стабильное развитие советско-японской торговли и экономического сотрудничества является тем надежным фундаментом, на котором могут строиться прочные и действительно добрососедские отношения между народами Японии и СССР в интересах укрепления мира как на Дальнем Востоке, так и во всем мире.

Весь многолетний опыт советско-японского экономического сотрудничества свидетельствует о позитивном отношении Советского Союза к развитию торгово-экономических связей с Японией. Дело за японской стороной, от того, какую линию она займет в этом важнейшем аспекте советско-японских отношений, зависит, пойдет ли Япония, руководствуясь своими коренными интересами, по пути дальнейшего развития взаимовыгодной торговли и экономического сотрудничества с СССР или же даст себя сбить с этого пути во имя чуждых ей интересов.

⁷ «Дзайкай», 8.IV.1980.

⁸ «Никкей Сангё Симбун», 14.I.1980.

⁹ "Japan Times", 7.III.1980.

Об эволюции общественно-экономических укладов в КНР

*Е. А. Коновалов,
профессор, доктор экономических наук*

К о времени образования КНР в 1949 г. экономика страны была представлена всеми известными общественно-экономическими укладами, начиная от первобытно-общинного и кончая социалистическим в форме государственных предприятий. Однако генезис развития, место и роль, характер функционирования и перспективы каждого из укладов были крайне специфичными. Особенности способа производства в Китае состояли в многосложном переплетении различных укладов и типов производства, относительной устойчивости и «выживаемости» архаичных элементов при слабом развитии и даже стагнации современных форм хозяйства.

Наряду с засильем феодального и бюрократического капитала в существовании и разделении сфер влияния каждого из укладов огромную роль на протяжении более чем 100 лет играло проникновение иностранного капитала. В результате создалась мозаичная картина социально-экономической структуры Китая, дополняемая огромными различиями между районами страны. Обширные периферийные районы с натуральным хозяйством и родовыми общинными отношениями, повсеместное распространение феодальной собственности с господством либо помещичьего землепользования, либо многочисленных форм крестьянской аренды помещичьей земли, сочетание докапиталистических, раннекапиталистических форм ремесла с капиталистическими формами современного производства в городе, оазисы крупнопромышленного хозяйства, бюрократического капитала и иностранного капитала сочетались с существованием государственных предприятий на территории освобожденных районов.

Пестрота социальных форм усугублялась и глубокой раздробленностью страны в результате антияпонской войны, гражданских войн, отсутствия общенационального политического единства. К 1945 г. на территории страны существовали районы, находившиеся под контролем гоминьдана, коммунистов, оккупированные японцами. Это приводило к экономическому дроблению, искусственному расчленению районов, к упадку производительных сил в результате непрекращавшихся войн и междоусобиц.

В целом социально-экономическая структура старого Китая характеризовалась преобладанием архаичных докапиталистических отношений, на которые приходилось 90 % создаваемого национального продукта. На современный сектор приходилось лишь 10 % объема производства, причем на иностранный и компрадорский капитал — 7 %, на капитал национальной буржуазии — всего 3 %¹.

Ко времени освобождения материкового Китая и после образования КНР страна вступает в длительный переходный период, в течение которого предстояло решать как грандиозные задачи антифеодального, антикапиталистического характера, так и задачи общенационального единства, восхождения от народно-демократической революции к

¹ См. «Лиши яньцзю», 1979, № 9, с. 5.

социалистической революции. С этих пор народное правительство и КПК взяли на себя огромное бремя преобразований в масштабе всей страны. Государство и партия вырабатывали направления и формы социально-политических и экономических процессов.

Характер преобразований, цели общественного развития в решающей степени зависят от стратегии внутренней и внешней политики правительства и руководства партии. На первом этапе эти цели были определены генеральной линией партии на переходный период, решениями VIII Всекитайского съезда КПК. Этими документами намечалось в течение трех пятилеток осуществить социалистические преобразования в городе и деревне, постепенно проводить индустриализацию страны, то есть подвести материально-техническую базу под вновь создаваемые формы экономики. Все эти процессы предполагалось проводить в условиях благоприятной международной обстановки при широком и прочном союзе с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Активная политическая и экономическая помощь СССР сыграла решающую роль в становлении материального базиса социализма в Китае, стала необходимым условием восхождения к социализму. Несомненными были и успехи китайского народа в решении политических, экономических и культурных вопросов. За короткий срок были восстановлены и стали развиваться на новой основе современная промышленность и транспорт. В результате аграрной реформы и поэтапного внедрения различных форм кооперирования высвободились колоссальные производительные силы деревни. Капиталистическая собственность на средства производства была преобразована в формы госкапитализма, а кустарное единоличное производство — в кооперативы кустарей. Эти преобразования способствовали росту производительных сил и резкому подъему жизненного уровня трудящихся. Постепенно преобразовывалась социально-экономическая структура общества: из многоукладного общества экономика страны постепенно перерастала в экономику с командными высотами и решающей ролью в руках государства.

Однако этот процесс был прерван целой цепью форсированных мероприятий по «ускорению строительства социализма и непосредственного перехода к коммунизму». В партии верх одержала националистическая часть руководства, целью и стратегией которой было создание мощного националистического государства, осуществление великодержавных гегемонистских задач в условиях милитаризации страны. Цель производства социалистического государства была отброшена.

С политики «большого скачка» 1958 г. и курса на милитаризацию начинается качественно новый период — период господства маоистских националистических идей, внутренней, а затем и внешней политики, отрицавшей принципы марксизма-ленинизма, коллективный опыт стран социализма. Существо социальной и экономической политики изменилось, хотя формы общественной собственности оставались и эксплуатировались маоистским руководством.

Национализм и милитаризм породили левозэкстремистские кампании, волонтаристские методы, которые выхолащивали социалистическое содержание государственной и кооперативной форм общенародной собственности. Ускорялся процесс формального обобществления в отрыве от действительного уровня развития производительных сил. В городе постепенно обособился высокоцентрализованный государственный сектор, состоящий из нескольких тысяч крупных предприятий, главным образом в отраслях тяжелой индустрии, транспорта. Был обобществлен обширный сектор кустарных кооперативов, прежних капиталистических предприятий. Производственные кооперативы в сельских районах были преобразованы в народные коммуны, а их собст-

венность постепенно объявлялась «общенародной с ростками коммунизма», были обобществлены приусадебные участки, домашний скот и птица, домашняя утварь.

Это «вхождение в коммунизм, минуя социализм», пытались выдать за творческое новаторство Мао Цзэдуна и его идей, которое было призвано подтвердить преимущество «китайского пути» строительства новой жизни в отличие от других, «ревизионистских» путей в прочих странах социализма. И чем дальше уходили маонисты от столбовой дороги социализма, от марксизма-ленинизма, тем больше «национальных особенностей» они привносили в процессы общественного развития. Усиление леворадикальных взглядов Мао привело к «культурной революции», которая была апофеозом маонистской политики и в то же время пиком кризиса ортодоксального маонизма в теории и на практике. Все искусственные нагромождения социальных форм хозяйствования типа «дачжайской бригады» и «дацзинских нефтепромыслов», вся система управления на принципах высокой централизации и автаркии мест, отрицание материальных стимулов и уравниловка при усилении режима милитаризации — все это неотвратимо сказалось на общественном производстве. Количественный рост производства, удвоение числа промышленных предприятий за счет насаждения мелких и мельчайших объектов, хроническое отставание сельского хозяйства и милитаризация подвели экономику и все социально-экономическое развитие к той грани разрушения и внутреннего взрыва, которые годами отсрочивались только благодаря террору и диктатуре маонизма.

Тем не менее внутренние противоречия в экономике нарастали. Госсектор все более «огосударствливался», народные коммуны, несмотря на резко возросшие издержки живого и овеществленного труда, «осуществляли переход в условиях бедности», эффективность производства в целом постоянно падала, конечные результаты производства не обеспечивали прежнего уровня жизни растущего населения. Разваливалась вся система «огосударствливания» на примитивном уровне производительных сил. Объективная реальность требовала «отката» достигнутых форм обобществления до существующего реального уровня производительных сил. В условиях, когда производительность труда в зерновом производстве находилась на уровне феодального Китая 1000-летней давности (отличаясь от уровня США в 95 раз), когда механовооруженность рабочих возросла в 23 раза, а производительность труда лишь на 18%² (в 8—10 раз ниже, чем в Японии), все «достижения» маонизма в изобретении «особых, национальных» форм преобразований превратились в «зло и просчеты» Линь Бяо и «банды четырех» и после смерти Мао Цзэдуна стали постепенно претерпевать структурные изменения.

После двадцатилетнего периода стягивания форм хозяйства в единый узел «общенародной собственности» в виде государственных предприятий и коллективной собственности народных коммун нынешнее руководство вынуждено было пойти на компромисс с прежними воззрениями, допустить и даже поощрять возрождение новых секторов в экономике, не только преследуя цель подъема производительных сил любой ценой, но и сползая вправо — формируя новую многоукладную структуру, включающую государственно-монополистический сектор с привлечением иностранного капитала стран Запада.

В современном Китае существует пять самостоятельных социально-экономических секторов, которые распространяют свое влияние на определенные сферы и отрасли производства. Место и роль каждого из них определяются не только объективными потребностями экономики, но и в огромной мере стратегией маонистского государства, ко-

² См. «Жэньминь жибао», 12.11.1980; «Бэйцзин дасюэ сюэбао», 1980, № 1, с. 5.

торое приспособливает социальную и экономическую структуру к изменившейся ситуации и к реакционной националистической политике гегемонизма на милитаристской основе. Государство в этих условиях выступает в качестве манипулятора в распределении функций и результатов функционирования каждого из секторов. Оно при этом не только эксплуатирует государственную собственность, но и присваивает в той или иной мере результаты производства всех других секторов. В этих случаях, не владея непосредственно собственностью, государство в Китае получает прибыли различными методами внеэкономического принуждения. Подобно тому как современный капитал эксплуатирует весь народ через государственно-монополистическую собственность, через акционерную, а не только индивидуальную собственность, так и маоистское государство, опираясь на власть, с помощью различных форм эксплуатации присваивает прибавочный продукт, создающийся в любой клеточке народного хозяйства. Можно утверждать, что как сейчас, так и в перспективе маоистскому государству удобнее не «связывать» себя с трудящимися отношениями «государственной» формы собственности на средства производства, а прямо присваивать продукт от имени государства «диктатуры пролетариата». «Государственный» сектор при этом занимает особое положение лишь как приоритетный сектор для получения капитальных вложений, снабжения сырьем, энергией, импортным оборудованием, лучшими кадрами. При этом он может быть и экономически неэффективным, выполняя функции создания военно-промышленного комплекса. Степень эксплуатации всех других секторов неизмеримо выше, что создает питательную среду для воспроизводства престижного государственного сектора.

Каковы же место и роль каждого из секторов в экономике современного Китая?

На государственную промышленность приходится 10 тыс. современных предприятий (из 350 тыс. предприятий страны). В ней занято 30 млн. рабочих и служащих (из 99 млн. рабочих и служащих в городах). Она в целом дает доход в госбюджет в размере 44 млрд. юаней (из 112 млрд. юаней всех финансовых доходов в 1978 г.)³.

Государственный сектор представлен не только промышленными предприятиями, но и отраслями транспорта, торговли, банковского дела, заготовок, материально-технического снабжения, сельского хозяйства и пр. Это позволяет аккумулировать ресурсы через государственную систему. В этом смысле его роль как органа распределения и перераспределения представляется значительно более важной, нежели в производственной сфере, ибо в самой сфере производства рентабельность не вытекает из эффективности труда рабочих, а является следствием огромного перекаса цен в пользу продукции тяжелой индустрии, а также разницы между низкими закупочными ценами на сельхозпродукцию и готовой продукцией текстильной и легкой промышленности. Отрасли группы «Б» при крайней устарелости оборудования и низкой производительности труда их работников при этих соотношениях цен выступают как важнейшие источники накопления. За 1950—1977 гг. прибыли и налоги от этих отраслей составили 29 % бюджетных поступлений, или 70 % суммы государственных капитальных вложений, что в 13 раз превышает вложения государства в эти отрасли⁴.

Основные отрасли государственной промышленности (военно-промышленный комплекс и обслуживающие его отрасли) представлены высокоцентрализованными предприятиями, которые в большинстве своем являются современными, крупными и специализированными

³ См. «Жэньминь жибао», 30.VI.1979; «Цзиньцзи яньцзю», 1980, № 1, с. 41.

⁴ См. «Жэньминь жибао», 30.V.1979.

объектами. Можно ожидать, что пределы развития этого сектора будут определяться строительством новых крупных предприятий, закупками иностранного оборудования и сырья (в 1979 г. объем валюты на закупку сырья за границей возрос на 320 млн. юаней, или на 17 %) ⁵.

В целом государственный сектор в КНР призван играть роль цементирующего элемента рыхлой социально-экономической структуры, которому надлежит оказывать прямое и косвенное воздействие на все остальные звенья экономики. Однако масштабы и интенсивность этого воздействия ограничиваются тем, что по числу предприятий и количеству занятых на них людей, по эффективности производства и методам управления предприятия госсектора не занимают передовых позиций, и это вынуждены признавать сами китайские руководители. В ряде публикаций они критикуют этот сектор за низкую производительность и убыточность, за бюрократический и сугубо централистский стиль управления, утверждают, что «государственная форма собственности есть не высшая, а низшая форма общенародной собственности» ⁶.

Другим сектором в экономике КНР является коллективная собственность в городе и деревне. В городах она представлена предприятиями коллективной собственности в промышленности и сфере обслуживания, в сельских районах — народными коммунами, бригадами.

Существенная особенность предприятий коллективной собственности в городах заключается в том, что они создаются на паевых началах, почти без помощи госбюджетных средств. Оснащенность этих предприятий крайне примитивна, поставки сырья, энергии, топлива не фондируются государством; готовая продукция реализуется на местных рынках как дополняющая продукцию государственных предприятий; деятельность их не охвачена централизованными планами. Набор рабочих и служащих, определение фондов зарплаты и ее размеров, подбор управленческих и технических кадров осуществляются самими предприятиями и носят нестабильный, случайный характер.

Масштабы и перспективы развития коллективного сектора в городах Китая целиком и полностью определялись моментами экономической политики, либо конъюнктурой занятости. На этапах «поголовного» обобществления (1958, 1966—1969 гг.) эти предприятия обьявлялись государственными, собственность обобществлялась до уровня «общенародной», а на этапах «урегулирования» (1961—1965 и 1979—1981 гг.) они возрождались, имели статус перспективных, именовались «высшей формой общенародной собственности». Конъюнктура развития этого сектора во многом определялась возможностями государства создавать новые рабочие места, трудоустраивать растущее городское население. Напор миллионных масс, вступающих в трудоспособный возраст, периодически значительно превышал число рабочих мест в госсекторе. В эти периоды государство вынуждено было открывать новые клапаны для трудоустройства. Ими становились либо отправка грамотной молодежи в деревню (с 1966 по 1978 г. — 25 млн. человек), либо насаждение мелких и мельчайших предприятий с высокой трудоемкостью и низкой фондокапиталоемкостью (с 1966 по 1978 г. число промышленных объектов в городах увеличилось со 160 тыс. до 350 тыс.).

Таким образом, масштабы и темпы развития коллективного сектора были функцией ограниченных капитальных вложений государства в создание новых рабочих мест и политики занятости на отдельных этапах. Они не определялись объективными потребностями производ-

⁵ См. там же, 23.VI.1979.

⁶ «Цзинцзи гуаньли», 1980, № 1, с. 20.

ства, рынка, стратегией развития. На современном этапе, когда в стране вскрылась огромная безработица в городах (свыше 20 млн. человек), когда число вступающих в трудоспособный возраст составляет свыше 20 млн. человек ежегодно (в том числе в городах — по 3 млн.), коллективный сектор (особенно в сфере обслуживания) призван быть основным резервуаром поглощения трудовых ресурсов. Но это его значение во все возрастающей мере приходит в противоречие с экономическими параметрами функционирования предприятий — эффективностью, ассортиментом и качеством продукции, рынками устойчивого спроса, источниками финансирования и оплаты.

Сфера распространения коллективного сектора обширна: производственные отрасли и сфера обслуживания, легкая промышленность, кустарно-художественные промыслы, строительство, торговля, услуги и пр. На коллективный сектор в торговле и общественном питании приходится $\frac{2}{3}$ числа предприятий (более 100 тыс.), в том числе половина торговых предприятий и половина всех занятых в этих отраслях. Только в крупных городах в коллективном секторе занято 1,1 млн. человек⁷. По сообщениям ЦСУ КНР, за 1978 и 1979 гг. коллективный сектор вобрал соответственно 20 млн. и 22,3 млн. человек⁸.

Особенность этого сектора состоит в том, что обеспеченность его основными фондами очень невелика, а это существенно понижает стоимость одного рабочего места. Так, в Шанхае на одного занятого на предприятиях общественного питания в госсекторе приходится 6225 юаней, а в коллективном секторе — 85 юаней (без стоимости помещений); в сфере обслуживания — соответственно 827 и 146 юаней⁹. Это позволяет с меньшими капиталовложениями на оборудование рабочих мест дополнительно устраивать в 6—8 раз больше персонала, чем в государственном секторе. Кроме того, размер оплаты труда в коллективном секторе в 1,5—2 раза ниже, чем в госсекторе. «Экономия» при организации предприятий коллективного сектора дополняется и такими факторами, как отсутствие затрат на социальное обеспечение и социальное страхование работников, низкая оснащенность персонала инженерно-техническими работниками, сокращение административно-управленческого персонала. Это дает возможность поддерживать рентабельность на более высоком уровне, чем в госсекторе, даже при крайне низкой производительности труда. Однако эти очевидные «преимущества» коллективного сектора — внешние, условные, искусственно создаваемые в рамках текущих задач экономической политики. Основное назначение сектора — вовлечь незанятое население в сферу производства или сферу услуг, уменьшить давление неиспользуемых трудовых ресурсов на существующее рабочее население, по возможности уменьшить колоссальное социальное возмущение трудящихся, прежде всего грамотной молодежи. С точки зрения производственного эффекта коллективный сектор играет ограниченную, вспомогательную роль.

Сельские народные коммуны представляют собой самостоятельный социально-экономический сектор, в котором на базе коллективной собственности формируется целый конгломерат различных элементов производства, обмена, распределения и потребления, включающий обширную китайскую деревню с населением 800 млн. человек, из которых 450 млн. трудоспособны. Этот сектор организационно состоит из 50 тыс. народных коммун, 700 тыс. больших производственных бригад, 4,8 млн. производственных бригад. Основной производственной ячейкой явля-

⁷ См. «Жэньминь жибао», 2.V.1980.

⁸ См. там же.

⁹ См. там же, 1.V.1980.

ются хозрасчетные бригады. Продукция сельского хозяйства (в преобладающей мере — в системе народных коммун) составляет в стоимостном выражении более 150 млрд. юаней. Производственные бригады имеют в среднем по 100 человек трудоспособных и 10 тыс. юаней основных производственных фондов (для сравнения укажем, что цена одного трактора в 15 л. с. составляет 15 тыс. юаней), то есть оснащенность одного работника в сельском хозяйстве (без стоимости земли) составляет 100 юаней, что в 100 раз меньше, чем в современной промышленности. Иными словами, государство обеспечивает основными фондами целую производственную бригаду той ценой, какой достигается оснащенность всего одного рабочего места в крупной промышленности городов. Валовая выработка на одного работника народных коммун — 500 юаней в год, что в 20 раз меньше, чем выработка на одного промышленного рабочего, а денежные доходы крестьян в 10 раз меньше годовой заработной платы работников государственной промышленности. Все это и определяет место и роль коллективной собственности народной коммуны в структуре экономики страны. Экономическая функция этого сектора состоит прежде всего в обеспечении миллиардного населения продовольствием, промышленности — сырьем, но в более точном смысле слова — в изъятии прибавочного продукта в распоряжение государства. Аккумуляция прибавочного продукта осуществляется посредством взимания налогов, обязательных (плановых и сверхплановых) закупок, а также методом неэквивалентного обмена между городом и деревней. Система налогов, цен и товарного обмена делает деревню важнейшим источником накоплений средств в стране, хотя эти накопления в процессе распределения и перераспределения фиксируются в ценах легкой, текстильной и ряда отраслей тяжелой промышленности.

Отраслевая структура собственности народных коммун сложна и многопланова. Наряду с основной отраслью — растениеводством, она представлена животноводством, лесоводством, рыболовством, подсобными промыслами, а также промышленностью народных коммун. В народных коммунах насчитывается свыше 1,5 млн. промышленных предприятий, на которых трудятся 20 млн. человек.

Экономика народных коммун малоэффективна, прирост производства «съедается» увеличением затрат живого и общественного труда. Любые попытки увеличить производство путем повышения урожайности с единицы площади оборачиваются дополнительными издержками людских ресурсов и громадными материальными затратами. Начальная ступень модернизации (механизация, химизация, водохозяйственное строительство) означала прежде всего увеличение производственных затрат, она снижала товарность и продуктивность производства. В целом производственные издержки в сельском хозяйстве составляют около $\frac{1}{3}$ всей продукции, а в ряде районов достигают 50 % стоимости продукции. Это ограничивает и рост доходов крестьян и не дает возможности повышать эффективность производства, делать необходимые накопления.

Модернизация сельского хозяйства уже сейчас стала тяжким бременем для хозрасчетной деятельности народных коммун, не отражаясь на основном качественном показателе — производительности труда. Несмотря на наличие 2 млн. тракторов, 50 млн. л. с. механических двигателей, используемых в сельском хозяйстве, производительность труда остается на уровне 50-х годов. В уезде Таоюань (провинция Хунань) за 30 лет механическая оснащенность возросла в 60 раз, а производительность труда — всего на 5,6 %, чистый доход на 100 юаней продукции уменьшился вдвое¹⁰. Увеличение затрат на техническое во-

¹⁰ См. «Нуньэ цзиньци вэньпи», 1980, № 3, с. 55.

оружение сельского хозяйства приходит во все большее противоречие с необходимостью предоставлять работу ежегодно почти 20 млн. человек, вступающим в трудоспособный возраст. Ежегодно увеличение трудовых ресурсов деревни на 5—6 % требует громадных средств (более 3 млрд. юаней) для обеспечения новой рабочей силы скудным инвентарем и первичными средствами механизации. Это препятствует процессу внедрения новой производительной техники и росту производительности труда.

С наступлением периода «урегулирования» (1979—1981) нынешнее руководство поощряет возрождение и развитие частно-предпринимательского сектора. Для «оздоровления» экономики и стимулирования производственной активности трудящихся в стране официально провозглашена политика допущения деятельности частных промышленных и торговых предприятий. Частный сектор регистрирует организацию предпринимательства, объявляет о характере и масштабах своих предприятий, уплачивает налоги и отчисляет прибыли в соответствии с государственными постановлениями.

Масштабы частного предпринимательства в городах уже с первых месяцев оказались весьма ощутимыми. В ряде городов Южного Китая (провинция Гуандун, Фуцзянь и Чжэцзян) заявки на открытие предприятий подали десятки тысяч предпринимателей. Даже в провинции Ляонин, где государственный сектор всегда играл доминирующую роль, к началу 1980 г. была санкционирована деятельность более чем 13 тыс. частных промышленных и торговых предприятий¹¹. И хотя частный сектор рассматривается как вспомогательный по отношению к государственному и коллективному, масштабы и сфера его деятельности очень обширны. Они включают производство и сферу услуг: предприятия по ремонту, кустарные производства, торговые и другие предприятия по обслуживанию населения.

В сельских районах частный сектор также начинает возрождаться в рамках существующих народных коммун. Как глубокая реакция на неэффективность системы народных коммун в стране с 1977 г. усилился процесс децентрализации управления, центр тяжести хозяйственной деятельности переносился вначале на большие производственные бригады, затем — на малые, а в настоящее время во многих районах и на звенья. Основные средства производства передаются в распоряжение хозяйственных единиц, рабочая сила также распределяется в рамках бригад и звеньев (в случае ее передачи в промышленность народных коммун бригады получают компенсацию за ее использование). В районах с отсталым сельским хозяйством и низкими доходами крестьян с предоставлением крестьянам приусадебных участков (до 15 % общей площади пахотных земель в пров. Сычуань) поощряется система доведения заданий до отдельных дворов, когда крестьянский двор получает в свое распоряжение часть земли бригады для выращивания урожая, который частично сдает государству (через народные коммуны, бригады), а частично оставляет себе.

В ряде коммун вся коллективная земля подразделяется на общую и индивидуальную: с общей земли (как правило, лучшего качества) собирается урожай для государства, а на остальной крестьяне выращивают урожай для индивидуального пользования. Этим поощряется лозунг «Обогащайтесь!», который стал весьма распространенным. Поскольку земля бригад распределяется между дворами по числу трудоспособных, возникает реальное противоречие между дворами из многодетных семей и дворами с большим числом взрослых. Бедные семьи с большим числом детей вынуждены арендовать участки у семей, которые не имеют возможности полностью использовать землю. Подобная

¹¹ См. «Жэньминь жибао», 1.IV.1980.

аренда земли осуществляется на условиях либо предоставления части урожая (одного из двух урожаев в год), либо обработки. Случается, что одинокие пожилые люди, сдающие свои участки в аренду, после продажи на местном рынке зерна, полученного в качестве арендной платы от соседа, становятся наиболее богатыми людьми в деревне. Такая система наделения землей отдельных семей приводит к дифференциации доходов крестьян данной местности, вызывает оживление местных рынков, рост цен на сельхозпродукцию вплоть до спекуляции зерном. В этих условиях существует реальная угроза не только нарастания социальных конфликтов (которых не было в условиях полной уравниловки в течение 20 лет), но и разгула стихии на уровне местных рынков и даже уезда. Таким образом, политика поощрения единоличного сектора, давая определенный экономический эффект, принесет в китайскую деревню элементы возрождения неуправляемых товарных отношений.

Новым сектором в социально-экономической структуре современного Китая является государственно-монополистический сектор, который состоит из смешанных предприятий на территории Китая с использованием иностранного капитала. Их возникновение началось в самом конце 70-х годов и поначалу было связано с организацией небольших предприятий в зоне, приграничной с территорией Гонконга, которые использовали рабочую силу и сырье КНР, а оборудование — из Гонконга. Экономический смысл подобных предприятий заключается в том, что Гонконг, эксплуатируя более дешевый труд работников КНР (по сравнению с трудом гонконгских рабочих), создавал на территории Китая предприятия по переработке сырья, изготовлению продукции (главным образом кустарно-художественных поделок, сувениров), для реализации продукции на рынке Гонконга. Для китайской стороны это было лишь дополнительным источником занятости тысяч безработных.

С опубликованием Закона о смешанных предприятиях КНР в 1979 г. масштабы и сфера распространения смешанных предприятий резко возрастают. Начинает привлекаться капитал крупных капиталистических стран Запада — Японии, Италии, Франции, ФРГ и др. Их деятельность распространяется на предприятия легкой и тяжелой индустрии. Государственные фабрики КНР с вкладами иностранного капитала (в виде оборудования, заказов на готовую продукцию) образуют систему смешанных предприятий с долевым участием двух и даже трех сторон. Размеры участия иностранного капитала не ограничиваются, так как закон предусматривает иностранные вложения в размере не менее 25 % от общей их суммы.

Нынешнее руководство, идя на любые шаги в сторону империалистических кругов Запада, наряду с созданием смешанных предприятий согласно на совместные разработки месторождений угля и нефти (по заключенному контракту американская компания «Саммит индастриал корп.» будет совместно с китайской стороной разрабатывать крупное нефтяное месторождение около Шанхая). Ведутся переговоры с другими американскими компаниями по поводу разведки и добычи нефти на крайнем западе Китая, а также с Японией — о включении трех проектов в план освоения нефтяных месторождений КНР. Финансирование последних проектов обеспечено кредитом в 2 млрд. долл. при условии получения Японией 42,5 % добываемой нефти¹².

КНР идет на превращение части территории страны в «специальные районы для деловых предприятий с участием иностранного капитала». Эти зоны ориентируются на экспортные отрасли индустрии. Доступ иностранного капитала в эти зоны становится свободным. В на-

¹² См. «Киодо Цусин», 1.11.1980.

стоящее время такие зоны создаются в провинциях Гуандун, Шаньдун, Фуцзянь¹³. Провинция Фуцзянь обратилась в Пекин с предложением превратить один из прибрежных островов (остров Ланки площадью 72 км², с населением 57 тыс. человек) в ориентированную на экспорт зону. Предполагается свободный доступ иностранного капитала для строительства 28 промышленных предприятий со сдачей в аренду земельных участков на срок до 100 лет¹⁴.

Подобная внешнеэкономическая активность Пекина означает не только желание поднять уровень производительных сил любой ценой, в том числе используя иностранный капитал, но и сползание вправо в политике, ибо вторжение иностранного капитала в этих формах чревато серьезными социальными и экономическими последствиями для быстрой многоукладной экономики. В условиях технико-экономической отсталости в других секторах государственно-монополистический сектор может в короткий срок превратиться в лидирующий (не по масштабам производства, а по технико-экономическому уровню и экспортному значению) сектор. Нынешнее китайское государство разрабатывает новую экономическую и социальную стратегию, в которой находится место для тенденций развития не только по социалистическому пути и кооперативной экономики, но и по пути стихийного развития частного предпринимательства, государственно-монополистического капитала. Таким образом, государство определяет сферы влияния каждого из секторов, манипулирует ресурсами для поддержания уровня и темпов развития любой из зон многоукладной экономики.

В отличие от многоукладности переходного периода, начавшегося в 1949 г., нынешняя многоукладность характеризуется устойчивым сосуществованием всех секторов без выделения какого-либо из них в качестве определяющего основную тенденцию развития. При нынешнем внешнеполитическом курсе Пекина эта многослойная структура превращается в многоукладное общество «смешанной экономики», которое подвержено угрозе реставрации государственного капитализма с глубокой эрозией социалистических тенденций и способствует усилению влияния империалистических сил Запада.

¹³ См. «Нихон кэйдзай», 3.11.1980.

¹⁴ In: "Mainichi Daily News", 5.1.1980.

Япония в тисках противоречий

И. И. Тамгинский

Японская буржуазная пропаганда пытается создать впечатление, будто Япония занимает особое место в современном мире, якобы она не подвержена тем социально-экономическим катаклизмам, которыми охвачено большинство развитых капиталистических государств. При этом нередко делается попытка убедить рядового японца в том, что он живет значительно лучше, чем раньше, что бедность и нужда вообще исчезли с Японских островов, а пролетарии и пауперы перешли в категорию средних классов, пользующихся всеми благами современного научно-технического прогресса.

Среди ученых, особенно социологов, находятся и такие, которые пытаются изобразить дело таким образом, будто японская нация способна находить решения труднейших внутренних и внешних проблем благодаря своей «исключительности», умению объединяться, сплачивать силы всех слоев общества независимо от их классовой принадлежности. Все мы — прежде всего японцы, говорил автору статьи один из видных представителей крупного японского бизнеса, а затем уже делимся на либералов, прогрессистов, социалистов и коммунистов. Для нас, японцев, классовая принадлежность и политические убеждения отодвигаются на задний план, как только страна оказывается перед национальным кризисом. Так, мол, было во время второй мировой войны, когда страна объединилась вокруг трона, чтобы отстоять свое место под солнцем. Так якобы было и в послевоенный период, когда страна оказалась разгромленной и встал вопрос о возрождении разрушенной экономики. Японцы проявили исключительную выдержку и понимание общенациональных задач во время кризиса 1974—1975 гг. Нынешние тяжелые времена, связанные с обострением международной обстановки и усилением внутренних трудностей — ростом инфляции и безработицы, застоем в промышленности, — утверждал мой собеседник, будут решены так же, как и те, с которыми японцам приходилось сталкиваться в прошлом.

Можно согласиться, что трудолюбие японского народа, его традиционная покорность и медленный рост уровня классового самосознания трудящихся в течение длительного времени были важными факторами, позволявшими правящим кругам выбираться из многих трудных ситуаций, но не будет преувеличением сказать, что эти счастливые для правящей верхушки Японии времена ушли или уходят в прошлое. Современный японский пролетариат, прогрессивные силы страны все глубже осознают свои классовые интересы, все активнее заявляют о своих правах и социальных требованиях. Японский пролетариат, осознающий свою классовую миссию, выдвигается на передовые позиции и оказывает все более активное влияние на социально-политические процессы современной Японии. С другой стороны, основные противоречия, раздирающие капиталистический мир, захватывают

ни «Страну восходящего солнца», втягивая ее в водоворот бурных событий, происходящих в наши дни на мировой арене. Все это делает политическую обстановку в Японии все более шаткой, а ее международное положение — весьма уязвимым.

Нарастание экономических трудностей

Поразивший Японию экономический кризис 1974—1975 гг. все еще дает о себе знать почти во всех сферах экономики и политики, затрудняет дипломатическое маневрирование правящих кругов, осложняет положение страны на мировых рынках. Это был не обычный циклический кризис. На сей раз вступили в действие новые, дополнительные факторы, придавшие кризису глубокий и затяжной характер. К числу таких факторов относятся энергетическая и сырьевая проблемы, повышение оптовых и розничных цен, увеличение числа банкротств, загрязнение окружающей среды, обострение конкурентной борьбы на мировых рынках и пр.

Наиболее убедительным свидетельством ухудшения положения японской экономики является состояние платежного баланса страны. Если в 1978 г. он достиг большого положительного сальдо в размере 116,5 млрд. долл., то в настоящее время под влиянием увеличения суммы импорта, вызванного повышением цен на сырьевые материалы, и прежде всего на нефть, платежный баланс страны показывает быстро растущий дефицит, который в 1979 г. составил более 13,8 млрд. долл. Впервые за 16 лет торговый баланс Японии в 1979 г., по данным МВФ, сведен с дефицитом в размере 2,3 млрд. долл. Положение усугубляется скачкообразным повышением курса иены по отношению к доллару и нажимом США и стран Западной Европы, добивающихся сокращения японского экспорта, который служит для Японии важным рычагом оживления экономической конъюнктуры. Заметно утратил свою способность к быстрому увеличению емкости и внутренний рынок Японии, что проявляется в вялости потребительского спроса.

Ожидается, что в 1980 финансовом году во всех сферах внутреннего частного сектора будет наблюдаться замедление темпов роста. Прежде всего личные потребительские расходы возрастут не более чем на 3,3 %, а цены на потребительские товары, как утверждает «Майнити дейли ньюс», увеличатся на 8,9 %, в результате чего покупательная способность населения должна сократиться.

Все это вынуждает японские правящие круги брать курс на адаптацию экономики страны к новым внутренним и внешним условиям. Темпы роста валового национального продукта и промышленного производства на 1976—1980 гг. были определены на уровне 5—6 %, что значительно ниже темпов 60-х годов. Таким образом, едва справившись с восстановлением платежного баланса, с проблемой создания «инвестиционного климата», сдерживания инфляционных процессов, с расщеплением безработицы, страна вновь вползает в полосу нового экономического спада.

Задачи, которые были намечены в «Экономическом плане второй половины 70-х годов», оказались невыполненными, и правительство вынуждено было разработать «Новый семилетний план экономического и социального развития на 1979—1985 финансовые годы». В этом плане определяются пути преодоления усугубляющихся внутренних и внешних экономических трудностей и основные направления деятельности отраслевых министерств и монополистических объединений.

Новый экономический план предусматривает прирост японской экономики на уровне 5,7 % в год. Если раньше правящие круги ориентировали экономику на увеличение экспорта, то сейчас упор делается на расширение внутреннего спроса. Намечено, в частности, удвоить

инвестиции в инфраструктуру, что должно дать толчок усилению деловой активности. Предполагается расширение сети железных и автомобильных дорог, строительство портов, аэродромов и пр.

Что касается внешнеэкономических связей, то, столкнувшись с ожесточенной конкурентной борьбой на мировых рынках и протекционистскими мерами, принимаемыми западными странами, Япония вынуждена умерить свои экспансионистские аппетиты и внести определенные коррективы в свой внешнеэкономический курс. Общее ухудшение экономической конъюнктуры на мировых рынках вынуждает японцев подготовить страну к новым испытаниям, к еще более тяжелым ударам.

В Японии не забыты так называемые «никсоновские шоки», вызванные тем, что Вашингтон не раз приносил в жертву интересы своего японского союзника, спасая собственную экономику и препятствуя ослаблению международных позиций американского империализма. Так было в 1971 г., когда администрация США через голову Японии установила контакт с Пекином в надежде с его помощью выбраться из вьетнамской авантюры и, опираясь на маоистов, поправить свои дела в Юго-Восточной Азии. Так было в 1973 г., когда Вашингтон провел девальвацию доллара, направленную прежде всего против наплыва японских товаров на американский внутренний рынок. Увеличение ввозных пошлин на 10 % нанесло серьезный удар по японским экспортерам, которым пришлось пойти на ряд существенных уступок, чтобы удержаться на рынке США.

Не менее болезненной для японского бизнеса операцией было занесение Японии в «черный список» арабов, которые заявили об отказе поставлять нефть до тех пор, пока японская дипломатия будет плестись в хвосте США в ближневосточном вопросе и оказывать морально-политическую и экономическую поддержку израильским захватчикам. Японии пришлось сделать заявление о том, что она не поддерживает ближневосточную политику США, и предпринять ряд блажелательных шагов в сторону арабских стран с левыми режимами. В частности, Япония формально признала ООП единственным законным представителем арабского народа Палестины.

Япония столкнулась также с растущим национализмом в странах Юго-Восточной Азии, являющимся реакцией народов этих стран на безудержную экспансию японских монополий, которые безжалостно грабят материальные богатства этого региона.

Много сложных проблем встало перед Японией в связи с поражением американского империализма во Вьетнаме и частичным уходом вооруженных сил США с Азиатского континента, обострением обстановки на Корейском полуострове.

В Японии пришли к выводу, что слепое следование за Вашингтоном не гарантирует автоматического решения всех ее национальных проблем, в том числе такой важнейшей для нее проблемы, как обеспечение страны сырьем и рынками сбыта товаров.

Особенно острой для Японии оказалась проблема энергетики. Всю сложность этой проблемы можно понять, если учесть, что Япония обладает всего трехмесячными запасами нефти, что ставит ее в положение страны, над которой постоянно висит дамоклов меч в виде гигантского нефтяного провода, задвижки от которого находятся в руках не весьма надежных партнеров. Известно, что Япония потребляет 10 % общего количества энергии, производимой во всем мире. 75 % необходимой ей энергии Япония получает за счет импорта нефти, что составляет 19 % мирового импорта. Японию не может не беспокоить то, что разведанных мировых запасов нефти, как утверждают ученые, хватит примерно на 30 лет, а ее внутренние запасы энергоносителей чрезвычайно ограничены.

Вот почему японские монополии уцепились за иранскую нефть, освободившуюся в результате американского бойкота, предложив Тегерану небывало высокую цену — до 40 долл. за баррель. Две трети иранской нефти, предназначавшейся для США, попало, таким образом, в руки японцев. Несмотря на сильный нажим Белого дома, напавшего на Японию о ее союзнических обязательствах, в Токио решили, что своя рубашка ближе к телу, и никак не реагировали на угрозы старшего заокеанского партнера.

Япония недвусмысленно дала понять, что намерена завершить строительство нефтехимического комплекса, на который она уже предоставила иранской стороне кредит в сумме 2 млрд. долл. Несмотря на усиливающийся американский нажим, Токио не собирается отказываться от этого проекта, понимая, что Иран может ответить нефтяными санкциями, то есть лишить страну важного энергетического источника.

Японские правящие круги не могут не видеть, что, несмотря на замедление темпов роста экономики и усиление роли отраслей с относительно низким уровнем потребления энергии, импорт нефти продолжает увеличиваться. Согласно данным министерства торговли и промышленности Японии, в 1979 г. он достиг наиболее высокого за последние годы уровня — 280,5 млн. т.

Рост цен на нефть на мировом рынке ложится гигантским бременем на японскую экономику, ведет к росту цен на горючее в Японии. Только в 1979 г. цены на нефтепродукты выросли почти в два раза, достигнув в среднем 28 долл. за баррель. Если напомнить, что до начала кризиса 1974—1975 гг. цены на нефть составляли всего 6 долл. за баррель, то нетрудно представить себе всю серьезность топливной проблемы для сегодняшней Японии, когда ей приходится платить в пять раз дороже за то же количество импортируемой нефти.

Японское правительство вынуждено принимать драконовские меры по экономии электроэнергии. Оно заставляет крупный бизнес расширять инвестиции в оборудование, обеспечивающее более эффективное использование топлива и сырья, внедрять новые конструкции в строительстве домов и помещений, рассчитанные на минимальное потребление электричества. Оно усиливает ограничительные меры в отношении автомобильного горючего, сокращает поставку электроэнергии государственным муниципальным учреждениям, гостиницам, рекламным фирмам и т. д.

Взят курс на вывод за пределы Японии наиболее энергоемких и грязных производств, организацию самостоятельных разработок нефтяных месторождений за рубежом и на континентальном шельфе Японии.

Не менее велика потребность Японии и в других видах сырья. Хотя в стране есть уголь, его добыча сократилась до 19 млн. т, в то время как раньше Япония извлекала из собственных недр до 55 млн. т. Снижение добычи угля в стране объясняется тем, что местный уголь обходится в два раза дороже импортного. В 1978 г. за счет угля было произведено лишь 3,7 % электроэнергии. Однако увеличение импорта угля из-за рубежа, помимо решения проблемы загрязнения, требовало бы большого числа портов, строительство которых повело бы к дополнительным расходам в сумме 6—10 млрд. долл. В поисках альтернативных источников энергии Япония уже сейчас расходует около 1 млрд. долл. Имеются в виду исследовательские работы в области освоения солнечной энергии, энергии ветра, морских приливов и пр.

Особое внимание Япония уделяет строительству атомных электростанций. Это, по мнению многих экспертов, является наиболее быстрым путем решения энергетической проблемы страны. Несмотря на сопротивление широкой общественности, в Японии уже действует 21

реактор, которые производят 12 % потребляемой страной электроэнергии. Предполагается к 1995 г. увеличить производство атомной электроэнергии в пять раз, что позволит Японии покрыть свои потребности в электроэнергии на 30 %.

В поисках энергоносителей японские монополии устремились в Китай. Они предоставили Китаю 1,5 млрд. долл. в виде займа под низкие проценты для совместной эксплуатации нефтяных месторождений и угольных шахт. Но и здесь перед японским капиталом возникает уравнение со многими неизвестными. Только будущее покажет, насколько оправданы радужные расчеты японского бизнеса на получение китайских угля и нефти в необходимых для страны количествах и по сходным ценам. Уже сейчас многие политические наблюдатели указывают на то, что Пекин использует сырьевую дипломатию для того, чтобы привязать Японию к китайскому рынку, поставить ее экономику под свой контроль. Кроме того, Япония не может не считаться с тем, что страны Юго-Восточной Азии, которые являются важным рынком сбыта и источником сырья для японской промышленности, восприняли расширение японо-китайского экономического сотрудничества с нескрываемым беспокойством. Они опасаются, как бы объединение дешевой китайской рабочей силы и японской технологии не привело к созданию опасного блока, который может поставить под угрозу мир и безопасность в этом обширном регионе мира.

Сохранившиеся после глубокого кризиса 1974—1975 гг. низкие темпы роста экономики вынуждают Японию искать выход на рельсах усиления экономической экспансии. Уже сейчас половина товарооборота Японии падает на развивающиеся страны, особенно те, которые располагают крупными запасами нефти и других сырьевых материалов. Принято решение довести объем японской «помощи» развивающимся странам до уровня большинства развитых капиталистических государств, то есть до 0,7 % ВВП, вместо 0,31 %, которые падают на долю Японии в настоящее время. Японские банки вынуждены идти на некоторое смягчение условий предоставления кредитов, в том числе на предоставление «несвязанной финансовой помощи». Намечается принятие дополнительных мер, направленных на расширение использования иены в международной торговле и на рынке капиталов.

Испытанным средством выхода из экономических трудностей является переложение их основной тяжести на плечи трудящихся. «Новый семилетний план экономического и социального развития» предусматривает значительное увеличение налогового бремени, возлагаемого на население. Если в 1978 г. налоги с населения составляли 19,9 % государственного бюджета, то, как предполагается, в 1985 г. они увеличатся до 26,2 %. План предусматривает введение общего налога на потребительские товары и услуги. Ожидается, что потребительские цены будут увеличиваться ежегодно на 5 %, а оптовые — на 3 %.

Авторы плана не предлагают радикальных мер по сдерживанию роста безработицы. Они лишь обещают, что число лишенных работы не будет превышать 1,7 % от занятого населения страны. Это означает, что правящие круги заранее декларируют, что безработица в Японии до 1985 г. будет носить хронический характер и, следовательно, более миллиона японцев будет лишено средств к существованию.

«Семилетний план», названный как бы в насмешку планом «благодеяния», сулит трудящимся Японии новые трудности, лишает их надежды на полную занятость, обещает дальнейший рост цен на потребительские товары, увеличение стоимости жизни. Совершенно ясно, что рабочий класс Японии, широкие слои трудового народа не могут мириться с постоянно растущими тяготами и все активнее включаются в борьбу за улучшение своего материального положения, за радикальное перераспределение богатств в пользу трудящихся.

Сложная внутривнутриполитическая ситуация

Экономические трудности, переживаемые страной, рожают политическую нестабильность, обострение социальных противоречий в современном японском обществе. Это нашло свое наиболее яркое выражение в итогах выборов в палату представителей японского парламента, состоявшихся в октябре 1979 г.

ЛДП не только не добилась стабильного большинства в нижней палате, но не обеспечила себе даже половины депутатских мест в этой палате. Партия крупного монополистического капитала, получившая 249 мест из 511, не смогла бы сформировать однопартийное правительство, если бы на помощь ей не пришли остатки развалившегося «нового либерального клуба» и «независимые» депутаты, перебежавшие на сторону ЛДП.

Поражение на выборах привело к дальнейшему обострению борьбы в высших эшелонах власти, послужило новым стимулом к оживлению межфракционной борьбы за распределение теплых местечек как внутри ЛДП, так и в правительстве.

Моральное разложение, казнокрадство и взяточничество, в которых замешаны крупнейшие деятели ЛДП, приняли невиданные размеры. Грязные финансовые связи бывшего премьер-министра Танака, скандальные истории с подкупом, в которых замешаны компании «Локхид», «Грумман» и «Макдонелл — Дуглас», коррупция, пронизавшая отношения между Японией и Южной Кореей, потрясающие случаи взяточничества в государственной корпорации железнодорожного строительства, японской корпорации международной телефонно-телеграфной связи «Какусай дэнсин дэн-ва», японской корпорации жилищного строительства — все эти факты коррумпированной политики ЛДП всплывают один за другим, вызывают глубокое возмущение народа.

Отмечены неоднократные случаи, когда видные представители консервативной партии накануне выборов заявляли о своем выходе из ЛДП, чтобы не ассоциироваться в глазах избирателей с неприглядным обликом партии крупного монополистического капитала, погрязшей во взятках и других денежных махинациях. Только наличие огромных средств, подкупы и другие избирательные трюки позволяют этой партии удерживаться у власти.

Вместе с тем следует отметить, что, хотя значительная часть японской общественности с настороженностью встретила потерю влияния Либерально-демократической партии в высшем законодательном органе страны, боязнь политических перемен, свойственная японскому обществу, а также соответствующие меры, принимаемые правящей партией для расширения воздействия на различные слои населения, позволяют этой партии удерживать первенство на выборах. Правящие круги все чаще прибегают к таким методам воздействия на настроение широкой публики, как безудержный антикоммунизм, усиление идеологической обработки населения в антисоветском духе, активизация террористической деятельности правых ультра, переход к актам прямых репрессий против демократических сил.

Тем не менее недоверие к ЛДП растет. Ярким выражением недоверия трудящихся заслуженным представителям крупного капитала в правительственных органах явилось стремительное продвижение Коммунистической партии на выборах 1979 г. КПЯ не только восстановила свои силы после неудачного выступления на предыдущих всеобщих выборах 1976 г., но и получила два дополнительных места. Компартия Японии провела в нижнюю палату 41 своего представителя, став влиятельной силой внутри парламента.

Несколько сдала свои позиции Социалистическая партия, за счет чего увеличили число своих депутатов в нижней палате Партия демо-

кратического социализма и «Комэйто», именующие себя партиями «среднего пути». Сдвиг настроений избирателей влево и к центру свидетельствовал о желании широких слоев населения добиться замены правления консерваторов новой политической комбинацией из числа реформистских сил, заявляющих о своих намерениях изменить внешнеполитическую ориентацию страны и провести ряд важных внутренних социально-экономических реформ «в интересах народа».

Однако нельзя сказать, что оппозиционный блок уже набрал достаточно сил, чтобы бросить открытый вызов консерваторам и поставить в повестку дня вопрос о смене власти. Характерной особенностью нынешнего политического положения в Японии является разобщенность реформистских сил, колебания главной оппозиционной силы — Социалистической партии, ее известное поправление, склонность к компромиссу с партиями «среднего пути», особенно с партией «Комэйто», за счет отказа от классовых позиций и многих программных установок, придававших СПЯ характер левой партии, связанной с рабочим классом и широкими массами трудящихся.

Нынешние лидеры СПЯ все дальше соскальзывают на путь антикоммунизма и правореформистского оппортунизма, на путь отказа от совместных действий с Коммунистической партией, что ведет к ослаблению общего натиска левых сил на позиции крупного монополистического капитала и его партии в лице ЛДП. Формирование оппозиционного блока происходит не на основе консолидации прогрессивных сил, а на основе соглашательской политики и правореформистских идеологических взглядов партии «Комэйто» и ПДС.

Одним из важнейших факторов поправления СПЯ и ее сползания на позиции сотрудничества с партиями «среднего пути» является подрывная деятельность маоистов в рядах Социалистической партии, их социальная демагогия. Обеляются действия американского империализма и японского монополистического капитала, что сбивает с толку многие неустойчивые элементы, склонные верить в правоту пекинской теории «трех миров». Определенная часть членов СПЯ оказалась в плену антисоветской и антикоммунистической пропаганды, развернутой в Японии в связи с обострением международной обстановки, вызванным якобы не агрессивными устремлениями американского империализма, а несуществующей «советской угрозой».

Наиболее характерной чертой СПЯ за последние два года является ее колебание между прогрессивным и реакционным направлениями. Во время выборов глав муниципалитетов в Киото, Иокогаме и Осаке правое крыло Социалистической партии настояло на объединении с ЛДП, чтобы свергнуть прогрессивные местные органы власти. Таким образом, правые социалисты ведут дело к отказу от образования объединенного прогрессивного фронта, в отношении чего между КПЯ и СПЯ было ранее достигнуто соответствующее соглашение.

Как отмечается в резолюции XV съезда КПЯ, «здесь таится угроза того, что Социалистическая партия может стать антипрогрессивной силой ввиду ее сильного крена вправо»¹.

Поворот правой части СПЯ в сторону партий «среднего пути» вызывает идейный и организационный разброд в главной оппозиционной партии страны, ослабляет влияние социалистов в массах, ведет к утрате ее руководящей роли в Генеральном совете японских профсоюзов (Сохё), объединяющем около 4,5 млн. рабочих и служащих. В свою очередь поправление СПЯ способствует усилению тред-юнионистских тенденций в этом крупнейшем профцентре, ослаблению его ведущей роли в профсоюзном и рабочем движении страны. Нынешнее руководство Сохё проявляет все большую склонность к объединению с право-

¹ «Акахата», 9.III.1980.

реформистским профцентром — Японской федерацией труда (Домэй) — на основе принципа «сотрудничества труда и капитала».

Правореформистские лидеры Домэй, используя колебания лидеров Сохтё, выдвинули лозунг создания единого «национального центра» на следующей платформе: тред-юнионизм, достижение единства профсоюзных предприятий частного сектора, вступление в Международную конфедерацию свободных профсоюзов, выступление против левого и правого абсолютизма, поддержка линии Социалистического интернационала².

Нетрудно понять, что за переформированием оппозиционных сил и профсоюзного движения стоят правящие круги Японии и специалисты из Центрального разведывательного управления США, которые, видя ослабление позиций ЛДП, решили создать новую политическую партию типа лейбористской партии в Англии, чтобы в случае национального кризиса правящая верхушка могла спокойно передать власть в руки «рабочей» партии, имеющей социальную опору в лице «национального центра» профсоюзов, тесно связанного с МКСП и Социероном.

Правящие круги проводят политику заигрывания с партиями «среднего пути», все чаще прибегают к тактике мнимых «консультаций» с оппозиционными партиями, идут на некоторые мелкие уступки в принципиальных вопросах, создавая тем самым определенные иллюзии среди широких масс о наличии в руководстве страной единства действий основных политических партий и массовых организаций. Такая политика ЛДП рассчитана прежде всего на упрочение позиций монополистического капитала, лишение оппозиционных партий «естественных оснований» для проведения антиправительственных действий как в парламенте, так и за его пределами.

Разумеется, еще рано говорить о том, что подобные маневры правящих кругов имеют стопроцентные шансы на успех. Во-первых, по-прежнему, что ЛДП как правящая партия крупного монополистического капитала не намерена добровольно уступать власть какому бы то ни было «оппозиционному блоку» или создавать коалиционное правительство с ПДС или «Комэйто», которые, по крайней мере на словах, претендуют на выражение «общенародных интересов» и не во всем согласны с политикой господствующих классов.

Во-вторых, в Социалистической партии и в Генеральном совете японских профсоюзов имеются здоровые силы, которые противятся вышеуказанному развитию событий, видя в этом измену делу рабочего класса, предательство интересов широких трудящихся масс. Хотя последний съезд СПЯ и принял в целом правореформистский курс действий, значительная часть делегатов вынудила руководство пойти на ряд важных уступок, ставящих определенные препоны на пути дальнейшего сползания Социалистической партии на правореформистские позиции.

Наконец, неблагоприятному развитию политических процессов в Японии твердо противостоит Коммунистическая партия, объединяющая в своих рядах 440 тыс. закаленных бойцов, высоко поднявших знамя свободы и независимости, знамя борьбы за мирное и демократическое развитие, за утверждение страны на путях нейтралитета и неприсоединения. Печать КПЯ неустанно разоблачает реакционную сущность международной политики ЛДП, обнажает подлинные причины ухудшения положения трудящихся, механизм эксплуатации рабочего класса, призывает японских трудящихся сплачивать свои ряды, давать решительный отпор подрывной деятельности правых социал-демократов в рабочем движении, срывает маску с маоистов и их последователей

² См. «Дзэнгэй», 1980, № 1.

в Японии, выступающих в роли «друзей» и «радетелей» японского народа.

В области международной политики КПЯ ведет решительную борьбу против американского империализма и его агрессивной политики, последовательно разоблачает претензии Пекина на мировое господство. Она выступает против гонки вооружений, за запрещение ядерного оружия, разоружение, за утверждение принципа мирного сосуществования в качестве нормы взаимоотношений между странами с различными социальными системами. Компартия Японии ведет борьбу против укрепления японо-американского военного союза и милитаризации страны, оказывает поддержку национально-освободительным движениям, особенно борьбе народов Индокитая, выступает за интернациональную солидарность и сплочение международного коммунистического движения.

Наряду с большой идейно-политической борьбой КПЯ стремится консолидировать вокруг себя массовые организации, и прежде всего профсоюзы. КПЯ выдвинула на своем XV съезде лозунг создания единого фронта прогрессивных сил на основе совместной борьбы за демократическое обновление японского общества. В связи с отказом СПЯ от единства действий с КПЯ и переориентацией ее на союз с партией «Комэйто» и с тем, что Генеральный совет профсоюзов стал склоняться к созданию «единого рабочего фронта» на реформистской основе, Коммунистическая партия взяла курс на поддержку «классового демократического национального центра профсоюзов», имея в виду сплочение прогрессивных профсоюзных организаций, как входящих в Сохэ, так и независимых профсоюзов, которые недовольны политикой своих лидеров, а также на привлечение в новый центр неорганизованных рабочих, составляющих около 70 % от общего числа японских рабочих.

В качестве зародыша будущего классового национального центра в настоящее время выступают Советы профсоюзов по вопросам содействия созданию единого фронта (Тоццу сэнсэн сокусин родо кумнай кондаикай), которые уже функционируют в 30 префектурах и объединяют около миллиона человек. Центр нового профобъединения находится в Токио и ведет большую работу по консолидации профсоюзного движения на классовой основе.

По мнению КПЯ, неотложная задача, стоящая сейчас перед народом, заключается в том, чтобы добиться осуществления трех основных целей прогресса: 1) ликвидации американско-японского военного союза и провозглашения нейтралитета Японии; 2) отказа от политики служения интересам крупного капитала и проведения политики защиты народа и его жизненного уровня; 3) прекращения курса на возрождение и укрепление милитаризма, установления демократического парламентского руководства и демократии.

КПЯ указывает, что нынешний экономический кризис невозможно разрешить в интересах рабочих и других трудовых слоев населения, если не перейти «от политики, проводимой в интересах большого бизнеса, к политике повышения жизненного уровня народа», что является одной из трех целей прогресса. Критикуя экономическую политику ЛДП, осуществляемую в интересах крупного бизнеса, КПЯ опубликовала «Предложения в отношении японской экономики», в которых изложила свой пятилетний план перестройки экономики путем демократических преобразований в финансовой и других областях, направленных на ограничение всевластия монополистического капитала и уменьшение бремени, возлагаемого ЛДП на плечи народа.

Таким образом, можно сказать, что для политической жизни современной Японии характерны размежевание классовых сил, их поляризация. С одной стороны, выступает ЛДП и склонные к компромиссам с нею партии «среднего пути» с их массовыми организациями, а с дру-

той — Коммунистическая партия, объединяющая все подлинно прогрессивные силы, как уже проявившие себя, так и те, которые еще вызревают в недрах японского общества и в ближайшее время выступят на политическую арену в качестве союзников КПЯ.

Конечно, было бы неверно изображать развитие политической обстановки в Японии как прямолинейное движение вперед, без трудностей и отступлений.

Прошедшие в июне 1980 г. выборы в японский парламент вновь продемонстрировали сложность и противоречивость внутривнутриполитической ситуации в современной Японии. Правящей Либерально-демократической партии удалось не только удержать свои позиции в парламенте, но и добиться стабильного большинства, позволяющего контролировать деятельность высшего законодательного органа страны. Она получила 84 мандата из 511. Противники ЛДП, имевшие в прошлом составе нижней палаты 248 мест, недосчитались около 30 мандатов, хотя и собрали почти столько же голосов, сколько правящая партия. Соцпартия набрала избрания 107 депутатов, КПЯ — 29, «Комэйто» — 33, ЛДС — 32.

Несмотря на не совсем удачный для КПЯ исход последних выборов, основное противоборство в 80-х годах, как указывают многие опытные наблюдатели, развернется между либерал-демократами и коммунистами и их последователями. Это признают как представители ЛДП, так и руководящие деятели КПЯ. К такому выводу пришел и XV съезд КПЯ. В резолюции съезда содержится призыв ко всем коммунистам проявить великий дух, несгибаемую волю в борьбе, научную убежденность и усилить деятельность по всему фронту, чтобы, правильно используя достижения 70-х годов в борьбе по поводу двух путей развития Японии, сделать 80-е годы десятилетием прогресса и реформ в стране, десятилетием победы единого фронта реформистских сил³.

Прецеденты в американо-японском союзе

Общезвестно, что важнейшее место в военно-стратегических планах Соединенных Штатов на Дальнем Востоке отводится Японии. Привлекая к себе эту страну военно-политическим союзом, разместив на ее территории около 140 баз и различных военных объектов, США рассматривают Японию как своего послушного союзника, готового играть роль «бастиона антикоммунизма» в Азии. В последние годы американская сторона все активнее толкает Японию к тому, чтобы она взяла на себя соответствующую ее экономическому потенциалу «часть бремени» по обеспечению на Дальнем Востоке интересов стран «свободного мира». И японские руководители пока соглашаются играть отводимую им роль.

Но, заглядывая в будущее, можно полагать, что такое положение не будет сохраняться бесконечно долго. Не исключено, что на определенном этапе, уже в обозримом будущем, японцы одни или, скажем, в союзе с Китаем могут предпринять попытку выйти из-под американского контроля, бросить США серьезный экономический, политический или даже военный вызов.

Потерпев поражение во второй мировой войне, японские правящие круги попытались извлечь для себя максимальные выгоды из сложившейся ситуации. И это им удалось. Для восстановления и развития разрушенного хозяйства Японии были нужны американские капиталы и технология, и она сумела в полной мере получить их и превратилась ныне в одну из ведущих стран капиталистического мира, обладающую немалым экономическим потенциалом. Можно сказать, что японцы повели себя в духе старых самурайских традиций: «Если враг сильнее

³ «Акахата», 9.III.1980.

тебя, надо войти в него и разрушить его изнутри». Пока Япония была слаба, она с готовностью поспешила «войти в раскрытые американцами двери», с тем чтобы с помощью «врага» и противника в войне быстро восстановить, а затем и значительно превзойти довоенный уровень экономического развития. Никто не сможет поручиться, что теперь, когда японские милитаристы вновь обрели силу, «накачали мускулы», они при определенных обстоятельствах не захотят приступить к реализации второй части названной формулы — к «разрушению врага» изнутри.

Обратимся к фактам. Ведущаяся уже не один год между Японией и США так называемая торговая война с течением времени не только не утихает, а, напротив, разгорается все сильнее и сильнее. К настоящему времени дефицит США в торговле с ее «верным другом и союзником» все еще составляет внушительную сумму — 6 млрд. долл. На многократные просьбы и призывы американской стороны «исправить» дисбаланс в торговле японцы отвечают, по существу, лишь туманными обещаниями изыскать средства решения этого серьезного вопроса, однако положение изменяется крайне медленно.

Совершенно очевидно, что под давлением американских деловых кругов администрация США рано или поздно окажется перед необходимостью принять самые жесткие меры по «упорядочению» торговли с Японией, по сокращению импорта из этой страны.

Как поведет себя Япония, если США действительно примут самые радикальные меры для ограждения своего рынка от наплыва японских товаров? Предвидя возможность подобного развития событий, руководители Японии делают все для того, чтобы заблаговременно захватить рынки Юго-Восточной Азии, проникнуть в Китай, еще прочнее закрепиться на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке и даже в Европе, вытеснив оттуда американские монополии. Захочет ли американский капитал мириться с таким развитием событий? Вряд ли.

США уже сейчас делают необходимые выводы. Американская газета «Уолл-стрит джорнэл» опубликовала 11 марта с. г. статью, озаглавленную «Нажим Америки на Японию», в которой указывается, что «все идет к тому, что в американо-японских отношениях возникнут осложнения». В Соединенных Штатах продолжают высказывать все большее нетерпение в связи с тем, что Япония не отреагировала должным образом сначала на захват Ираном американских заложников, а затем на советскую акцию в Афганистане. «Японии, — подчеркивает газета, — грозит опасность стать символом и козлом отпущения, которому придется расплачиваться за то, что союзники в более широком смысле слова не следуют примеру Америки»⁴. С точки зрения Японии, говорится в статье, внезапный оборот выглядит «в лучшем случае неприятным, а в худшем — угрожающим».

Как уже указывалось, инцидент между США и Японией, разгоревшийся из-за иранской нефти, не первая стычка между друзьями-союзниками. Помимо «никсоновских шоков», которые потрясли Японию, следует указать на бесцеремонное поведение американских представителей, когда возникли текстильная, а затем телевизионная и автомобильная «войны». Сейчас в США разворачивается кампания за то, чтобы оказать на Японию новое давление с целью заставить ее дать обещание значительно увеличить расходы на оборону в связи с бряцанием американским оружием в Персидском заливе. США хотели бы, чтобы Япония подключила свои вооруженные силы к «корпусу быстрого реагирования», который развернул свои боевые порядки в зоне Персидского залива.

⁴ «Wall-street Journal», 11.III.1980.

Япония уже давно подвергается критике со стороны американских политиков за то, что в области обороны она «едет за чужой счет». Бывший заместитель госсекретаря Джордж Болл предложил, чтобы Япония построила для Соединенных Штатов два авианосца и «ссудила» их Соединенным Штатам, дабы компенсировать передислокацию 7-го флота из Тихого океана в Индийский.

Американскую военщину явно не устраивают темпы наращивания военной мощи Японии, хотя ее расходы на оборону ежегодно возрастали на 19 % и по оборонному бюджету она сейчас стоит на седьмом месте в мире. Однако от Японии сейчас требуют, чтобы она еще больше расширила свою военно-морскую роль в северной части Тихого океана под общим руководством генералов из Пентагона и приняла активное участие в американских военных планах на Тихом океане, разумеется под контролем США.

В свое время генерал Макартур, по существу, приостановил демилитаризацию этой страны, имея в виду далеко идущие планы — направить возрожденную японскую военную машину против Советского Союза. Администрация США продолжает следовать тем же курсом: всячески поощряет создание в Японии крупного военного потенциала, возрождение милитаризма, нацеленного против СССР и миролюбивых народов Азии.

Хотелось бы напомнить о следующем предостережении австралийского дипломата М. Болла, содержащемся в его книге «Япония — враг или союзник?», вышедшей в свет в 1949 г. М. Болл указывал, что эта страна вновь может «пожелать использовать войну как орудие своей националистической политики». Он, в частности, указывал: «...Будет поспешным и опасным делать предположения о том, что Япония не сможет в ближайшем будущем превратиться в угрозу для своих соседей». В том числе и для самих Соединенных Штатов, добавим от себя.

Это предупреждение дальновидного австралийца должно бы заставить задуматься военно-промышленный комплекс США, проводящий политику вскармливания японского милитаризма. Уже сейчас численность японских «войск самообороны» составляет 260 тыс. человек, причем половину названного контингента составляют офицеры. Это позволяет в случае необходимости в короткий срок довести численность «войск самообороны» до 1 млн. человек.

Уместно напомнить, что после первой мировой войны кайзеровской Германии по Версальскому договору было разрешено иметь армию численностью 100 тыс. человек, что, однако, не помешало германскому милитаризму быстро возродиться и залить кровью всю Европу.

Нельзя исключать возможность и такого развития событий: встретив резкое противодействие США в сфере торговли, Япония может пойти по пути форсированного освоения ближайшего к ней китайского рынка. Если принять во внимание немалый экономический потенциал современной Японии и людские ресурсы Китая, то можно говорить о возможности создания в этом случае (разумеется, при соответствующем подходе китайской стороны) мощной военной машины, которая будет представлять реальную угрозу не только для народов Азии, но и для других стран, включая США.

Разногласия из-за серьезных двусторонних энергетических, оборонных и экономических проблем, подчеркивает «Уолл-стрит джорнэл», могут достигнуть кульминации и вызвать кризис, способный поколебать отношения между Соединенными Штатами и Японией. Газета делает вывод, что публичные придирки США к Японии стали характерной чертой отношений между ними в последнее время. Это, по мнению газеты, не ответ на то, какой должна быть американская политика. Это может лишь завести, констатирует она, еще дальше по пути хронических кризисов и катастроф.

Испугавшись дальнейшего обострения японо-американских отношений, «Уолл-стрит джорнэл» увещевает обе стороны одуматься. «Отношения между Японией и Соединенными Штатами, — предупреждает газета, — имеют для обеих стран слишком большую ценность и значение, чтобы можно было пустить их под откос в процессе взаимных обвинений».

Противоречивый характер японо-китайских отношений

Китайские стратеги заявляют, что Пекин намерен отдавать приоритет сотрудничеству с Японией перед отношением с другими странами. Правящие круги Японии со своей стороны также уделяют Китаю особое внимание. Об этом свидетельствует, в частности, подписание «договора о мире и дружбе» с КНР, переговоры о заключении которого шли в обстановке упорного торга в течение ряда лет.

Идя на сближение друг с другом, обе стороны преследовали свои собственные цели. Китай рассчитывает, что, нормализовав отношения с Японией, ему удастся поставить японскую экономику на службу Пекину. Как говорят японцы, Китай видит в Японии «дойную корову». Маоисты намерены, во-первых, как следует «подонть» Японию, «высосать» из нее капиталы, технологию; во-вторых, они были бы не прочь столкнуть Японию с Советским Союзом. И наконец, они строят планы использования Японии для достижения своих великодержавных целей в Азии и на Тихом океане.

Мировая печать сообщала о разработанном в Пекине долгосрочном плане «перетягивания» Японии на сторону Китая. Первый этап плана — это демонстрация дружелюбия к Японии, попытки убедить широкую общественность в том, что Китай является «верным другом» японского народа. При этом возможны мелкие уступки Японии по принципиальным вопросам.

Затем, на втором этапе, Пекин планирует добиться экономической привязки Японии к Китаю. При этом делается ставка на то, что Япония, бедная природными ресурсами, будет постепенно втягиваться в экономические отношения с Китаем, свертывая свои деловые связи с другими странами, в том числе и с США.

Когда же экономика Японии будет крепко привязана к континентальному Китаю, наступит третий этап — этап политической зависимости. Так руководители Пекина планируют в течение двух-трех десятилетий превратить Японию в своего сателлита.

Реакционные круги в Японии, со своей стороны, стремятся путем развития связей с Китаем не только обеспечить интересы ведущих монополий страны, но и добиться достижения важнейших внешнеполитических целей. Путем установления широких отношений с КНР они надеются привязать китайскую экономику к экономике Японии и закрепить пекинское руководство на антисоциалистической, антисоветской основе. Поворот КНР к максимально широкому привлечению иностранного капитала в условиях глубокой заинтересованности японских деловых кругов в проникновении на китайский рынок может открыть путь для значительного расширения объема торгово-экономических связей Японии с КНР. Предполагается, что товарооборот в 1980 г. составит более 6 млрд. долл., то есть значительно превысит уровень, которого он достиг до заключения китайско-японского договора. К 1990 г. товарооборот с Японией, как утверждают китайцы, может возрасти до 20 млрд. долл., что выведет КНР на второе место после США. Достижение этих целей будет возможно при условии соответствующего развития экспортных возможностей Китая.

Пока что Китаю нечем расплачиваться за японское оборудование, это не может не настораживать японские деловые круги. На них большое воздействие оказал отказ Китая от ряда крупных сделок в связи с пересмотром пекинскими лидерами своих внутренних планов в сторону их значительного сокращения.

В Японии рассматривают сближение с Китаем как важный шаг давления на Советский Союз и другие миролюбивые народы Азии. Разыгрывая «китайскую карту», правящие круги страны намерены сохранить постоянный очаг напряженности на советско-китайской границе, имея в виду, что давление КНР на Советский Союз повысит в глазах СССР значение добрососедских отношений с Японией и даст им тем самым в руки известный козырь в дипломатической игре. Они полагаются наивно, что тесное сближение Японии с Китаем заставит Советский Союз пойти на ряд уступок требованиям Японии, в том числе и по так называемому «территориальному вопросу».

Развитию отношений с Китаем в определенной части правящих кругов Японии уделяется большое внимание также и с точки зрения укрепления позиций Японии на мировой арене. Сохраняя первенство по темпам налаживания и объему связей с Китаем, в Токио рассчитывают ослабить опасность прямой конфронтации с КНР в Азии и создать необходимые условия для достижения определенной договоренности и, возможно, раздела сфер влияния в будущем.

Что касается Советского Союза, то он никогда не возражал против нормализации отношений между Китаем и Японией. Напротив, он считал, что длительное отсутствие дипломатических отношений между двумя крупнейшими азиатскими державами было ненормальным явлением. Весь вопрос состоит в том, на каких условиях произошла нормализация отношений между Пекином и Токио.

Принципиальная точка зрения Советского Союза состоит в том, чтобы во имя хороших отношений между одними странами не приносились в жертву интересы третьих стран. Пекину удалось навязать Японии включение в договор так называемой «антигегемонистской статьи», которая направлена против Советского Союза. Именно поэтому мировая демократическая общественность считает, что этот договор носит блоковый характер и содержит в себе заряд потенциальной напряженности.

Такого же мнения придерживаются многие трезво мыслящие японские политические деятели, у которых все еще остаются серьезные сомнения по поводу истинного смысла японо-китайского договора. В докладе о японо-китайских отношениях после заключения договора, подготовленном группой влиятельных деятелей ЛДП и опубликованном в журнале «Эйшнен рипорт»⁵, подчеркивается, что Японии не следует концентрировать свои усилия на преимущественном развитии отношений с Китаем, что она должна проводить «дипломатию по всем азимутам».

По мнению авторов доклада, Япония должна последовательно защищать свою позицию в толковании «антигегемонии», всячески отмежевываясь от антисоветской интерпретации ее Пекином. Они считают, что Япония объективно не заинтересована в соучастии в стратегии Пекина, в конфронтации с Советским Союзом, в провоцировании мировых конфликтов.

Многие японцы понимают, что в случае возникновения крупного конфликта в районе Азии Япония может сама оказаться под ударом, а учитывая размеры ее территории, может понести невосполнимые потери. Поэтому выступление в союзе с Китаем, который открыто проповедует неизбежность войны, чревато для Японии далеко идущими

⁵ «Asian Report», 15.XII.1978.

последствиями. Японцы, испытавшие трагедию Хиросимы и Нагасаки, сознают, что участие Японии в опасных пекинских авантюрах может обернуться для нее тотальной катастрофой.

Японцы не могут не видеть, что наращивание экономического и научно-технического потенциала милитаризованного Китая может оказать пагубное влияние на положение в Азии, создать угрозу миру и безопасности народам континента. Партнерство же двух крупнейших азиатских государств не может не вызвать тревогу в соседних с ними странах: в Монгольской Народной Республике, странах Индокитая и Индии, у членов АСЕАН, в КНДР и Южной Корее. Хотя США и некоторые западноевропейские страны одобрительно отозвались о договоре между Японией и Китаем, они также не могут не испытывать известных опасений, связанных прежде всего с возможностью обострения конкуренции при усилении проникновения Японии на китайский рынок, а также при совместном продвижении Японии и Китая в Юго-Восточную Азию.

Вместе с тем следует учесть, что развитие китайско-японских отношений имеет свой предел. Китай и Япония по-прежнему остаются двумя конкурентами в борьбе за господствующее положение в Азии, которая будет усиливаться по мере наращивания экономической и военной мощи Китая и его возможностей оказывать влияние на развитие международно-политической обстановки на континенте, в частности в Юго-Восточной Азии. Обе стороны считают этот район зоной своего влияния и вряд ли пойдут на существенные уступки друг другу. В случае повторения новых авантур со стороны Пекина против той или иной азиатской страны, тесно связанной с Японией экономическими и политическими узами, Токио, несомненно, будет предпринимать необходимые меры совместно или по согласованию с США для сохранения ее в орбите своего влияния.

Следует иметь в виду и еще одно обстоятельство: хотя Пекин лицемерно заявляет, что приветствует наращивание военной мощи Японии, и будет принимать все необходимые меры для того, чтобы вооруженные силы этой страны не превышали определенного уровня, то есть не достигли превосходства над китайской военной машиной. Известно, что в Китае идет быстрое наращивание ракетно-ядерной мощи, создание мощного флота и авиации, которые будут представлять непосредственную угрозу японским морским коммуникациям, прежде всего проходящим вблизи острова Тайвань. Быстрый рост китайской военной мощи не может не беспокоить японский народ, равно как и народы других стран Азиатского континента и бассейна Тихого океана.

Альтернативой японо-китайскому сближению, крену Японии в сторону Китая может быть только разумный баланс в отношениях Японии со всеми странами мира. Голоса в пользу именно такого подхода к внешней политике Японии раздаются сейчас как в крупнейших оппозиционных партиях, так и в правящей Либерально-демократической партии. В том же плане высказываются видные представители японского бизнеса, оказывающие заметное влияние на политику страны. Бывший президент Федерации экономических организаций Японии Тосио Доко заявил, например, что Япония должна и может в той или иной мере строить хорошие отношения с каждой из великих держав — США, СССР и КНР.

Такая линия отвечала бы не только интересам Японии, но и интересам всех стран Азии и бассейна Тихого океана, интересам всеобщего мира и международной безопасности.

Об изменениях в государственной структуре КНР

К. А. Егоров,
кандидат юридических наук

Нынешнее китайское руководство стремится упрочить политический фундамент существующего режима, обеспечить успешное проведение амбициозного курса «четырёх модернизаций». Среди прочих мероприятий важное место занимают поиски таких форм организации государственной власти, которые позволили бы создать благоприятную внутриполитическую обстановку и добиться более эффективного функционирования основных институтов государственной структуры КНР. В процессе своеобразной модернизации государственного аппарата в стране восстанавливаются некоторые политические институты, которые успешно функционировали в условиях народно-демократического строя в 50-х годах. При этом они используются для выполнения новых задач, поставленных руководством.

Последние мероприятия по «упорядочению» государственной структуры были зафиксированы в законах, принятых II сессией Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) пятого созыва в июле 1979 г. и вступивших в силу 1 января 1980 г. Решения сессии, по словам Хуа Гофэна, выступавшего с «Докладом о работе правительства», направлены на то, чтобы изжить «серьезные недочеты в структуре и методах управления»¹. Изменения, внесенные сессией в конституционный механизм государства, выражаются прежде всего в более четком определении порядка формирования, функций и форм деятельности представительных органов государственной власти — собрания народных представителей (СНП), в образовании ранее отсутствовавших постоянно действующих местных органов государственной власти — постоянных комитетов СНП.

Порядок формирования органов государственной власти определяется новым Законом о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей², заменившим прежний Закон о выборах от 11 февраля 1953 г.³

Новый закон выглядит более демократичным, чем предшествовавший. При поверхностном рассмотрении его установлений может сложиться ложное впечатление о некотором развитии демократических форм, применявшихся в 50-х годах. Так, по новому избирательному закону число кандидатов в депутаты ВСНП и местных СНП должно превышать число подлежащих избранию депутатов (ст. 27). При избрании депутатов СНП непосредственно избирателями (в городах, не имеющих районного деления, городских районах, уездах, автономных уездах, народных коммунах, поселках) число кандидатов должно быть

¹ «Жэньминь жибао», 26.VI.1979.

² См. там же, 5.VII.1979.

³ См. Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955, с. 82—96.

в полтора-два раза больше, чем лиц, подлежащих избранию. При проведении выборов депутатов ВСНП, а также СНП провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, городов, имеющих районное деление, автономных округов собраниями народных представителей, стоящими на ступень ниже, число кандидатов должно превышать число депутатов на 20—50 %.

Если кандидатов окажется значительно больше установленной нормы, закон предусматривает возможность проведения предварительных выборов для составления нового списка кандидатов, получивших большее число голосов. Таким образом, в КНР вводится известная в буржуазном избирательном праве практика проведения выборов в два тура, позволяющая отсеивать негодных кандидатов. Подобные атрибуты формальной демократии не предусматривались Законом о выборах 1953 г. Включение этих положений в новый закон отнюдь не свидетельствует о демократизации избирательной системы КНР.

Множественность кандидатур при проведении выборов непосредственно населением может регулироваться руководством местных партийных и административных органов с помощью «демократических консультаций». Этот вид прямого вмешательства должностных лиц в процесс выдвижения кандидатур и проведения выборов, внедренный в политическую практику во время «культурной революции», нашел законодательное закрепление в действующей Конституции КНР (1978 г.)⁴ и избирательном законе 1979 г. Последний предусматривает проведение «демократических консультаций» (ст. 28) относительно списка выдвинутых кандидатов в депутаты по группам избирателей. Однако закон не указывает конкретно, как следует проводить «консультации», что открывает возможность для произвола властей. Таким образом, выдвижение нескольких кандидатов вместо одного не представляет какой-либо опасности для руководящей верхушки, но в то же время позволяет использовать его для смягчения социальной напряженности в стране. То же касается «избрания» депутатов в СНП провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, а также в ВСНП собраниями и народных представителей нижестоящего звена, то подобная процедура и вовсе не будет отличаться от тех манипуляций властей, которые проделывались и раньше.

Новый закон о выборах, как и другие недавно принятые законы, нельзя рассматривать в отрыве от существующего в КНР политического режима, политической практики, обычаев и традиций. Даже официальные должностные лица и китайская печать временами вынуждены признавать, что в современных условиях невозможно добиться демократизации политической жизни страны путем простого принятия законов. Большую проблему представляет собой налаживание нормальной деятельности правоохранительных и правоприменительных органов в Китае после долгих лет господства беззакония и произвола.

В одном из своих выступлений председатель Верховного народного суда КНР Цзян Хуа прямо указал, что реальная обстановка «не соответствует требованиям усиления законности». В числе основных причин он назвал «малочисленность и слабость рядов работников юстиции», наличие на местах явлений «фракционности» и «анархизма», отсутствие у руководящих работников «реалистического подхода», проявление явного неуважения к закону под тем предлогом, будто «при наличии политических установок от законов можно отказаться»⁵.

Китай унаследовал от Мао Цзэдуна и его «левых» приспешников крайне негативное отношение к законам. Молодое поколение страны, воспитанное в духе «революционного» отказа от законности, по офици-

⁴ См. «Хунши», 1978, № 3.

⁵ Там же, 1979, № 8.

льным признаниям, не имеет о ней «никакого представления», а руководящие работники по-прежнему допускают произвол и даже «идут на преступления», должностные лица центральных и местных государственных органов создают свои «установления» и даже «законы»⁶. Причем подобные явления связаны не только с прошлым. В докладе Ли Гофэна на II сессии ВСНП пятого созыва (1979) прозвучало предостережение против распространения излишних иллюзий относительно возможности скорого внедрения демократических норм. По его словам, «хранение «феодалных традиций» в Китае может и в будущем найти отражение в «распространении автократии, бюрократизма, стремлении к привилегиям, патриархальном стиле работы и анархизме»⁷. Выступая на той же сессии ВСНП с докладом «Разъяснения относительно проектов семи законов», председатель комиссии законодательных предложений ВСНП Пэн Чжэнь уповал на ряд присущих нынешнему режиму черт, порождающих условия, в которых «подвергаются зажиму активность и творчество масс, личные свободы и демократические права». Поэтому он предупреждал, что еще до введения законов необходимо «усилить понимание законности» среди кадровых работников и народных масс⁸.

Указанные предостережения целиком относятся и к новому Закону о выборах, предусматривающему сочетание тайного голосования с демократическими консультациями. По поводу такого способа формирования представительных органов государственной власти китайская печать высказывалась еще до принятия закона. Так, газета «Гуанмин жибао» отмечала, что на протяжении многих лет в КНР не применялось тайное голосование, а назначение «народных представителей» методом «демократических консультаций» на деле приводило к огромным злоупотреблениям, поскольку «руководящие круги определяют сами и принимают решение, кого надо избрать». Поэтому, как включала газета, даже в соединении с тайным голосованием «метод консультаций» превращает выборы в «пустую формальность»⁹.

Составители нового избирательного закона постарались исключить из него демократические положения, содержащиеся в Законе о выборах 1953 г. Так, в последнем законе отсутствуют положения прежнего закона, касающиеся представительства в высшем органе государственной власти национальных меньшинств. Раньше национальные меньшинства, проживающие в КНР, могли направлять в ВСНП 150 депутатов сверх числа представителей, избранных населением в районах национальной автономии по установленным квотам. По новому законодательству, национальные районы приравниваются к обычным административно-территориальным единицам, а национальные меньшинства, превратившиеся в объект ассимиляторской политики великоханьских большинства, больше не пользуются прежними прерогативами.

С точки зрения демократизации способов формирования высшего представительного органа государственной власти имело важное значение закрепление в Законе о выборах 1953 г. определенных квот представительства от вооруженных сил и китайских граждан, проживающих за рубежом. Избирательный закон 1953 г. устанавливал, что число депутатов от армии, составляющей по численности примерно 5% населения страны, не должно превышать 60 (в 1963 г. по решению сессии ВСНП квота была увеличена до 120 депутатов). Первый закон о выборах устанавливал определенную норму представительства китайских граждан, проживающих за рубежом (30 человек).

⁶ «Жэньминь жибао», 28.V.1978.

⁷ Там же, 26.VI.1979.

⁸ Там же, 1.VII.1979.

⁹ «Гуанмин жибао», 22.XII.1978.

Ныне действующий избирательный закон не дает определения квот представительства от вооруженных сил и зарубежных китайских граждан. Он лишь указывает, что в обоих случаях выборы проводятся отдельно, а способы их проведения устанавливаются особо (ст. 5, 6). Согласно закону, общая численность депутатов ВСНП не должна превышать 3500 человек, а их распределение по избирательным единицам производится по решению Постоянного комитета ВСНП «в зависимости от обстановки» (ст. 13).

Последняя оговорка может использоваться китайским руководством для всякого рода манипуляций в подборе кандидатов в депутаты ВСНП, в частности для произвольного увеличения представителей вооруженных сил или «патриотических деятелей» из числа зарубежных китайских капиталистов. Положения нового Закона о выборах лишь закрепили сложившуюся практику значительного увеличения представительства военных кругов в высшем органе государственной власти. Так, в ВСНП пятого созыва из 3500 депутатов представители армии, насчитывающей около 4 млн. человек, заняли 503 депутатских места, а население трех крупных провинций (Сычуань, Цзянсу, Шаньдун), составляющее более 170 млн. человек, оказалось представленным всего 494 депутатами¹⁰.

В ВСНП вошло также значительное число националистически настроенных «патриотов» из зарубежных китайских толстосумов и реэмигрантов, получивших льготы и выгоды от переселения в КНР. Такого рода лица (по китайской официальной терминологии — «патриотически настроенные деятели» и «возвратившиеся из-за границы соотечественники») направили в ВСНП до 10 % всех его депутатов¹¹. Возрастание влияния китайских буржуазных кругов на политическую жизнь страны связано со стремлением пекинского руководства привлечь их капиталы, технические знания и опыт хозяйственно-организаторской деятельности для выполнения намеченной им программы развития военно-экономического потенциала страны.

Таким образом, новый избирательный закон КНР также призван обслуживать политику «четырех модернизаций». Кроме этого закона, II сессия ВСНП пятого созыва приняла три новых органических закона — Закон об организации местных собраний народных представителей и местных народных правительств, Закон об организации народных судов и Закон об организации народной прокуратуры¹². В соответствии с установлениями названных законов сессия внесла некоторые изменения в действующую Конституцию КНР¹³.

Наибольшим изменениям подверглись положения Основного закона, определяющие статус, структуру и порядок деятельности местных органов государственной власти и управления, а также органов суда и прокуратуры КНР. Своеобразным нововведением явилось учреждение ранее отсутствовавших в КНР постоянно действующих органов местных собраний народных представителей — постоянных комитетов СНП, а также ликвидация порожденных «культурной революцией» так называемых «революционных» комитетов (ревкомов) и учреждение местных народных правительств.

Новый закон об организации местных органов дает более четко по сравнению с конституцией определение полномочий СНП — местных органов государственной власти. В нем нашла законодательное закрепление тенденция к некоторой децентрализации системы государственной власти и управления, выражающаяся в расширении компетенции мест-

¹⁰ Подсчитано автором по данным «Жэньминь жибао» от 28.II.1978.

¹¹ См. «Жэньминь жибао», 25.II.1978.

¹² См. там же, 5 и 6.VII.1979.

¹³ См. Постановление о внесении некоторых изменений в Конституцию КНР. — «Жэньминь жибао», 2.VII.1979.

ых представительных учреждений и их постоянных органов. Так, СНП провинций, автономных районов, городов центрального подчинения получили право принимать местные законодательные акты (установления) с последующим уведомлением об их принятии Постоянного комитета ВСНП (ст. 6). Уездные и вышестоящие СНП, а также создаваемые ими постоянные комитеты правомочны, согласно закону, принимать в пределах своей компетенции решения по важным вопросам, касающимся политики, экономики, культуры, просвещения, здравоохранения, гражданской администрации, национального строительства (ст. 7, п. 3; ст. 28, п. 3). Собрания народных представителей уездного и вышестоящих звеньев, а также формируемые ими народные правительства «обеспечивают автономию народных коммун в качестве основных хозяйственных единиц» (ст. 7, п. 14; ст. 35, п. 7).

Вместе с тем следует отметить, что некоторое расширение сферы компетенции местных органов государственной власти и управления сопровождается известным рассредоточением власти, концентрировавшейся раньше в руках одних и тех же лиц. Современное китайское руководство отошло от маоистских принципов централизации военной, партийной и административной власти, внедрявшихся в КНР со времени «культурной революции». Как показала политическая практика, концентрация власти на местах несла с собой угрозу образования автономных центров — «независимых царств», против которых, опираясь на армию, вело борьбу пекинское руководство.

Преодолению местнических тенденций в какой-то мере призваны служить изменения государственной структуры на местах. Сформированные в период «культурной революции» ревкомы были в прошлом органами государственной власти, а также органами государственного управления и партийными органами, органами концентрации военной, партийной и административной власти. К началу 70-х годов сложились самостоятельные органы КПК, однако Конституция КНР 1975 г. закрепила положение ревкомов в качестве органов государственной власти и управления. После смерти Мао Цзэдуна и устранения приближенных к нему лидеров «лево-маоистской группировки политический режим в основном сохранил прежние черты, однако статус органов военной-бюрократической диктатуры (ревкомов) претерпел заметные изменения. Согласно Основному закону 1978 г., они были названы местными народными правительствами, исполнительными органами местных собраний народных представителей, государственными административными органами на местах» (ст. 37)¹⁴. Такое определение их правового положения в государственной структуре соответствует их статусу исполнительно-распорядительных органов.

Именно такой статус получили созданные вместо ревкомов местные народные правительства. Вместе с тем некоторые функции (например, созыв сессий собраний народных представителей, организация проведения выборов в СНП и руководство ими) перешли от ревкомов не к народным правительствам, а к постоянным комитетам СНП. Разделение функций сопровождалось и своеобразным «разделением власти» на местах. Закон проводит принцип должностной несовместимости: председатель, заместители председателя и члены постоянного комитета не могут по совместительству входить в состав соответствующих народных правительств, органов суда и прокуратуры.

Сессии СНП провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, проводившиеся с августа 1979 г., показали, что этот принцип повсеместно проводится в жизнь. Более того, на посты председателей постоянных комитетов или председателей народных правительств, как правило, не назначались первые секретари соответст-

¹⁴ «Хунци», 1978, № 3.

щих территориальных партийных комитетов. Не сообщалось и о случаях назначения на эти государственные посты командующих военными округами, занимавших в прошлом должности председателей ревкомов или их заместителей.

Вполне понятно, что официальная китайская пропаганда выдает подобные мероприятия за «демократизацию» государственного аппарата, внедрение коллективного руководства. Однако их действительная цель заключается в установлении более эффективной системы контроля за государственными органами, в стремлении преодолеть тенденцию к местничеству в условиях относительного повышения самостоятельности мест, особенно в решении хозяйственных вопросов.

Согласно действующей конституции и органическому закону, система местных органов государственной власти — собраний народных представителей и их постоянных комитетов — находится под единым контролем Постоянного комитета ВСНП, вышестоящие постоянные комитеты правомочны изменять или отменять решения нижестоящих собраний народных представителей. Местные народные правительства являются органами «двойного подчинения». С одной стороны, они подчинены соответствующим собраниям народных представителей и им подконтрольны, а уездные и вышестоящие народные правительства в период между сессиями СНП также подотчетны и подконтрольны их постоянным комитетам. С другой стороны, все народные правительства подчиняются Государственному совету (правительству) КНР и находятся под его единым руководством, вышестоящие народные правительства руководят работой нижестоящих.

Закон предусматривает образование иерархической системы руководящих должностей местного управленческого аппарата, связанных строгой подчиненностью по вертикали и горизонтали. В отличие от ревкомов местные народные правительства теперь не включают в свой состав рядовых членов. В них входят только председатели народных правительств (провинций, автономных районов, городов, автономных округов, уездов, автономных уездов, городских районов), их заместители и руководители структурных подразделений правительств (начальники секретариатов, департаментов, бюро, комиссий, отделов).

Согласно закону, собрания народных представителей уездов и вышестоящих звеньев «принимают решения относительно кандидатур» председателей местных народных правительств и их заместителей. Вопросы об отдельных назначениях и смещениях заместителей руководителей местных народных правительств в период между сессиями местных СНП решаются соответствующими постоянными комитетами, которые также принимают решения относительно кандидатур исполняющих обязанности руководителей местных правительств в случае невозможности выполнения руководителями своих обязанностей по той или иной причине. Руководители секретариата и других структурных подразделений местных народных правительств назначаются и смещаются соответствующими постоянными комитетами СНП с последующим утверждением Государственным советом или вышестоящими народными правительствами.

Таким образом, постоянным комитетам отведена значительная роль в формировании местного государственного аппарата. Эта роль станет более очевидной, если учесть, что, согласно органическому закону (ст. 11), собрания народных представителей созываются всего один раз в год. Последнее обстоятельство свидетельствует об отказе от демократических положений первого Закона об организации местных СНП¹⁵ предусматривавшего проведение сессий СНП провинциального и уезд

¹⁵ См. Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики, с. 69—81.

этого звеньев два раза в год, а низовых СНП — четыре раза в год (ст. 10).

Хотя новый органический закон говорит о назначении и смещении руководящих должностных лиц местного государственного аппарата собраниями народных представителей или их постоянными комитетами, на действительности эти вопросы по-прежнему решаются партийно-административными руководящими группами, находящимися у власти. Именно об этом свидетельствует политическая практика современного Китая, в частности кампания борьбы против сторонников «банды четырех». Назначение и смещение местных руководителей неизменно приравнивается к чисткам государственного аппарата, предпринимаемым по указанию сверху. Под лозунгом борьбы за искоренение «ультра-левого уклона» проводились, например, сессии СНП провинций, автономных районов и городов центрального подчинения в 1979—1980 гг., занимавшиеся штампованием заранее принятых наверху решений относительно перетряски руководящих кадров провинциального звена.

Централизованное руководство органами государственного управления обеспечивается также тем, что все структурные подразделения местных народных правительств находятся в «двойном подчинении» — под единым руководством народных правительств той же ступени и соответствующих структурных подразделений вышестоящих правительств. В целях усиления централизации государственного аппарата и контроля за его средним и низовым звеном закон устанавливает, что народные правительства провинций и автономных районов могут учреждать с согласия Государственного совета окружные административные управления, а народные правительства уездов и автономных уездов могут с согласия вышестоящих народных правительств образовывать районные управы в качестве своих делегированных органов. При этом в промежуточных административных единицах — округах и районах (которые образуются не везде, а лишь «в случае необходимости») — не формируются собрания народных представителей. Подобная система промежуточных делегированных органов, называвшихся «управлениями особоуполномоченных», использовалась для усиления контроля за уездными органами в гоминьдановских районах Китая в 1950-х годах¹⁶, затем применялась в освобожденных районах и в КНР после принятия Конституции 1978 г., заменившей «управления особоуполномоченных» окружными административными управлениями, создававшимися провинциальными ревкомми. Как и гоминьдановские «управления особоуполномоченных», окружные административные управления создавались с таким расчетом, чтобы каждое из них контролировало несколько уездов.

В «Докладе о внесении изменений в Конституцию», сделанном Цзяньинином на I сессии ВСНП пятого созыва (1 марта 1978 г.), говорилось о необходимости образования в районах (если они создаются) представительств уездного ревкома. Эта задача реализована в законе об организации местных СНП и народных правительств (1979). Судя по опыту прошлого, такие органы намечено создавать не повсеместно, а лишь в местах, находящихся под особым контролем. Как это практиковалось раньше в «особых районах», управления и управы формируются в составе «особоуполномоченных» и их заместителей, число которых, по-видимому, определяется числом уездов и коммун, контролируемых управлениями и управами.

Для усиления административного контроля над низовыми органами в населенном в городах, согласно закону, правительства городов, не имеющих районного деления и городских районов, могут учреждать в

¹⁶ См. Материалы по изучению истории государства и права Китая (на кит. яз.). Пекин, 1956, с. 103—106.

качестве делегированных ими органов квартальные канцелярии. Такие органы уже известны Китаю по опыту 50-х годов. Согласно решению 12-го заседания Постоянного комитета ВСНП пятого созыва (ноябрь 1979 г.) о повторном введении в действие большого числа законодательных актов, принятых в КНР в 50-х годах, в 1980 г. было восстановлено действие Положения об организации городских квартальных канцелярий (от 31 декабря 1954 г.)¹⁷. В соответствии с этим положением эти органы создаются «в целях усиления работы среди городского населения и связи правительственных органов с населением» (ст. 1) и осуществляют свою деятельность по поручению народных правительств городских районов и городов, не имеющих районного деления. Характерно, что компетенция квартальной канцелярии распространяется на ту же территорию, что и сфера деятельности отделения общественной безопасности.

Одной из основных задач квартальных канцелярий является руководство работой массовых самостоятельных организаций — комитетов городского населения, статус которых определяется вновь введенным в действие в 1980 г. Положением об организации комитетов городского населения, принятым первоначально 31 декабря 1954 г.¹⁸ Согласно этому положению, комитеты населения, избираемые группами населения, состоящими из жителей 15—40 кварталов, могут, в частности, пользоваться местными властями для мобилизации населения на выполнение решений государственных органов, для организации охраны общественного порядка, разрешения возникающих среди населения споров. В действительности комитеты и группы населения (во главе со старостами) представляют собой удобную для властей форму всеобъемлющего контроля за населением городов, напоминающую использовавшуюся гоминьдановцами старокитайскую систему учета и контроля, известную под названием «баоцзя» (система десятидворок и стодворок)¹⁹.

Через квартальные канцелярии и руководимые ими комитеты населения органы общественной безопасности осуществляют тотальную слежку за жителями городских кварталов, а органы гражданской администрации ведут строгий паспортный учет и контроль, не позволяющий гражданам свободно, без специального разрешения соответствующих органов, перемещаться по стране. Эта система органов используется властями, например, для преследования «незаконно» вернувшейся в города молодежи, высланной на неопределенный срок в отдаленную сельскую местность после получения образования.

II сессия ВСНП пятого созыва внесла также определенные изменения и в ранее действовавшее законодательство, касающееся органов, называемых в КНР политико-юридическими, то есть органов суда, прокуратуры и общественной безопасности. Эти изменения зафиксированы в новых законах об организации судов и прокуратуры, а также в уголовном и уголовно-процессуальном кодексах КНР.

Новый Закон об организации народных судов²⁰ непосредственно связывает их деятельность с проведением «четырех модернизаций», в связи с чем предусматривается учреждение ранее отсутствовавшей палаты по экономическим делам Верховного народного суда, а также народных судов высшей и средней ступени, образуемых в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения. В закон прямо включено положение о том, что суд является орудием осуществления «модернизаций». В связи с изменением социальной политики китай-

¹⁷ См. «Жэньминь жибао», 30.XI.1979; 19.I.1980.

¹⁸ См. там же, 19.I.1980.

¹⁹ См. Материалы по изучению истории государства и права Китая, с. 112—119.

²⁰ См. «Жэньминь жибао», 6.VII.1979.

этого руководства в законе сказано, что суды занимаются также «охраной частной собственности граждан» (ст. 3), предполагающей и охрану собственности буржуазии, ее капиталов и прибылей.

Закон устанавливает, что суды «являются органами, осуществляющими правосудие» (ст. 1), однако в нем не говорится, что правосудие осуществляется только судами, а это оставляет лазейку для внешнего вмешательства в деятельность органов правосудия. И не случайно закон сохраняет зависимость судов от местных органов государственной власти. Народные суды теперь ответственны не только перед местными собраниями народных представителей и им подотчетны, но и перед их постоянными комитетами — в период между сессиями СНП, которые, как уже говорилось, созываются редко. Собрания народных представителей провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, автономных округов, уездов, автономных уездов, городов и городских районов избирают председателей народных судов соответствующей ступени, а также имеют право освобождать их от должности. Заместители председателей народных судов и судьи назначаются и освобождаются постоянными комитетами СНП, которым также предоставлено право, если они сочтут это необходимым, в период между сессиями СНП ходатайствовать через вышестоящие народные суды перед постоянными комитетами вышестоящей ступени об освобождении от должности избранных СНП председателей народных судов. И наконец, в законе прямо говорится, что постоянные комитеты контролируют деятельность народных судов (ст. 28, п. 5 Закона об организации местных СНП и местных народных правительств)²¹. Таким образом, речь идет не об отчетности председателей народных судов перед сессиями ответствующих собраний народных представителей, а о постоянном контроле за деятельностью судов, включая судопроизводство, что ставит суды в зависимость от местного государственного аппарата.

Сложившаяся в Китае практика свидетельствует о широком вмешательстве руководителей местных партийных и административных органов в судопроизводство. Типичен случай, приведенный в китайской центральной печати, констатировавшей, что «до сих пор при решении дел в судах мнение секретаря партийного комитета рассматривается как «политический курс» и «закон». Однажды народный суд «запросил заключение» комитета КПК на вынесение приговора о лишении одного обвиняемого свободы сроком на семь лет. Накладывая свою резолюцию, секретарь парткома написал «по ошибке» цифру восемь. Когда суд попросил его исправить «ошибку», секретарь отказался, заявив, что «необходимо исправлять написанное решение»²².

Если подобным образом осуществляют «правосудие» местные народные суды, то что же можно ожидать от «специальных» судов? По новому Закону об организации народных судов, число их видов должно увеличиться с трех до четырех. В дополнение к созданным по прежнему Закону об организации народных судов (1954)²³ военным судам, судам железнодорожного транспорта, судам водного транспорта должны образовываться также лесные суды. Кроме того, новый закон предусматривает возможность создания неограниченного числа других видов «специальных судов» (ст. 2). В законе указано, что организация и сфера компетенции специальных народных судов устанавливаются Постоянным комитетом ВСНП особо (ст. 29). Однако ведомственная подчиненность специальных судов оказывает значительное влияние на характер их деятельности. Правда, в законе говорится об осуществлении

²¹ См. «Жэньминь жибао», 5.VII.1979.

²² «Гуанмин жибао», 15.I.1979.

²³ См. Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики, с. 659—669.

Верховным народным судом «надзора за судебной деятельностью» не только местных, но и специальных судов (ст. 30). При этом впервые в законодательстве КНР говорится о том, что «Верховный народный суд дает толкование законов и указов в конкретных случаях их применения в судопроизводстве» (ст. 33).

Вместе с тем нельзя не учесть приведенное выше высказывание председателя Верховного народного суда КНР о тяжелом положении с кадрами органов юстиции. В современных условиях Верховный суд не смог бы справиться с огромным наплывом дел, поступающих из местных и специальных судов, и эффективно осуществлять свои функции высшего органа судебного надзора. Кроме того, следует учитывать широко бытующие в современном Китае традиции вмешательства органов КПК и администрации в судебную деятельность, что по-прежнему препятствует осуществлению надзора вышестоящих органов суда за нижестоящими.

Открыто признаваемые пекинскими лидерами «серьезные неполадки в структуре и методах управления», по существу, сводят на нет некоторые новые установления Закона об организации народных судов, которые на первый взгляд кажутся демократичными, но в действительности имеют чисто декларативный характер. Так, новый закон формально предписывает органам правосудия «добросовестно рассматривать жалобы сторон», говорит об их праве возвращать в прокуратуру дела, по которым «не собрано достаточно доказательств» (ст. 15). Однако на практике судьи лишены возможности даже ставить вопрос о доследовании дела. Суды вынуждены выносить решения, которые предусмотрены в обвинительных заключениях, подготовленных органами прокуратуры или общественной безопасности. Именно так был вынесен приговор бывшему редактору самодеятельного издания «Таньсо» Ван Цзиншэну в октябре 1979 г., а позднее и другим выступавшим с критикой политики китайского руководства. При этом мера наказания, как правило, устанавливалась не судом, а другими органами. В современном Китае признают, что подобная практика глубоко укоренилась в деятельности руководящих кадров политико-юридических органов.

Закон об организации судов 1979 г. претендует на развитие положения прежнего органического закона о равенстве граждан в суде перед законом, провозглашая запрещение «пользоваться какими-либо преимущественными правами» (ст. 5). Однако, говоря о «равенстве», новое законодательство КНР²⁴ предписывает руководствоваться прежде всего не уголовно-процессуальными нормами, изложенными в принятом впервые в КНР уголовно-процессуальном кодексе²⁵, а антинаучной концепцией Мао Цзэдуна о произвольном делении всего китайского общества на «народ» и «врагов» — в зависимости от лояльности или нелояльности по отношению к существующему руководству. При этом лица, объявленные «врагами», лишаются по конституции гражданских прав и не пользуются защитой закона. Таким образом применение закона зависит от произвольного усмотрения властей, определяющих, к какой категории отнести то или иное лицо или целую группу.

Использование судов для расправы над неугодными лицами облегчается тем, что органический закон, говоря о задачах судебных органов, делает особый акцент на необходимости пресечения так называемых «контрреволюционных» преступлений и лишь формально упоминает об охране судами прав граждан. При этом принятый одновременно с ним

²⁴ См. Закон об организации народной прокуратуры КНР (1 июля 1979 г.) — «Жэньминь жибао». 6.VII.1979.

²⁵ См. «Жэньминь жибао», 8.VII.1979.

Новым Законом об организации судов Уголовный кодекс КНР²⁶ не дает достаточно четких определений понятия «контрреволюционер». Таким образом, любое деяние, совершенное «неблагонадежным» лицом, может быть произвольно истолковано властью имуществом как «совершенное в контрреволюционных целях». Например, китайские руководители говорят о распространенности в современном Китае «давних феодальных традиций»²⁷. Но если «зараженным феодальными пережитками» окажется неугодное руководству лицо, власти могут использовать ст. 99 Конституции КНР для предания его суду за «использование феодальных предрассудков» для ведения «контрреволюционной» деятельности, приписав ему «контрреволюционный» умысел.

При столь двусмысленных положениях закона, допускающих их различное толкование, суды нередко вынуждены руководствоваться не законом, а политическими установками, обычаями, прецедентами, что приводит к заметным отступлениям от норм законности в судопроизводстве и в то же время к усилению зависимости судов от местных органов власти.

В КНР до сих пор отсутствуют гражданский и гражданско-процессуальный кодексы, поэтому в производстве по гражданским делам основными служат политические установки, обычаи и прецеденты, а дела решаются помимо органов суда. Большая нагрузка приходится на народные примирительные комиссии. Статус этих массовых организаций, функционирующих под руководством низовых народных правительств народных судов, определяется вновь введенными в действие по решению 12-го заседания Постоянного комитета ВСНП (ноябрь 1979 г.) временными правилами организации народных примирительных комиссий» (от 25 февраля 1954 г.)²⁸. Согласно этому законодательному акту, в задачу примирительных комиссий входит «примирение граждан при возникновении между ними споров по обычным гражданским и уголовным делам и проведение в процессе примирения агитационно-воспитательной работы среди граждан по соблюдению ими политических установок и законов народного правительства» (ст. 3). Члены примирительных комиссий избираются в городах «представителями населения под руководством низового народного правительства», в сельской местности низовыми собраниями народных представителей. Примирительные комиссии лишены права применять какие-либо санкции или принуждать стороны к примирению. Хотя они и служат орудиями местного административного аппарата и низовых судов, их существование позволяет в какой-то мере временно преодолевать острый дефицит юридических кадров, явившийся результатом преднамеренной маоистской политики пренебрежения законностью. Однако неквалифицированные судьи-общественники, конечно, не могут заменить судей со специальным юридическим образованием.

Определенное место в государственной структуре КНР отводится новым законодательством прокуратуре как «органу надзора за законностью». Новым Законом об организации народной прокуратуры²⁹ внесены значительные изменения в соответствующий закон, принятый в 1954 г.³⁰ При определении круга задач прокуратуры³¹ органическим законом 1979 г. делает заметный упор на ее карательную деятельность, а что касается ее функций надзора за соблюдением норм закон-

²⁶ См. там же, 7.VII.1979.

²⁷ См. там же, 26.VI.1979.

²⁸ См. там же, 30.XI.1979; 19.I.1980.

²⁹ См. там же, 6.VI.1979.

³⁰ См. Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики, с. 670—676.

³¹ Восстановлена как отдельный институт государственной структуры с принятием Конституции КНР 1978 г.

ности, то в первую очередь указывает на надзор «по делам о серьезных преступлениях, связанных с государственной изменой, расколом государства, а также срывом единообразного проведения политических мероприятий» (ст. 4), и лишь вскользь упоминает о надзоре за соблюдением государственных органами прав граждан. На прокуратуру, как и на суд, возлагается задача обеспечивать «успешное проведение» называемой пекинским руководством программы «четырёх модернизаций». С этой целью в структуре Верховной народной прокуратуры наряду с другими подразделениями учреждается следственное управление по экономическим делам (ст. 20).

Новым моментом является предоставление народным прокуратурам провинциального и уездного уровней права учреждать (с согласия постоянного комитета собрания народных представителей данной ступени в промышленных и горнорудных районах, на целинных землях, в лесных и «других районах» отделения прокуратуры в качестве делегированных органов (ст. 2). Тем самым расширяется и становится всеохватывающей сеть органов прокуратуры. Кроме того, указанное «нововведение» рассчитано также на обслуживание прокуратурой политик «четырёх модернизаций».

Вместе с тем новый закон предусматривает усиление централизации органов прокуратуры. Согласно Постановлению II сессии ВСНП пятого созыва о внесении некоторых изменений в Конституцию КНР³², положение основного закона об осуществлении «контроля» вышестоящих прокуратур за нижестоящими заменено положением о руководстве работой, что подразумевает большую степень подчиненности нижестоящих прокуратур вышестоящим. Однако при этом местные прокуратуры ставятся в зависимость от соответствующих собраний народных представителей и их постоянных комитетов, перед которыми они ответственны и которым подотчетны. Таким образом, подобно местным органам государственного управления, прокуратура оказывается «органом двойного подчинения», что создает известные препятствия для обеспечения единообразного применения законов по всей стране и в конечном счете значительно снижает ее роль как органа надзора за законностью. По-видимому, подобное положение прокуратуры определяется незавершенностью процесса формирования современной государственной структуры КНР, прагматически приспособляемой к практическим потребностям политики существующего китайского руководства.

Законодательные акты последних двух лет внесли изменение и в статус органов общественной безопасности, занявших особое положение в государственной структуре КНР. По Конституции 1975 г.³³ они заменили прокуратуры. Однако в действительности органы безопасности выполняли лишь неглавные функции прокуратуры в части проведения дознания и предварительного следствия, возбуждения уголовных дел, поддержания публичных обвинений в суде, а также надзора за исполнением судебных приговоров. Фактическое положение органов общественной безопасности было гораздо выше статуса органов прокуратуры, и, по существу, не регулировалось никакими правовыми нормами.

После принятия Конституции КНР 1978 г. китайское законодательство пошло по пути правового регулирования статуса этих органов, которые лишились функций, перешедших к прокуратурам. Новым Положением об арестах и задержаниях в КНР³⁴, принятым Постоянным комитетом ВСНП 23 февраля 1979 г., устанавливалось, что аресты могут производиться органами общественной безопасности лишь при наличии решения суда или с санкции прокуратуры, выраженных

³² См. «Жэньминь жибао», 2.VII.1979.

³³ См. там же, 20.I.1975.

³⁴ См. там же, 25.II.1979.

ордера на арест, который должен предъявляться арестованному. Вместе с тем, согласно Положению, органы безопасности могут без санкции прокуратуры или решения суда по собственной инициативе производить задержания на срок до четырех суток, причем не только лиц, «совершающих преступления», но и всех, кто вызывает «подозрение» (ст. 6), в том числе и на основе ложного доноса.

Хотя введенный в действие с 1980 г. уголовно-процессуальный кодекс КНР налагает определенные ограничения на действия органов общественной безопасности при производстве допроса и дознания, работа этих органов фактически остается вне контроля со стороны органов суда, прокуратуры или общественных организаций. Не случайно председатель Верховного народного суда КНР Цзян Хуа признал, что в деятельности органов безопасности прочно укоренилась практика получения «признаний» обвиняемых под нажимом работников следственного аппарата. Подобные явления он назвал «раковой опухолью» на теле Китая³⁵.

Таким образом, развитие законодательной базы, касающейся основных институтов государственной структуры КНР, само по себе не ведет к усовершенствованию государственного аппарата. Реорганизация государственной структуры еще не решает проблемы повышения эффективности функционирования государственных органов и их взаимодействия в едином государственном механизме.

Сложившиеся в настоящее время государственные формы КНР, включающие в себя и некоторые демократические атрибуты, не соответствуют антидемократическому по своей сущности политическому режиму и политическому курсу нынешнего китайского руководства, противоречащим социалистическим чаяниям китайского народа.

³⁵ См. там же, 21.X.1978.

ИДЕОЛОГИЯ

Буддизм в Китае: исторические традиции и современность

*Л. С. Переломов,
доктор исторических наук*

*Н. В. Абаев,
кандидат исторических наук*

Принято считать, что буддизм водворился в Китае в начале нашей эры, не позднее второй половины I в. н. э.¹ Но точных данных, несомненно провержимо свидетельствующих о времени его проникновения, по существу, нет. Китайские исторические хроники таких данных не содержат, а авторы буддийских текстов вообще не стремились — за редким исключением — к исторической достоверности и хронологической точности, что в полной мере относится и к китайской буддийской традиции.

Среди китайских буддистов бытовало множество самых невероятных легенд о том, как буддизм — религиозно-философское учение, возникшее в древней Индии, — проник в «Поднебесную империю» и распространился в ней². Одна из таких полумифических историй гласит, что буддизм проник в Китай во время правления У-ди (140—87 гг. до н. э.), воинственного императора из династии Хань, который вел длительные и жестокие войны с центральноазиатскими кочевниками — гуннами, создавшими к этому времени мощную степную державу. В время одной из войн с гуннами китайцы будто бы захватили необычайной трофеей — статую Будды, которую затем поставили в хранилище, что и явилось, как утверждает буддийская традиция, «началом распространения в Китае буддийской веры»³.

Согласно другой версии, «истинным началом» распространения в Китае учения Будды следует считать период правления императора Мин-ди (56—75 гг. н. э.), который однажды увидел во сне золотого идола. Один из советников объяснил ему, что это был вещий сон и что к нему явился сам Будда. Получив такое предзнаменование, Мин-ди будто бы направил в Индию посольство, которое вернулось в «Поднебесную» с буддийскими миссионерами, в результате чего китайцы «обрели истинное начало буддийской религии».

Ученые до сих пор спорят, в какой степени эти легенды являются фантастифицированным отражением реальных событий, но из-за отсутствия достоверных данных затрудняются точно установить время и обстоятельства первых шагов буддизма в Китае. Совершенно очевидно и в крайней мере, что традиционные версии были составлены значительно позже указанного в них времени, так сказать, «задним числом» и следовательно приукрашивают обстоятельства «буддийского покорения» Китая.

¹ См.: P. Demiéville. La penetration du Bouddhisme dans la Tradition philosophique Chinoise. — "Cahiers d'histoire mondiale", 1956, vol. 3. K. Ch'en. Buddhism in China. Princeton, 1964; K. Ch'en. The Chinese transformation of Buddhism. Princeton, 1973; Chou Hsiang-kuang. A history of Chinese Buddhism. Allahabad, 1956; Th. de Bary (ed.). The Buddhist tradition in India, China and Japan. New York, 1957; A. Wright. Buddhism in Chinese history. Stanford, 1959.

² У ученых-буддологов нет единого мнения о времени возникновения буддизма. Наиболее достоверными датами принято считать 560—480 гг. до н. э., то есть период, в который якобы «жил Будда». «Поднебесная империя», «Среднее государство» — древние самонаименования Китая.

³ См. Contes et légendes du Bouddhisme chinois. Trad. par E. Chavannes. Paris, 1921; Л. С. Васильев. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.

представляя этот процесс гораздо более быстрым, простым и легким, чем это было на самом деле.

Первые точно датированные переводы буддийских текстов на китайский язык относятся ко II в., и хотя число их со временем быстро возросло, буддизм еще в течение двух веков не мог обрести широкой социальной опоры и утверждался лишь в мелких общинах, которые долго сохраняли узкорелигиозный, корпоративный характер и группировались вокруг проповедников, прибывших из Индии, Центральной Азии или Ирана. Лишь в IV в. буддистские идеи распространяются среди образованных людей и вызывают интерес философов; появляются первые квалифицированные труды китайских буддистов⁴.

Прежде чем окончательно утвердиться в Китае и стать неотъемлемой частью китайского образа жизни, составным элементом традиционной китайской системы религиозного синкретизма, получившей название «сань-цзяо» (букв. «три учения») ⁵, буддизм пережил весьма драматичный период ожесточенной борьбы с идейными противниками, массовых гонений, период неожиданных взлетов и падений, который затянулся на века. Иначе и не могло быть, так как с самого начала, с своих первых же шагов в «Поднебесной», это иноземное учение встретило, по меткому выражению академика В. М. Алексеева, «пониженные настроения» со стороны великодержавно настроенной феодальной интеллигенции, находившейся преимущественно под влиянием конфуцианства — идеологии, господствовавшей в древнем и средневековом Китае. «Как и следовало ожидать, по аналогии с другими религиями, вторгнувшимися в страну, к ним совершенно не подготовлено общество. — писал В. М. Алексеев, — буддизм в Китае был встречен всеобщим недоверием, погромом, и только исключительная энергия готового ко всему буддийского монаха, никогда ни от чего не отступающего и не сдававшего на чужой почве, как на своей родной, с которой он в свете своего учения ничем не был связан, поборол все препятствия к распространению буддизма в Китае...» ⁶.

Первоначально «правоверные» конфуцианцы мотивировали свои нападки и гонения на буддизм весьма просто, можно даже сказать инстинктивно: это-де «варварское учение» (ху-цзяо), о котором ничего не говорили «первоучители древности», заложившие основы китайской цивилизации, и которое не может научить ничему новому и хорошему своих последователей Конфуция⁷. Однако когда многие китайцы все же вняли этим призывам и, заинтересовавшись запретным учением, обнаружили, что у «варваров» все же есть чему поучиться, антибуддийская

⁴ P. Demiéville. Op. cit.; A. Wright. Buddhism and Chinese culture: phases of retraction. — "Journal of Asian Studies", 1957, Vol. 17, № 1, p. 17—42.

⁵ Кроме буддизма в синкретическую систему «трех учений» входили конфуцианство и даосизм, возникшие в древнем Китае задолго до того, как туда проник буддизм. В отличие от буддизма, пришедшего из Индии, их принято считать традиционными китайскими учениями.

⁶ В. М. Алексеев. Глава из истории китаизации буддизма. — «Известия АН СССР», 1947, т. 6, вып. 5, с. 453.

⁷ Конфуций родился и жил в царстве Лу (551—479 гг. до н. э.) на востоке Китая. Основное произведение — «Лунь Юй» («Суждения и беседы»), в котором собраны беседы Конфуция с учениками. В императорском Китае (III в. до н. э. — 1911 г.) текст «Лунь Юй» заучивался наизусть десятками поколений китайцев. Имело огромное влияние на духовную жизнь страны и формирование политической культуры Китая. Влияние некоторых конфуцианских идей (культ знаний, уважение к старшим по возрасту и т. п.) сохранилось в народе вплоть до настоящего времени, несмотря на то что маоизм все время вел ожесточенную борьбу с этими духовными традициями нации, особенно во время «культурной революции» и в период кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». В то же время следует отметить, что ряд конфуцианских догм, а именно слепое повиновение низов верхам, являлось одним из основных факторов, дававших эксплуататорскому меньшинству «моральное право» на угнетение народа. Маоизм сам использовал некоторые конфуцианские нормы для стабилизации режима.

кампания стала опираться на более серьезную и изощренную аргументацию. Ее суть сводилась к тому, что своей приверженностью к благодетельности, отречения от мирских благ и служения «три драгоценностям» — Будде, Дхарме («учению») и сангхе (монашескому обществу) — буддизм подрывает самые основы семьи и государства, отвращая своих последователей от служения родителям и исполнению общественного долга, уводя их от земных дел в неведомые дали и т. д. А когда последователей буддизма стало еще больше и буддийский сангха стала угрожать экономической и политической стабильности «Срединного государства», ее обвинили в «дармоедстве», в том, что она является «паразитом на теле государства». Буддийские ценности противоречили конфуцианской модели общества и государства.

Последователи даосизма первоначально тоже очень активно противодействовали распространению буддизма в Китае, усмотрев в нем опасного соперника в борьбе за влияние над умами, в некоторых случаях даже более опасного, чем конфуцианство. Конфуцианское учение — «вечный оппонент» даосизма, с которым даосизм вел, так сказать, перманентную борьбу, начавшуюся на заре китайской цивилизации и протекавшую в условиях своеобразного динамического равновесия, когда ни одна из сторон не могла достичь абсолютного преобладания. Конечно же, это равновесие было неустойчивым и конфликтным, но в периоды относительной стабильности оно по крайней мере давало возможность смягчать вражду между сторонниками того и другого, распределив сферы влияния. Конфуцианство, модернизированное в средние века, ориентировалось главным образом на правящие классы, прежде всего на бюрократию и так называемое «ученое сословие» (феодалскую интеллигенцию), и потому легло в основу официальной идеологии и культуры. Даосизм же был связан главным образом с низшими слоями населения и соответственно — с народной («неофициальной») культурой.

Проникновение буддизма резко нарушило это равновесие, так как, одной стороны, буддизм бросал вызов конфуцианским ценностям, очевидно дискредитируя их, а с другой, вторгнулся в сферу влияния даосизма и вытеснял его с занятых позиций, используя некоторые преимущества организационного и идеологического характера: более организованную и дисциплинированную общину, более тщательно разработанную и систематизированную практику психофизического воздействия (так называемая буддийская йога), философию с более стройной категориальной аппаратурой и т. д. Поэтому два старых соперника вступили единым фронтом против нового общего противника, посягнувшего на приоритет этих древнейших и влиятельнейших традиционных китайских учений.

Для того чтобы выдержать столь активное и мощное противодействие, буддизм должен был идти на компромиссы, приспособляться к китайским традициям, в значительной мере отступая от первоначальных установок «классического», индийского буддизма. Поэтому «буддизация» Китая⁸ сопровождалась вместе с тем «китайзацией» этого буддийского вероучения, его трансформацией под влиянием традиционных китайских учений и завершилась не вытеснением, подчинением или поглощением местных религиозно-философских и религиозно-политических систем, как это неоднократно случалось в других странах⁹, а п

⁸ Известный буддолог Э. Цюрхер писал даже о «буддийском покорении Китая», хотя, как видно, этот процесс трудно назвать «покорением» в полном смысле слова и гораздо точнее было бы говорить о его проникновении, инфильтрации в тайскую культуру (см. E. Zürcher. *The Buddhist Conquest of China*, vol. I—II. Leiden, 1959).

⁹ Например, в Тибете, где буддизм-ламаизм превратился в господствующую идеологию и где государство приобрело ярко выраженный теократический характер.

шла к тому, что буддизм, утвердившийся в «Срединном государстве», был вынужден сосуществовать (иногда довольно мирно, а иногда — очень) со своими идейными противниками.

В частности, приспособившись к господствовавшей в средневековом Китае «трудовой этике», которая требовала предельно уважительного отношения к труду и активного участия в практической деятельности, вышла из наиболее влиятельных школ китайского буддизма, сформировавшаяся на рубеже V — VI вв. и получившая в современном западном мире широкую известность под японским названием «дзэн» (китайское «чань»), подвергла существенному переосмыслению догматы «классического» буддизма относительно трудовой деятельности. Как известно, главный буддизм относился к практической деятельности своих адептов весьма негативно, рассматривая ее как одно из главных препятствий к достижению вечного спокойствия — нирваны, и «Виная» (монашеский устав) категорически запрещала буддийским монахам заниматься мирскими делами.

Первоначально китайские буддисты слепо копировали индийские образцы, и китайская «Виная», почти дословно повторяя соответствующие статьи индийской, запрещала буддийским монахам «принимать участие в торговых сделках, обрабатывать поля, строить здания, держать рабов и разводить домашних животных». При этом подчеркивалось, что «необходимо самым строжайшим образом избегать занятий всеми видами сельскохозяйственных работ и огородничества... категорически воспрещать резать траву и рубить деревья...»¹⁰.

Столь строгие запреты на сельскохозяйственные работы мотивировались тем, что при вскапывании земли, пропалывании сорняков, сжигании урожая и т. д. в великом множестве гибнут «живые существа», а это является нарушением закона «ахимсы» (непричинение зла насильем), тяжким грехом, создающим «адскую карму»¹¹. Тем не менее школа «чань» («дзэн») не только открыто пренебрегла этими запретами, но и официально кодифицировала вопиющие нарушения правил «Виная» в своем собственном монастырском уставе, который столь же строго обязывал чаньских монахов все свободное от занятий (буддизмом) время посвящать разного рода хозяйственным работам: убирать территорию монастыря, заготавливать топливо и воду, вести текущий ремонт, а в случае необходимости — и более крупные строительные работы, собственноручно обрабатывать землю на монастырских полях, сажать рис, овощи и фруктовые деревья, собирать урожай, готовить пищу и т. д.¹². В основу нового устава был положен принцип «День без работы — день без еды!», выдвинутый чаньским патриархом Бай-чжаном (720—814), который даже в весьма преклонном возрасте неукоснительно соблюдал его сам и наотрез отказывался принимать пищу, когда ученики стали прятать от него сельскохозяйственные орудия¹³.

Эти и многие другие уступки господствовавшей в средневековом Китае «трудовой морали» мотивировались необходимостью подчинения интересов личного «спасения» общественным интересам: человек, уничтожающий живые существа в процессе трудовой деятельности, зарабатывает себе «адскую карму» (то есть в будущем перерождении окажется в аду), но он идет на это ради общины, ради других людей. Его переполняет ужас и отвращение к убийству живых существ, но он продолжает делать свое дело, движимый чувством жалости и сострадания к другим существам, которые нуждаются в результатах его труда. И если при

¹⁰ Тансэ Дайдзюкэ (Китайская Трипитака). Киото, [Б. г.], т. 12, с. 1110-е.

¹¹ Карма (санскр.) — действие, обязанность, деятельность; в буддизме — совокупность действий (мыслью, словом и делом), оказывающая влияние (положительное или отрицательное) на дальнейшую жизнь и на последующие перерождения человека.

¹² См. Тансэ Дайдзюкэ, т. 48, с. 110-с — 1159-в.

¹³ См. там же, т. 50, с. 770-с.

этом он действительно не преследовал никаких эгоистических интересов, не ставил перед собой сугубо личных целей, то и греха никакого не будет. Упомянутый выше Бай-чжан на вопрос своего ученика, не ожидает ли их всех в будущем перерождении наказание за такие действия, как рубка дров, резание травы, копанье колодцев и возделывание почвы, ответил: «Будет ли человек наказан за все эти поступки — зависит от него самого. Если этот человек алчный, погрязший в заботах о приобретении и утрате, если он постоянно стремится заполучить то и избавиться от этого, то он непременно будет наказан». Если же, наоборот, он не увлекаясь от неприятных обязанностей, чреватых для него грехопадением, и честно исполнял свой долг, заботясь лишь о том, чтобы принести пользу другим людям, то, «даже если он трудился весь день, он (какой бы) ничего не делал»¹⁴. Иными словами, никакой кармы, никакого наказания за столь «греховные», с точки зрения ортодоксального буддизма действия не будет.

Иногда китайские буддисты заходили в своих интерпретациях так далеко, что допускали и оправдывали даже убийство человека, если, скажем, оно преследовало цель предотвратить многие другие не менее ужасные акты насилия или же совершалось во имя спасения лишасмого жизни в будущем перерождении (здесь речь шла уже о сугубо религиозном спасении)¹⁵. Более того, бодхисаттве¹⁶ даже вменялось в обязанность совершить убийство, если, скажем, он видит, что некий человек намеревается совершить его и взять, таким образом, на себя этот грех ради того, чтобы предотвратить грехопадение другого, так как чувство сострадания к данному живому существу (то есть потенциальному убийце) не должно допустить, чтобы оно потом испытывало адские муки за это убийство. Иначе говоря, лучше согрешить самому, чем дать возможность совершить грех другому человеку и тем самым обречь его на страдания в аду; насилие «превращается» в акт милосердия.

Тягчайшие акты насилия, в том числе и убийство, оправдывались также тем, что самый отъявленный негодяй достоин сострадания и все же имеет право на религиозное спасение; какой бы грех он ни совершил — это не самый страшный из грехов, и всегда остается надежда на то, что его можно искупить. Предполагалось, что такой ход рассуждений может наставить на путь истинный самого закоренелого преступника, который в противном случае махнет на себя рукой и совершит еще больше преступлений. Другая, не менее изощренная аргументация, оправдывающая убийство, была выработана на основе учения о пустоте (санскр. «шунья»), согласно которому все явления пустоты преходящи, иллюзорны и не имеют истинной реальности, то есть в действительности не существуют. Так, например, характеризуя идеал бодхисаттвы Паньчавимшати — сахасрика — праджня — парамита, — сутра, переведенная на китайский язык выдающимся переводчиком и проповедником Кумараживой (который прибыл в Китай в 402 г.), указывала, что просветленное существо должно «понять, что все вещи и явления подобны обману, иллюзии, отражению луны в воде, пустоте... сну, тени, отражению в зеркале, фантазии»¹⁷. Развивая эти идеи, чань-буддисты утверждали, что все сущее подобно фантазмагории, миражу, возникающему в большом воображении человека, не имеющего «истинно верного прозрения» сути вещей, или же фантому — «цветку в воздухе», появляющемуся на пусто-

¹⁴ Цит. по: K. Ch'en. The Chinese transformation of Buddhism, p. 150.

¹⁵ Demiéville. Bouddhisme et la Guerre. — "Choix d'études bouddhiques" Leiden (Brill), 1973.

¹⁶ Бодхисаттва (санскр.) — по буддийскому учению «просветленное существо», достигшее высшей ступени самоусовершенствования (но на одну ступень ниже Будды) и добровольно отказывающееся вступить в нирвану из чувства сострадания к другим «непросветленным» существам.

¹⁷ Тайсэ Дайдзюкэ, т. 25, с. 101-с.

месте при болезни глаз¹⁸. Поэтому в действительности не может быть ни субъекта насилия, ни его объекта, ни самого акта насилия, ни загроможденного воздаяния за него, ибо вообще нет ничего реально существующего. И, стало быть, некого и не за что наказывать.

Одному из самых ужасных видов насилия, неизбежного при вооруженной борьбе — убийству, — было выработано и такое оправдание, превращающее его в акт милосердия: поскольку, согласно учению Будды, жизнь есть страдание, то убийство не является столь уж тяжким грехом, так как оно избавляет человека от бесчисленных мучений в этой доли страданий, которая зовется жизнью¹⁹. Однако необходимо оговориться, что такой ход рассуждений не был характерен для людей, достаточно искушенных в буддийской философии, так как наряду с идеей благотворности страдания буддизм подчеркивает, что человеческая жизнь бесценна, ибо она дает уникальную возможность достичь идеального состояния — нирваны или по крайней мере приблизиться к нему, а умирая, человек может лишиться этой возможности на неопределенное время, возможно очень надолго, пока он будет перерождаться в ином, неблагоприятном для совершенствования облике, скажем, в виде животных или насекомых, которые лишены возможности достичь нирваны. Между тем к таким аргументам, как описанный выше, прибегали китайские сектанты, члены тайных антиправительственных религиозно-политических обществ буддийского происхождения, весьма поверхностно знакомые с буддийской философией и полагавшие, что убивая своих идейно-политических противников, они совершают для них величайшее благодеяние.

Китайские буддисты шли на подобного рода ухищрения, адаптацию буддизма отнюдь не из чисто схоластического интереса к «проблеме», а стремясь приблизить свое вероучение к суровой действительности, которая требовала от них активного участия в политической борьбе, особенно когда в «Поднебесной» наступали смутные времена и буддийским монахам приходилось братья за оружие, чтобы защитить свои интересы, а также интересы тех социальных групп, которые они представляли. И поскольку в целом китайский буддизм был оппозиционным учением и искал социальную опору преимущественно в низших слоях населения, буддийские монахи, невзирая на принцип «ненасилия», довольно часто принимали непосредственное участие в кровопролитных народных восстаниях, направленных против классового и национального гнета. Более того, в определенные периоды китайской истории такие массовые религиозно-политические объединения, как «Общество белого лотоса», «Общество восьми триграмм», «Общество больших мечей», «Ихэтуань» и другие исторически и идеологически тесно связанные с буддизмом, ставшие главной формой классовой и национально-освободительной борьбы китайского народа, прежде всего крестьянства.

Особенно широкий размах антиправительственная деятельность народных сект приобретала во время правления в Китае иноземных династий — чжурчжэньской династии Цзинь (на севере Китая), монгольской династии Юань, маньчжурской династии Цин. Однако жестокие репрессии, которые периодически обрушивались на китайских сектантов, были вызваны в основном не национальными или религиозными, а социальными причинами, так как кочевничьи династии, как правило, поддерживали буддизм в лице организованной сангхи, теоретически считавшейся официальным институтом (то есть государственным учреждением)²⁰, а некоторые из них (в частности, монгольская и

¹⁸ In: D. T. Suzuki. *Studies in the Lankavatara Sutra*. London, 1975, p. 96.

¹⁹ In: P. Demiéville. *Bouddhisme et la Guerre*.

²⁰ In: D. C. Twitchett. *Monastic Estates in T'ang China*. — "Asia Major", 1955—1956, vol. 5, pt. 2, p. 123—146.

маньчжурская) оказывали ему особое покровительство. Однако народные секты формально не были связаны с сангхой, к тому же, помимо религиозных целей, они чаще всего преследовали и сугубо политические цели, поэтому гонения на них носили скорее политический, нежели религиозный, характер.

В связи с отмеченным фактом активного участия буддистов в антиправительственной деятельности народных сект и тайных обществ интерес представляет следующая деталь быта буддийских монастырей в старом Китае. Хотя буддизм решительно запрещает своим последователям заниматься военным делом, именно в буддийских монастырях сложилась одна из самых популярных китайских школ «военно-прикладных искусств» — шаолиньская школа кулачного боя и фехтования (кит. «шаолиньсы цюань-фа»; япон. «сёриндзи кэмпо»), получившая свое название от знаменитого чаньского монастыря Шаолиньсы²¹. Эта школа получила особенно широкое распространение во время знаменитого восстания «Ихэтуань» против колониальной политики империалистических держав и иноземной маньчжурской династии Цин, охватившего значительную часть страны (1898—1901). В настоящее время эта школа «китайского бокса» интенсивно культивируется в КНР и среди китайских эмигрантов за рубежом (ее пропагандой и распространением, как правило, занимаются члены тайных обществ в Сингапуре, а также в Японии, где она тесно связана с деятельностью буддийского общества «Конго-дзэн»²²).

Вместе с тем определенная часть буддийской сангхи (как правило, высшие иерархи) была тесно связана с правящим классом и активно сотрудничала с ним, всячески стараясь проявить свою лояльность к существующему строю. Одной из форм выражения верноподданнических чувств буддийской сангхи было то, что она нередко объявляла китайских императоров чакравартинами²³, «живыми Буддами» (кит. «хо-фо») или бодхисаттвами, а те в свою очередь даровали буддийским патриархам звание «учителя государства» (кит. «го-ши») ²⁴. Демонстрируя свою преданность монархическому строю, один из буддийских патриархов даже утверждал, что жесткая централизация власти в руках императора — явление закономерное и, стало быть, отвечающее объективным потребностям развития китайского общества, так как все сущее стремится к единому, в котором примиряются все противоречия и в конечном итоге исчезает великое многообразие форм предметного мира. Так буддизм приспособлялся к общественным институтам и религиозно-философским традициям средневекового Китая, приобретая ярко выраженный национальный колорит.

В то же время буддизм не только адаптировался к местным условиям, но и весьма активно влиял на окружающую среду сам, оказав сильное воздействие на развитие традиционно китайских учений и всей китайской культуры. Как отмечал В. Грубе, «в общем итоге буддизм сделал по крайней мере столько же уступок господствующим в Китае воззрениям, сколько и последние ему»²⁵. Влившись в руло развития китайской мысли и вполне органично вписавшись в систему китайских ценностей, в китайский образ жизни и культуру, буддизм стал с IV по

²¹ См. Досин Сё. Сёриндзи Кэмпо-Дзэн-но гэнрю. Тюгоку дэнрай-но госиндзюцу (Шаолиньская школа борьбы — ответвление Дзэн, тайное искусство, пришедшее из Китая). Токио, 1963.

²² Его основал японец Досин Сё, который в свое время обучался в монастыре Шаолиньсы. Это общество имеет филиалы и за пределами Японии, в основном в странах Запада.

²³ Чакравартин (санскр.) — идеальный, совершенный правитель, способствующий распространению буддизма, букв. — «правитель мира, обладающий колесом закона».

²⁴ См. К. Ch'en. Buddhism in China; K. L. Reichelt. Truth and tradition in Chinese Buddhism. New York, 1968.

²⁵ В. Грубе. Духовная культура Китая. Спб., 1912, с. 10.

XI в. господствовать во всяком философском движении средневекового Китая.

Для того чтобы выдержать конкуренцию с более организованным противником, даосизм был вынужден существенно перестроить свою организационную и идеологическую структуру. Даосская община стала строиться по типу буддийской сангхи; под влиянием буддизма ускорился процесс формирования единого общедоосского канона, усилилась тенденция к упорядочению философской терминологии и культовой системы; даосская практика психотренинга (ее иногда называют даосской йогой), которая якобы давала возможность выработать в организме человека «эликсир бессмертия», заимствовала из буддийской йоги, опирающейся на тысячелетний опыт традиционной индийской йоги, многие методы и приемы психофизического воздействия²⁶. Через буддийских миссионеров в Китай проникли медицинские, астрономические, географические, лингвистические и другие знания, накопленные древними индийцами. Благодаря буддизму китайцы получили возможность познакомиться с богатым культурным опытом многих других народов, которых правители «Поднебесной» третировали как «варваров», имеющих «человеческий облик, но звериную сущность» и существующих «только по великодушию богдыхана, который милует и скотов»²⁷.

Пожалуй, наиболее заметным и особенно наглядным было влияние буддизма на изобразительное искусство и архитектуру средневекового Китая. Буддийские пагоды, кумирни, храмы и монастыри изменили внешний облик китайских городов и деревень, наложили отпечаток на весь культурный ландшафт, оказав влияние даже на архитектурный облик и интерьер императорских дворцов и особняков феодальной знати. Буддийская скульптура и религиозная живопись во многом определили развитие китайской монументальной скульптуры и живописи, внесли много нового в развитие прикладных искусств. Философские, этические и эстетические принципы буддизма оказали большое плодотворное воздействие на мировоззрение и творчество целого ряда выдающихся деятелей китайской культуры — художников, каллиграфов, поэтов и пр.

В определенные периоды влияние буддизма на идеологию и культуру средневекового Китая было столь сильным, что даже конфуцианство, которое на тысячелетия предопределило направление развития китайской цивилизации и бесспорно главенствовало в системе «трех религий», было вынуждено заимствовать у этого «варварского» учения некоторые идеи и претерпело серьезные внутренние трансформации. И только после того, как первоначальное учение Конфуция было в значительной мере обновлено и укреплено за счет легистских и буддистских идей, оно смогло достойно ответить на буддийский вызов и сохранить свое первенство.

Лишь в начале нынешнего тысячелетия, по мере ослабления связей между Индией и Китаем и творческого упадка буддизма, наблюдается возрождение конфуцианства в новой форме, и неоконфуцианство берет реванш за все прошлые поражения в идеологической борьбе с буддизмом. Вместе с тем элементы буддизма в неоконфуцианстве зачастую имели неосознанный характер, к тому же, как правило, конфуцианские реформаторы по вполне понятным причинам отрицали свою причастность к буддизму. Под заметным влиянием буддизма находился, в частности, один из наиболее выдающихся неоконфуцианцев эпохи Сун (X—XIII вв.), Чжу Си (1130—1200), учение которого было впоследствии возведено в ранг государственной идеологии.

²⁶ Синтез буддизма с даосизмом был более органичным и естественным, нежели с конфуцианством, так как даосизм был гораздо ближе к буддизму структурно-типологически, что ускорило и облегчило их взаимовлияние.

²⁷ В. П. Васильев. Открытие Китая. Спб., 1900, с. 144.

Многое в чжуснанстве носит совершенно очевидный отпечаток буддийского происхождения, и современники отнюдь не случайно называли его «буддизмом в конфуцианском облачении».

Наивысшего расцвета китайский буддизм достигает в эпоху Тан (VII—IX вв.), во время правления одной из самых могущественных династий, многие представители которой увлекались буддизмом и покровительствовали ему, даруя сангхе различные льготы, крупные суммы денег и землю. Правление Танской династии справедливо называют «золотым веком» китайского буддизма. В последующие эпохи он уже не смог восстановить свое влияние в полном объеме, постепенно приходя в упадок и растворяясь в синкретической народной религии, которая вобрала в себя элементы всех трех учений. К началу XX в. этот процесс синкретизации зашел так далеко, что, по свидетельству академика В. М. Алексеева, в Китае невозможно было обнаружить в более или менее чистом виде ни буддизма, ни даосизма, ни конфуцианства, и китаец в принципе мог одновременно быть конфуцианцем и верить в учение буддизма и даосизма. «Почти во всех храмах (а их масса), — писал он, — я наблюдаю все тот же синкретический хаос, т. е. полное смешение всех трех учений (сань-цзяо): конфуцианства, даосизма и буддизма. Впрочем, к нелогичности такого порядка китайская религия вполне равнодушна: в ней, собственно, каждый молящийся — сам себе жрец»²⁸. В. Грубе писал об одном китайце, считавшемся буддизмом, который, когда его спросили о Будде, ответил, что «он в него собственно не очень верит, но ввиду того, что его отец и другие предки были буддистами, то «е кэ и»...»²⁹ В такого рода фактах проявлялась, по словам В. Грубе, «свойственная китайцам терпимость, которая зачастую вырождается прямо в скептический индифферентизм»³⁰.

На рубеже XIX — XX вв. в китайском буддизме развернулось обновленческое движение, которое приостановило процесс растворения буддизма в синкретической народной религии (правда, на весьма короткий период и лишь частично). Обновленческое движение китайских буддистов первоначально было тесно связано с национально-освободительной борьбой китайского народа против иноземной династии Цин, свергнутой в 1911 г., и против колониальной политики империалистических держав. Наиболее радикальная часть китайских буддистских реформаторов-обновленцев, связанная с буржуазными революционерами-демократами и поддерживавшая программу свержения монархического строя и прогрессивных преобразований, выдвинула лозунг «Новому Китаю — новый буддизм!», поставив перед собой задачу возродить «в первоначальной чистоте» и в то же время модернизировать буддизм, с тем чтобы он, с их точки зрения, больше соответствовал потребностям общественно-экономического развития страны. Они требовали демократизации и секуляризации буддизма, повышения профессионального и общеобразовательного уровня буддийской сангхи, изучения монахами и светскими последователями буддизма новейших достижений европейской науки и культуры, более активного участия и тех и других в строительстве нового Китая, который должен занять достойное место среди развитых стран³¹.

Когда в 1911 г. в Китае грянула антиманьчжурская революция, подавляющее большинство буддийских реформаторов поддерживало ее не

²⁸ Цит. по: В. Я. Сидихменов. Китай: страницы прошлого. М., 1978, с. 197.

²⁹ В. Грубе. Указ. соч., с. 15. «Е кэ и» — досл. «тоже можно», выражение, соответствующее французскому «пуркуа па» — «почему бы и нет».

³⁰ Там же, с. 11.

³¹ См. Н. Welch. The practice of Chinese Buddhism. 1900—1950. Cambridge (Mass.), 1967; Н. Welch. The Buddhist revival in China. Cambridge (Mass.), 1968; Chou Hsiang-kuang. T'ai Hsu. His life and teachings. Allahabad, 1957.

только словом, но и делом, мобилизовав на защиту революции отряды вооруженных монахов (сэн-цзюнь). В то же время определенная часть реформаторов призывала буддистов не вмешиваться в политику и ограничиться культурно-просветительской, пропагандистской и теоретической деятельностью. При этом они связывали дальнейшее развитие обновленческого движения с широкой пропагандой буддизма далеко за пределами Китая (в том числе и в странах Запада), с установлением тесных контактов между буддистами разных стран и сближением различных школ, сект и направлений в буддизме. Один из лидеров буддийской реформации, Тай-суй, распространил свою миссионерскую деятельность даже на Европу и основал в Париже «Общество друзей буддизма», которое существует до сих пор и является членом Всемирного братства буддистов (ВББ).

Вскоре после революции 1911 г., когда возникла угроза конфискации монастырских земель и другой клерикальной собственности, была образована Ассоциация китайских буддистов (АКБ), призванная защищать экономические и политические интересы буддийской сангхи, объединить ее на обновленческих принципах и содействовать возрождению буддизма в Китае, способствовать его распространению за пределами страны. Однако острые разногласия между различными группами буддийского духовенства и мирян-буддистов не позволили АКБ стать действенным общекайтайским органом, фактически парализовав ее деятельность, поэтому ассоциация так и не смогла выполнить поставленные ей перед собой задачи.

Вскоре после образования КНР Ассоциация китайских буддистов была воссоздана при содействии правительства, которое стремилось через нее привлекать всех лояльных буддистов к активному сотрудничеству с органами новой власти. Согласно новому уставу АКБ, она ставила перед собой цель «объединить всех последователей буддизма под руководством народного правительства для выражения их любви к отечеству и обеспечению мира во всем мире». При этом АКБ заявляла, что бюджет представляет 500 тысяч монахов и 100 миллионов мирян, что было явным преувеличением (особенно последняя цифра). Основная функция ассоциации определялась тем, чтобы служить посредником между правительством и буддистами, и главным условием ее существования была всемерная поддержка мероприятий правительства. Кроме АКБ, государство использовало еще два канала для контроля над умонастроениями и деятельностью буддистов: Управление по делам религии, штат которого комплектовался главным образом из кадровых работников (ганьбу), имеющих опыт работы в партийных и административных органах, и журнал «Современный буддизм», который официально считался печатным органом АКБ.

В первые годы после создания КНР Ассоциация китайских буддистов сосредоточила свои усилия на четырех основных направлениях. Во-первых, обеспечение связи между правительством и буддистами (через АКБ правительство информировало буддистов о своих планах и политике, спускало им свои директивы и указания, оказывало финансовую поддержку, а буддисты в свою очередь должны были информировать правительство о своих стремлениях, взглядах и интересах). Во-вторых, повышение общеобразовательного и профессионального уровня, обучение и воспитание служителей культа и светских последователей буддизма. С этой целью в 1956 г. была создана Китайская буддийская академия, слушатели которой после двухлетнего обучения становились монахами и религиозными деятелями или же проповедниками и учеными-буддистами. В-третьих, выявление, изучение и восстановление памятников буддийской культуры в тесном контакте с правительством и при его финансовой поддержке. В ходе этой кампании были реставрированы и объявлены национальным достоянием Китая такие древней-

шие центры китайского буддизма, как Дуньхуан, Баймасы³², Шаолиньсы³³, Юнхэгун и многие другие. Правительство не только взяло на себя все расходы по их восстановлению, но и обязалось в дальнейшем охранять и поддерживать их как выдающиеся архитектурные памятники. В-четвертых, внешнеполитическая деятельность, направленная на установление связей с буддийскими организациями в странах Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии с целью популяризации политики руководства КПК и КНР по отношению к буддизму. С этой целью делегации китайских буддистов выезжали в Японию и Бирму (1955), Индию и Непал (1956), Камбоджу (1957) и другие страны. АКБ активно поддерживала также многие внешнеполитические акции тогдашнего правительства КНР: протест против тройственной англо-франко-израильской агрессии в Египте (1956), против американской интервенции в Ливане (1958), против американской оккупации Тайваня и др.

С усилением в руководстве КПК и КНР позиций антинародной маоистской клики китайское правительство все дальше отходило от марксистско-ленинских принципов национальной и религиозной политики, превращая АКБ в орудие своего великодержавного, шовинистического гегемонистского курса как внутри страны, так и на международной арене. При этом среди маоистского руководства не было единения в вопросе о роли буддизма во внешней и внутренней политике, и отношение к АКБ было двойственным: с одной стороны, опасались оживления буддизма, усиления его политической активности, выхода буддистов из-под жесткого идеологического, политического и административного контроля, а с другой, стремились всемерно «утилитаризировать» его, используя в тактических целях прежде всего его международные связи и авторитет (первой позиции придерживался Мао Цзэдун, второй — премьер Чжоу Эньлай). В зависимости от того, какая тенденция преобладала, политика маоистов по отношению к буддизму варьировалась от демонстративной поддержки и демагогических заигрываний до прямого террора.

Наиболее ожесточенный и варварский характер гонения против буддизма приобрели во время печально известной «культурной революции» (1966—1969), в ходе которой были ликвидированы практически все религиозные организации, в том числе и буддийские (АКБ прекратила свою деятельность в 1966 г.). Участники этого беспрецедентного в истории Китая антибуддийского погрома оскверняли и разрушали монастыри, переплавляли уникальные скульптуры в никому не нужные груды металла, сжигали священные тексты, а монахов насильно отправляли на «перевоспитание» или же они просто исчезали; многие буддийские деятели и ученые были репрессированы. Так, в передаче харбинского радио 29 августа 1966 г. говорилось, что группа хунвэйбинов арестовала буддийского священника в городе Харбине, обвинив его в «контрреволюционной деятельности под покровом религии», и «разрушила его берлогу, выбросив все его принадлежности, используемые для распространения религиозных предрассудков и других контрреволюционных и феодальных идей». Агентство Синьхуа сообщало, что «революционные студенты и преподаватели Центрального института искусств зажгли революционный огонь разрушения скульптур старого мира», среди которых значились «изображения Будды и ниши для буддийских скульптур». Для того чтобы «крушить скульптуры вдребезги»,

³² Название этого древнейшего центра китайского буддизма означает в переводе «Монастырь белой лошади» (кит. «баймасы»). Согласно приведенной выше легенде о вешем сне императора Мин-ли, первые буддийские трактаты были привезены в Китай на белой лошади, в честь которой и был назван этот монастырь.

³³ Монастырь Шаолиньсы, построенный в конце V в., — один из самых древних и крупных центров школы «чань» («дзэн»). Постройка его приписывается легендарному основателю этой школы Бодхидхарме.

использовались кирки, топоры и стальные клинья. Были даже организованы специальные пропагандистские отряды хунвэйбинов для «борьбы с феодализмом», которые врываются в буддийские храмы и сжигали изображения Будды и много других объектов религиозных предрассудков». Видный деятель Коммунистической партии Китая Ван Мин горечью и возмущением писал про бесчинства маоистских молодчиков, разрушавших «буддийские и даосские храмы и пагоды, которые представляют большую культурную и художественную ценность», и тем самым наносивших «китайской нации неисчислимые и невозполнимые потери в области культуры»³⁴.

Еще более вопиющие акты вандализма были совершены в национальных районах Китая, где проживают тибетцы и монголы — народы, традиционно исповедовавшие буддизм-ламаизм. Особенно жестокие репрессии обрушились на тибетский народ, оказавший вооруженное сопротивление пекинским шовинистам еще до «культурной революции». При подавлении мартовского восстания 1959 г. в Тибете массовые репрессии обрушились на ламаистское духовенство. Спасаясь от террора, около 100 тыс. тибетцев во главе с далай-ламой бежали в Индию и Непал; отдельные отряды тибетских повстанцев продолжали вооруженную борьбу до начала 70-х годов. Когда в Тибетском районе КНР началась пресловутая «культурная революция», хунвэйбины объявили беспощадную войну «четырем старым вещам» — «старым идеям, старой культуре, старым привычкам и старым обычаям» тибетцев. Как отмечает советский исследователь В. А. Богословский, под предлогом борьбы с «четырьмя старыми вещами» хунвэйбины «громил буддийские храмы и монастыри, разбивали статуи, в том числе статую бодисаттвы Авалокитешвары — покровителя Тибета, жгли священные книги и изображения. Они составили даже особую программу борьбы с религией из 20 пунктов, в которой требовали уничтожить все буддийские изображения, прекратить все религиозные службы, запретить вывешивать религиозные флаги и даже перебирать четки»³⁵.

Руководство Ассоциации китайских буддистов, ставшее под воздействием политики кнута и пряника послушным орудием маоистов, не только не осудило варварские гонения на буддизм, но и откровенно солидаризовалось со многими акциями пекинских шовинистов. Так, президент АКБ Шираб-Жалцо в своем выступлении на I сессии ВСНП второго созыва (23 апреля 1959 г.) в унисон с маоистской пропагандой безоговорочно квалифицировал мартовское восстание как «реакционный мятеж феодальной верхушки», как дело рук маленькой группы заговорщиков, которые «открыто порвали соглашение по мирному освобождению Тибета, увезли далай-ламу, собрали мятежников и, прикрываясь знаменем защиты буддизма, выступили с угрозами и подстрекали часть духовенства и гражданского населения, не знавшую действительного положения, к мятежу, безрассудно кричали об изгнании ханьцев (то есть китайцев. — Авт.) и о независимости». «Как верный старейшина в районах тибетской национальности, любящий родину, Тибет, буддизм и далай-ламу, — заявил он далее, — я от всей души поддерживаю это великое, правильное и полное мудрости и благородства мероприятие Государственного совета и буду решительно проводить его в жизнь»³⁶.

Можно, видимо, согласиться с американским китаеведом и буддологом Кеннетом Чэнем в том, что Ассоциация китайских буддистов играла в те годы роль «правительственного агента по контролю и наблюдению за последователями буддизма в Китае», а на международной арене выступала как «полуофициальный эмиссар» маоистского прави-

³⁴ "Canadian Tribune", 19.III.1969.

³⁵ В. А. Богословский, Тибетский район КНР. М., 1978, с. 133.

³⁶ О тибетском вопросе (на кит. яз.). Пекин, 1959, с. 134—135.

тельства и рупор маоистских идей. АКБ возобновила свою деятельность в начале 1973 г. и продолжает играть примерно такую же роль, хотя новое руководство КПК и КНР, пришедшее к власти после смерти Мао Цзэдуна, по-прежнему рассматривает АКБ как орудие своей великодержавной, гегемонистской политики. Дж. Стронг, посетивший в 1973 г. буддийские храмы в КНР и беседовавший со многими буддистами, пришел к следующему выводу о судьбе буддизма в КНР: «...будущее буддизма определяется внешней и внутренней политикой правительства Китая. Если правительство решит использовать буддизм в пропагандистских целях, особенно при установлении отношений со странами Юго-Восточной Азии, буддизм в Китае будет поощряться и поддерживаться»³⁷. События последних лет, к сожалению, подтверждают этот прогноз. Что же касается заигрывания нынешних наследников Мао с буддийскими деятелями, то их разглагольствования о свободе вероисповедания и о новом «возрождении» религии в Китае являются продолжением старой политики «утилитаризации» буддизма с известной поправкой на изменившиеся условия и прежде всего — на резкий поворот нового маоистского руководства «вправо», на сближение с империалистическими державами, которые в своей политике продолжают использовать религиозные круги Китая в своих интересах.

О новом усилении внимания ныне к буддизму свидетельствует создание в КНР Института религий мира. Институт занимается наряду с исламом, христианством и иудаизмом изучением и популяризацией буддизма. В 1979 г. в институте открыты курсы подготовки специалистов из числа наиболее способных молодежи. Простой перечень направлений деятельности сотрудников института, который опубликован в журнале «История Китая», показывает, что институт занимается не только историческим изучением буддизма, но и пропагандой буддизма в КНР и за рубежом. В КНР отобрало наиболее талантливых молодых людей, которые в современном мире стараются играть все более активную роль в политике.

³⁷ J. Strong. Où en est le bouddhisme en Chine? — "Informations catholiques internationales" (Paris), 1973, № 441, p. 6.

Историческая наука Вьетнама сегодня

*П. Ю. Цветов,
кандидат исторических наук*

Для нынешнего этапа социально-политического развития Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) — этапа, начавшегося после разгрома продажного проамериканского режима в Южном Вьетнаме весной 1975 г. и воссоединения Вьетнама летом 1976 г., характерно развернувшееся по всей стране строительство основ социализма, возрождение экономики, развитие культуры и науки. Выдвинутая IV съездом Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) в декабре 1976 г. программа социалистического переустройства требует от вьетнамского народа максимального сосредоточения всех моральных и физических усилий, всех материальных ресурсов на решении народнохозяйственных задач. Однако единый Вьетнам все последние годы вынужден отвлекать значительную часть своих сил на то, чтобы с оружием в руках защищать свой национальный суверенитет от нападений войск клики Пол Пота и Иенг Сари, правившей Кампучией с апреля 1975 по январь 1979 г., и от провокаций китайских гегемонистов на северной границе, осмелившихся пойти на прямое вторжение на вьетнамскую территорию в феврале 1979 г.

Активную позицию в решении актуальных задач вьетнамской революции заняла историческая наука, одна из наиболее развитых общественных дисциплин в СРВ.

В отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПВ тов. Ле Зуана на IV съезде партии было определено, что задачи социальных наук на новом этапе состоят «в дальнейшем изучении важнейших проблем, вытекающих из генеральной линии и политики партии в осуществлении революции во Вьетнаме, опираясь при этом на марксизм-ленинизм и обобщая накопленный революционный опыт»¹. Съезд нацелил обществоведов на раскрытие закономерностей строительства социализма во Вьетнаме, роли диктатуры пролетариата, процесса создания нового социально-экономического строя и культуры, воспитания нового человека. Съезд призвал ученых «вести марксистско-ленинскую пропаганду и воспитание, добиться, чтобы марксизм-ленинизм занял господствующее положение в духовной жизни общества...»².

В данном обзоре мы попытаемся проанализировать, как сегодня во Вьетнаме освещаются ключевые проблемы марксистской историографии, как ученые претворяют в жизнь указания партии.

Обобщение революционного опыта вьетнамского народа, руководимого славной КПВ, традиционно составляет важнейшее направление исследований историков СРВ. При раскрытии этой темы реализуется не только важнейшая функция исторической науки — изучение прошлого с целью понимания настоящего и предвидения будущего, но и формируется необходимая для решения актуальных задач, выдвинутых партией, морально-политическая атмосфера, для которой характерны уверенность масс в правильности курса КПВ, готовность пойти на любые

¹ IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1977, с. 79.

² Там же, с. 437.

жертвы во имя великих целей — социализма и независимости, верность идеям марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

В конце 70-х годов многочисленные публикации на эту тему были приурочены к юбилейным датам, прежде всего к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 50-летию Коммунистической партии Вьетнама и 90-летию со дня рождения Хо Ши Мина.

Юбилей Великого Октября широко отмечался в 1977 г. по всему Вьетнаму. Славной годовщине были посвящены выступления руководителей партии и правительства, публикации ученых, научные конференции, выставки литературы. Генеральный секретарь ЦК КПВ тов. Ле Зуан посвятил 60-летию Великого Октября статью «Октябрьская революция и борьба вьетнамского народа за национальную независимость и социализм»³. В ней, как и в других своих работах последних лет, в частности включенных в двухтомник «Социалистическая революция во Вьетнаме», тов. Ле Зуан продолжает и развивает заложенную вождем вьетнамской революции Хо Ши Мином традицию освещения темы «Великий Октябрь и Вьетнам». В них дается оценка воздействию Великого Октября на Вьетнам, рассматривается применение в революционной практике Вьетнама учения В. И. Ленина и опыта СССР.

Тов. Ле Зуан отмечает, что Октябрьская революция принесла во Вьетнам марксизм-ленинизм, указала вьетнамским революционерам путь к победе в тот период, когда освободительное движение в этой стране находилось в тупике. Первостепенное значение для вьетнамских коммунистов имел опыт русских большевиков в одновременном осуществлении задач социального и национального освобождения, ленинские идеи о партии нового типа, о союзе рабочих и крестьян, марксистская оценка авангардной роли рабочего класса в революции. Важное место в трудах Генерального секретаря ЦК КПВ отводится показу значения марксистско-ленинской идеи о возможности строительства социализма в бывших колониях, минуя капитализм. Ссылаясь на ленинские работы, на опыт Советского Союза, тов. Ле Зуан указывает на необходимость тщательного учета объективных законов общественного развития в практике социалистического строительства.

Как и в России, социалистическая революция во Вьетнаме означает ускоренное переустройство всех сторон жизни, позволяет покончить с ноговековой отсталостью и нищетой. «Социализм — единственно возможное решение всех проблем на пути развития общества и страны, которое может вывести Вьетнам в ряды передовых народов нашего времени»⁴. Подлинное национальное освобождение и демократия имеют во Вьетнаме в качестве основы своего существования диктатуру пролетариата и индустриально-аграрную структуру крупного социалистического производства, к созданию которой на основе решений IV съезда КПВ прилагает сейчас все усилия вьетнамский народ.

В статье показаны также огромная роль Великого Октября и социалистического строительства в СССР в поступательном развитии всего человечества, активная помощь Советского Союза революционным движениям в различных странах, определено место Вьетнама в мировом революционном процессе. В заключение тов. Ле Зуан пишет, что «Коммунистическая партия Вьетнама преисполнена решимости выполнить свой национальный и интернациональный долг, плечом к плечу со всеми братскими партиями, революционными и прогрессивными силами успешно осуществить великое, всемирно-историческое дело, начатое Октябрьской революцией»⁵.

³ Перевод статьи на русский язык был опубликован в журнале «Коммунист», 1977, № 15.

⁴ Ле Зуан. Октябрьская революция и борьба вьетнамского народа за национальную независимость и социализм. — «Коммунист», 1977, № 15, с. 97.

⁵ Там же, с. 98.

Конкретную разработку указанных тов. Ле Зуаном и другими вьетнамскими руководителями аспектов проблемы «Великий Октябрь и Вьетнам» содержат многочисленные публикации ученых СРВ. К их числу относится сборник статей ведущих сотрудников Института истории Вьетнама «Октябрьская революция и вьетнамская революция»⁶. В нем вьетнамская революция рассматривается в неразрывной связи с идеями Великого Октября, актуальные проблемы страны анализируются в свете опыта Советского Союза.

В открывающей сборник статье Нгуен Тоана отмечается, какое большое значение имели для Вьетнама глубокое и творческое использование Хо Ши Мином и созданной им коммунистической партии «непобедимого духа Великой Октябрьской социалистической революции»⁷, понимание неразрывной связи между борьбой за освобождение угнетенного класса и борьбой за освобождение всей нации, применение на практике учения Ленина о руководящей роли рабочего класса и коммунистической партии в революции, о союзе рабочего класса и крестьянства.

Вопрос о применении вьетнамскими коммунистами опыта Великого Октября по соединению в одном потоке социалистической и национально-освободительной революций специально рассмотрел Ван Тао. Прежде всего отмечает он, это выразилось в создании коммунистической партии во Вьетнаме, которая руководила как классовой борьбой пролетариата, так и движением всей нации за освобождение от чужеземного ига. Факторами, обусловившими образование коммунистической партии, было не только соединение марксистской теории и рабочего движения, как в европейских странах, но и мощное национально-освободительное движение.

В определенной степени развивая тему, освещенную Ван Тао, другой специалист по новейшей истории Вьетнама Буй Динь Тхань рассматривает влияние на деятельность вьетнамских коммунистов примера русских большевиков, умело сочетавших патриотизм с пролетарским интернационализмом. Буй Динь Тхань показывает на фактах распространение идей пролетарского интернационализма в деятельности Коммунистической партии Индокитая (КПИК) сразу же после ее образования в 1930 г. Первые программные документы партии ставили перед коммунистами Индокитая в качестве одной из основных задач поддержку СССР, союз с пролетариатом всей земли и освободительным движением в колониях и полуколониях. После I съезда КПИК (1935) проводились кампании солидарности с Народным фронтом Франции, республиканской Испанией, немецкими антифашистами, с борющимся против японской агрессии китайским народом. Во второй мировой войне Вьетминь фактически встал на сторону антигитлеровской коалиции.

В войсках Сопrotивления французским колонизаторам и американским империалистам вьетнамские коммунисты прежде всего преследовали цель защитить независимость, национальный суверенитет и территориальную целостность своей страны. Однако эта борьба имела также важное значение для судеб мира, социализма и демократии как в Юго-Восточной Азии, так и во всем мире.

В юбилейных «октябрьских» публикациях много места уделялось показу активного, наступательного характера стратегии и тактики трех революционных потоков современности. В сборнике «Октябрьская революция и вьетнамская революция» эта тема представлена статьей Фан Суан Нама.

Подчеркивая кардинальное изменение расстановки сил на мировой арене в пользу социализма, мира и демократии, происшедшее за шесть

⁶ Октябрьская революция и вьетнамская революция. Ханой, 1978.

⁷ Там же, с. 66.

десятилетий после победы Октябрьской революции в России, автор отмечает, что такому итогу шестидесятилетнего развития мира способствовал и вьетнамский народ своими победами в завоевании независимости (1945), в войнах против французских колонизаторов (1954) и американских империалистов и их марионеток (1975).

Как уже говорилось, значительная часть материалов, подготовленных учеными СРВ к годовщине Великого Октября, касалась актуальных проблем сегодняшнего Вьетнама. Показательна в этом смысле помещенная в сборнике статья Нгуен Хонг Фонга, где рассматривается одно из основных направлений нынешнего этапа строительства социализма во Вьетнаме — формирование нового человека. Анализ деятельности вьетнамских коммунистов в этой публикации предшествует знакомство с советским опытом воспитания строителей коммунизма.

Празднование юбилеев Страны Советов и КПВ способствовало более активному изучению истории партии, жизни и деятельности видных борцов за национальное и социальное освобождение вьетнамского народа. Первостепенное внимание уделяется исследованию биографии первого президента независимого Вьетнама Хо Ши Мина, 90-летие со дня рождения которого по решению партии широко отмечается в СРВ в 1980 г. Усилия ученых сосредоточиваются на сборе фактов о жизни и деятельности Хо Ши Мина, на тщательном изучении его работ. Чрезвычайно важной является ведущаяся согласно специальному постановлению ЦК КПВ работа по изданию полного собрания сочинений вождя вьетнамской революции. Много публикуется воспоминаний о Хо Ши Мине. Появившиеся в последние годы в научной периодике статьи освещают вклад Хо Ши Мина в распространение марксизма во Вьетнаме, в стратегию и тактику национально-освободительного движения, в историческую науку, педагогику и военное искусство Вьетнама.

В 1978 г. в первом номере журнала «Исторические исследования» напечатана статья Май Ким Тёу, посвященная 60-летию Великого Октября и 50-летию выхода в свет книги Хо Ши Мина «Путь революции». Этот сборник лекций, прочитанных Хо Ши Мином для вьетнамцев в школе Вампу в Китае в 1925—1927 гг., назван автором первым марксистским произведением о Великом Октябре на вьетнамском языке. обстоятельно рассмотрев ту часть работы, которая озаглавлена «История русской революции», Май Ким Тёу останавливается на заключении «Что дает русская революция вьетнамской?», где Хо Ши Мин касается вопросов целей и характера революции, руководящей роли партии и необходимости прочного союза рабочего класса и крестьянства. В книге «Путь революции» четко прослеживается понимание Хо Ши Мином положения о том, что в нынешнюю эпоху подлинная национальная независимость и социализм неразделимы. Он увидел те благоприятные условия, которые создала Октябрьская революция для освободительного движения вьетнамского народа⁸.

Своеобразным итогом развития историко-партийной науки, изучения проблем национально-освободительного движения во Вьетнаме и новейшей истории в целом является выход в свет книги «50 лет деятельности Коммунистической партии Вьетнама», подготовленной Комитетом по изучению истории партии при ЦК КПВ. Такое значительное, можно сказать, «этапное» произведение вьетнамской историографии, безусловно, нуждается в обстоятельном рассмотрении. В рамках данной статьи отметим лишь некоторые моменты.

Концептуально в работе видна преемственность с трудами, подготовленными в предыдущие годы: начиная с 1960 г. каждые пять лет изда-

⁸ См. Май Ким Тёу. Хо Ши Мин об Октябрьской революции в книге «Путь революции». — «Исторические исследования», 1978, № 1, с. 29—34.

⁹ 50 лет деятельности Коммунистической партии Вьетнама, Ханой, 1979.

валась книга, обобщающая историю партии. Вместе с тем «50 лет деятельности Коммунистической партии Вьетнама» обогащена новыми фактами, новыми идеями, более широк в ней круг рассматриваемых проблем. обстоятельная вводная часть раскрывает состояние вьетнамского национально-освободительного движения до образования коммунистической партии в 1930 г., из чего становится ясным тот перелом, который произошел во Вьетнаме 50 лет назад. Подробно показана узконационалистическая политика Пекина в отношении Вьетнама в 50—70-е годы. В книге нашла отражение героическая борьба вьетнамского народа против вооруженных вторжений полпотовцев на вьетнамо-кампучийской границе и пекинских гегемонистов на севере Вьетнама.

В книге получила освещение работа VI пленума ЦК КПВ (август 1979 г.)¹⁰, выдвинувшего важные политические и социально-экономические задачи.

Интерес представляет общий вывод работы — о том, чего добился Вьетнам благодаря Коммунистической партии. «За эти несколько десятилетий, — пишут вьетнамские историки, — наш народ ликвидировал господство французских колонизаторов, смел феодальный режим, стал хозяином страны, одержал победу в войнах против французских колонизаторов и американских империалистов, полностью освободил Южный Вьетнам; вся страна идет к социализму, в Северном Вьетнаме уничтожена эксплуатация человека человеком, установлена социалистическая собственность, сделаны первые шаги по созданию материально-технической базы социализма; Южный Вьетнам в основном закончил преобразование частно-капиталистического сектора в промышленности и торговле и теперь вступает на путь кооперации и коллективизации. Недавно мы успешно отразили две агрессии китайского экспансионизма и великодержавного гегемонизма на юго-западных и северных границах»¹¹.

Историки Вьетнама продолжают широко освещать освободительную борьбу вьетнамского народа и в более ранние периоды истории — против французских колонизаторов в конце XIX — начале XX в. и особенно против китайских феодалов, что является постоянной темой вьетнамской историографии. Усилиями вьетнамских ученых за годы народной власти создана картина героической борьбы вьетнамского народа против фактически не прекращавшейся на протяжении последних двух с половиной тысячелетий китайской экспансии на юг. Яркие победы вьетнамского народа над китайскими захватчиками позволили Вьетнаму сохранить свою национальную независимость, обрекли на провал попытки китайской ассимиляции вьетнамцев. Крупнейший коллективный труд ученых Вьетнама «История Вьетнама»¹² зафиксировал эти выводы. В нем, в частности, показано, что первые девять веков нашей эры, вошедшие в историю страны под названием «период северной зависимости», были насыщены многочисленными восстаниями вьетнамцев, нередко добивавшихся на какое-то время фактического восстановления независимости страны.

В связи с антивьетнамской кампанией пекинских лидеров, развязанной в 1978 г., агрессией Китая против СРВ в 1979 г. работы о боевых подвигах вьетнамского народа в прошлом стали особенно актуальными. История оказалась особенно созвучной современности. Например, важным событием крестьянской войны тэйшонов (1771—1802) является победа над китайскими феодалами вблизи Ханоя в 1789 г. Нынешние враги социалистического Вьетнама — пекинские гегемонисты — пытались вторгнуться по тем же маршрутам. Как известно, и они потерпели поражение. В материалах специального номера журнала «Исторические

¹⁰ См. там же, с. 296.

¹¹ 50 лет деятельности Коммунистической партии Вьетнама, с. 298.

¹² См. рецензию на эту книгу в журнале «Народы Азии и Африки», 1975, № 1.

исследования» о тэйшонах, вышедшего в конце 1978 г., внимание сосредоточено на отражении агрессии иноземных феодалов в конце XVIII в. Подчеркивая значение этих фактов для сегодняшнего Вьетнама, редактор журнала Ван Тао пишет, что героические дела тэйшонов придают сегодня вьетнамскому народу жизненные силы и уверенность в победе над любым врагом¹³.

Во многих публикациях 1978—1979 гг. анализируются истоки агрессивного курса Пекина против СРВ, доказываются неправомерность территориальных притязаний КНР, приводятся факты узконационалистического, прагматического подхода руководителей КПК к борьбе вьетнамского народа после второй мировой войны, что на практике приводило к предательству правого дела Вьетнама, к измене идеалам пролетарского интернационализма. В связи с попытками Пекина использовать в своих целях проживающих во Вьетнаме лиц китайской национальности появились публикации о положении хуацяо во Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии и об отношении к ним пекинских гегемонистов. Все это — часть развернувшейся в СРВ критики теории и практики пекинского руководства.

Обстоятельный анализ маоизма содержится в статье Нгуен Дык Биня «Реакционная сущность маоизма», опубликованной в теоретическом журнале ЦК КПВ. Автор вскрывает в ней социальные корни маоизма, показывает роль национальных традиций в его генезисе. Подробно рассматриваются такие теории, как «новая демократия», «продолжение революции при диктатуре пролетариата», «теория трех миров» и др. Нгуен Дык Бинь подчеркивает, что главной чертой маоизма является национализм, доведенный до шовинизма. Поэтому нельзя считать, что после смерти Мао Цзэдуна в КНР происходит демаоизация, ибо нынешнее руководство этой страны настроено еще более националистически. Вьетнамский автор полагает, что программа «четырех модернизаций» скорее, чем прежние маоистские доктрины, приведет Китай к капитализму¹⁴.

Нгуен Дык Бинь видит историческую обреченность маоизма в том, что он не отвечает потребностям общественного развития. Все прошлые эксперименты маоистов опрокидывала сама жизнь.

В условиях грубых нападков Китая на Вьетнам, постоянной напряженности на вьетнамо-китайской границе вьетнамский народ не прекращает своего созидательного труда, направленного на выполнение предначертаний IV съезда КПВ. Практика социалистического строительства определяет сегодня изучение историками СРВ социально-экономических проблем.

В 70-е годы активизировалось изучение рабочего класса и кооперативного крестьянства, их социального развития, участия в экономической и общественной жизни страны. Перед историками поставлена задача создать такие монументальные труды, как «История рабочего класса Вьетнама» и «Вьетнамское крестьянство на пути к социализму». Выполняя ее, ученые уже подготовили ряд интересных монографий.

Вышли три книги, комплексно рассматривающие вьетнамский рабочий класс в отдельные периоды истории. Первая из них — «Рабочий класс Северного Вьетнама в период восстановления, преобразования и развития экономики, развития культуры (1955—1960)» Ван Тао и Динь Тху Кука — вышла в 1974 г. В ней анализируется развитие рабочего класса в рассматриваемый период, его участие в политической жизни страны, в управлении производством. В книге показана деятельность партии и правительства по ликвидации безработицы, по повышению

¹³ См. «Исторические исследования», 1978, № 5, с. 108—111.

¹⁴ См. Нгуен Дык Бинь. Реакционная сущность маоизма. — «Коммунистический журнал», 1979, № 12, с. 45.

жизненного уровня трудящихся, освещены проблемы профсоюзного движения, патриотического соревнования трудящихся.

Вторая работа, опубликованная в 1978 г., принадлежит перу Као Ван Лыонга и называется «Рабочий класс Южного Вьетнама в войне Сопротивления против США за спасение родины (1954—1975)». Осветив в первой части книги социально-экономические проблемы, автор основной упор в ней сделал на истории рабочего движения в Южном Вьетнаме в период правления там марионеточного режима. На большом фактическом материале Као Ван Лыонг показывает масштабы рабочего движения на Юге, его сильные и слабые стороны, ищет причины последних, определяет роль и место выступлений южновьетнамского пролетариата в общенациональной борьбе против неокOLONиализма за воссоединение страны.

В третьей книге рассматриваются положение и борьба рабочего класса Вьетнама в годы, предшествовавшие образованию коммунистической партии в 1930 г.¹⁵

Важным вкладом в изучение аграрных проблем Вьетнама является издание материалов конференции о роли традиционной общины в истории Вьетнама¹⁶. Большинство выступивших ученых рассматривало конкретные вопросы, связанные с местом общины в жизни вьетнамского общества, ее организацией, хозяйственной и культурной жизнью. Обращение к этой теме связано с тем, что еще недавно община была господствующим элементом в обществе. Недаром авторы предисловия к этому двухтомнику пишут, что, не изучив общины, «мы не пойдем структуру вьетнамского общества в прошлом, культуру и цивилизацию Вьетнама, не пойдем историю Вьетнама»¹⁷.

Для вьетнамских ученых важно определить свое отношение к этому феномену, показать его значение для сегодняшнего социалистического строительства во Вьетнаме. Известно, что в современном афро-азиатском мире, где еще довольно сильны общинные традиции, многие политические деятели пытаются опереться на них при проведении прогрессивных преобразований, в частности при создании кооперативов. Считается, что важным подспорьем кооперативному движению являются присущие общине коллективистские начала, эгалитаризм. Материалы сборника «Вьетнамская деревня в истории» показывают, что в современном Вьетнаме преобладает научная оценка общины. Вьетнамские авторы отмечают, что внутри традиционной общины существовало неравенство¹⁸, что община — одна из причин медленного развития производительных сил во Вьетнаме¹⁹. Сохранившиеся в наше время общинные пережитки препятствуют эффективной деятельности кооперативов, поэтому будущее Вьетнама не в сохранении общины, а в отрицании ее на основе развития современных производительных сил, в использовании передовых форм организации общества и производства²⁰. В то же время вьетнамская историография далека от огульного отрицания всего традиционного. Например, отмечается большое значение общинной организации в сопротивлении экспансии китайских феодалов²¹.

Новым направлением в изучении социально-экономических проблем стало начавшееся в СРВ во второй половине 70-х годов исследование истории науки и техники. По мнению руководителей вьетнамской исторической науки, раскрытие этой темы будет способствовать успешному

¹⁵ См. Нго Ван Хоа, Зыонг Кинь Куок. Рабочий класс Вьетнама в годы, предшествовавшие созданию партии. Ханой, 1978.

¹⁶ См. Вьетнамская деревня в истории, т. 1—2, Ханой, 1977—1978.

¹⁷ Там же, т. 1, с. 9.

¹⁸ См. там же, т. 2, с. 469.

¹⁹ См. там же, т. 1, с. 13.

²⁰ См. там же, т. 2, с. 443, 502.

²¹ См. там же, т. 1, с. 11.

проведению научно-технической революции во Вьетнаме, мобилизует представителей интеллигенции на выполнение планов партии.

В 1979 г. увидел свет сборник статей «О науке и технике в истории Вьетнама», где рассмотрение указанной проблемы ведется по отдельным периодам (начало государственности, колониальный период, независимый Вьетнам) и по отраслям (сельское хозяйство, строительство, транспорт, медицина, математика). Разумеется, историки занимаются специальными естественнонаучными и техническими вопросами, их усилия сосредоточены на показе тесной связи достижений вьетнамцев в познании и преобразовании природы с общественными потребностями.

В области изучения надстроечных явлений интересной представляется работа одного из первых вьетнамских историков-марксистов Чан Ван Зяу. Каждый из трех томов его труда «Развитие идеологии во Вьетнаме с XIX в. до Августовской революции» освещает мировоззрение одного из наиболее крупных классов Вьетнама данного периода — феодалов, буржуазии, пролетариата. В первом томе (вышел в 1973 г.) рассматриваются религиозные учения, распространенные во Вьетнаме в доколониальный период, — конфуцианство, буддизм, христианство. Во втором томе (1975) анализируются различные формы вьетнамского буржуазного национализма, и в том числе такие сыгравшие заметную роль в политической борьбе в новейшее время, как каодаизм, «совершенствованный буддизм». Третий том (о пролетарском мировоззрении) готовится к выходу в свет.

Сравнительно часто публикуются в 70-е годы на страницах научной периодики статьи о буддизме и конфуцианстве. При этом особое внимание уделяется выявлению тех черт конфуцианства, которые сохранились в массовом сознании до наших дней (бюрократизм, презрительное отношение к физическому труду и др.) и мешают строительству социализма во Вьетнаме. Оценивая место буддизма и конфуцианства во вьетнамской истории, историки и философы СРВ считают, что народным массам Вьетнама всегда больше импонировал буддизм. В их глазах он противостоял конфуцианству, которое было принесено извечными врагами вьетнамского народа — китайскими феодалами и поэтому всегда носило антинациональный оттенок. Кроме того, буддийская монашеская община была ближе простому люду и по образу жизни²². В истории религий вьетнамские ученые обращают внимание еще на одну проблему — «вьетнамизацию» буддизма и конфуцианства, то есть приобретение ими специфических вьетнамских черт. Религиоведческие работы в СРВ касаются по преимуществу «практической», «народной» религии, а не канона, что объясняется тесной связью этих работ с задачами борьбы за утверждение атеистического сознания в массах.

Активизируется в последние годы изучение учеными СРВ истории зарубежных стран. Как и раньше, освещаются прежде всего проблемы стран Юго-Восточной Азии. На первом месте здесь стоят Лаос и Кампучия, вместе с народами которых вьетнамские коммунисты в течение многих лет боролись сначала против французских колонизаторов, потом против американских империалистов, а сейчас отражают нападки пекинских гегемонистов. IV съезд КПВ поставил задачу «развивать особые отношения между вьетнамским народом и народами Лаоса и Кампучии»²³. Поэтому история этих двух стран по-прежнему является предметом пристального внимания вьетнамской историографии. В 1978 г. выпущена подготовленная группой вьетнамских историков книга «Очерк истории Лаоса» — первый в социалистических странах труд на эту тему. В нем показано развитие лаосского общества от древности до исторических событий 2 декабря 1975 г., когда Конгресс народных представите-

²² См. «Вестник исторической науки», 1971, № 5, с. 108, 151.

²³ IV съезд Коммунистической партии Вьетнама, с. 130.

лей во Вьетнаме провозгласил образование Лаосской Народно-Демократической Республики, освещена героическая борьба лаосского народа против иноземных захватчиков. В том же 1978 г. силами вьетнамских и лаосских авторов был подготовлен сборник «История и культура Лаоса».

В ознаменование славной победы кампучийского народа — свержения кровавой клики Пол Пота и Иенг Сари и провозглашения Народной Республики Кампучии 7 января 1979 г. — вьетнамские историки выпустили в 1979 г. книгу «О героической земле Кампучии», где собраны основные факты борьбы кхмерского народа против колонизаторов, против американского империализма и его ставленников, против тирании «красных кхмеров».

Указанные выше труды — результат деятельности недавно созданного в Комитете общественных наук Вьетнама Отдела ЮВА. Кроме того, в 1978 г. Отдел ЮВА провел научную конференцию по проблемам Юго-Восточной Азии.

Вьетнамские историки считают также необходимым усилить внимание к проблемам всемирной истории, прежде всего ее новейшего периода. В Институте истории Вьетнама не так давно восстановлен Отдел всемирной истории. Его сотрудники исследуют сейчас такие темы, как «Борьба народов Азии, Африки и Латинской Америки против неокolonизма», «Путь к социализму, минуя капитализм (опыт Анголы, Мозамбика, Эфиопии)», «История кубинской революции».

Большинство же проблем всемирной и зарубежной истории освещается посредством переводов. В 70-е годы во Вьетнаме заметно улучшилось обеспечение обществоведов переводами, рефератами зарубежной научной литературы. Институт информации по общественным наукам выпускает специальный бюллетень по истории. Переводы теоретических работ публикует журнал «Исторические исследования». В настоящее время переводы делаются преимущественно с русского, английского и французского языков.

В 1978—1979 гг. значительную часть переводной литературы составили работы советских и других зарубежных авторов о Мао Цзэдуэ и маоизме, способствующие распространению в СРВ марксистской оценки новейшей истории Китая (например, «Особый район Китая» П. П. Владимирова, «Страницы политической биографии Мао Цзэдуэ» О. Е. Владимирова и В. Е. Рязанцева, «Китайские записки» О. Брауна).

Большое внимание в СРВ уделяется сейчас введению в оборот нового фактического материала, публикации на современном языке письменных памятников далекого прошлого, поискам и сохранению ценных образцов материальной культуры народов, населяющих Вьетнам. Среди наиболее важных публикаций последних лет отметим начавшееся издание полного собрания сочинений крупного историка и государственного деятеля Ле Куи Дона (1726—1784), а также надписей со стел, установленных в ханойских храмах. Специалисты по новой и новейшей истории с нетерпением ожидают выхода в свет полного собрания сочинений выдающегося вьетнамского революционера Фан Бой Тяу (1868—1940). Обращение к новым источникам дает положительные результаты. В качестве примера приведем серию статей Нгуен Дык Нгуня об аграрных проблемах периода правления тэйшонов, написанную на основе земельных реестров. Они расширяют наши представления о социально-экономическом строе Вьетнама конца XVIII в.²⁴

Важное место в современной исторической науке Вьетнама занимают критика и библиография. Кроме своевременного рецензирования новинок вьетнамской историографии, ознакомления вьетнамского читателя

²⁴ См. «Исторические исследования», 1974, № 157; 1975, № 161, 165; 1977, № 2, 4.

с успехами общественных наук в социалистических странах, ведется борьба с попытками буржуазной и маоистской историографий исказить прошлое Вьетнама в политических целях.

Историки СРВ разоблачают великоханьский шовинизм, оказавший решающее воздействие на формирование китайской концепции истории Вьетнама, для которой характерно отрицание самостоятельности вьетнамской истории, стремление провести мысль о том, что фактически на протяжении всего доколониального периода Вьетнам развился как часть Китая. Китайские историки защищают агрессивную политику китайских императоров У Ди и Цинь Шихуана, армии которых поработали Вьетнам, на том основании, что это увеличивало могущество Китая. Такой точки зрения придерживались Шан Юэ, Фан Вэньлань. Они пытались доказать, что Вьетнаму в экономическом и культурном отношении было выгодно находиться в составе Средней империи. Что касается периода новой и новейшей истории, то китайские авторы внушают мысль о том, что успехи национально-освободительного движения вьетнамского народа были обусловлены помощью Китая.

На страницах «Исторических исследований» с критикой взглядов маоистской историографии на историю Вьетнама выступил Ван Фонг. Он отверг тезис китайских авторов о том, что первое вьетнамское государство было создано китайцем Чжао То в III в. до н. э. Исследования вьетнамских историков двух последних десятилетий показывают, что государство у вьетов появилось на несколько веков раньше в силу внутренних причин. Стремясь доказать, что в течение долгого времени (III г. до н. э. — 939 г. н. э.) Вьетнам был частью Китая, маоистская историография игнорирует многочисленные антиханьские восстания, иногда на несколько лет прерывавшие зависимость Вьетнама от северного соседа.

Предвзятость мнений китайских авторов показывает Ван Фонг и на примерах последних ста лет истории. Китайские публикации умалчивают, например, о том, что отряды китайских повстанцев во главе с Лю Юньфу, известные под именем «Черные флаги», не только боролись в конце XIX в. с французскими колонизаторами в Северном Вьетнаме, но и грабили местное вьетнамское население. Ван Фонг возражает против того, чтобы рассматривать тесные вьетнамо-китайские революционные связи в XX в. как заслугу исключительно китайской стороны. В частности, он напоминает, что Хо Ши Мин в 1925 г. приехал в Китай по поручению Коминтерна для того, чтобы оказывать помощь не только вьетнамским, но и китайским революционерам. В статье Ван Фонга показано, как современные китайские авторы в своих напаках на Вьетнам бросают тень и на святое для каждого вьетнамца имя Хо Ши Мина. В одной из пекинских публикаций 1978 г. утверждалось, что Хо Ши Мин в 1942 г. отправился из партизанских районов Вьетнама в китайский город Чунцин для встречи с Чан Кайши, не понимая истинного характера гоминьдана. Ван Фонг пишет, что Хо Ши Мин намеревался установить связи с антияпонскими силами в Китае, чьим центром был Чунцин, там же тогда находились и представители КПК²⁵.

Ван Фонг подчеркивает опасность «картографической агрессии», которую КНР ведет на страницах своих учебников, для воспитания молодых китайцев, которых превращают в слепое оружие гегемонистов²⁶.

Обвинения китайских руководителей в том, что СРВ ответственна за нынешнее обострение вьетнамо-китайских отношений, что во Вьетнаме преследуют хуацяо, отверг на основе фактов другой крупный вьетнамский историк, Зыонг Минь²⁷.

Важное значение в борьбе за научное освещение истории Вьетнама имеет критика сайгонской историографии. В научных кругах СРВ ши-

²⁵ См. «Исторические исследования», 1978, № 5, с. 97—107.

²⁶ См. там же, 1979, № 1, с. 22—23.

²⁷ См. там же, 1978, № 5, с. 108—111.

роко обсуждалась книга «История гражданской войны во Вьетнаме в 1771—1802 гг.», получившая в свое время первую премию режима Тхьеу в области истории, литературы и искусства. Ее автор, Та Ти Дай Чыонг, предпринял попытку под видом объективного исследования рассмотреть восстание тэйшонов под углом зрения современных проблем. Как показали Нгуен Фан Куанг и Нгуен Дык Нгинь, в восхвалении Нгуен Аня (будущего императора Зя Лонга) и очернении вождей крестьянского восстания автор ничего не сказал нового по сравнению с такими известными буржуазными историками, как Чан Чонг Ким и Нгуен Фыонг. Идея же автора о том, что «историческая тенденция» ведет к перемещению с XVIII в. центра нации на юг, была заимствована из арсенала пропагандистской машины Нгуен Ван Тхьеу, пытавшегося выступить от имени всего вьетнамского народа²⁸.

Рассмотренные работы вьетнамских историков свидетельствуют о том, что, несмотря на сложную политическую обстановку во Вьетнаме, историческая наука в этой стране развивается, повышаются ее научность и боевитость. Расширение предмета исследования выражается как в углублении изучения традиционных, но не теряющих своей актуальности тем, так и в охвате новых важных проблем. Это объясняется и потребностями современного социально-политического развития СРВ, и внутренней логикой развития самой науки. Работы вьетнамских историков последних лет свидетельствуют и о возросшем уровне освоения марксистской теории, ее диалектической основы. Определенное значение здесь имело активное вступление КПВ в борьбу с маоизмом и другими враждебными марксизму течениями. Возросшее внимание к проблемам методологии — также важный фактор прогрессивного движения в этом направлении.

Вьетнамские историки играют сегодня важную роль в идеологической борьбе, которую ведет Коммунистическая партия Вьетнама. Они своевременно откликаются на события в стране и за рубежом.

Вступая в новое десятилетие, вьетнамская историография имеет за своими плечами довольно солидный опыт изучения национальной истории с позиций исторического материализма с особым упором на героическую борьбу вьетнамского народа за национальную независимость и социализм и на социально-экономические проблемы. Достижения прошлых лет — это один из факторов поступательного развития исторической науки Вьетнама в будущем.

Другими факторами являются, во-первых, сложившиеся, постоянно крепнущие и обогащающиеся связи с передовой марксистской историографией социалистического содружества. Особенно прочные отношения у вьетнамских историков с советскими коллегами. Об этом свидетельствует постоянный обмен делегациями специалистов, совместная разработка ряда тем. Ученые СРВ участвуют с докладами практически во всех международных конференциях историков, проводимых в социалистических странах.

Во-вторых, нужно отметить наличие крепкого ядра историков новой формации, сформировавшихся за годы народной власти. Многие из них учились в СССР, других братских социалистических странах. Большинство вьетнамцев — кандидатов исторических наук писали и защищали диссертации в Советском Союзе. Постепенно находят свое место в исторической науке СРВ те историки, которые начинали работать при старом марионеточном режиме. Народная власть учитывает стремление многих из них отдать свои знания на службу родине, ученые-коммунисты помогают им встать на позиции исторического материализма.

Все это позволяет исторической науке СРВ оставаться верным оружием КПВ в борьбе за социализм на вьетнамской земле.

²⁸ См. «Исторические исследования», 1976, № 2, 3.

БОРЦЫ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

К 80-летию со дня рождения Отто Брауна

А. С. Титов

В нынешнем году исполняется 80 лет со дня рождения Отто Брауна, ветерана немецкого и международного рабочего и коммунистического движения, пламенного коммуниста-интернационалиста, верного друга Советского Союза, активного участника героической борьбы китайского народа за национальное и социальное освобождение, борца против фашизма. Свыше пяти десятилетий он беззаветно служил революционному делу рабочего класса, боролся с оружием в руках на баррикадах Мюнхена и в далеком Китае, учился и работал в Советском Союзе. В веймаровской Германии он неоднократно попадал под арест и сидел в тюрьме, в чанкайшистском Китае был объявлен вне закона. Годами Отто Браун работал нелегально, и нередко ему приходилось менять фамилию и документы. Китайские коммунисты знали его как Ли Дэ и Хуа Фу. Но под каким бы именем он ни работал, его всегда отличали неутомимый революционный, боевой дух, стойкость и мужество, высокая дисциплина и самоотверженность, верность марксизму-ленинизму, пролетарскому интернационализму.

Отто Браун родился 28 сентября 1900 г. в предместье Мюнхена, Исманинге, в семье служащего. Отец его был бухгалтером, мать — учительницей. После смерти отца на руках матери осталось пятеро детей; в шестилетнем возрасте Отто был отдан на воспитание в католический сиротский приют, где окончил семилетнюю школу. Как лучший ученик, получивший стипендию, в 1913 г. он был зачислен в учительскую семинарию в Мюнхене. В 1917 г. отбывал так называемую «отечественную трудовую повинность» — работал чернорабочим и сельскохозяйственным рабочим. В 1918 г. О. Браун призвали на действительную военную службу и направили рядовым на австрийско-итальянский фронт. По окончании войны он вернулся в Мюнхен и вновь поступил в учительскую семинарию, которую окончил в 1919 г. и получил диплом, однако за свои прогрессивные и антирелигиозные взгляды был лишен права преподавания в школе.

Революционную деятельность О. Браун начал еще во время учебы в семинарии. В 1917 г. он примкнул к оппозиционной группе социал-демократической молодежи, а вернувшись из армии, вступил в Союз свободной социалистической молодежи — объединенную молодежную организацию независимых социал-демократов и союза «Спартак» — прообраз будущего германского комсомола. Вскоре он был избран членом Мюнхенского комитета Союза свободной социалистической молодежи и работал по организации молодежи средних школ.

В апреле 1919 г. Отто Браун вступил в союз «Спартак», который был преобразован в конце того же года в Коммунистическую партию Германии (КПГ). Молодой учитель из Исманинга скоро стал видным партийным работником. Он принимал активное участие в организации и защите Баварской советской республики (13 апреля — 1 мая 1919 г.), входил в состав Исполнительного комитета Баварской советской республики в качестве представителя «молодых учителей и семинаристов военного времени», организованных им в профсоюз. Во время вооруженной борьбы с контрреволюцией на баррикадах Мюнхена О. Браун возглавлял боевые отряды молодежи. После поражения Баварской советской республики ему удалось скрыться. Он перешел на нелегальное положение, но вскоре был арестован и просидел три месяца в следственной тюрьме. Однако ввиду того, что О. Браун сменил фамилию, властям не удалось предъявить ему сколько-нибудь значительных улик и он был освобожден.

Осенью 1919 г. Отто Браун, скрываясь от полицейских преследований, выехал из Баварии в Северную Германию. Там он жил в разных местах, главным образом в Гамбурге, работал чернорабочим, поваром, батраком и одновременно выполнял партийные поручения, в частности как агитатор гамбургского окружного комитета компартии. В 1920—1921 гг. Отто Браун был одним из наиболее активных членов гамбургской организации немецких коммунистов, руководимой Э. Тельманом.

В начале 1921 г. ЦК КПГ направил О. Брауна в отдел информации военно-политического аппарата ЦК, где он проработал два года до весны 1923 г. О. Браун принимал участие в боях немецкого пролетариата в Средней Германии в марте 1921 г. В конце 1921 г. его арестовали и в феврале 1922 г. приговорили к 9 месяцам лишения свободы, но он, просидев в тюрьме 5 месяцев, бежал. Летом 1923 г. О. Браун в течение трех месяцев учился в партийной школе, затем работал в Центральном бюро печати при ЦК партии, редактором партийной газеты в Южной Тюрингии. В начале 1924 г. после

известия членов окружного комитета партии Отто Браун был введен в состав подпольного окружного комитета КПГ земли Тюрингии в качестве второго секретаря по организационным вопросам. Весной 1924 г. он вновь был вызван в ЦК КПГ и работал по линии информации, а также выполнял особые поручения по борьбе с провокаторами и фашистскими организациями. Одновременно усиленно занимался изучением военно-политических вопросов, написал ряд статей для партийного журнала «Октябрь», в котором освещались вопросы марксистско-ленинской теории — о вооруженном восстании, руководящей роли партии в вооруженном восстании и др.

В 1924 г. Отто Браун познакомился с Ольгой Бенарио¹ и привлек ее к партийной работе. Осенью 1926 г. они были арестованы и заключены в печально известную Моабитскую тюрьму. Через три месяца Ольгу Бенарио освободили, а Отто Браун просидел в тюрьме до весны 1928 г. Там он начал изучать русский и английский языки. В апреле 1928 г. при помощи товарищей, в том числе и Ольги Бенарио, О. Браун совершил поразительный по дерзости побег из Моабитской тюрьмы², который произвел сенсацию не только в Берлине, но и во всей Германии.

Для поимки О. Брауна был мобилизован огромный полицейский аппарат Веймарской республики, который за короткое время арестовал не только в стране, но и даже за ее пределами десятки «Отто Браунов». За помощь в поимке Отто Брауна была объявлена награда в пять тысяч марок. Буржуазная печать развернула яростную кампанию клеветы. «Но рабочий класс, — писал впоследствии Отто Браун, — ни на секунду не поверил этим клеветническим выпадам. Все открыто ликовало. В этом дерзком акте рабочие видели возрождение революционных традиций прошлого. Он зарыл их боевым духом в восходившей в это время избирательной борьбе и прежде всего побудил их с возросшей энергией поднять голос в защиту политзаключенных. Всеобщее сочувствие и одобрение моего побега охватило также и мелкобуржуазные круги. Это сочувствие выросло еще больше, когда стало известно, что революеры моих освободителей были не заряжены и что сотня полицейских и агентов уголовной полиции капитулировала перед двумя незаряженными револьверами, то, что мне пришлось просидеть полтора года без суда, обратило всеобщее возмущение против гангстерской юстиции... Весь Берлин смеялся над одураченной полицией...»³.

После побега из тюрьмы Отто Браун и Ольга Бенарио около месяца скрывались в квартирах рабочих в Берлине. По решению ЦК КПГ они нелегально выехали из Германии в Советский Союз, где О. Браун жил под фамилией Вагнер, которая одно время была его партийной кличкой в Германии. О. Браун прибыл в Москву во время работы VI Конгресса Коминтерна и присутствовал на этом Конгрессе в качестве гостя. Первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян стало для несслеваемого немецкого коммуниста его второй родиной.

В Советском Союзе О. Браун изучал революционный опыт большевистской партии и военное дело. Для изучения военного опыта Рабоче-Крестьянской Красной Армии Советского Союза и военной теории он решил поступить на учебу в Военную академию имени Фрунзе, предварительно пройдя подготовку в Московской пролетарской дивизии от рядового красноармейца до командира роты. Весной 1929 г. он был принят в Военную академию имени Фрунзе и успешно окончил ее в 1932 г. Во время учебы в академии О. Браун преподавал военную тактику и смежные предметы в международной ленинской школе и на специальных курсах. По просьбе различных организаций он написал ряд брошюр и статей: для МОПР — «Моабит» (историю сенсационного побега из этой тюрьмы)⁴; для КИМа — «О Красной Армии и империалистической войне»; для организации Осоавиахима при военной академии — о тактике уличного боя; для Комакадемии — о Гамбургском восстании 1923 г.⁵

В 30-е годы внимание международного рабочего и коммунистического движения было приковано к Китаю, где шла гражданская война. Борьба китайского пролетариата и крестьянства за национальное и социальное освобождение была близка и дорога трудящимся и эксплуатируемым всего мира. Рабочий класс различных стран и его авангард — коммунистические и рабочие партии активно выступали в поддержку и защиту китайской революции, проводя массовые кампании против военных и политических мероприятий империалистических держав, против империалистической интервенции в Китае.

Боевой штаб международного рабочего и коммунистического движения — III Коммунистический Интернационал, основателем которого был Владимир Ильич Ленин, — стал вдохновителем и организатором защиты и оказания помощи китайской революции. В своих решениях он неоднократно подчеркивал, что одной из главных международных задач коммунистического движения является активная поддержка и защита китайской революции. История показала, что эта поддержка со стороны международного рабочего класса и коммунистического движения явилась одним из решающих

¹ О. Бенарио впоследствии была расстреляна фашистами в Германии.

² Подробно об этом см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 1, с. 141—148.

³ О. Браун. Моабит. — «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 1, с. 147—148.

⁴ О. Браун. Моабит. М., 1929, с. 31.

⁵ См. К. Вагнер. Поражение германского пролетариата в октябре 1923 г. — Исследования по истории вооруженных восстаний. М.—Л., 1931, с. 51—98.

условий успешной борьбы китайского пролетариата и крестьянства за свое национальное и социальное освобождение.

Отто Браун принадлежал к тем коммунистам, которые выполняли сложнейшие и труднейшие задания по оказанию интернациональной помощи своим братьям по классу. В 1932 г. по просьбе китайских коммунистов он был направлен в Китай Исполнительным Комитетом Коминтерна в качестве советника при ЦК КПК и командовании китайской Красной армии. В то время гоминьдановская реакция, возглавляемая Чан Кайши, пыталась с помощью империалистических держав ликвидировать завоевания китайской революции, организовав один за другим «карательные походы» против китайских советских районов — революционных опорных баз, против китайской рабоче-крестьянской Красной армии.

На протяжении семи с лишним лет, с 1932 по 1939 г., Отто Браун (в Китае он находился под псевдонимом Ли Дэ и Хуа Фу) выполнял свой революционный долг, отдавал китайским братьям по классу свой богатый революционный опыт, непосредственно участвуя в организации политической и военной борьбы против внутренней и империалистической реакции. Он прибыл в Шанхай, где находился боевой штаб Коммунистической партии Китая — ЦК КПК, когда Чан Кайши начал свой четвертый «карательный поход» против советских районов в Центральном и Южном Китае. О. Браун совместно с руководством КПК сразу же включился в разработку военно-оперативных мероприятий по отражению этого похода в Центральном советском районе в провинциях Цзянси и Западной Фуцзяни, что обеспечило успех китайской Красной армии в данном районе.

В начале 1933 г. руководство КПК переехало из Шанхая в столицу Центрального советского района город Жуйцзинь⁶, куда по его просьбе направили и О. Брауна. Он прибыл в Жуйцзинь осенью того же года, преодолев многочисленные гоминьдановские кордоны, скрываясь даже под настилом в лодке.

В Центральном советском районе Отто Браун принимал активное участие в разработке и осуществлении военно-оперативных операций китайской Красной армии, разделив по фронтам боевых действий. Невозможно переоценить его заслуги в повышении боеготовности китайской Красной армии и в подготовке квалифицированных командирских кадров. Он был инициатором и организатором первой военной академии китайской Красной армии в Жуйцзине. Налаживая учебный процесс в академии, О. Браун использовал не только свой опыт и опыт Военной академии имени Фрунзе, но и учебные пособия советской Красной армии, в частности по боевой подготовке и политической работе в войсках, которые были переведены на китайский язык. До этого в военных школах китайской Красной армии за неимением собственных учебников пользовались гоминьдановскими⁷.

Военная академия стала кузницей военно-политических кадров китайской Красной армии и распространителем военно-научных знаний, основанных на марксистско-ленинском методе и опыте Красной Армии Советского Союза. Отто Браун внес значительный вклад и в непосредственную разработку стратегии и тактики китайской Красной армии.

Характеризуя Ли Дэ (то есть Отто Брауна), американский журналист Эдгар Сноу писал: «Ли Дэ был, несомненно, исключительно талантливым военным тактиком и стратегом. Он отличился в рядах германской армии во время первой мировой войны, а позднее был командиром Красной Армии в России и учился в первой академии Красной Армии в Москве. Поскольку он был немцем, красные с вниманием прислушивались к его анализу стратегии и тактики, которые немецкие советники рекомендовали генералиссимусу Чан Кайши. Последующие события подтвердили правильность такого отношения. Когда нанкинские генералы нашли некоторые работы Ли Дэ, в которых он объяснял их тактику, они с удивлением признавали, что он в точности превосходил каждый этап их наступления»⁸.

Отто Браун первым высказал мысль о необходимости прорыва главными силами китайской Красной армии кольца окружения, в котором оказался Центральный советский район весной 1934 г. в результате пятого похода Чан Кайши. При непосредственном участии О. Брауна был разработан и успешно осуществлен этот прорыв. Однако под давлением превосходящих сил противника и в результате фракционной деятельности Мао Цзэдун и его группы этот прорыв не увенчался полным успехом, а вылился в северо-западный поход Красной армии.

Мао Цзэдун в своей нечистоплотной фракционной борьбе за власть в армии и партии в 1934—1935 гг., играя на настроениях ксенофобии, заразивших часть руководства КПК, использовал факт пребывания «чужеземца» Отто Брауна в качестве военного советника при ЦК КПК и командования китайской Красной армии. В «благодарность» за его огромную бескорыстную интернациональную помощь Мао Цзэдун еще в 1934 г. начал исподтишка клеветать на Отто Брауна, обвиняя его во всех неудачах Красной армии в Центральном советском районе во время пятого похода Чан Кайши, для того

⁶ См. О. Браун. Китайские записки (1932—1939). М., 1974, с. 38, 44—46.

⁷ См. А. С. Титов. Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК. 1935—1936 гг. М., 1979, с. 89.

⁸ Snow E. Red Star over China. New York, 1961, p. 419—420.

общи противопоставить его руководящим деятелям ЦК КПК и Реввоенсовета и переманить некоторых из них на свою сторону (Чжан Вэньтяня, Ван Цзясяна, Чжоу Эньлая и др.). Особенно он активизировал эту деятельность среди военных и политических работников китайской Красной армии после того, как армия оставила Центральный советский район осенью 1934 г. Открыто и с особым злопахательством Мао Цзэдун выступил против Отто Брауна на совещании Политбюро ЦК КПК в Цзуньи в январе 1935 г., обвинив против него самые нелепые обвинения.

Добившись своей цели на совещании в Цзуньи, Мао Цзэдун не стал, однако, возражать против дальнейшего использования Отто Брауна в качестве военного советника ЦК КПК и командования китайской Красной армии. Напротив, после совещания в Цзуньи О. Брауна использовали в этой должности еще более активно, чем раньше. Так продолжалось до 1937 г., то есть до того времени, когда был сформирован единый национальный фронт и установлено сотрудничество с гоминьданом. Затем О. Брауна использовали в качестве преподавателя в военной академии в Яньани и привлекали к разработке военных мероприятий по обороне Пограничного района Ганьсу — Ганьсу — Нинся.

В конце 1939 г. Отто Браун выехал из Яньани в Москву. Но и на этот раз Мао Цзэдун и его подручные не оставили его в покое. Они сфабриковали «дело», с тем чтобы скомпрометировать и дискредитировать Отто Брауна в глазах Коминтерна таким образом избавиться от очевидца их фракционной антипартийной деятельности ЦК КПК. Главными обвинителями по «делу» Отто Брауна выступали Чжоу Эньлай и младший брат Мао Цзэдуна — Мао Цзэминь. Однако им не удалось добиться своей цели⁹.

По возвращении в Москву Отто Браун первое время работал в издательстве «Иностранная литература». Сразу же после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз он все свои силы отдал делу борьбы советского народа против немецкого фашизма. Он работал политинструктором в лагерях для немецких военнопленных, занимаясь их перевоспитанием. Его обширные познания и убедительные, нерукоприкладные аргументы оказывали большое воздействие на немецких пленных офицеров и генералов. Многие бывшие немецкие военнопленные с благодарностью вспоминают Отто Брауна, который помог им в идеологическом «выздоровлении». Немецкие слушатели в Центральной советской антифашистской школе в Красногорске, недалеко от Москвы, хорошо знали и ценили своего высококвалифицированного преподавателя Отто Брауна¹⁰.

За заслуги в борьбе против немецкого фашизма во время Великой Отечественной войны Отто Браун в 1941—1945 гг. был награжден орденом Отечественной войны I степени.

После окончания войны О. Браун вновь стал работать в издательстве иностранной литературы и был одним из лучших переводчиков политической и художественной литературы. Он занимался переводами работ В. И. Ленина, перевел на немецкий язык многие произведения советской литературы: романы В. Ажаева «Далеко от Москвы», Семеушкина «Алитет уходит в горы», В. Кочетова «Журбины», Г. Николаева «Жатва» и др. Его переводы получили признание и у нас в стране, и в Германии. Отто Браун был принят в члены Союза советских писателей и избран в бюро секции переводов.

Почти через 30 лет после того, как Отто Браун был вынужден покинуть Германию, он вернулся на родину, в Германскую Демократическую Республику, и все свои силы отдал делу построения социализма в первом рабоче-крестьянском государстве на немецкой земле. Как научный сотрудник Института марксизма-ленинизма и Института общественных наук при ЦК СЕПГ, как военно-политический пропагандист он внес важный вклад в марксистско-ленинское воспитание молодого поколения, особенно в подготовку кадров в области общественных наук.

Велики заслуги Отто Брауна как ответственного редактора немецкого издания произведений В. И. Ленина. Он активно участвовал в пропаганде марксизма-ленинизма и написал ряд статей: «К изданию произведений В. И. Ленина на немецком языке», «Ленин и военная наука», «Предисловие и примечания к работе В. И. Ленина «Война и революция», «Военный ученый Фридрих Энгельс», «Энциклопедия социализма» и др. Благодаря солидному знанию произведений классиков марксизма-ленинизма, Отто Браун с политической проницательностью и умением анализировал крушение в мировом масштабе основ колониализма («Проблемы свободы и социализма»), кризис НАТО («Разрушение и кризис НАТО»), разоблачал идеологическую подготовку к войне СЕПГ¹¹.

С 1961 по 1963 г. О. Браун был первым секретарем Союза писателей ГДР. Он продолжал переводить на немецкий язык произведения советских авторов, писал рецензии, теоретические статьи по проблемам перевода иностранной литературы («Классический марксизм о вопросах перевода», «О теории и практике литературного перевода» и др.).

О. Браун был одним из пионеров в пропаганде произведений советских авторов в ГДР, способствовал приобщению к советской литературе народа первого на немецкой

⁹ См. О. Браун. Китайские записки, с. 350—351.

¹⁰ См.: J. Mauder. Otto Braun — Leidenschaftlicher Internationalist. — «Horizont», 1974, № 38, S. 28—29.

¹¹ In: O. Braun. Leidenschaftlicher Internationalist., S. 28—29.

земле рабоче-крестьянского государства. Работая в различных областях, он неутомимо вносил свой вклад в укрепление дружбы и братского сотрудничества между народами ГДР и Советского Союза¹².

С 1964 г. научная и публицистическая деятельность О. Брауна была сосредоточена на борьбе против чуждой марксизму-ленинизму сущности маоизма. 27 мая 1964 г. в органе ЦК СЕПГ газете «Нойес Дойчланд» была опубликована его статья «От чьего имени говорит Мао Цзэдун». В ней О. Браун писал: «В 30-е годы я был в Китае и сам пережил значительную часть антиимпериалистической и национально-освободительной борьбы. Тогда я был приглашен ЦК КПК для работы в качестве военного советника; я принимал участие в деятельности Реввоенсовета китайской Красной армии. Кроме того, я принимал участие в боях на юге Китая, участвовал в легендарном Великом походе и преподавал в военной академии в Яньани... В годы национально-освободительной борьбы я поддерживал в основном правильную политику руководства КПК. Не щадя своей жизни, я совместно с китайскими коммунистами боролся за создание общественных предпосылок социализма в Китае¹³. Сегодня ради этих идеалов я выступаю против политики китайского руководства. Я спрашиваю: кто дал право Мао Цзэдуну и другим китайским руководителям смести с стола решения VIII съезда КПК и поступать так, как будто этих решений и не было. Кто дал полномочия руководителям КПК поставить себя выше партии и народа? Почему они «заменяли учение Маркса, Энгельса, Ленина мелкобуржуазной националистической идеологией, чуждой марксизму-ленинизму и отрицают опыт, накопленный другими странами при социалистическом строительстве?» Эти слова Отто Брауна актуальны сегодня.

В 1969 г. О. Браун опубликовал в еженедельнике «Хоризонт» серию своих статей «От Шанхая до Яньани», а в 1973 г. — книгу «Китайские записки (1932—1939 гг.)» которая сейчас переведена на многие языки. Книга «Китайские записки» О. Брауна представляет особый интерес в научном и политическом отношении. Это в определенном смысле уникальная книга — она воссоздает яркую и живую картину событий тех дней и героической борьбы китайских коммунистов. В книге содержится много малоизвестных и вообще неизвестных данных о наиболее важных исторических событиях того периода. Размышления над фактами, свидетелем которых автору пришлось быть, отличаются пронизательностью и глубиной. Правдиво излагая исторические события и факты в их динамике и противоречивости, Отто Браун тем самым восстанавливает многие страницы подлинной истории Коммунистической партии Китая, китайского революционного движения в тот исторический период и аргументированно разоблачает маоистских фальсификаторов, которые, как известно, извратили историю КПК и китайского революционного движения в угоду Мао Цзэдуну.

Как пламенный коммунист-интернационалист О. Браун с большим уважением пишет о китайских коммунистах, о героической китайской Красной армии, о китайском народе и совместной борьбе с ними за новый и свободный Китай. С возмущением и горечью он отзывался о фальшивой и авантюристической антипартийной деятельности Мао Цзэдуну и его группы, узурпировавших руководство КПК.

Несмотря на то что Мао Цзэдун и его группа открыто предали идеалы и дело, за которые Отто Браун, не щадя своей жизни, боролся вместе с китайскими коммунистами в 30-е годы, он верил, что в конечном итоге эти идеалы восторжествуют в Китае. И никакие попытки маоистских фальсификаторов извратить заслуги О. Брауна в героической революционной борьбе китайских коммунистов и китайского народа не сотрут память о нем среди китайского народа.

За огромные заслуги в революционной борьбе за дело рабочего класса Отто Браун был награжден в ГДР орденом Карла Маркса и другими высшими наградами. Ему была присуждена Государственная премия.

В одном из своих писем товарищам О. Браун писал: «Всю жизнь я прожил в партии и с партией и хотел бы делать это до конца». Этому принципу он остался верен до последнего дыхания. Отто Браун умер 15 августа 1974 г.

До конца своей жизни О. Браун оставался искренним и верным другом Советского Союза и советского народа, пламенным коммунистом-интернационалистом. Нездолго до смерти в своей книге «Китайские записки» он писал: «Хотелось бы особо подчеркнуть, что отношение к Советскому Союзу, по моему глубокому убеждению, было и остается мерилom подлинной революционности каждого коммуниста, какой бы национальности он ни принадлежал и в каких бы обстоятельствах находился»¹⁴.

¹² Ibid.

¹³ Тогда Отто Брауну не могла, конечно, прийти в голову мысль, что через несколько десятилетий Мао Цзэдун и его наследники переметнутся в империалистический лагерь, на ту сторону баррикад, против которой он вместе с китайскими коммунистами сражался в 30-е годы, будут блокироваться с самыми реакционными силами в том числе с лидером ХДС в ФРГ Штраусом, как это делал гоминьдановский режим Чан Кайши, используя немецких военных советников во главе с профашистом Ф. Зеектом (Фон Сектом), чтобы потопить в крови революционное и национально-освободительное движение в Китае.

¹⁴ О. Браун. Китайские записки, с. 352.

Нгуен Чай — национальный герой

и поэт Вьетнама

Н. И. Никулин,
доктор филологических наук

В суровую военную пору, когда вьетнамский народ вынужден был отражать агрессию пекинских гегемонистов, Центральный комитет Коммунистической партии Вьетнама 4 марта 1979 г. в «Воззвании» к соотечественникам и бойцам напомнил о славных боевых традициях борьбы Вьетнама против посягательств великоханьского императорского Китая: «Повсюду на нашей родной земле врагу грозят Тиланг и Лонгдо, на наших реках и море везде его ждет Батьданг и Хамты»¹. Здесь названы места, памятные в истории Вьетнама убедительными победами над захватчиками, явившимися с севера. И первой упомянута застава Тиланг, расположенная в горной долине с болотами и рекой. «Тиланг — это как бы огромная западня, куда загоняют врага и уничтожают его»², — отмечал вьетнамский историк Нгуен Лыонг Бикь. Не раз в истории Вьетнама Тиланг становился могилой завоевателей: в конце X в., в конце XIII в. — в частности в 1427 г., когда, по словам Нгуен Чаю (1380—1442), одного из полководцев, руководивших тогда вьетнамскими войсками, враг «попался на хитрость» и был раздавлен, «будто яйцо, горой Тайшань».

В те же грозные мартовские дни 1979 г., когда пограничные с Китаем районы Вьетнама пылали в огне, а китайские захватчики разрушали вьетнамские города и деревни, секретариат Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама счел необходимым принять специальное постановление об организации и проведении в 1980 г. празднования 600-летия со дня рождения Нгуен Чаю. «Мы готовимся отметить юбилей Нгуен Чаю в момент, когда правящие круги Пекина, идя по следам древних династий феодального Китая и нынешних империалистических захватчиков, завязали агрессивную войну против нашей страны»³, — подчеркивалось в постановлении.

Стремление опереться на лучшие традиции своего народа и все прогрессивное, что есть в его культурном наследии, на опыт и достижения культуры страны Советов, братских социалистических стран всегда было органически свойственной вьетнамским коммунистам принципиальной чертой. В долгие годы тяжелых военных испытаний, когда нависала угроза над самим национальным существованием вьетнамского народа, для него стали особенно характерны подъем патриотических чувств, бережное отношение к своей национальной культуре. Во Вьетнаме не могли иметь никакого успеха надрывные призывы вдохновителей и последователей маоистской «культурной революции». Видный вьетнамский поэт, прозаик, литературовед Хоанг Чунг Тхонг, перечисляя национальных героев Вьетнама, прославившихся в различные исторические эпохи своей борьбой с китайскими феодалами-захватчиками и одновременно представляющих гордость вьетнамской классической литературы, писал в дни отражения недавней китайской агрессии в статье «Мы преподали им хороший урок»: «На протяжении истории нашей страны не было таких вьетнамцев, которые бы не знали стихотворения Ли Тхыонг Кыета «Властителям Юга навеки владеть...», его «Откровенного обращения», «Воззвания к воссоздателям» Чан Куок Туана, «Великого воззвания по случаю умиротворения китайцев» Нгуен Чаю. История нашего народа в течение нескольких тысячелетий была историей борьбы против китайских эксплуататоров»⁴.

В годы подъема широкого освободительного движения вьетнамского народа в первой трети XV в. Нгуен Чай проявил себя как выдающийся стратег и государственный деятель, вместе с Ле Лоем руководивший восстанием против захватчиков, разрабатывавший и осуществлявший планы изгнания их из страны, как заботливый дипломат, умело убеждавший врага покинуть окруженные крепости без кровопролития. «Слово его сильнее стотысячного войска», — скажут о нем впоследствии.

¹ «Тапн ванхок», 1979, № 2, с. 3.

² Нгуен Лыонг Бикь. Нгуен Чай сражается во имя спасения родины. Ханой, 1973, с. 417 (на вьетнам. яз.).

³ «Тапн ванхок», 1979, № 3, с. 2.

⁴ Там же, № 2, с. 5.

Взлет народного самосознания порождал творческую многогранность: Нгуен Чай был и первым великим поэтом, писавшим на живом языке, и в этом смысле — родоначальником поэзии на вьетнамском языке (как известно, вьетнамская литература вплоть до начала XIX в. развивалась как на разговорном языке, так и на письменном — ханване, вьетнамизированном варианте вэньяня). Сохранились произведения Нгуен Чая, написанные на ханване; отточенные стихи, воззвания, указы, интересное эпистолярное наследие — выдающийся публицист своего времени, он вел от имени Ле Лоя переписку с китайскими военачальниками. Нгуен Чай известен также как хронист и географ, автор «Описания земель державы». «Нгуен Чай — это воля и дух нашей армии, олицетворение всего лучшего, что есть в нашем народе, — писал премьер-министр правительства ДРВ Фам Ван Донг. — Деяния Нгуен Чая, творения Нгуен Чая — это песня любви к родине, это наша национальная гордость»⁵. Нгуен Чай получил признание и далеко за рубежами Вьетнама: его 600-летний юбилей отмечается по решению ЮНЕСКО во всемирном масштабе.

На долю Нгуен Чая выпало жить и действовать в переломный период развития вьетнамского феодального общества, быть в центре событий своего времени и оказывать на них немалое влияние.

С 1371 г. правительство государства Дайвьет (Вьетнам) возглавил реформатор Хо Куй Ли, который повел энергичную борьбу с крупными феодалами, опираясь на бюрократию и мелких землевладельцев⁶. В 1400 г. он захватил трон, устранив правящую ранее династию Чан, которая вела страну к катастрофе. «В прежние времена правители династии Чан, уповая на свое могущество и богатство, были равнодушны к страданиям народа, — писал впоследствии Нгуен Чай, — они с головой уходили в развлечения, погрязали в пьянстве и разврате. Каждодневно устраивались никчемные забавы — игры в шахматы, карты, петушьи бои, освобождение на волю птиц...»⁷ Среди главных реформ Хо Куй Ли было ограничение крупных земельных владений и ликвидация домашнего рабства. Он начал активно готовиться к отражению нашествия китайских полчищ. С деятельностью Хо Куй Ли была связана и судьба самого Нгуен Чая и его отца.

Нгуен Чай родился от необычного брака: его отец Нгуен Фи Кхань был талантливым выходцем из безвестного рода, а его мать Чан Тхи Тхай принадлежала к царствовавшей фамилии («нефритовый листок с золотой ветки», — говорили во Вьетнаме о таких, как она). Неравный брак, особенно в условиях тогдашнего конфликта между двумя группировками феодалов, скандализовал аристократические верхи, но только не отца красавицы, вельможу Чан Нгуен Дана, мудрого государственного мужа и отличного поэта, выразившего в своих стихах сочувствие простому люду. Будущий поэт длительное время жил и воспитывался у деда, удалившегося в 1385 г. от двора.

Хо Куй Ли, придя к власти, чтобы укрепить ее базу, немедленно провел курсы экзамены. Нгуен Чай стал одним из лауреатов этого конкурса, он и его отец занимали при дворе высокие должности. Тем временем крупные феодалы, лишившиеся своих привилегий и бежавшие в Китай, способствовали ускорению вторжения во Вьетнам с севера. Они, по словам историка, готовы были вести в поводу жоней китайских военачальников, только бы вернуть утраченное положение. Впрочем, и сами китайские императоры династии Мин со времени своего воцарения на престоле в 1368 г. не оставляли намерения превратить Вьетнам в китайскую провинцию, они вынашивали широкие экспансионистские планы также и в отношении других государств Юго-Восточной Азии.

В конце 1406 г. несметная китайская армия вторглась в пределы Вьетнама, и через полгода сопротивление вьетнамских войск было сломлено. Хо Куй Ли и его сподвижники, в том числе Нгуен Фи Кхань, были схвачены и отправлены в Китай. Известно, что Нгуен Фи Кхань завещал сыну «смыть позор родной страны, отомстить за отца». Это завещание стало для Нгуен Чая великой жизненной программой.

Между тем китайские правители и их приспешники приступили к осуществлению далеко идущих планов выкачивания богатств из страны и ассимиляции вьетнамского населения. Государство Дайвьет было ликвидировано, на его территории создавались округа и уезды Срединной империи. С целью ассимиляции вьетнамцев по повелению императора Чэн-цзу династии Мин упорно, в больших масштабах проводилось уничтожение письменных памятников вьетнамской культуры. Указ Чэн-цзу гласил: «Когда войска войдут в страну, не следует уничтожать лишь буддийские и даосские молитвенники и книги; все же остальные книги и рукописи, надписи, вплоть до книг с записями простонародных песен и учебников для малых детей... если есть на листе хоть один иероглиф, все сжигайте. Воздвигнутые в стране стелы Срединной империи тщательно оберегайте, а стелы, поставленные Аппамом (Вьетнамом. — Н. Н.), уничтожайте, не оставляйте ни единого иероглифа»⁸.

⁵ «Демократическая Республика Вьетнам», 1962, № 12, с. 1.

⁶ См. Д. В. Деопик. Вьетнам в период развитых феодальных отношений (XI—XV века). — «История стран Азии и Африки в средние века». М., 1968, с. 203—204.

⁷ Нгуен Чай. Послания, писанные в войске. Ханой, 1961, с. 81 (на вьетнам. яз.).

⁸ Цит. по: «Тапти ванхок», 1972, № 4, с. 133.

Нетрудно себе представить результаты ревностного выполнения этих варварских приказов «проспешенного» монарха. Вьетнамский историк Нго Ши Лиен писал в 1479 г.: «На дорогах полным полно было воинов с копьями и секирами. Кто же это, как себе свирепый супостат из державы Мин. Книжки всей страны нашей превратились в джучу пепла»⁹.

Все эти бесчинства захватчиков болью отзывались в сердце Нгуен Чаю, которого, как полагают вьетнамские историки, китайские власти держали ряд лет в заключении и под надзором. Как считают многие вьетнамские исследователи, китайские завоеватели намеревались привлечь на свою сторону такого высокообразованного и талантливого человека, каким был Нгуен Чай. На этом фактологическом основании построены, в частности, некоторые коллизии пьесы «Нгуен Чай в Донг-куане» известного современного вьетнамского писателя и драматурга Нгуен Динь Тхи. Пойти по пути предательства Нгуен Чай, разумеется, не мог, хотя такие преемники он, несомненно, видел вокруг себя. Предатели вызвали ненависть и гнев. В народе тогда говорили: «Хочешь жить — уходи в горы, хочешь сдохнуть — ступай служить династии Мин».

В эти горькие годы зрела решимость Нгуен Чаю и шли поиски путей избавления от поработителей. В стихах того времени он говорит о своей бедности («бедность все кости мои проела»), рисует свой более чем скромный быт, хотя за конкретной картиной неявно просвечивает второй смысл — горестные раздумья:

В углу южной крепости — убогая хижина.
Вдоволь воды, да рису мало.
Слуга ушел от меня — никто его не удерживал,
А стадо тощих коней пастуха лишилось.
Кто в малой луже разводить рыбу станет?
Кто, уважая гостя, держать пеструю собаку станет?
Не государев я чиновник и не отшельник.
В углу южной крепости — убогая хижина¹⁰.

Этим стихотворением открывается «Сборник стихов на родном языке» Нгуен Чаю, самый ранний выдающийся памятник поэзии, написанный по-вьетнамски. В других стихах Нгуен Чаю этого времени много говорится о горечи печальных дум до зари («ночь напролет слушаю — капает дождь»), дум «о реках и горах» (символ родной земли), о старой родной деревне...

В тот период (1407—1416) там и здесь вспыхивали выступления против китайского ига, наиболее значительными из них были восстания под эгидой отпрысков бывшей династии Чан. Однако Нгуен Чай не присоединился к ним, понимая, по-видимому, их обреченность. Хо Куй Ли в свое время имел многотысячную, хорошо вооруженную армию, «подготовил линию укреплений протяженностью более 700 километров (около 400 км) с такими могучими крепостями, как Донгдо, Дабанг, с системой препятствий, с колючими, вбитыми в дно реки, железными сетями, перегораживавшими реки и море. И все это рухнуло через полгода войны. Нгуен Чай много размышлял о поражении династии Хо»¹¹, — не без основания пишет современный вьетнамский историк Фан Хю Ле.

Размышления Нгуен Чаю приводили его к выяснению глубинных причин поражения:

Одна за другой ограды железного дерева запирают реки и море.
Не к чему все железные сети!
Ладью коль опрокинет, так узнаешь:
Народ могуч, как водная стихия¹².

Это не была та боязнь мощи народа, которую выказал китайский император династии Тан (у него Нгуен Чай заимствовал формулу о ладье и народе), напуганный восстаниями и видевший в простом люде только силу, с которой следует сообразовываться и которую надлежит уметь использовать. «Танские императоры узрели силу народа в самом начале становления нового государства, — отмечает Л. З. Эйдлин. — Император Тай-цзун, сын основателя династии, мог с полным правом предостеречь своего наследника: «Лодку сравню с правителем народа, реку сравню с простым народом: река способна нести на себе лодку, способна и перевернуть лодку»¹³. Для Нгуен Чаю такой подход был неприемлем. Не ограничивался он и простым сочувствием народным страданиям, которые глубоко волновали его. Знаменательно постоянное внимание Нгуен Чаю к жизни и нуждам простого народа, составляющее важнейший компонент, сущность его мирозерцания, обле-

⁹ Нго Ши Лиен. Полный свод исторических записей Великого Вьета, т. 1. Ханой, 1967, с. 20 (на вьетнам. яз.).

¹⁰ Нгуен Чай. Сборник стихов на родном языке. Ханой, 1956, с. 25—26 (на вьетнам. яз.).

¹¹ «Дай доанкет», 1980, № 13, с. 8.

¹² Нгуен Чай. Стихи на ханване. Ханой, 1962, с. 30 (на вьетнам. яз.).

¹³ Л. З. Эйдлин. Танская поэзия. Очерк. — «Литература народов Востока». М., 1970, с. 130.

кавшегося обычно в конфуцианские понятия справедливости (игна, кит. и), человечности (нян, кит. жэнь). В письме к китайскому военачальнику («говорим тебе, злой тать Фан Чжэн») Нгуен Чай обличал лицемерие пришлых завоевателей, заявлявших, что они явились во Вьетнам якобы ради восстановления справедливости и наказания виновных: «...На самом же деле вы творите бесчинства, захватили нашу страну, угнетаете наш народ, мучаете его поборами, грабите, народ гибнет, в селениях нет спокойствия. И это называется человечностью и справедливостью»¹⁴.

В 1428 г. в «Великом воззвании по случаю умиротворения китайцев» Нгуен Чай особо остановился на бедствиях и страданиях, которые терпел народ в годы хозяйничанья иноземных поработителей. Об этом сказано образно, ярко, взволнованно и вместе с тем конкретно, точно перечислен страшный ущерб, нанесенный врагом стране и прежде всего простому люду: «Жгли черный люд на страшном огне, зарывали в подполье бедствий. Лгали небу, обманывали народ десятую тысячами тысяч уловок, войну несли и неправедность сеяли двадцать лет. Человечность в небе и на земле уничтожали, от тяжких поборов в горах и водах опустело. Опускаться заставляли на морское дно — жемчужины доставать: ужасные там акулы, морские драконы. Других уводили в горы копать — золото добывать, страшны там дремучие джунгли, ядовитые змеи. Грабили, заставляли везде ставить силки — зимородков ловить. Повинностями народ обложили, повсюду западни принудили расставить — ловить черных козюль. Букашкам, деревьям, травам и то вред причиняли. Один [враг] раскрыл пасть, другой зубы оскалил, сыты уж кровью и плотью, но все им мало. Гнали возводить хоромы сегодня, завтра — насыпать вал: рук и ног не хватало, чтобы справиться повинность. Тяжела судьба рабочих людей, затих шум ткацких станков». Затем следует торжественно величавое заключение, в котором звучит боль и горечь: «Если вырубить все рощи бамбука в Южных горах, сделать кисти, не хватит того бамбука, чтобы описать содеянные злодеяния; вод Восточного моря не хватит, чтоб смыть их подлую грязь»¹⁵.

Вьетнамские исследователи с полным основанием считают, что Нгуен Чай стоял во главе той тенденции в общественной мысли Вьетнама первой половины XV в., которая наряду с патриотической устремленностью характеризовалась обостренным вниманием к жизни народа. Эти мыслители разрабатывали и социально-утопические идеи конфуцианства. Так, Нгуен Чык (1417—1474), ученик Нгуен Чаея, в произведении жанра фу (ритмизованной и рифмованной прозы) — «Фу об Обители весны» — рисует картину некоего утопического края, где царит всеобщее благоденствие, где люди

Серебра и золота не касаются, денежных трат не ведают.

Верны правилам, верны долгу, помогают друг другу разумно.(...)

Народ там в покое и радости пребывает,

Добра там в изобилии, веселятся люди, гуляют,

Землю пашут, колодцы роют, теплую одежду имеют, в сытости живут¹⁶.

В своих поисках путей освобождения страны Нгуен Чай исходил из понимания жизненных интересов народа, его важной роли в борьбе за вызволение из-под иноземного ига. Есть основания полагать, что в 1416 г. Нгуен Чай встретился с Ле Лоем, владельцем феодалом из Ламшона, собиравшим силы для схватки с врагом, и присутствовал на церемонии присяги восемнадцати руководителей восстания¹⁷. Нгуен Чай передал Ле Лою свой план действия — «Замыслы по умиротворению китайцев». Нгуен Чай призывал прежде всего покорять не крепости, а сердца¹⁸, то есть завоевывать широкую поддержку, он осуждал правителей, которые «только собственную пользу соблюдают, всем домом жиреют, а не думают о страданиях люда, о вреде [наносимом] государству». В «Замыслах» тщательно взвешивались все последствия предпринимавшихся шагов. «Размышляли о временах нынешних, обдумывали [возможности] процветания и падения», — напишет впоследствии Нгуен Чай. Согласно недавним разысканиям ученых, чтобы выяснить внутреннюю ситуацию в Китае, Нгуен Чай совершил туда морское путешествие и оставил о нем стихи («Печали отринув, в ладе стою»).

Легенда гласит: желая убедить людей в том, что Ле Лой и он встали во главе восстания по предопределению небес, Нгуен Чай повелел намазать жиром опавшие листья и кору деревьев в лесу. Когда же муравьи объели жир, то на листьях и коре обозначились иероглифы: «Государь Ле Лой, сподвижник его Нгуен Чай».

Тактика партизанских налетов, засад, укрепления баз в горных районах приносила свои плоды: силы повстанцев росли. В 1425 г. они впервые спустились с гор на равнину и овладели крепостью Нгеан, при этом, как и всегда в дальнейшем, Нгуен Чай обратился к китайцам с предложением о мирной сдаче окруженной твердыни. Письмо, написанное Нгуен Чаем от имени Ле Лоя китайскому военачальнику

¹⁴ Нгуен Чай. Послания, писанные в войске, с. 22.

¹⁵ Нгуен Чай. Полное собрание сочинений. Ханой, 1976, с. 77—78 (на вьетнам. яз.).

¹⁶ Цит. по: «Тапти ванхок», 1967, № 9, с. 70.

¹⁷ См. «Дай доанкет», 1980, № 14, с. 9.

¹⁸ См. Чан Хюи Льеу. Нгуен Чай — великий человек в истории вьетнамского народа. Ханой, 1962, с. 28.

Эти Чжэну, звучало как гордый и вместе с тем сдобренный юмором манифест вставшего народа: «Нескогда ты, презренный, написал Нам, будто бы мы хоронимся в горных чащобах, как робкая мышь, и не смеем выйти сразиться с тобой на равнине. Вот, смотри, Мы пришли сюда с войском: за крепостными валами Нгеана (Умиротворенного правления) всюду удобное поле для битвы. Что здесь, по-твоему, — горные чащи? Или равнина? Отчего затворился ты в крепких стенах, словно старая баба? Бонмся Мы, так или этак, а придется тебе с подручником вырядиться на позорище в бабий нагрудник и повязаться платком».

Ле Лою и Нгуен Чаю сдавались одна вражеская крепость за другой, и везде Нгуен Чай проводил свою тактику «покорять сердца до того, как в ход пойдут копыта пики». Измотанные войной китайские воины и военачальники нередко почитали за благо кончить дело миром. Вожди повстанцев давали им коней и суда для того, чтобы они поскорей убирались восвояси. Нгуен Чай вел широкую пропаганду среди вьетнамцев, переметнувшихся на сторону китайских властей: «Древние говорили: «Ворон, куда бы ни летел, возвращается на старое место; лис перед смертью поворачивается мордой к горам». Если дикая тварь постоянна, каков должен быть человек?» И многие прислушивались к этим призывам: «А вы, если в ваших силах переменить и очистить от скверны душу, отриньте измену, примкните к правому делу. Вредите врагу изнутри, сдавайтесь Нам в плен...»¹⁹

В упорных сражениях 1427 г. от знаменитого Тиланга до Сыонгзианга выявился полное торжество стратегии и тактики, выработанных Нгуен Чаем. Одержанная победа не только вернула независимость Вьетнаму, она «поставила заслон китайской экспансии в Юго-Восточной Азии». Ведь именно в это время семь раз предпринимались рейды китайской армады в страны Юго-Восточной Азии, дабы, по выражению «Истории династии Мин», «продемонстрировать другим свои войска и могущество Срединной империи», а также побудить те страны подчиниться и стать «даниками Поднебесной»²⁰.

После победы Ле Лою и Нгуен Чай приложили немалые усилия, чтобы «обе страны отдохнули от ратных дел». Нгуен Чай деятельно помогает Ле Лою, ставшему государем, действуя в согласии со своим пониманием конфуцианских предостережений о справедливом правлении («Уничтожим злобу, отринем алчность, отвергнем насилие... Есть еще человечность, есть разум, есть мужество!»).

Но в этот период судьба Нгуен Чаю оказалась сложной, он пережил взлеты и падения, познал черную неблагодарность, увидел низкую клевету, жертвой которой он в конце концов пал, будучи казнен по ложному обвинению в цареубийстве.

В «Сборнике стихов на родном языке» мы слышим иной раз сетования и прозрачные аллегории, в частности в цикле «О себе»:

Феникс грустит о небесном просторе,

а коршун все кружит и кружит.

Цветы засыхают и блекнут от горя,

а сорные травы растут, зеленеют²¹.

Изысканная пейзажная лирика Нгуен Чаю выражала его сокровенные думы о душевной чистоте и верности высоким идеалам. В стихотворении «Бамбук» он писал, что традиции сравнивая правдивость с прямизной бамбукового ствола:

Ива молодая расцвела.

Иве прямота твоя мила.

О тебе повсюду говорят:

Мужу совершенному хвала!²²

(Перевод В. Микушевича)

Таким честным, прямым, мужественным и мудрым был и сам Нгуен Чай — поэт, патриот, мыслитель и ученый, полководец и дипломат, гордость вьетнамского народа.

¹⁹ Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975, с. 397—398.

²⁰ «Дай доанкет», 1980, № 14, с. 9.

²¹ Нгуен Чай. Сборник стихов на родном языке. с. 112.

²² Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977, с. 521.

Проблемы китайской драмы

Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР

Искусству драмы искони принадлежало важнейшее место в народной сокровищнице китайского исторического наследия. Драматургия Китая, характеризующаяся необыкновенным богатством и разнообразием форм, пользовалась на протяжении многих веков огромной любовью народа. В истории китайской литературы драматургии принадлежит особое место. Драматургическая китайская литература, отмечал Го Можо, является синтезом поэзии и прозы, поскольку ее лирическую часть обычно составляют стихи, а повествовательную — проза. Действительно, сочетание поэзии и прозы всегда было примечательно для классической китайской драматургии, для творчества выдающихся мастеров художественного слова Китая.

Театр возник в Китае в глубокой древности, однако драма как самостоятельный литературный жанр появилась лишь в XII в. и насчитывает почти восемь веков существования. Первые китайские пьесы представляли собой создававшиеся самими актерами сравнительно небольшие, довольно свободные по форме произведения, носившие название «сивэнь» («театральные тексты») или «наньсивэнь» («южные театральные тексты»), поскольку родились они на юге страны.

В конце Юаньской династии, в XIV в., драматургический жанр «сивэнь» сменился новой формой драмы — «цзацзюй», возникшей в Северном Китае и быстро оттеснившей «сивэнь» на второе место не только на севере, но и на юге страны.

Создавались «цзацзюй» уже не безвестными актерами, а писателями, многие из которых вошли в историю китайской литературы как зачинатели и основоположники этого жанра (Гуань Ханьцин, Ма Чжюань, Ван Шифу, Бо Цу и др.).

Однако в конце XIV в. на смену «цзацзюй» приходит более свободная драматургическая форма — «чуаньци». Пьесы «чуаньци» делились на значительное количество актов и были весьма длинными. В XVI в. пьесы «чуаньци» испытывают влияние возникшей на юге Китая драмы новой формы, так называемой «куньцян», которая воздействовала также и на пьесы вида «цзацзюй». В результате к концу Минской династии различие между северными и южными драмами, между «цзацзюй» и «чуаньци» в основном стирается.

В XVII и XVIII вв. процесс развития и обогащения жанров драмы и театра продолжается. В начале XIX в. на севере Китая особую популярность приобретает театр «пихуанцзюй», получивший впоследствии название столичного театра («цинцзюй»), известного за пределами Китая под названием «пекинской оперы». Этот театр способствовал утверждению новых драматургических форм, отличавшихся большей свободой, чем старые формы драмы. Он не требовал точно установленного количества действий и определенных размеров для пьес.

Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в Китае, кроме вышеназванных многочисленных видов театра, получивших признание, всегда существовало множество самых разнообразных народных театров со свойственными им репертуаром, манерой исполнения и т. д. Однако, несмотря на разнообразие видов театра в Китае и порой значительное отличие этих видов друг от друга, в основе своей они все были родственны, ибо базировались на одной и той же эстетике и обуславливались одной и той же идеологией и культурой. В пьесах северных жанров была определенная общность тематики: северяне любили героические военные пьесы, включавшие в значительной степени пантомиму. В пьесах же южных жанров, наоборот, преобладали бытовые, лирические мотивы.

За восемьсот лет своего существования китайская классическая драматургия накопила колоссальный опыт, на сцене китайских театров получило признание более четырех тысяч пьес. Кроме того, в Китае до настоящего времени сохранилось около тысячи старинных пьес, имеющих фольклорное происхождение и ставящихся местными театрами.

Китайская классическая драматургия складывалась в условиях длительного феодального гнета, в условиях борьбы народных масс Китая с помещиками и иноземными захватчиками. Эту борьбу, надежды и чаяния народа китайская классическая драматургия так или иначе отобразила в своих сценических произведениях.

В качестве иллюстрации можно привести сюжет классической драмы «Мечь угнетенных», или «Мечь рыбака». Основные действующие лица драмы — Сяо Энь, старый рыбак, его дочь Гуйин, премьер-министр в отставке Тин, его слуги и наемники.

Деятельные пьесы происходят в конце правления Сунской династии, когда многие обездоленные люди, не желавшие мириться с гнетом правящих классов, уходили из родных мест, становясь бродягами или разбойниками. «Бродяги» собирались в горах, на берегах рек и озер и совершали нападения на правительственные войска. Сохранение пьес таково: бывший министр Тин живет в деревне на берегу большого озера. Узнав, что бедные крестьяне занимаются рыбным промыслом, Тин приказывает им платить налог за право ловить рыбу. Это приводит к возмущению рыбаков. Старый рыбак Сяо Энь и его дочь Гуйин во время лова рыбы привязывают лодку в тени большого дерева и располагаются на отдых. Появляются друзья Сяо, Гуйин отправляется готовить угощение.

Тем временем сборщики Тина приходят за налогом. Они с бранью обрушиваются на старого рыбака Сяо. Друзья рыбака возмущены, но Сяо уговаривает их не вступать в драку со сборщиками. Слуги Тина исчезают. Выслушав донесение слуг, Тин посылает своих наемников, чтобы заставить Сяо уплатить налог. И если Сяо не подчинится, Тин распорядился связать старика и привести к нему.

Ранним утром, когда Сяо с дочерью заняты домашними делами, раздается громкий стук в дверь. Сяо, услав Гуйин, открывает дверь. Увидав людей Тина, Сяо заявляет, что у него нет сейчас денег, но что он согласен внести налог через день. Наемники Тина пытаются связать старика, но это им не удается. Сяо сам идет к начальнику уезда, чтобы сообщить о случившемся.

Гуйин в беспокойстве ждет возвращения своего отца. Входит весь израненный Сяо. Он рассказывает, что начальник уезда по распоряжению Тина избил его бамбуковыми палками и приказал принести извинения Тину. Дочь в слезах. Спрашивает отца, пойдет ли он к Тину просить прощения. Сяо отвечает, что пойдет, но для того, чтобы отомстить Тину. Гуйин упрямивает отца взять ее с собой.

Выйдя из дому, они направляются к лодке, чтобы ночью отплыть. Сяо уговаривает Гуйин вернуться домой. Гуйин отказывается оставить отца одного. Сяо и Гуйин выходят из лодки, спрятав оружие под платьем. Они стучат в дверь и входят в дом Тина. На вопрос Тина «Что вы мне принесли?» Сяо отвечает, что они принесли весьма ценную вещь, но что вокруг Тина слишком много любопытных. Тин приказывает своим слугам выйти. Сяо и Гуйин убивают Тина и скрываются. Покинув дом, они присоединяются к повстанцам.

Разумеется, феодализм наложил свой отпечаток на китайскую классическую драму, конфуцианство оказало существенное влияние на многие классические пьесы. Однако для нас принципиально важно другое — все то передовое и демократическое, что содержится в классической китайской драматургии. Демократические элементы этой драматургии неразрывно связаны с реалистическими традициями классических пьес. Во многих классических драмах воплощены образы исторических или легендарных героев, отражающие ненависть и презрение народа к угнетателям и олицетворяющие сопротивление насилью, героичность борьбы в защиту угнетенных, за счастье и жизнь. Таковы, например, образы народных защитников Чжу Интая («В тени ивовых ветвей»), Бай Наньцзы («История белой змейки»), Сун Шинце («Четыре чиновника») и Тянь Юйчуна («Путешествие в горы Туйшань»).

Как мы видели, китайский театр насчитывает много жанров, но все эти жанры, отличающиеся, в частности, по музыкальному содержанию представления (мелодия и инструменталка арий), в основе представляют одно и то же явление, которое объединяется под названием «традиционный китайский театр». По существу, это музыкальный спектакль, в котором арии перемежаются с диалогами. По ходу действия в пьесу вводятся танцы и даже акробатика, в зависимости от стиля пьесы.

Музыкальное оформление пьесы благодаря китайской гамме в пять тонов несколько необычно для европейского слуха. Признанный голос для песни — фальцет. В составе оркестра для сопровождения пьес «северного типа» преобладают ударные и струнные инструменты; в пьесах «южного типа» — духовые и струнные.

В китайском театре существовало пять основных ампуа: шэн — герой, дань — героиня, цзинь — отрицательный или характерный герой, чжоу — комик, мо — второстепенные роли. Каждое из этих ампуа, подразделявшееся по категориям возраста, имело своих исполнителей, и каждая роль обычно являлась пожизненной специальностью актера. Китайский актер с детского возраста специализировался в театральных школах или у старых актеров на избранном для него ампуа. Каждому из ампуа присущи специальные грим, голос, мимика, походка, приемы, разработанные до мельчайших подробностей.

Репертуар классического театра на три четверти состоит из исторических пьес, содержанием которых являются известные в литературе Китая эпизоды из китайской истории. Остальные пьесы, также черпающие сюжеты и образы из богатейшей художественной литературы Китая, принадлежат к жанрам лирическим, бытовым и фантастическим.

Таким образом, отличительными чертами традиционной китайской драматургии является то, что разговорная речь в ней отнюдь не играет решающей роли, а является наряду с пением и танцами лишь одним из элементов драматургического действия. Правда, и в классической китайской драматургии встречались небольшие пьесы, почти целиком построенные на разговоре («Одна шгука материн», «Чжан Сань одал-

живает туфли» и др.), однако как самостоятельные произведения они никогда не существовали и обычно включались в текст тех или иных классических пьес.

История знает немало случаев, когда развитие классовых противоречий определенной эпохи находится в тесной взаимосвязи с противоречиями национального характера. Для исторического развития Китая в период монгольского владычества это положение особенно справедливо: юаньская эпоха характеризовалась небывалым обострением национальных противоречий в связи с крайне жестоким угнетением китайского народа иноземными завоевателями. Именно этим было обусловлено то, что творчество лучших китайских драматургов юаньского периода развивалось в борьбе против иноземного монгольского владычества и порабощения, за национальную независимость и социальное раскрепощение.

Драматургия юаньского периода представляет собой важнейший этап в истории искусства Китая, отображающий борьбу китайского народа за свою национальную независимость и свободу в XIII—XIV вв. и свидетельствующий о новой ступени в развитии его национального самосознания, патристических и социальных идей.

История китайского народного театра — это многовековая борьба передовых представителей драматургии и театрального искусства против канонических форм официального придворного искусства, против преследований и гонений со стороны господствующих классов, это борьба за правдиво отображающий жизнь реалистический театр, создаваемый и любимый народом. В процессе развития этого театра непрерывно рождались новые жанры, новые мотивы и репертуар, многообразные формы сценического воплощения, исполнительского мастерства, которые не только противостояли официальной театральной эстетике господствующих классов, но постоянно одерживали верх над ней и утверждали эстетические принципы прогрессивных общественных сил Китая.

Китайская драма, несущая в себе конкретность народной истории, своеобразные жизни, специфику характеров и традиций, возникла в недрах китайской художественной, преимущественно фольклорной, литературы, она является воплощением богатой сценической культуры прошлого, огромного труда прославленных и безвестных художников многих поколений.

Время между началом XIII и серединой XIV в. считается золотой эпохой драмы стиля «цзацзюй» (буквально «смешанные представления», короткие музыкально-драматические пьесы). Имеющиеся литературные и исторические источники позволяют считать, что за эти сто с лишним лет было создано свыше 600 различных произведений этого жанра, из которых около 170 сохранилось до настоящего времени.

В драмах «цзацзюй» находят свое отражение мысли и чувства, сокровенные мечты и переживания, рождающиеся в самых недрах народной жизни. Здесь нашли свое выражение суждения и взгляды, которые противостоят социально-этическим условиям и нормам, выработанным господствующими классами.

Юаньские драмы «цзацзюй» в их значительной части строятся на развертывании драматического столкновения, конфликта, в котором своеобразными художественными средствами изображаются подлинные противоречия, возникающие в окружающей действительности, в реальных жизненных условиях. Содержание фабульных движений юаньской драмы основано на показе борьбы между противоположными силами — нового со старым, передового и здорового с отсталым и косным. Драматическое действие, конфликт рождается в результате столкновения различных общественных позиций, социальных и философских убеждений, разных жизненных целей, различных характеров и поступков.

Юаньскую драму характеризует прежде всего реалистичность, ясность и композиционная простота. Обычным для нее является деление на четыре акта, определенное расположение арий, наличие сквозной рифмы на весь акт. Вокальные партии драмы исполнялись обычно одним актером или актрисой, а прозаический диалог велся партнерами. Мужские роли исполнялись мужчинами, женские — женщинами. Характерен для юаньской драмы также тщательно разработанный диалог персонажей, обладающий стройной логической ясностью и остротой.

Другая особенность юаньской драмы состоит в динамичном развитии сюжета, в напряженности конфликта, на основе которого завязывается и строится содержание пьесы, столкновение противоборствующих сил. Сюжет драмы, как правило, строится на глубоко скрытом внутреннем психологическом и социально-историческом конфликте. Характер конфликта в драме в свою очередь обуславливает ее структуру, ее композицию.

Типичен для юаньской драмы и своеобразный драматургический прием многократных повторов, сюжетных рефренов, переходящих из действия в действие, а нередко из сцены в сцену. Таким образом, прошедшее постоянно перемежается с настоящим. При сценическом воплощении драмы этим, несомненно, преследовалась цель сохранения цельности действия, непрерывности развития изображаемых событий, стремление к тому, чтобы зритель не терял сюжетных нитей, образующих неразрывную ткань спектакля со всеми перипетиями, приводящими в конечном итоге к определенному финалу, развязке. Это создает дополнительные возможности для раскрытия перед зрителями истинных чувств героев, характера их взаимоотношений, мотивов поступков и т. д. Вместе с тем частое применение рефренов объяснялось стремлением раскрыть во всей полноте создаваемый художественный образ, диалектику его пси-

кологии, борьбу страстей и впечатлений, а также исполнительское мастерство актера, передать тончайшие оттенки внутреннего духовного состояния героя, нюансы игры, голоса исполнителя. Это помогает наблюдать за тем, как одни мысли и действия возникают и развиваются из других, как рождающиеся эмоции и движения в одной ситуации влияют на образ мыслей и чувств героев другого положения, взаимно обуславливаются, приобретают новые особенности, возвращаются к исходному пункту, вновь и вновь обогащаясь и усложняясь, приводя к драматическому столкновению, коллизии.

Не менее важной особенностью является и то, что число персонажей в юаньской драме, как правило, не очень велико. Обычно сюжет произведения строится приблизительно в рамках десяти действующих лиц. Иногда это число уменьшается, редко увеличивается, однако в полной мере оправдано, обусловлено художественной структурой. Пьеса не может быть сокращена или расширена без серьезного нарушения драматургического замысла и его сценического воплощения. При этом каждый персонаж, почти без исключения, несет максимально возможную сюжетную драматическую нагрузку, его действия и все поведение строго обусловлены, тесно взаимосвязаны с поступками остальных героев драмы и служат разворачиванию фабульных движений и драматического конфликта. При этом часто весь замысел — это рассказ о судьбе главного героя, противостоящего злым силам.

Одна из наиболее сильных сторон юаньской драмы — в ее живом и образном языке, по яркой лексике и звучанию весьма близком народной разговорной речи. В языке драмы находят свое выражение особенности характеров, своеобразия персонажей, их глубинные, скрытые от внешнего взгляда специфические черты, мировоззрение, общественная ориентация, а также те художественные детали, которые помогают созданию картины в целом. Это, несомненно, свидетельствует о том, что корни драмы глубоко уходят в недра народной жизни, питаются ее родниками. Близость юаньской драмы к народу, понимание его душевных настроений, его раздумий и чаяний придавали ей огромную общественную значимость, обуславливали ее большую действенную роль в общей борьбе за национальную независимость, против иноземных завоевателей.

Эти особенности наиболее ощутимо проявились в драматургии Гуань Ханьцина, прежде всего в таких его произведениях, как «Обида Доу Э» и «Спасение падшей».

Следует подчеркнуть, что искусство драмы «цзацзюй» возникло в тяжелые годы иноземного владычества, когда китайский народ переживал черные дни униженного бесправия и лишений. В результате непрерывных войн был причинен трудновосполнимый ущерб высокоразвитой для того времени феодальной экономике. По китайской народной поговорке, это было время, когда Китай «лишился и закона и неба». Система кабальной эксплуатации крестьянства превратила огромные массы китайцев в подневольных, в рабов монгольских феодалов; жестокие поборы и обложения легли на городских ремесленников и торговцев. Ученые и литераторы за всю историю Китая все подвергались большому унижению и оскорбительному притеснению. Одинаково бесправное и зачастую нищенское положение литераторов и актеров объединяло их в защите своих общественных интересов, обуславливало совместную деятельность и творческие усилия. В этом видится нам причина того, что драматургия и театр в юаньской империи приобрели особую роль, привлекли к себе особый интерес различных слоев общества того времени.

Из всех видов существовавшей в ту эпоху литературы драма «цзацзюй» наиболее отчетливо выразила духовный облик времени, прямо или опосредованно отразила взгляды, которые противостояли социально-этическим условиям и нормам, выработанным господствующими классами. Вследствие этого юаньская драма оказалась поразительно жизнестойкой, донесла до наших дней неистребимую народную жажду жизни, дух свободы, неподдельность чувств, веру в справедливость, в светлый разум людей. Именно поэтому она представляет собой столь важный и благодарный объект научного исследования, существенное звено в системе марксистского истолкования закономерностей развития средневековой литературы в Китае, в дальневосточном регионе, а также в мировом литературном процессе, рассматриваемом как единое, но многообразное целое.

Драматургия «цзацзюй» — явление, протяженное во времени (она существовала, не претерпев кардинальных изменений, в течение нескольких веков) и богатое в количественном отношении. Число полностью сохранившихся пьес, с большой долей уверенности относимых к XIII—XIV вв., то есть к периоду расцвета жанра, составляет свыше 160, в отрывках же или по названиям известны многие сотни произведений. Естественно, комплекс проблем, связанных с изучением литературного явления таких масштабов, весьма сложен и многогранен. В этой связи внимания заслуживает исследование В. Ф. Сорокина¹, отобравшего из этого комплекса несколько важнейших вопросов: генезис драмы «цзацзюй», ее художественная структура, мир ее образов и сюжетов. В соответствии с этим работа делится на три части, дополняемые приложениям к исследованию.

¹ См. В. Ф. Сорокин. Китайская классическая драма XIII—XIV вв. Генезис, структура, образы, сюжеты. М., 1979.

В выборе центральных проблем анализа и расположении его частей в этом труде видна определенная логическая последовательность. Сначала исследуется и интерпретируется процесс формирования китайской классической драмы как явления литературы — процесс, связанный с развитием театрального искусства, но с ним не совпадающий. Таким образом, в первой части речь идет о том, как, из каких элементов сложился изучаемый жанр. Далее филологическому исследованию подвергаются дошедшие до нас тексты драм, представляющие собой сложный симбиоз прозаических монологов и аналогов, стихотворных частей, предназначенных для вокального исполнения, и стихотворных же произведений других форм, декламировавшихся со сцены. Здесь разбираются принципы композиции пьес, функции отдельных элементов поэтической их структуры, специфика их формы — словом, говорится о том, что представляет собой драма «цзацзюй» как явление словесно-речесвого искусства. Наконец, в третьей части книги выявлены наиболее типичные категории действующих лиц и связанные с ними наиболее характерные сюжетные ситуации, а через них система социальных, философских и этических представлений, воплощенная в юаньской драме, — короче говоря, то, о чем писали создатели пьес, какую духовную пищу могла почерпнуть из них средневековая аудитория.

Необходимо отметить, что в таком широком объеме, при таком комплексном подходе с позиций научной марксистской методологии, как в работе В. Ф. Сорокина, юаньская драма еще не становилась предметом монографического исследования ни в отечественной, ни в мировой синологии. Достоверность же, обоснованность основных выводов автора подкреплена тем, что они — опять-таки впервые — базируются на сплошном, а не выборочном прочтении и осмыслении сохранившихся текстов «цзацзюй». Тем самым если не уничтожается полностью (поскольку элемент мысленного отбора, интуитивной «фильтрации» неизбежно остается), то резко сужается поле для субъективных предпочтений одних моментов другим, выпячивания одних кажущихся предпочтительными тенденций за счет других, отодвигаемых в тень. Иными словами, авторская концепция вырастает на почве конкретного анализа фактического материала, а не является умозрительной абстракцией.

Конечно же, исследование В. Ф. Сорокина построено не на «пустом месте»: явление такого масштаба и значимости, как юаньская драма, привлекало к себе внимание немало числа исследователей, прежде всего в Китае, затем в Японии и в меньшей степени в других странах, где существует синология. Автор дает общую оценку трудам своих предшественников во введении и часто обращается к ним, соглашаясь или полемизируя, на страницах исследования. Он напоминает о многовековых усилиях собирателей и издателей пьес, без которых мы не располагали бы таким богатством текстов, пусть не во всем сохранивших первоначальный облик. Здесь нельзя не воздать должного ученому Ван Говэю, сочетавшему качества эрудита старой школы с интересом к новым веяниям и впервые — это было 70 лет назад — по достоинству оценившему роль юаньской драмы в истории китайской культуры. Его продолжателем выступил Чжэн Чжэньдо — не только автор ценных исследований по истории драмы и целого ряда смежных жанров протонародной литературы, не только руководитель издания ценнейшего собрания текстов «Гу бэнь си цюй цункань», но и организатор Института литературы Академии наук Китая, в котором до «культурной революции» были созданы многие из наиболее серьезных работ по проблемам истории китайской литературы.

Но такие работы не устраивали маоистских идеологов, девиз которых — «ставить древность на службу современности» — позволял в зависимости от конъюнктурной сиюминутности политических установок давать противоположные и в равной степени антинаучные оценки одним и тем же явлениям. То они безудержно восхваляли китайскую цивилизацию в противовес культурам иных народов и континентов², то перечеркивали все действительно замечательное в культурном наследии китайского народа, объявляя его «феодалным хламом», то пытались использовать явления материальной и духовной культуры давно прошедших веков для «подкрепления» своих нынешних гегемонистских притязаний, включая территориальные. Это, как справедливо подчеркивается в книге В. Ф. Сорокина, делает тем более актуальной задачу углубленного подлинно научного исследования прошлого Китая и его культуры.

Возьмем, к примеру, вопрос об оценке походов Чингисхана и его преемников. Мы знаем, что соответствующая оценка уже давно содержится в трудах основоположников марксизма-ленинизма; в свое время с ней солидаризировались и прогрессивные историки Китая. Но вот с начала 60-х годов началось прославление Чингисхана и Хубилая, которые якобы сыграли в истории Китая прогрессивную роль, восстановили «единое многонациональное китайское государство», сломали «перегородки между национальностями» и «открыли перед ними широкий мир»³. О том, что при этом гибли миллионы людей и целые государства, авторы таких статей если и упоминали, то лишь как о необходимой «плате за прогресс».

² Как говорится в работе В. Ф. Сорокина, юаньский драматург Гуань Ханьцин ставился в пекинской печати выше Шекспира на том «основании», что он жил раньше и написал больше пьес.

³ См. «Жэньминь жибао», 10.III.1961.

Политический смысл подобных рассуждений о «едином многонациональном китайском государстве», занимавшем огромные территории, не нуждается в разъяснении. Как, однако, восприняли эти походы китайцы — их современники, как они отнеслись к владычеству иноземных феодалов? Не станем ссылаться на свидетельства анонимных авторов, воевавших против юаньских войск, обратимся к «цзацзюй», созданному в уже завоеванных монголами областях Китая.

Как показано в книге, в пьесах почти не нашли отражения исторические факты «социальные явления, свойственные только периоду монгольского завоевания, нет ритмики, которую можно было бы адресовать исключительно юаньским властям. Это же должно удивлять, если мы вспомним о суровости законов, каравших литераторов за «поношение вышестоящих». Но разве трагическое звучание многих пьес, острое обличение несправедливых законов и их неправедных слуг не говорит о том, что авторы распространяли осуждение пороков, свойственных феодальной строю в целом, на свое время, более того, что они отталкивались от личного горького опыта? Что еще характернее, мы нигде не находим и следа восхищения завоевательными походами, радости по поводу «ликвидации национальных перегородок». Если не говорить о эпизодических пьесах, воспевающих героев стародавних, чуть ли не былинных, времен, события в юаньской драме всегда ассоциируются с разрушениями, гибелью людей, разгромом близких и страданиями мирных жителей.

Или другой пример. Сейчас в Пекине рекламируется спектакль «Ван Чаоцзюнь», в котором героиня — наложница ханьского императора, выданная за предводителя сюаньну, — изображается поборницей дела сближения «братских национальностей». Но в написанной на тот же сюжет трагедии Ма Чжюаня «Осень в Ханьском дворце» соответственно с исторической правдой показано, что речь шла о конфликте между двумя разными народами, разными государствами, безвинной жертвой которого стала героиня. Так драматург XIII в. обличает современных фальсификаторов истории, приписывающих земли сюаньну (то есть нынешнюю Монголию) к «единому и неделимому» Китаю.

Как отмечалось, драматургия как род литературы возникла в Китае сравнительно поздно, когда уже процветали многие прозаические и тем более поэтические формы. Несомненно, выявление литературных источников драмы представляет собой большой методологический интерес — ведь исследователи античной драмы Средиземноморья или индийского классического театра не располагают такими возможностями. Но это же создает и значительные трудности, связанные с обилием предшествовавших литературных форм и очень разной степенью их сохранности.

Сопоставляя и осмысливая разнообразный и, как поначалу может показаться, разнородный историко-литературный материал, охватывающий период в несколько столетий, В. Ф. Сорокин приходит к двум важным заключениям. Во-первых, драму «цзацзюй» нельзя генетически «вывести» из одного-двух предшествовавших жанров, есть даже стилистически или формально более близкие ей, нежели другие. Во-вторых, к формированию драмы причастны как жанры, обычно относимые к простонародной, демократической литературе, так и произведения «высоких» форм. Между ними двумя потоками в конкретной литературной практике не было непроходимой преграды; рожденные в конечном счете одной и той же действительностью, они на определенных этапах взаимодействовали, взаимно обогащались, и это приводило к появлению качественно новых жанров, сочетающих в себе черты и простонародной, и «высокой» литературы. Но, на наш взгляд, следовало более четко провести мысль о том, что влияние «высоких» жанров (поэзия ши и цы, танская новелла, исторические романы) на юаньскую драму носило часто не прямой, а опосредованный характер — через городскую повесть и различные виды прозо-поэтического сказа. Ведь из того, что до нас не дошло сведений о сказах или повестях на определенный сюжет, еще не следует, что их вообще не было и что драматург непременно обращался к первоисточнику.

Отличительной чертой этой части книги В. Ф. Сорокина является обилие историко-литературного материала — переводов текстов, толкования терминов, характеристики жанров, либо впервые вводимых в наше научное обращение, либо дополняющих и уточняющих содержащиеся в более ранних работах положения.

Весьма примечательно, что значительная часть исследования В. Ф. Сорокина посвящена анализу проблемы аутентичности текстов пьес. Вокруг этого вопроса китайские и японские ученые сломали немало копий. Большинство склонялось к тому, что мы считаем более поздние тексты наиболее отдаленными от оригиналов; сторонники древности предлагали даже считать подлинно юаньскими только тексты сокращенного ксилографического издания начала XIV в. Автор работы впервые сопоставил тексты ксилографа не только с более поздними сборниками пьес, но и с аршинами, включенными в поэтические антологии середины эпохи Мин. Оказалось, что они подчас гораздо больше отстоят от ксилографа, чем тексты сборников, изданных на сто лет позже. Следовательно, речь должна идти не о сознательном и прогрессирующем отходе более поздних редакторов от первоначального текста, а об обычной для средневековых литератур многовариантности текстов, неразвитости самой концепции «авторства», из-за чего постановка вопроса о близости к «авторскому варианту» нередко теряет смысл, ибо нет гарантии того, что ксилограф содержит именно те строки и знаки, которые были созданы драматургом.

Структурно-формальный анализ отдельных компонентов пьес, составляющий основное содержание этой части работы, не отделен от анализа эстетического. Это особенно наглядно проявилось в попытке объяснить возникновение четырехактной формы воздействием эстетической (а в какой-то мере и философской) четырехчастной же формулы «зачин — подхват — поворот — завершение», имеющей силу для определенных видов классической китайской поэзии и прозы, а возможно, и для других видов искусства. Автор дает также истолкование причин возникновения и функций встречающихся время от времени отклонений от строгих композиционных законов «цзацзюй».

Наблюдения автора, касающиеся взаимодействия поэтических и прозаических компонентов в «цзацзюй», раскрывают мастерство юаньских драматургов в ведении диалога актеров между собой и со зрительным залом. Здесь следовало бы остановиться также на роли многократных повторов, своего рода рефренов, переходящих из сцены в сцену. Они, по нашему мнению, предназначались для того, чтобы помочь зрителю не терять сюжетных нитей, сохранить единство действия, а также раскрыть во всех нюансах как исполнительское умение актера, так и создаваемый им сценический образ.

Особого внимания заслуживает раздел книги В. Ф. Сорокина, посвященный поэтике вокально-лирического жанра цюй (арин). В отличие от классического стиха ши и песенной лирики цюй этот жанр не был предметом специального изучения, не определены еще и принципы его перевода. Сжатое, но четкое изложение весьма непростых правил строфики, рифмовки и чередования тонов, а также связи текста с мелодической основой явится ценным подспорьем для всех, кто будет далее заниматься изучением музыкально-драматических и сказово-поэтических жанров китайской литературы, а также специалистов по теории стиха.

В этой связи встает проблема преемственности и новаторства в китайской поэзии. Проблема эта, несомненно, нуждается в углубленной разработке. В формировании жанра цюй участвовали и народные попевки, и бытовая лирика средневекового города, а «высокие» поэтические формы. Определить соотношение между этими, а возможно, и иными компонентами, способы их взаимопроникновения и влияния этого процесса на обогащение содержания арий — задача столь же трудная, сколь и увлекательная.

В труде В. Ф. Сорокина, как мы упоминали, раскрывается система идейных представлений и социально-этических норм, лежащая в основании юаньской драматургии, выражающая мировоззрение ее создателей. В решении этой задачи можно было пойти иными путями. Автор избрал метод выделения наиболее представительных категорий персонажей (правители, полководцы, ученые, девушки из «хороших семей», служанки и пр.) и определения характерных черт духовного мира каждой из этих категорий. В своей совокупности они воссоздают структуру феодального общества в Китае, показывают общую картину духовного мира эпохи, говорят об отношении авторов к своим героям и окружающему миру. Конечно, эта картина неодинаково подробна во всех своих частях. Так, крестьяне представлены в пьесах мало и порой предвзято. Но и это определенным образом характеризует юаньскую драму как явление преимущественно городской культуры, несмотря на то что актерские труппы в то время были нередкими гостями и в деревне.

Как явствует из проведенного анализа, для большинства пьес преобладающим является влияние конфуцианской идеологии, значительно реже — даосской или буддийской. Люди своего времени, драматурги не могли не разделять в той или иной степени верований и предрассудков эпохи. Порой это проявляется в одобрении «жестокых», по обычным меркам преступных акций, если они мотивированы требованиями этического кодекса или религиозных догматов. Но ведь при рассмотрении и оценке явлений культуры важно не то, в чем они повторяют уже известное, привычное, а то, в чем они являются шагом вперед. Таким шагом вперед была гуманистическая окраска многих и, несомненно, художественно наиболее значительных произведений жанра «цзацзюй», отставание принципов справедливости и добра, протест против произвола, насилия и войн.

Подобный суммарный, многосторонний анализ идейного и социального содержания, заключенного в столь значительном по объему материале — целом литературном жанре, проводится в синологической литературе впервые. Этот анализ может и должен быть в каких-то аспектах продолжен, в каких-то углублен. Это особенно относится к пьесам на буддийские и сказочные сюжеты. Но и в настоящем виде он представляет несомненный интерес не только для литературоведов, но и для специалистов по идеологии и социальной истории средневекового Китая.

Широкому кругу исследователей должно оказаться полезным приложение к исследованию, в котором конспективно изложены сюжеты всех сохранившихся пьес «цзацзюй». Это не только позволит ориентироваться во множестве текстов, в подавляющем большинстве на иностранных языках не переведенных, но и даст материал для разного рода сопоставлений, конкретизации, а быть может, и уточнения наших представлений об идеологии, культуре и образе жизни средневекового Китая.

Работа В. Ф. Сорокина представляет собой фундаментальное исследование одной из важных проблем художественного творчества китайского народа, открывающее но-

направление в изучении средневековой китайской литературы — исследование истинской драмы.

Вместе с тем жанр «цзацзюй» — литературное явление, настолько масштабное само по себе и настолько тесно связанное с множеством других жанров — драматургических, поэтических и прозаических, предшествовавших ему по времени, синхронных последующих, — что поле для исследований остается поистине бескрайним. Особенно важными и перспективными нам представляются несколько направлений научных исследований.

Прежде всего, думается, следовало бы на материале культуры юаньской эпохи попытаться выяснить закономерности возвышения, широкого распространения одних литературных жанров и снижения влияния других. При этом необходимо объяснить такую характерную для Китая особенность: «низвергнутые с пьедестала» жанры большей частью не отмирают полностью, не приходят в забвение, а еще долго сохраняют свою жизнеспособность, хотя сфера их воздействия заметно уменьшается. Интересно также явление «возрождения», казалось бы, закончивших свое существование жанров: так, «цзацзюй» в начале XV в. утратили популярность, а через столетие вернулись на сцену, хотя и в несколько измененном виде.

Интересно было бы, вне сомнения, проследить эволюцию одних и тех же сюжетов, тематических образов в произведениях различных драматургических, да и не только драматургических, жанров. До сих пор такая работа если иногда и проводилась, то лишь с целью выявления прототипов, исходных материалов для юаньской драмы. Важно было бы осмыслить, какую эволюцию претерпели эти сюжеты и образы в последующие века, в ином социальном и идеологическом контексте, в иных жанрово-стилистических структурах.

Наконец, немало существенных проблем, непосредственно относящихся к пьесам «цзацзюй» и их авторам, ждут дальнейшего изучения. В их числе более подробная — насколько позволяют сохранившиеся источники — характеристика социального состава и общественного положения драматургов юаньской эпохи и их аудитории, соотношение фольклорных и письменных факторов в процессе формирования жанра, проблема творческого метода средневековой китайской драматургии, выразительные средства, стилистика.

Печать КНР — средство манипулирования общественным сознанием

Г. С. Лонцаков,

кандидат исторических наук

Решение тех или иных проблем, стоящих перед страной, ныне во многом зависит от степени развитости системы средств массовой информации, ее места и роли в общественно-политической жизни страны. Это обстоятельство приобретает особое значение для такой страны, как Китай, где, по оценке 1977 г., проживало 867 млн. человек (без острова Тайвань)¹.

Сложные общественно-политические и социально-экономические процессы в современном Китае, зигзагообразные, часто непредсказуемые повороты в руководстве страной — все это требует всестороннего изучения жизни китайского общества.

За минувшее десятилетие советские ученые — исследователи в области китаеведения добились серьезных успехов. Однако среди большого числа работ отсутствуют сколько-нибудь полные исследования, посвященные системе массовой коммуникации КНР.

Между тем в последние годы пресса, радио и телевидение получили там заметное развитие, и им отводятся все большее внимание в общественно-политической жизни страны. Причем в условиях далеко не достаточного уровня развития телевидения в КНР приобретают особое значение пресса и радио. Газета и радио в КНР все еще остаются основными каналами, по которым пекинские руководители имеют возможность воздействовать на общественное мнение и вести идеологическую обработку масс в духе маоизма. А если учесть то, что по радио транслируются почти исключительно материалы, опубликованные в печати, то значение последней трудно переоценить.

Технико-экономическая отсталость, трудности в распространении грамотности, вызванные как социальной политикой маоистов, так и особенностями китайской письменности, оказывают специфическое влияние на прессу, ибо именно этот коммуникативный канал основывается на высокой степени грамотности в обществе.

Трудности традиционной китайской письменности в огромной степени усложняют процесс овладения грамотой. В Китае нелегко определить процент неграмотности. Время от времени в стране проводятся кампании по ее ликвидации, но те несколько иероглифов, которые заучиваются на краткосрочных курсах, быстро забываются без употребления. Курсы по ликвидации неграмотности время от времени открываются

практически в каждой большой бригаде, свидетельствует о высоком проценте неграмотности населения прежде всего в сельской местности. В 1968 г., например, сообщалось, что во многих отдаленных районах провинции Цзянсу существуют деревни, население которых полностью неграмотно. В Гуанси-Чжуанском автономном районе молодой человек, вернувшийся в родную деревню после обучения в университете, обнаружил, что 70 % детей никогда не посещали школу и не умеют ни читать, ни писать. Взрослые сообщили ему, что он единственный грамотный человек в деревне. В городах безграмотные с учетом наплыва деревенских жителей, по оценке, составляют свыше 20 %. В деревнях, где проживает более 80 % населения страны, с учетом отдаленности многих деревень от магистральных путей и всеобщего хаоса, возникшего в стране в течение последних пяти с лишним лет, по меньшей мере 60 % населения уровень грамотности ниже нормального, что означает или полное незнание иероглифов, или на худой конец знание лишь нескольких сотен их (в Китае для овладения грамотой считается достаточным для крестьян знание 1,5 тыс. иероглифов и 2 тыс. — для рабочих и кадров работников). Именно этот социальный фактор не только оттесняет прессу на второе место по сравнению с радио, но и делит всю систему массовой информации Китая значительной мере отличной от этой системы в других странах.

Фактор неграмотности или малограмотности приводит прежде всего к тому, что пропагандистская машина маоистов вынуждена приспособлять язык коммуникативных каналов к соответствующей аудитории: строить пропаганду так, чтобы, придавая ей вид якобы боевой марксистско-ленинской пропаганды, в то же время жестко ограничить ее рамками гегемонистских шовинистических устремлений пекинского руководства. В этих условиях коммуникатор, осуществляющий коммуникативный процесс современным китайском языке, независимо от тематики создает тексты из фразеологов, из выражений, закрепленных за определенными явлениями общественной жизни сегодняшнего Китая. В китайском иероглифическом языке сейчас огромное количество слов превратилось в штампы, клише. Более того, в самое последнее время наблюдается процесс превращения определенных

¹ См. Китайская Народная Республика: политика, экономика, идеология. 1977. М., 1979, с. 7.

² In: «China News Analysis», № 1 February 3, 1978, p. 6.

гории слов в слова-символы, слова-сигналы. До предела шаблонизированный язык китайских газет ныне пополняется почти исключительно новыми словами и оборотами, необходимыми для обслуживания политических и идеологических нужд правящей верхушки Китая.

Применение маоистской политики воздействовать на все стороны жизни порождает широкий спектр выражений, лозунгов, названий «движений» и кампаний, названий значимого рода организаций. Эти новые языковые образования, носящие исключительно политический характер, достигают такого количества, что в последние годы стали появляться специальные справочники и словари, включающие терминологию, широко используемую официальными средствами массовой информации и неопубликованными изданиями периода «культурной революции»³. Интерпретация этой терминологии изменяется в зависимости от текста, времени, места и политической ситуации. Понимание этой и без того сложной запутанной терминологии усугубляется тем, что она часто употребляется в сокращенном виде, приобретает форму знака-слова. Так, например, название кампании «контроль за рождаемостью» («цзечжи шэ-цзи») в сокращенном виде звучит как «цзе-цзи». Кампания, начало которой положено на первой сессии ВСНП 5-го созыва (26 февраля — 5 марта 1978 г.), имеет целью усиление «классовой борьбы» двумя путями — нанесением удара по подрывной деятельности классовых врагов и по бешеному наращиванию сил капитализма». Однако сокращенное название кампании включает в себя четыре иероглифа и звучит как «си пян да», которые ни графически, ни фонетически не отражают смысл и суть этой кампании. Проведенные зарубежными социологами исследования показывают, что простым людям смысл и суть такого рода кампаний не понятны и они чаще всего воспринимаются как условные сигналы настоятельности, предупреждения или угрозы. Всплеску подобного рода постоянных кампаний порождаемых пропагандистской машиной маонистов, можно отнести, например, «фу сы пи ск» («борьба с эгоизмом, кризис ревизионизма»), «вэнь гун у вэй» (такой же словом, обороняйся оружием), «сяо фань ю ли» («бунт — дело правое»). В качестве правила, предпринимаемая Пекином политическая кампания сразу же берет название, которое становится визуальным и звуковым символом и сигналом соответствующего предписываемого властью поведения. Такими политико-идеологическими кампаниями в свое время были «хао юньдун» («движение за пять хо-рошо»), «сань да гэмин юньдун» («три великих революционных движения»), «сань

чжун юньдун» («движение за три преданности»), «си да сань фань» («удар по одному против трех») и др.

Вводятся в оборот и такие словообразования, которые имеют в общественно-политической жизни совсем не то значение, которое должно бы следовать из прямого перевода. Так, например, клише «си пян хун» в переводе имеет буквальное значение «сплошь красный», а на языке китайской действительности — «повсеместное создание ревкомов»; «цзепу мацзя» — дословный перевод означает «анатомирование воробьев», а на политическом жаргоне китайской пропаганды — «тщательное изучение опыта действительности». Слово сочетание «хуацзе сянь» в прямом переводе означает «провести разграничительную линию», однако на языке пекинских пропагандистов фактически означает публичный отказ от родителей или близких и друзей.

Отмечено появление и своеобразных формул-символов, почти не поддающихся переводу. К числу таких феноменов относится выражение «фэн гэ шуй» (буквально «характерная» или «стилизованная вода»). Как явствует из разъяснений газеты «Дагун бао», фраза-формула в свое время употреблялась для обозначения бескорыстных действий во имя коллектива⁴. Подобного рода термины и формулы носят конъюнктурный характер. Они появляются, исчезают или наполняются иным содержанием в зависимости от стратегии и тактики пекинского руководства. Так, введенные в оборот Линь Бяо термины «гао цзюй» («высоко поднять»), термин, употреблявшийся в выражении «высоко поднять красное знамя Мао Цзэдуна», «ганьцзинь» («усиленно»), термин, означавший, что абсолютная воля власти способна достичь всего, ныне не только изъяты из употребления, но и были в печати объектом жестокой критики. «Жэньминь жибао» в связи с этим писала: «Они (мошенники типа Лю Шаоци) уничтожили марксизм-ленинизм и основную линию партии и несли чепуху о «гао цзюй», «тучу», «ганьцзинь», с помощью которых они пытались возвеличить свой идеализм и метафизику»⁵. По отношению к «классовым врагам» китайская печать применяет грубый, вульгарный язык. Так, например, радио провинции Хунань 31 августа 1972 г., упоминая Гао Гана и Пэн Дэхуая, вещало: «Эти люди предательским путем захватили высокие посты, но все они стали ниже кучи собачьего помета».

Политический жаргон, искусственно создаваемый ныне в Китае, отнюдь не служит делу политического просвещения китайских трудящихся, повышению их сознательности и просто культуры. В действительности кампания по распространению общенационального языка «путунхуа» на современном этапе чаще всего преследует цель создания своеобразной системы слов-сигналов, на которые бы реагировали трудящиеся Китая, подобно тому как на различные раздражители реагируют под-

³ См., например: A Chinese-English Dictionary of Chinese Communist Terminology (Ed. by I. Doolin and E. Ridley). Oxford, Hoover Institution, 1973; Chi-shun. Chinese-English dictionary of temporary usage. Berkeley ect. University of California press, 1977, XIX, p. 484.

⁴ См. «Дагун бао» (Гонконг), 3.XI.1972.

⁵ «Жэньминь жибао», 13.X.1972.

олытные животные. Для пекинской пропагандистской машины свойствен прием убеждения не путем логического обоснования предлагаемого суждения с тем, чтобы убедить индивида или группу в определенной точке зрения, а, как правило, с помощью доводов, рассчитанных на неосведомленность.

Тенденция преднамеренного искажения действительности вытекает из главной функции каналов массовой информации КНР как средства политических манипуляций сознанием масс китайского народа. Узурпация функций управления и информации той или иной узкой группой лиц, отстранение трудящихся от сферы принятия решений, ликвидация всякого контроля за деятельностью органов управления привели к такому положению, при котором «коммуникатор» и «реципиент» занимают полярные позиции не только в процессе массовой коммуникации, но и во всей структуре общества.

Коммуникативные каналы, несущие информацию для внешнего мира, призваны в сегодняшнем Китае максимально обединить ее содержательную сторону, еще более беззастенчиво приукрасить действительное положение вещей, а порой и вовсе исказить фактическую сторону вещей и явлений. Правящая верхушка озабочена не столько тем, как наиболее зримо, убедительно раскрыть истинный смысл происходящего, сколько тем, как придать этим событиям и фактам, при сохранении возможного правдоподобия, выгодную для маоистов политическую окраску. Маоисты, прикрываясь марксистско-ленинской терминологией, на деле ставят своей целью отвлечь массы трудящихся от их насущных интересов, скрыть от них истинные задачи и цели нынешнего китайского руководства, помешать кончательному превращению китайского пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя» и фактически воспрепятствовать развитию классовой партии пролетариата.

Главная функция средств массовой информации в КНР заключается не в информации широких масс о событиях в мире и в стране, а в препарировании фактов действительности и трансформации их в своеобразные сигналы, непосредственно указывающие на то, какую позицию человек должен занять по отношению к тому или иному звену политики пекинского руководства, как он должен мыслить и действовать. Одновременно с этими сигналами идет подача материала, иллюстрирующего судьбы людей, реакция которых на сигналы не устраивает маоистов. Чтобы донести основные положения «стратегии» пекинского гегемонистов до безграмотной и полуграмотной аудитории, китайская пропаганда прибегает к методу бесчисленных повторений, а во время «культурной революции» «бригады пропагандистов идей Мао Цзэ-дуна» преподносили их в форме заклинаний, повторяя нормы поведения и лозунги до тех пор, пока они не воспринимались как факты. Если этого не происходит, то старым лозунгам нередко дается внешне новое толкование при сохранении их мао-

истской сущности. Подобного рода трансформации осуществляются главным образом путем введения в пропагандистские материалы элементов, рассчитанных на эксплуатацию эмоций масс.

• • •

В канун провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. в стране издавалось 383 газеты с общим тиражом, неамомно превышающим 3 млн экз.⁶, а наиболее крупными газетами являлись в Восточном Китае «Цзефан жибао» в Южном — «Наньфан жибао», в Центральном — «Чанцзян жибао», на западе Китая — «Синьхуа жибао», на северо-западе — «Сюньчжун жибао», на северо-востоке — «Дунбэй жибао». С 1950 по 1956 г. число газет увеличивалось медленно, но тираж выходивших газет увеличился более чем три раза. Резким увеличением числа газет ознаменовались два года, предшествовавшие «большому скачку»⁷. Импульсом дальнейшему увеличению числа выходивших газет послужило провозглашение курса «пустить расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» как политической линии КПК по отношению к литературе, искусству и науке⁸. В 1957 г., когда курс «всех цветов» из области литературы и искусства и развития науки был перенесен в область политики и идеологии, число газет с 392 в 1956 г. увеличилось до 1417. В 1959 г. тираж китайских газет по сравнению с 1955 г. увеличился приблизительно на 10 млн. экземпляров и составил 20,9 млн. экз., из которых 7,3 млн. приходится на центральные и 13,6 млн. — на местные⁹. Более двух десятилетий в Китае публикуются официальные статистические данные о численности и тиражах издающихся в КНР газет и журналов. Об этом можно судить лишь по отрывочным и всегда надежным данным. В последний подобный рода данные в Китае были опубликованы в 1959 г. Согласно этим данным в Китае издавалось тогда 1884 газеты общим тиражом 4 889 990 тыс. экз. и 818 наименований журналов общим тиражом 2 393 090 тыс. экз.¹⁰. Однако эти данные, мнению зарубежных наблюдателей, не отвечают действительности. Так, в 1955 г. КНР регулярно выходило всего лишь 600 газет. В последующие два года отмечено возрастание их числа до 882 наименований, причем в 1957 г., к тому времени, когда

⁶ In: Wang Mu. Some Experiences in Newspaper work since the Great Leap Forward. In Extracts from «China Mainland Magazines» (ECMM), № 196, p. 14.

⁷ In: A. Liu. Communications and National Integration in Communist China. Berkeley ed., 1971, XVIII, p. 134.

⁸ См.: Лу Динъи. Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые. Пекин, 1956.

⁹ См. «Журналист», 1977, № 10, с. 10.

¹⁰ In: «Current Background» (Hong Kong), № 577, May 14, 1959.

эти сведения, 62 газеты уже прекратили свое существование¹¹. Китайские статистические данные о печати того времени ставят под сомнение и Ф. Хаун¹².

Ниже приводится таблица, демонстрирующая число и тираж газет до 1959 г. включительно, когда в последний раз были опубликованы статистические данные, характеризующие китайскую прессу.

Год	Число газет	Общий тираж
1950	382	3 010 000
1951 (май)	265*	9 360 000*
1952	392	12 000 000
1957	1429	15 000 000
1958	1884	30 000 000
1959 (сентябрь)	1455	20 932 177

* Число и тираж относятся только к газетам всекитайского, провинциального и городского уровня; газеты, выходящие в уездах и на предприятиях, сюда не входят.

Источники: 1950 и 1959 гг. — Wang M. u. The Experiences in Newspaper work since the Great Leap Forward. In Extracts from «China Mainland Magazines» (ЕСММ), № 196, p. 14. 1955 г. — «Гуанмин жибао», 20 мая 1955. 1956 г. — Yuan Chang-chao. A Concise History of Chinese Newspapers, Hong Kong, 1957.

1957—1958 гг. — An Unpublished Research Report (1958 and 1959 edition) of U. S. T. S., Hong Kong.

Печать КНР, несмотря на трудные условия работы рядовых китайских журналистов, сыграла определенную роль в борьбе за социалистические преобразования 1949—1957 гг. Борьба за восстановление народного хозяйства, за выполнение первого пятилетнего плана была одной из главных задач китайской печати того периода.

Используя советский опыт, КПК начала готовить из газеты орудие просвещения и обучения их жить и строить свое хозяйство без помещиков и без капиталистов¹³. Много было сделано китайскими журналистами для осуществления планов социалистического строительства. Они рассказывали китайским трудящимся о братской помощи Советского Союза и других стран социализма. Для вовлечения широких масс в борьбу за мероприятия партии правительства в социалистическом строительстве периодическая печать Китая использовала различные формы массовой ра-

боты, применяла доходчивые, наглядные способы убеждения, воспитания. Редакции газет привлекали литературные силы, рабочих и селькоров для создания интересного материала, рассказывающего о развитии творческой инициативы масс.

Однако с конца 50-х годов подобный курс китайской прессы перестал отвечать интересам Мао Цзэдуна и его окружения. Переход правящей верхушки маоистов на путь разрыва с марксистско-ленинским учением, стремление расколоти международное коммунистическое движение и занять в нем лидирующее положение наложили отрицательный отпечаток как на содержание, так и на структуру материалов китайской периодической прессы.

В самом конце 50-х годов, с провалом «большого скачка», китайские руководители не только резко сократили число издаваемых газет и других периодических изданий и их общего тиража, но и круто изменили дух прессы, всячески препятствуя тому, чтобы она «шла в глубь пролетарской и полупролетарской массы, показывая ей свет всемирного рабочего движения, внушая ей веру в свои силы, толкая ее на сплочение, помогая подняться до полной сознательности»¹⁴. К 1963 г. прекратили свое существование почти все газеты, выходявшие в уездах и коммунах. Их место заняли специальные выпуски провинциальных газет для сельской местности. Годы, последовавшие после провала «большого скачка» (1960—1962), показали, что среди журналистов было немало противников маоистского курса, подтверждением чего явились антимаоцзэдуновские выступления того времени.

Пресса из оружия воспитания рабочего класса в духе марксистско-ленинского учения фактически была превращена в орудие борьбы за власть. Прикрываясь «классовой борьбой» и «борьбой линий», маоисты стали использовать печать в своих групповых интересах. Этим обстоятельством и объясняется тот факт, что задачи и цели печати различными китайскими руководителями на разных этапах определяются прагматически. Так, в 1950 г. газета «Жэньминь жибао» писала в передовой: «Газета должна быть обращена к широкой массам и действительности. Она должна поддерживать тесный контакт с читателями, прислушиваться к их мнению и усиливать организацию и воспитание рабочих и крестьянских корреспондентов»¹⁵. В 1952 г. редактор газеты «Жэньминь жибао» Дэн То рассматривал газету «как наиболее эффективное средство мобилизации и организации широких масс на строительство социализма, в особенности на сельскохозяйственное производство и в борьбе со стихией»¹⁶. Позднее китайские руководители уже рассматривали журналистику как «тяжелую индустрию

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 104.

¹⁵ См. «Жэньминь жибао», 2.IV.1950.

¹⁶ См. Дэн То. Социалистическая революция на фронте журналистики. — «Сюэси», 1958, № 8, с. 2—7.

¹¹ In: American Consulate General. «Current Background», № 478, October 28, 1957.

¹² F. W. Houn. To Change a nation: Propaganda and Indoctrination in Communist China (Glencoe 1, 11: Free Press, 1951).

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 129.

в области идеологической работы»¹⁷. Тремя годами позже, в 1958 г., когда уже был очевиден провал «большого скачка» и в среде членов партии и кадровых работников появилось отрицательное отношение к политике Мао Цзэдуна, заведующий отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи отводил печати уже роль «классовой борьбы»¹⁸. С целью ликвидации серьезных последствий «большого скачка» в начале так называемого периода урегулирования Мао Цзэдуном отводил печати роль механизма, функции которого сводились к «организации, стимулированию, агитации, критике и воодушевлению»¹⁹.

Уже перечисленные цели и задачи, поставленные перед печатью маонистским руководством, говорят о том, что группа Мао Цзэдуна отбрасывала один из важнейших принципов партийности печати — согласованность убеждений и взглядов на теоретические вопросы, на ближайшие практические задачи и характер желательной постановки газеты.

В ходе «культурной революции» средства массовой коммуникации явились одним из главных объектов в борьбе за власть. При этом политической установкой для хунвэйбинов служило указание Мао Цзэдуна о том, что «всякий раз, когда хотят свержения одной политической власти, прежде всего необходимо подготовить общественное мнение, необходимо сначала провести работу в идеологической области. Это относится и к революции, и к контрреволюции».

С первых дней «культурной революции» правящая верхушка перестала доверять многим работникам печати, памятуя об их негативном отношении к маонистским акциям 1960—1962 гг., об их подчас откровенно антимаоцзэдуновских выступлениях. В Пекине были закрыты все газеты и журналы, за исключением «Жэньминь жибао», «Цзефанцюнь бао» и «Гуанмин жибао». Даже теоретический орган ЦК КПК журнал «Хунцзи» был закрыт на длительное время. В провинции, автономные районы и города центрального подчинения имели только по одному печатному органу²⁰. Подлинная ситуация в области прессы в столицах провинций и других городах неизвестна. Из эпизодических сообщений той поры явствует, что не существовало каких-либо критериев, которыми руководствовались при их закрытии.

¹⁷ Li Yu-yin. Study and Life of Students Higher Learning. Hong Kong, 1955, p. 27.

¹⁸ См. Лу Динъи. Речь по случаю 20-й годовщины создания агентства Синьхуа. — «Жэньминь шущэ», Пекин, 1958, с. 144.

¹⁹ Fully Develop the Five Functions of Provincial Newspaper. New China Fortnightly, Peking, February 25, № 4, 1959, p. 160.

²⁰ In: Communist China 1968. Communist China problems Research Services-EC 47, Research Institute, Hong Kong, p. 479—480.

* * *

Данные о числе выходящих газет и журналов и их тиражах в Китае сегодня публикуются. Лишь по отдельным сведениям, поступающим из случайных источников, можно в общих чертах судить о состоянии печати в сегодняшнем Китае. По оценочным критериям, в настоящее время в Китае издается свыше 250 центральных и местных газет общим тиражом около 11 млн экз. По сведениям журнала «Шичан»²¹, КНР ныне издается более 1200 журналов из которых около 900 являются научно-техническими, свыше 130 — литературно-художественными. В самые последние годы резко возросло число печатных органов по общественным наукам. Ныне их издается свыше 170. Из общего числа выходящих в Китае журналов примерно по 50 % приходится на центральные и местные. Что касается теоретического органа ЦК КПК журнала «Хунцзи», то если в 1978 г. его тираж составлял 13 млн экз., то начиная с текущего года он будет, вероятно, удвоен, так как журнал начинает выходить дважды в месяц.

Самой крупной из официальных газет является «Жэньминь жибао» — орган ЦК КПК, задающий тон всем газетам ее уровня и направлений. Ее ежедневный тираж ныне превышает 6 млн экз. Другими газетами всекитайского уровня являются «Цзефанцюнь бао» — орган военного совета ЦК КПК, «Гуанмин жибао», которая в справочнике числится «органом культурных кругов, занимающимся главным образом вопросами науки и образования», «Гуаньжэнь жибао» — орган Всекитайской федерации профсоюзов, «Чжунго циньнян бао» — орган молодежной организации (КСМК).

Печать, которой китайские руководители вплоть до последнего времени отдавали предпочтение, ни до «культурной революции», ни после нее, ни до засилья в печати «банды четырех» не имела принципиальной, сколько-нибудь научной основы развития.

Политические события в Китае за последние десять с лишним лет показали, что печать и весь пропагандистский аппарат из средства воспитания масс в духе марксистско-ленинского учения превращены в важнейшее орудие маонистов в борьбе за власть. Именно поэтому всякий раз, когда начинается очередной тур борьбы за власть между политическими группировками, пропагандистский аппарат неизбежно становится главным объектом ожесточенных схваток за установление контроля над ним. «Культурная революция» полностью обожгла антимарксистский, антиленинский подход маонистов к использованию правящей партией средств массовой информации.

После провала «большого скачка» и «бурных коммунистических волнений» Мао Цзэдуном, дабы уйти от ответственности, 17 апреля 1959 г. на Всекитайском собрании народных представителей передал пост председателя Кита

²¹ См. «Шичан», 1979, № 2.

Народной Республики Лю Шаоци, который вместе с Дэн Сяопином, тогдашним главным секретарем ЦК КПК, фактически держал в руках контроль над отделом пропаганды и средствами массовой коммуникации. Используя всю систему пропаганды, Лю и Дэн создавали общественное мнение, направленное против Мао Цзэдуна, подчеркивая его ошибки. Энергичные атаки, развернутые Лю Шаоци и Дэн Сяопином с помощью отдела пропаганды, побудили Мао начать контр наступление, вылившееся позднее в пресловутую культурную революцию.

В качестве стратегической установки в борьбе Мао Цзэдун в первую очередь наметил разгром отдела пропаганды, чтобы захватить инициативу. Начал Цзэдун с того, что в апреле 1966 г. издал газету «Цзефанцзюнь бао», не называя имени, стал критиковать отдельных работников отдела пропаганды. Эта «критика» послужила сигналом для так называемой «организации», в результате которой уже в декабре был арестован заведующий отделом Лу Динъи, а его восемь заместителей были смещены со своих постов.

Ведущим органом, который вел кампанию против Лю Шаоци и Дэн Сяопина, стал журнал «Хунци», которым руководили фактически Чэнь Бода и Ван Ли. Оба они считались членами «группы по делам культурной революции» и выступали застрельщиками борьбы против Лю и Дэна. Читается газеты «Жэньминь жибао», то ее главный редактор и заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК У Лэнцзюнь, заместитель главного редактора Хунцзюнь, Ван И, Чэнь Цзюнь подверглись в начале один за другим начиная с июня 1966 г. Новым руководителем газеты был назначен Тан Пинчжу — член армейской группы по делам культурной революции», ответственное лицо» газеты «Цзефанцзюнь бао».

Однако отдел пропаганды, несмотря на очистку и назначение нового заведующего в лице Тао Чжу, члена Политбюро ЦК КПК, заместителя премьер-министра Госсовета и начальника канцелярии по делам просвещения, на включение главных его работников в состав членов «группы по делам культурной революции», не пользовался у Мао Цзэдуна полным доверием. Поэтому в мае 1966 г., после того как на 11-м пленуме ЦК КПК были смещены со своих постов Лю Шаоци и Дэн Сяопин, положение многих работников отдела стало шатким. И действительно, уже 15 ноября 1966 г. заведующий отделом Тао Чжу начал подвергаться нападкам, 5 января 1967 г. был выведен на публичное судилище на площади Тяньаньмэнь и осужден как «ревизионист». В этом же месяце на пятерых его заместителей были навешаны ярлыки «контрреволюционных ревизионистов», и они также были смещены со своих постов. Этот раз заведующим отдела был назначен Ван Ли — ставленник группы Мао Цзэдуна и Цзян Цин, и тем не менее ситуация положения вынудила Мао Цзэдуна пойти на новую перетряску пропагандист-

ского аппарата. В декабре отдел возглавил один из ближайших сторонников Мао — Чэнь Бода. Дальнейшее усиление фракционной борьбы привело к тому, что в 1971 г. пост заведующего отделом пропаганды возглавил Яо Вэньюань. Канцелярия Яо Вэньюаня непосредственно направляла работу журнала «Хунци», газеты «Жэньминь жибао», агентства Синьхуа, управления радиовещания и телевидения и других служб пропаганды.

Начиная с этого времени и вплоть до октября 1976 г., Цзян Цин использовала находящиеся в руках Яо Вэньюаня (читай, в руках Мао и его группировки) средства массовой и партийной пропаганды для создания общественного мнения, в основе которого лежала подготовка к наследованию власти, а также для развертывания следовавших одна за другой массовых кампаний: «критики Чэнь Бода и выправления стиля работы», «критики Линь Бяо и Конфуция», «критики Дэн Сяопина и правоуклонистского поветрия», целью которого было устранение всех препятствий на пути к захвату власти.

После смерти Мао Цзэдуна и устранения с политической арены пресловутой «банды четырех» (Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцзяо, Цзян Цин и Яо Вэньюаня) в высшем эшелоне китайского руководства усилилось влияние так называемых прагматиков. Это обстоятельство и проведение 3-го пленума ЦК КПК и XI съезда партии оказали определенное воздействие на всю пропаганду и каналы средств массовой информации Китая. Иными словами, с новым туром борьбы за власть началась и новая фаза схватки за контроль над пропагандистским аппаратом и системой массовой коммуникации. 31 декабря 1977 г. гонконгская газета «Дагун бао» писала, что работой по восстановлению и реорганизации отдела пропаганды было поручено заняться некой группе под руководством заместителя премьер-министра Госсовета Гэн Бяо. Поручение этой миссии Гэн Бяо не было случайным, ибо у Гэн Бяо были «свои счеты» с Цзян Цин, которая в марте 1976 г. на созванном ею совещании руководителей двенадцати провинций и автономных районов с особым ожесточением поносила Гэн Бяо и Чжан Пинхуа.

В центральной китайской печати того времени появились острые критические материалы, в которых развенчивались неблаговидные методы и приемы пропаганды, использовавшиеся «бандой четырех», которая, как утверждалось, в течение многих лет держала под своим контролем всю сеть средств массовой информации в стране.

Однако, как показывают все дальнейшие события политической жизни Китая, все эти «разоблачения» «банды четырех» за установление «фашистского господства» (читай — маонистского) над прессой, радио и телевидением КНР были не чем иным, как саморазоблачением главарей китайской пропагандистской машины и стремлением новых руководителей войти в доверие масс. Вся практическая деятельность ныне стоящей у власти группировки подтверждает

это, ибо суть китайской пропаганды как при «банде четырех», так и при нынешних руководителях остается неизменной: злобная клевета на страны социалистического содружества, и прежде всего на Советский Союз, безудержная проповедь шовинизма и милитаризма, стремление во что бы то ни стало оправдать курс китайского руководства на смыкание с самыми оголтелыми силами империализма и реакции. Так же как и во времена «банды четырех», одной из главнейших задач китайской печати остается стремление скрыть вероломное предательство интересов международного коммунистического и рабочего движения, предательство коренных интересов народов, борющихся за свое национальное освобождение, предательство интересов рабочего класса и всех трудящихся своей собственной страны.

Китайская пропаганда делает сегодня усилия, чтобы внушить китайскому народу мысль о якобы наступившей в стране полосе стабильности и единства как в китайском обществе, так и в правящей верхушке Китая. Факты говорят об обратном. К числу фактов, подтверждающих нескончаемость борьбы за власть в высшем эшелоне китайского руководства, относится то, что вплоть до настоящего времени во всех звеньях партийного и государственного руководства продолжается чистки и «реорганизации». Не является исключением и звено руководителей средств массовой коммуникации. И здесь продолжают так называемые реорганизации пропагандистских органов с целью устранения тех лиц, которые неуютны группировке, получившей преимущественное политическое положение на данном этапе. Как известно, с 7 по 11 января прошлого года в Пекине прошло совещание руководящих работников идеологического фронта, в котором приняли участие заведующие отделами пропаганды комитетов КПК провинций, автономных районов, городов центрального подчинения. После проведенной реорганизации отдел пропаганды ЦК КПК возглавил Ху Яобан, меняя на этом посту Чжан Пинхуа, который, по сообщениям иностранных наблюдателей, снят со своего поста как негодный некоторым нынешним китайским лидерам. На совещании, помимо обсуждения вопросов подчинения всей пропагандистской машины осуществлению «четырех модернизаций», в основе которых лежит милитаризация страны и подготовка к войне, была поставлена задача проведения в Китае широкого движения за идеологическое воспитание.

Установки, выработанные на совещании, отнюдь не направлены на оздоровление политико-идеологической атмосферы в Китае. Новым для этого совещания явилось то, что намечающиеся очередные чистки руководящего аппарата будут проводиться без навешивания ярлыков, а под предлогом некомпетентности тех или иных лиц, негодных нынешним пекинским лидерам. Как метко заметила японская «Нихон кейцзай симбун», говоря о чистке Лу Динъи и Чжоу Яна в 1966 г., их вычистили не за их соб-

ственные деяния и не за то, что они были по ошибающимся головам, а за то, что они были по ним с недостаточной силой²². Этот парадокс во многом объясняет kaleйдоскопическую смену шефов во «дворце владыки ада», как якобы именовали отдел пропаганды ЦК КПК в период господства «банды четырех».

Неклассовый характер печати КНР, переход контроля над ней от одной группировки к другой позволяли и позволяют использовать печать как арену междоусобной борьбы. Все прежние пропагандистские грехи, просчеты и провалы после каждой очередной политико-идеологической кампании, как правило, списывались на очередного «классового врага», «штрейкбрехера революции» или же на целую группу — «банду четырех». Но какие бы «исправления», «трансформации» и «коррективы» ни вносились в деятельность органов печати, принцип ее остается прежним: вновь пришедшие к власти лидеры по-прежнему следуют в русле идеологии маоизма, целью которой является манипуляция сознанием широких масс трудящихся Китая.

Со времени верхушечного переворота после смерти Мао Цзэдуна в октябре 1976 г. до сего времени все неблагоприятные приемы и методы пропаганды в Китае по-прежнему списывают на «банду четырех».

Выставление напоказ нечистот китайской пропагандистской кухни, лжи и фальсификаций, разоблачение методов дезинформации, нечистоплотности приемов, с помощью которых «четверка» стремилась манипулировать сознанием масс, в действительности есть саморазоблачение новых китайских руководителей. Сегодняшние пекинские лидеры, как и их предшественники, базируют свою идеологию на тех же маоистских постулатах, лишь облекая ее теперь в более благообразные словесные одежды, еще более беззастенчиво спекулируя на коммунистической фразеологии. Полностью унаследован, в частности, механизм создания у таночных пропагандистских материалов. Если до изгнания «банды четырех» заказывались материалы на определенную тему давались так называемым авторским группам то ныне для этих целей созданы «группы критики» или «теоретические группы» то или иной организации. В том и другом случае цель создания этих «групп» призван создавать видимость существования в Китае мнения широких народных масс. Радающиеся ныне в Пекине призывы «восстановить замечательный стиль нашей партии в учебе и печати, в топтанный в грязь «бандой четырех», необходимо по-настоящему взяться за теоретическую работу «выкорчевать ядовитое влияние четверки «перестроить идеологию» и так далее — более чем демагогия, ибо состоявшийся в августе 1977 г. XI съезд КПК безоговорочно подтвердил верность «теоретическому и идейно-политическому наследию маоизма — течению, принципиально враждебному марксизму-ленинизму.

²² «Нихон кейцзай симбун», 12.VI.196

Стремясь всячески продемонстрировать миру, что китайская пресса претерпевает существенные изменения», газеты ныне давно знают на первых страницах «Мао чжуси ю» — «изречения председателя Мао». На все «самых последних указаний» кормят ныне помещаются или телеграммы руководителей иностранных государств, или цитаты нынешних руководителей, в том числе и дважды снимавшегося лично Мао изданием со всех постов в партии и вне ее: Сяопина²³. Для придания видимости демократизации печати в газетах «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» появились рубрики «Письма читателей», «Краткие комментарии». Разумеется, все подобно рода нововведения служат всего лишь украшением для антинаучных, антимарксистских позиций, с которых велась и ведется современная китайская пропаганда. Сегодня газеты призывают к улучшению редакторского стиля, к созданию правдивых, свежих и интересных материалов, к борьбе со «стилем, характерным для партийных «банды четырех», вызывающим отчуждение и изобилующим длиннотами и изысканными фразами»²⁴. Однако подобная «критика» содержания и формы информации,

как бы она ни была эмоциональна, является уже избитым приемом маоистов, рассчитанным на сокрытие той истины, что пресса КНР — всего лишь средство манипуляции сознанием китайского народа.

Неприглядную роль средств массовой коммуникации китайские руководители и сегодня продолжают «разоблачать и критиковать», время от времени признают, что их «продукция» утрачивает доверие у широких народных масс. Так, журнал «Хунци» откровенно писал о том, что серьезно пострадал престиж официальной прессы, упал авторитет партийной печати²⁵.

В настоящее время трудно сколько-нибудь полно оценить нынешнее состояние китайской прессы. Однако, какие бы «сдвиги» ни происходили в структуре и содержании китайских газет и периодических изданий, одной из важнейших их функций остается облачение разногласий политическим группировкам в тогу дискуссий по теоретическим проблемам. Наблюдения за событиями в Китае показывают, что подобные «академические» дебаты обычно являются предвестниками очередного тура политической борьбы или маскировкой политических конфликтов в высшем эшелоне китайского руководства.

²⁴ См. там же, 22.IX.1977.

²⁵ См. «Хунци», № 2, 1977.

²³ См. «Жэньминь жибао», 14.X.1978.

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

Образ В. И. Ленина в изобразительном искусстве МНР

Т. А. Пострелова,
кандидат искусствоведения

На центральной площади Улан-Батора, там, где Дом правительства, где изваянный в камне Сухэ-Батор навечно вздыбил коня, — два флага: флаг моей родины и великой Советской державы, — говорил видный монгольский писатель Лодонгийн Тудэв. — Они и в праздник, и в будни неразлучны — красный флаг советского брата и наш, монгольский, красно-синие-красный. В нем и древность и новизна, в моем флаге. Синий — исконный цвет монголов, символизирующий вечное небо над степью. Старинное изречение гласит: «Отец наш — Синее Небо, мать наша — Золотая Земля». Красным был цветок на гимнастерках бойцов Сухэ-Батора. Под красным знаменем пришли на помощь нашей революции войска Красной Армии.

И общий наш учитель — Ленин. Вся жизнь любви и моей страны связана с именем Ленина. Каждый день я слышу имя Ленина, вижу его в движении моей страны, потому что страна моя живет именем и делами Ленина, идет по пути, указанному Лениным. Имя Ленина, имя Страны Советов... Все эти годы с нашим народом был советский народ — и в дни светлых радостей, и в дни суровой борьбы. И не исчислить всего, чем обязана моя страна героическому, великодушному советскому народу.

Щедра и могуча сила нашей дружбы, столь же щедро и сердце нашего народа, в котором ясным светом сияет благодарность великому другу¹.

Лучшим доказательством этой сыновней любви служат произведения поэтов и прозаиков, скульпторов и живописцев, графиков и прикладников, посвященные Владимиру Ильичу Ленину. Различны формы, воплощение, образ, создаваемые мастерами стекла, кисти, резца. Объединяет все эти произведения богатое духовное наполнение этого образа, верность художественным национальным традициям, творческая переработка культурного наследия и достижений советского изобразительного искусства в решении интернациональной темы «Ленин».

Как завет к рассказу об образе Ленина в монгольском изобразительном искусстве воспринимается картина художника Б. Доржханда «Верный путь». Стоящий у штурвала молодой, полный сил монгол и всадник в широкой степи, устремляющийся вперед, в обрамлении орнамента облаков, символизирующих счастье. Искры-молнии, высекаемые копытами лошади, — это храбрость и непобедимость всадника. Всадник-монгол совершил удивительный скачок из вековой тьмы феодализма в светлый социалистический мир. В Монголии родилась и действует Народно-революционная партия, она у штурвала. При братской помощи русского пролетариата монгольский народ завоевал свою свободу, вдохновленный идеями Владимира Ильича Ленина.

Болдогийн Марзан-Шарав — подлинный новатор, первый живописец и график революционной Монголии — создал и первый в своей стране и даже во всей Азии портрет Ленина, портрет-размышление, назвав его «Непобедимое ленинское учение»².

По заказу Сухэ-Батора писал Марзан-Шарав портрет Ленина. В бедной юрте творил монгольский живописец, именно в ней рождался драгоценный пример того, какой взлет в своем творчестве может совершить художник, когда он вдохновлен революционной темой, охвачен пламенным желанием ответить на самые главные требования эпохи. Создание произведения монголы ценят как подвиг художника, и с каждым годом все острее они ощущают его масштабы. Портрет висел в рабочем кабинете Сухэ-Батора. А в ноябрьские дни 1924 г. работа «Непобедимое ленинское учение» украсила сцену зала, в котором заседал Великий народный хурал, провозгласивший Монголию Народной Республикой и принявший конституцию нового государства.

Ленин изображен на фоне синего-пресинего неба и земного шара, что означает победное шествие по планете ленинского учения, в обрамлении красных знамен, древки которых увенчаны красными пятиконечными звездами с символами революционной Монголии. Нижнюю часть картины заполняют цветы лотоса, которые символизируют бессмертие дела Ленина.

В 1970 г. народный художник МНР, лауреат Государственной премии Г. Одон создал картину «Художник Шарав пишет портрет Ленина», передав тот трепет, с которым Шарав работал над своим главным детищем. «Это поистине изумительный подвиг, — говорил Г. Одон о Шараве. — Чем больше вдумываешься в него, тем острее

¹ Л. Тудэв. Мы — крылаты. — «Советская культура», 24.XI.1974.

² См. И. И. Ломакина. Марзан-Шарав. М., 1974, с. 153, 166—169.

чувствуешь его величие. Был 1923 год. Портрет Ленина создавал художник-самоучка, вышедший иконописец. Вот какие могучие крылья может дать творцу революционной теме...»³

Д. Мунх в своей картине изобразил членов монгольского революционного правительства во главе с Сухэ-Батором, которые знакомятся с портретом Ленина Б. Марзан-Шарава.

В первые же годы строительства новой Монголии многие художники обратились к ленинской теме. На страницах газет появляются портреты Ленина; создаются плакаты, изображающие Ленина с призывно поднятой рукой на фоне земного шара, в панике бегут феодалы и капиталисты от вождя трудящихся всего мира.

К портретному изображению Ленина обращаются и современные художники. Традиции реалистической портретной живописи, блистательно начатые Б. Марзан-Шаравом, успешно развиваются в творчестве Чимиддоржа, которому принадлежит один из лучших портретов Ленина. Над живописным решением образа Ленина работает Шагдарсүрэн. Вдохновенно звучит ленинская тема в плакате Б. Гамбосурэна. Ж. Цэнд-Аюуш в плакате «Заветы Ленина» стремится показать то, что дорого и близко каждому монголу, — образ гениальной исторической личности, свершившей крутой поворот в истории человечества, и победное шествие по планете ленинского учения. Д. Мажиг в графическом листе «Ленин» наделяет образ Владимира Ильича теплотой, прозорливостью, вдумчивостью живого конкретного человека.

Старейшая народная мастерица Б. Норолхо, заслуженный деятель искусств МНР, создала портрет Ленина в технике вышивки светотенью. «Работать над образом Ильича, собирать репродукции и фотографии с его изображением — это не просто профессиональная необходимость, — говорила Норолхо, — а насущная духовная потребность, которая придает мне силы в творчестве»⁴.

В своем плакате «Питомцы Ленина» народный художник МНР, лауреат Государственной премии МНР Д. Амгалан воплотил идею нерушимой дружбы советского и монгольского народов и общности пути к счастью, указанного Лениным. Художник вводит в композицию листа известные стихотворные строки:

Ленин нас братьями сделал навеки,
Ленин нам к счастью путь указал.

Этой же теме посвящен и другой плакат — «Миную капитализм» — и витраж, созданные Д. Амгаланом.

Посвящены образу В. И. Ленина линогравюры Ц. Равдангийна «Ленин», Р. Цэдэ-Ленин, плакаты Д. Доржпалама, М. Цэдэва «День рождения Ленина». Д. Лубсанжамц в своем плакате «Дружба навек» языком монументальной живописи изображает Владимира Ильича на трибуне в обрамлении национального орнамента с гирляндами из дубовых и лавровых листьев на переднем плане и красной лентой с лозунгом «Дружба навек», обвивающей гербы Советского Союза и Монголии. Два золотистых диска являются как бы пьедесталом для фигуры Ленина. На переплетенных кольцах ленточках изображены серп, молот, пятиконечная звезда (символы СССР) и знак «соёмбо» (первая буква старинного монгольского алфавита) — символ МНР. Целая система представлений зашифрована в этом знаке. Три языка пламени — символ прошедшего, настоящего и будущего народа. Солнце и молодой месяц — начала бытия. Перевернутые треугольники — наконечники копий, опущенные вниз (первый означает «конец войны», второй — «гибель врагу»). Вертикальные прямоугольники означают прямоту, справедливость; горизонтальные прямоугольники — твердость, служение общему делу. Две рыбы, расположенные по кругу, — знак мудрости и бдительности (рыба не смыкает глаз). Венчает идеограмму пятиконечная звезда. Эмблема «соёмбо» означает здравницу: «Да живут монгольский народ и монгольское государство!»

Свято чтит память гениального вождя всех трудящихся монгольский народ. Свидетельство этому — памятники Ленину, воздвигнутые монгольскими скульпторами и архитекторами во многих городах и селах страны (в Дархане, близ Улан-Батора, в Налайхе и Сайшане, что в самом центре Гоби). Монументальные скульптуры Д. Дамдина, Л. Дашдэлэга, Д. Магсара, Санжи, П. Зулзага и других деятелей передают облик Ленина — вождя, трибуна.

Л. Басанжав создал рельеф с изображением В. И. Ленина, в котором образ передан более камерно. Художник-декоратор Государственного драматического театра Г. Д. Нацагдоржа Б. Гурдорж использовал для создания портрета Владимира Ильича своеобразный материал — мех.

Народный умелец, резчик по дереву Ц. Гончигсүрэн создал скульптуру Ленина в полный рост, установленную на кубическом постаменте в виде ларца, покрытого рельефными композициями, изображающими развитие сельского хозяйства, промышленности, транспорта и связи страны. Одна из ведущих тем рельефов — всадник-арат со взаменем в руке, мчащийся навстречу солнцу, которое встает из-за зубчатых гор. Ларец украшен искусным национальным орнаментом.

Из бересты создал портрет Ильича другой народный мастер — Гэндэндарма. Четкий профиль выполнен в белом, желтом, коричневом цветах техникой мозаичного набо-

³ Я. Рыжакин. Портрет, рожденный в юрте. — «Советская культура», 22.IV.1973.

⁴ Г. Белорма. Подарки Ильичу. — «Монголия», 1970, № 4, с. 15.

ра из берестяных полосок. Резчики МНР создали монументальное панно «Под знаменем Ленина» из ценных пород дерева с бронзовым барельефом В. И. Ленина. По слоновой кости работает заслуженный деятель искусств МНР резчик С. Сэнгэ. Его произведение «Ленинизм ведет нас вперед» посвящено замечательным успехам, которых добилась МНР в своем развитии благодаря учению великого Ленина и монгольско-советской дружбе. На горном хрустале вырезал барельеф с портретом Ленина умелец П. Чойнзон. Мастер-ювелир Б. Норло создала работу с использованием национальных мотивов, в которой изображение Ленина выполнено серебряной чернью.

Самым ранним изображением Ленина в пластике была работа мастера-умельца арата Доржа из кочевья Захын Зарман (одного из самых отдаленных населенных пунктов Гоби-Алтайского аймака, на юго-востоке Монголии). Он работал над портретом вождя в 30-е годы. Этот портрет выполнен в технике рельефа из сибирской лиственницы на ларце, имеющем форму легендарной шапки главкома Сухэ-Батора, которая олицетворяет героизм и мужество революционного монгольского народа. Ларец украшен медальонами, где в обрамлении национального орнамента — портреты В. И. Ленина и Сухэ-Батора. «Однажды, как рассказывают, попала Доржу в руки книга, где был портрет незнакомого человека. Объяснили ему, что это Ленин. Дорж много слышал о нем как о самом близком друге монголов, но портрета ни разу не видел. «Буду делать портрет Ленина-бугшу (учителя)», — сказал он. Когда работа была завершена, он поставил портрет на самое почетное место в юрте. Этот день был праздником в Захын Зармане. Соседи, все жители кочевья приходили в юрту Доржа посмотреть на портрет»⁵. В настоящее время портрет подарен Музеем В. И. Ленина в Улан-Баторе.

Перекликаются с фольклором произведения вышивальщиц, ковроделов и тех, кто работает в технике аппликации. Нойдансурэн выткала ковер с изображением Ленина. Б. Цэрма — лучшая мастерица-вышивальщица — создала панно «Ленин в Разливле», привнеся в древнее искусство монгольских вышивальщиц новую технику — в стиле вышивки светотенью. На передачу естественных красок человеческого лица мастерица употребила более десяти тонов шелковых нитей.

Значительное место в творчестве монгольских художников занимает тема великой дружбы В. И. Ленина с Сухэ-Батором и исторической встречи главкома народной революции и других посланцев монгольского народа с Лениным в Кремле (создано более 20 художественных произведений, в которых запечатлен этот исторический момент). Эта встреча решила крупную историческую задачу, определив некапиталистический путь развития Монголии к социализму. Именно поэтому с именами Ленина и Сухэ-Батора связано представление монгольского народа о новой, счастливой жизни, свободе, независимости, о братской дружбе и взаимопомощи.

Четкость замысла, стремление философски обобщить тему присущи скульптурной группе «Ленин и Сухэ-Батор» Давацэрэна. Р. Алтанхуяг изображает Ленина и Сухэ-Батора на фоне синего неба и золотого солнца в листе «В. И. Ленин и Д. Сухэ-Батор». График, используя возможности линогравюры, ищет новый подход к раскрытию темы — монументально, величественно трактует характеры, обеспечивая тем и пластическое решение композиции. Совсем иное живописное решение этой темы, более конкретное, лиричное, — у Н. Цултэма в картине «Ленин и Сухэ-Батор», у Шагдарсурэна «Ленин и Сухэ-Батор», а также на шелковом панно (живопись на шелке) неизвестного автора, преподнесенном в дар делегацией Селенгинского аймака МНР трудящимся советского города Кяхта.

В триптихе Б. Чогсома «Завещание» Ленин указывает Сухэ-Батору путь к солнцу. Картина аллегорична, что сближает ее с устным народным творчеством. По эскизам заслуженного деятеля искусств МНР Д. Лувсанжамца народная мастерица Б. Норолхо создала яркое, самобытное произведение «Ленин и Сухэ-Батор» (или «Историческая встреча», или «Встреча»). Норолхо удалось через сложную технику традиционного национального искусства — аппликацию и вышивку золотой нитью по темному фону (способ «нахтын») — передать не только достоверность портретов, костюмов, события в целом, но и психологическое состояние людей. В этом, вероятно, одно из объяснений ощущения жизненной полноты мгновения. На голубом фоне четко выделяются силуэты фигур, обшитые золотой нитью, переливаются, мерцают, ткани одежды. С какой простотой, естественностью ведет беседу-наставление Владимир Ильич! Вышитые традиционные цветки лотоса («бадма»), означающие чистоту помыслов и намерений, расцвет, счастье, придаю работе глубокий смысл. Цветовые пятна лепестков лотоса усиливают торжественное звучание произведения, в общем довольно сдержанно решенного в цвете. По эскизам Д. Лувсанжамца Б. Норолхо создала и аппликации «Как претворяется в Монголии ленинский кооперативный план» (или «Ленин и кооперативный план в Монголии») и «Встреча монгольской делегатки с В. И. Лениным и Н. К. Крупской».

Событие, заложившее фундамент нерушимого единства двух народов, по-разному находит отражение в станковой живописи. В больших полотнах воплощены разнообразные и плодотворные поиски художников. Различные композиционные решения, бога-

⁵ К. Болдохонов. Портрет Ильича в музее Гоби. — «Советская культура», 5.II.1970.

ны пластические находки, многогранна цветовая палитра. Заслуженный деятель искусств МНР А. Сэнгэцохио в картине «Прием В. И. Лениным монгольской делегации» (гуашь) изображает момент, когда Д. Сухэ-Батор, Б. Цэрэндорж (будущий председатель Совета Министров Монголии), переводчик Эрдэнэ-Батхан и сопровождающие их А. Мягмар и Ульзий вошли в кабинет Владимира Ильича. В руках Сухэ-Батора небесно-голубой хадак (шелковый шарф) и чаша — символы счастья, приветов, большой любви и уважения. Улыбающийся Ленин идет навстречу монгольским товарищам с протянутой для дружеского рукопожатия рукой.

А. Сэнгэцохио продолжил живописный рассказ. Его вторая картина из цикла, посвященного этой теме, — «Историческая встреча». А. Сэнгэцохио передает эмоциональный порыв, вызванный впечатлением первого знакомства, экспрессивно ленинского движения, шага, голоса. Думается, что большим подспорьем для художника могли послужить воспоминания адъютанта Сухэ-Батора А. Мягмара. «Мы ждали Владимира Ильича, — рассказывал Мягмар. — Нам навстречу шел невысокий, плечистый, лысый человек в простом черном костюме — это был Ленин. Великий человек шел быстро, стремительно. По старинному монгольскому обычаю Сухэ-Батор преподнес Ленину большой голубой хадак. Ленин взял хадак обеими руками, ласково улыбаясь, поздоровался с нами за руку, затем пригласил всех сесть. Сам сел в кресло. И мы почувствовали себя хорошо, как дома. Неизгладимое впечатление произвела эта беседа на членов делегации. Мы получили огромный заряд революционности»⁶.

Народный художник МНР, лауреат Государственной премии Н. Пултэм создает на материале этого же исторического эпизода полотно «Незабываемые встречи» («Слово Ильича»), продолжая живописное воплощение встречи Ленина с Сухэ-Батором. Он передает момент увлеченности Владимира Ильича беседой. Чувствуется его горячая убежденность и глубокое внимание монгольских соратников. Художник с тонким лиризмом характеризует своих героев. Наряду с конкретными историческими лицами он изображает и тех, кто олицетворяет революционные силы страны: юная, как сама Революция, взволнованно подавшись вперед, слушает Ленина монгольская девушка, рядом с ней напряженно внимает словам Ильича юноша, стараясь записать все услышанное, зримо представляют светлое будущее своей страны. «Это полотно — результат упорного труда живописца по созданию любимого образа Ильича. Впервые к ленинской теме он обратился в 1951 году, будучи выпускником Московского художественного института имени В. И. Сурикова. В последующие годы он неоднократно возвращался к этой теме, к этому историческому факту, который является, по словам Цултэма, «самой памятной и светлой страницей новой истории Монголии». Цултэм внес свою лепту в создание не только монгольской, но и мировой художественной Ленинианы»⁷. Умелое, гармоничное использование лучших традиций национальной школы и методов реалистической живописи помогло Н. Пултэму создать оригинальное произведение, отмеченное печатью зрелого мастерства.

Вышивальщица Пунцагдулам с тончайшим мастерством, вышивая золотой нитью, воспроизвела картину Н. Цултэма. Прекрасна работа монгольских умельцев — резчики по кости «По Ленинскому пути», также посвященная этой исторической встрече. Теме «Ленин и советско-монгольская дружба» посвятили свои произведения Б. Гомбосурэн («Народная революция победила»), Р. Алтанхуяг («Солнце ленинизма»), Д. Лувсанжамц («Нерушимая дружба»).

Образ Владимира Ильича и сизидательный труд монгольского народа как единое, неразрывное целое нашли воплощение в панно «Мы с Лениным вместе», созданном в сложной классической технике аппликации и вышивки шелком на шелке рукодельницей А. Цэрэнху. Ныне этот подарок от трудящихся МНР ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина хранится в Центральном музее В. И. Ленина в Москве. Портрет В. И. Ленина во весь рост обрамлен восемью медальонами с портретами членов семьи Ульяновых и Владимира Ильича в разные годы жизни. Нижний, самый большой медальон изображает исторический момент встречи Ленина и Сухэ-Батора в Кремле.

Убедительно панно (аппликация, вышивка) на эту же тему народного художника МНР, лауреата Государственной премии У. Ядамсурэна и Я. Уржинэ «Нерушимая дружба». В центре композиции — портрет Ленина в обрамлении знамен, цветов лотоса, с солнцем и месяцем на фоне неба с бегущими облаками. Завершают композицию фигуры держащих хадак рабочих — русского и монгола, которые олицетворяют нерушимый союз двух братских стран-соседей. Мотив хадака, мотив непрерываемой нити, тесно объединяют монголов, символизируют нить жизни, нить радости и счастья.

Монгольская изобразительная Лениниана год от года обогащается новыми произведениями. Художники стремятся все глубже раскрыть образ великого Ленина, выразить живущее в душе каждого монгола бессмертные его идеи и свершения.

г. Ленинград

⁶ А. Мягмар. Незабываемые встречи. — «Монголия», 1970, № 4, с. 5, 6; см. также А. Крипель. У истоков дружбы. — «Правда», 20.IX.1978.

⁷ К. Болдохонов. Любовь к родному краю. — «Советская культура», 19.VII.1974.

ГОВОРЯТ ОНИ САМИ

Из доклада Дэн Сяопина 16 января 1980 г. на совещании кадровых работников в Доме народных собраний в Пекине

Некоторые лица из числа масс и рядовых членов партии и даже кадровых работников... не удовлетворены слишком медленным прогрессом. В силу этой неудовлетворенности у них возникает ощущение, что нет достаточных шансов на то, что выработанная нами политическая линия и четыре модернизации могут быть претворены в жизнь.

За истекшие 30 лет ввиду разного рода потрясений мы никогда не перемещали центра тяжести нашей работы на экономическое строительство. Поэтому преимущества социализма использовались слишком мало, производительные силы общества развивались медленно, нестабильно, негармонично, уровень жизни народа не повышался в достаточной степени. Десятилетняя великая культурная революция причинила еще большие страдания, вызвала огромное бедствие.

Расходы на образование, науку, культуру и здравоохранение у нас слишком малы и непропорциональны. Даже в ряде стран третьего мира этому аспекту придают больше внимания, нежели мы с вами. Индия ассигнует средства на образование больше, чем мы.

Погоня за привилегиями имеет место не только среди части высшего руководящего состава, но и на всех ступенях, во всех отраслях и ведомствах. Короче говоря, некоторые наши кадровые работники превратились в мандаринов и довольны.

Сейчас за рубежом, да и в Китае широко распространилось мнение о том, что у нас раздутые штаты, имеет место бюрократизм, решение вопросов оттягивается, дни проходят в собраниях и митингах. Многие проблемы, которые следовало бы решить одним телефонным звонком, не решаются и в полгода. О каком же осуществлении четырех модернизаций может идти речь, когда мы действуем подобным образом! Поэтому многие иностранцы говорят, что при такой модернизации дело не пойдет; такого же мнения придерживаются люди и в нашей стране. И это истинная правда, а не ложь.

Сейчас, и это необходимо подчеркнуть, авторитет партии не тот, что был в прошлом. Раньше при преодолении трудностей достаточно было одного призыва партии, одного слова Центрального Комитета партии, чтобы вся страна действовала согласно этому призыву, и мы успешно достигали поставленных целей. Серьезные стихийные бедствия в 1959, 1960 и 1961 гг. были быстро преодолены под общим руководством партии. Стоит напомнить о тех временах. Когда свыше 20 млн. рабочих были посланы в сельские районы, мы, следуя линии партии, четко разъясняли, почему это нужно, и никто не жаловался. Сейчас такое сделать нелегко. Почему же? Бесчинства Линь Бяо и «банды четырех» на протяжении десяти лет низвели партийные комитеты до послушных исполнителей осуществления «революции» и свергли партию в хаос.

Ряд членов наших партий не соответствует предъявляемым требованиям. Некоторые новые члены партии, будучи заражены крайне левацкими взглядами и не получив воспитания со стороны партии, не могут стать примером для широких масс, то есть не соответствуют требованиям, предъявляемым к членам КПК. Некоторые наши старые члены партии в течение длительного времени соответствовали тем требованиям, которые предъявляются к коммунистам, а сейчас они не могут быть примером для масс и тем более не отвечают тем критериям, которые предъявляются к коммунистам.

Некоторые члены партии теперь отличаются от коммунистов прежних времен. Они вступили в ряды партии прежде всего для того, чтобы попользоваться материальными благами, а что касается трудностей, то они у них на последнем месте.

В период великой культурной революции партийная дисциплина была расшатана, а в настоящее время она не восстановлена в полном объеме. В этом состоит основная причина того, что партия не может играть присущую ей руководящую роль.

Монография об освободительной борьбе китайского народа

Советские ученые ведут многочисленные исследования по истории китайского народа во время освободительной борьбы. Их вниманию неизменно пользуется период конца XIX в. — начало эпохи империализма, когда складывались основы антиимпериалистического и антифеодального движения в Китае. Последней работой по истории этого периода является монография Н. М. Калюжной, посвященная мощному народному антиимпериалистическому восстанию ихэтуаней¹. Свое название восстание получило имени возглавившего его союза «Ихэцзюань» — «Союза справедливости и мира» (полное название союза — «Ихэцзюань» — «Союз справедливости и мира», поднятый во имя справедливости мира», европейцы переводили как «Боксеры», откуда и пошло название «Боксерское восстание»).

Восстание ихэтуаней, охватившее на рубеже XX столетия весь Северный Китай, включая Пекин, было ответом китайского народа на агрессивную империалистическую политику Китая некоторые острова, захваченных в «аренду» ряд территорий, поставленных под свой контроль морские таможенники Китая, навязавших Китаю соглашения о концессиях и открытых портах.

Непосредственным поводом к восстанию служила деятельность католических и протестантских миссионеров, проникавших во все провинции, вмешивавшихся во внутренние дела Китая, пытавшихся сделать тех китайцев, которых им удавалось обратить в христианство, опорой европейцев и американских колонизаторов. Миллионисты Японии не только не отстали от империалистических кругов Европы и США, но шли даже впереди них в ограблении Китая.

¹ Н. М. Калюжная. Восстание ихэтуаней (1898—1901). М., 1978, с. 360.

Восстание ихэтуаней было огромным по масштабам, но оказалось бессильным справиться с захватчиками. Толпы повстанцев разрушали христианские церкви, убивали китайцев-христиан, разбирали железнодорожные пути, казавшиеся им порождением дьявола, но они не имели ни оружия, ни современной выучки, чтобы сражаться с регулярной армией империалистов. Пропитанные суеверием, ихэтуани верили в помощь потусторонних сил, верили в свою неуязвимость от пуль. Небольшая по размерам армия интервентов легко громила и повстанцев, и китайские правительственные войска, намного превосходившие ее численностью.

Рабочий класс и прогрессивные деятели разных стран выражали свое сочувствие освободительной борьбе Китая. В. И. Ленин передал симпатии российского пролетариата китайскому народу в своей знаменитой статье «Китайская война»². Но отсталость и темнота народных масс Китая привели в то время к поражению. Движение ихэтуаней было потоплено в крови. На целые десятилетия в Китае утвердилось совместное господство держав-агрессоров, оформленное выдвинутой США в 1899—1900 гг. пресловутой доктриной «открытых дверей» и опиравшееся на союз империалистов с реакционным пекинским правительством.

Изучение истории ихэтуаней помогает лучше понять закономерности развития Китая, его освободительного движения. Ихэтуаням посвящена огромная литература. Одна из первых книг на эту тему принадлежит видному русскому китаеведу А. В. Рудакову, очевидно описываемых событий³. Последние монографии (историка КНР Цзинь Цзяжуй, американского Ч. Таня, английского В. Перселла, тайваньского Дай Сюаньчжи) относятся к концу 50-х — началу 60-х годов⁴. Однако тема ихэтуаней далеко еще не исчерпана, к тому

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 378—383.

³ А. В. Рудаков. Общество Ихэтуаней и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. Владивосток, 1901.

⁴ Цзинь Цзяжуй. Ихэтуань юньдун. Шанхай, 1957; Ч. Таня. The Boxer Catastrophe. New York, 1955; V. Purcell. The Boxer Uprising, a Background Study. Cambridge, 1963; Дай Сюаньчжи. Ихэтуань яньцзю. Тайбэй, 1963.

же не со всеми положениями опубликованных работ можно согласиться.

Буржуазным ученым свойственны попытки оправдывать политику держав в Китае и принижать значение антимпериалистической борьбы китайского народа; литературе КНР, создававшейся в обстановке господства маоистских догм, напротив, присущи определенная идеализация ихэтуаней, оправдание стихийных, отсталых, националистических сторон этого движения, замалчивание его слабости, придание ему антифеодальных и чисто революционных черт.

Хотя советские авторы не раз писали об ихэтуанях в очерках и статьях, давно существовала потребность в капитальном исследовании, которое подвело бы итог современным знаниям о восстании ихэтуаней и дало бы научную оценку этого события.

Такой книгой, давно ожидаемой историками-исследователями и преподавателями, является монография Н. М. Калюжной. Ее книга — плод двадцатилетнего труда автора (первые публикации Н. М. Калюжной, связанные с движением ихэтуаней и его корнями, относятся к началу 60-х годов⁵). За это время автор овладел всей совокупностью источников по данному предмету, организовав перевод, комментирование и издание важнейших из них⁶. Автор охватил также всю русскую, западную и китайскую литературу об ихэтуанях, выпустив специальное историографическое исследование, в котором даются марксистский анализ и критика существующих концепций, — книгу «Восстание ихэтуаней (1898—1901)», которая завершает всю работу исследований⁷.

Н. М. Калюжная по-новому решает вопрос о хронологических рамках движения. Раньше некоторые авторы ограничивали его 1899—1900, 1899—1901 гг., большинство же относило восстание только к 1900 г., который в действительности был лишь высшей его точкой. Н. М. Калюжная доказывает, что восстание ихэтуаней зародилось в провинции Шаньдун, на границе с провинцией Чжили в 1898 г., откуда оно перекинулось на другие провинции. Концом движения автор считает примерно март 1901 г., когда в некоторых частях Чжили и других провинциях еще действовали отряды ихэтуаней.

⁵ См. Н. М. Калюжная. Антимиссионерские выступления в Китае (1886—1893). — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», № 66, 1963, с. 69—81; е е же. Восстание «Больших мечей» в Шаньдуне в 1896 г. — Там же, № 85, 1964, с. 60—71; е е же. О содержании прокламаций, написанных участниками движения ихэтуаней. — Там же, № 71, 1964, с. 133—142.

⁶ Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. М., 1968.

⁷ Н. М. Калюжная. Восстание ихэтуаней (1898—1901). Историография. М., 1973.

ней, а на границе Чжили и Шаньси удивляла свои позиции значительная группировка регулярных китайских войск под командованием Си Ляна, смещенного с должности в марте того же года.

Автор монографии решительно расходится с традиционной китайской трактовкой происхождения тайного союза «Ихэтуань». Историки цинского времени возводили торию этого союза к началу XIX в. Вопреки этому советский исследователь обоснованно считает, что союз «Ихэтуань» следует рассматривать «как вновь сложившееся объединение, состоявшее из различных формирований (тайные союзы, стихийно организованное местное ополчение, разбойничьи шайки, слабо связанных между собой, не имевших единого руководителя). Объединяющим началом этой организации служили антииностранный программа борьбы и пропаянные лозунги» (с. 389).

«Участниками восстания, — говорится в заключении к книге, — были представители различных слоев китайского населения: крестьяне, ремесленники, транспортные рабочие, демобилизованные солдаты, дворянство, шэньши, деклассированные элементы. В период войны с державами Китая в ихэтуань присоединилась часть правительственных солдат, а также китайской артиллерии» (с. 330).

Камнем преткновения для исследователей движения ихэтуаней служила обычная проблема соотношения в нем антимпериалистических (антииностранных) и антифеодальных (антиправительственных) элементов. Односторонний характер используемых источников привел к тому, что западные авторы в большинстве случаев настаивали на антииностранный сущности восстания ихэтуаней, в то время как китайские историки стремились отыскать у ихэтуаней антицининскую направленность. Те исследователи конца 50-х — начала 60-х годов, которые пытались примирить обе соперничающие концепции, находили, как они думали, выход в признании у движения ихэтуаней разных этапов (первый — антифеодальный, второй — антимпериалистический)⁸ или в наличии среди ихэтуаней двух постоянных враждующих направлений⁹.

Важнейшей заслугой Н. М. Калюжной следует признать то, что ей удалось в конце разобрататься в указанном сложном вопросе. Она установила, что данные существованию у ихэтуаней, даже на первом этапе, антифеодальных лозунгов могут считаться надежными. По существу бесспорным остается один факт: что в 1899 г. один из руководителей отряда ихэтуаней в провинции Шаньдун носил имя Бэнь Мин, «Истинный Мин», то есть как таковой провозглашал себя представителем светлой китайской династии Мин и соответственно противником правящей маньчжурской династии Цин. Есть и другие, более глу-

⁸ См. Фань Вэньлань. Новая история Китая, т. I, М., 1955.

⁹ In: V. Purcell. Op. cit.

жестки на антицинские настроения части иезуитов (с. 113—114). Однако Н. М. Калюжная справедливо воздерживается от того, чтобы преувеличивать значение всех этих разрозненных свидетельств.

Н. М. Калюжная показывает, что движение иезуитов с самого начала развивается в рамках закона. Повстанцев объединяет с господствующим классом идеология идеального национализма, усердно распространявшаяся рядом идеологов из среды чиновников и шэньши.

В монографии детально прослежена политика правящего лагеря по отношению к иезуитам. Н. М. Калюжная опровергла ошибочные в литературе поспешные выводы осваивающие историю установления союза между правительством и иезуитами к деятельности различных случайных факторов: деятельности отдельных лиц (например, чиновник Юй Сяня), подделке письма, подсунутого императрице Цыси и настроившего ее против иностранцев и т. п.

Вместо этого в книге неопровержимо, на многочисленных фактах показано, что значительная часть правящего лагеря (называя с шаньдунского губернатора Чжан Уминя в 1898 г.) склонялась к тому, чтобы использовать иезуитов против иностранных агрессоров. Другая группировка Далян Шикай, власти Центрального и Южного Китая) считала более реалистичной политику соглашения с иностранцами. Политике правительства Цыси, отражающей некую равнодействующую этих двух тенденций, Н. М. Калюжная находит не столько противоположных этапа по отношению к иезуитам, а серию постоянных колебаний.

Тогда, что в июне — августе 1900 г. Цинское правительство вынуждено было совместно с иезуитами два месяца воевать против империалистических держав, в значительной мере объясняется интервенционизмом и атаками держав, нагло нарушавших суверенитет Китая; переломными моментами явились тут выступление отряда английского вице-адмирала Сеймура против Китая 10 июня 1900 г. и взятие интервентами тайваньского форта Дагу 17 июня.

Китайская историография, особенно первая половина 70-х годов, идеализировала восстание иезуитов, служившее для нее живым подтверждением маоистских догм: империализм изображался «бумажным тигром»; героизм иезуитов, с дедовскими копьями и мечами шедшие против интервентов, изображался современным оружием конца XIX в., выдавались за пример того, что все еще живет живой человек, поднявшийся на надежную войну, будто против такого человека любая техника бессильна.

Объективное исследование свидетельствует, однако, что подобная картина далека от действительности. В частности, Н. М. Калюжная в своей монографии доказывает, что реальные силы иезуитов были,

пожалуй, еще меньшими, чем обычно считалось в литературе. Легко вспыхивая и широко распространяясь, движение иезуитов быстро и затухало. Так, в конце 1899 г. оно в короткий срок и прочно было подавлено на территории провинции Шаньдун; в 1900 г. — в провинции Чжили — при всем его размахе оно фактически длилось менее полугода (апрель — август), после чего наступил резкий спад.

В боях против интервентов иезуиты в полной мере проявили себя только в районе Тяньцзиня (июнь — июль 1900 г.), где, по подсчетам Н. М. Калюжной, 11-тысячной союзнической армии противостояли около 25 тыс. цинских солдат и, видимо, еще большее число иезуитов (с. 227). Страшный разгром, которому иезуиты подверглись в Тяньцзине, привел к тому, что последующее сопротивление интервентам, продвигавшимся от Тяньцзиня к Пекину, оказывали главным образом регулярные цинские части (с. 317—318). Впрочем, и эти части, сравнительно лучше организованные и вооруженные, расписались в то время в полном бессилии перед лицом вооруженных до зубов захватчиков. В некоторых провинциях (Шаньси, Цзилинь, Хэйлуцзянь) антииностранное движение вообще было организовано в значительной мере «сверху», усилиями националистически настроенных чиновников.

Бессилие движения иезуитов, его определенная реакционная сторона не должны затмевать для нас значение этого движения как патриотической войны китайского народа против захватчиков. Можно повторить здесь наиболее общий вывод работы Н. М. Калюжной: «Движение иезуитов, объективно направленное против империалистического гнета, при всех его недостатках и отрицательных чертах, было справедливой борьбой китайских народных масс, а героизм и патриотизм повстанцев заслуживают глубокого уважения... Однако в тот период в Китае не сложились необходимые условия для победы освободительного движения. Идеологические и организационные слабости иезуитов, двурушническая политика правящей китайской верхушки обрекли движение на поражение. Технически отсталый феодальный Китай не мог соперничать с высокоразвитыми капиталистическими государствами...»

События конца XIX — начала XX вв. послужили серьезным уроком для китайского народа. Население Китая начало понимать, что в условиях сохранения прогнившего маньчжуро-цинского монархического режима немислимо освобождение страны от империалистической зависимости» (с. 333—334).

В. А. Кривцов,
профессор, доктор исторических наук

* * *

Исследование социальной стратегии колониализма*

Проблематика монографии Ф. А. Тодер далеко выходит за пределы собственно тайваньской тематики, ибо охватывает широкий комплекс международных отношений в Восточной Азии на протяжении исторического периода, когда капитализм свободной конкуренции перерастает в свою высшую монополистическую стадию.

В схватке за Тайвань резко столкнулись интересы колониальных дельцов Англии, США, Франции, Японии и других капиталистических государств. Победителем в этом ожесточенном противоборстве за лакомый «тайваньский пирог» в конце концов выходит Япония, которая превращает остров в важную опорную базу дальнейшего развертывания своей колониальной экспансии в Восточной Азии.

Особую роль в социальной структуре тайваньского общества с середины XIX в. начинают играть торгово-посреднические компрадорские слои в связи с вторжением на остров иностранного капитала. Именно эти социальные группы — организаторы китайской миграции за рубеж, которые мы назвали бы тайваньской протобуржуазией, стремились в своей предпринимательской деятельности вырваться за пределы традиционных конфуцианских представлений об «идеалах» истинного общества. На эти же слои в максимальной степени стремились опереться европейские колонизаторы в ходе резкого расширения своей колониальной экспансии в Южной и Восточной Азии. По существу, автор разрывает процесс образования так называемых хуацяо — общин этнических китайцев, распространенных и в странах Юго-Восточной Азии.

В рецензируемой книге читатель найдет немало страниц, посвященных роли христианской церкви в развертывании колониальной экспансии капиталистических государств Европы и Азии. «Наступление Запада на инкомыслящий и инакочувствующий Восток, — пишет Ф. А. Тодер, — было неосуществимо без духовного просачивания в этот чуждый Западный мир: одной силы оказалось недостаточно. Нужны были подготовка, аппарат приспособления и убеждения, обладающий определенным уровнем умений и знаний, который могла поставить только церковь» (с. 60).

К середине XIX в. на колонизованном Тайване складывается весьма своеобразная социально-политическая структура общества, которая как бы отражала «известное равновесие» между цинскими властями материкового Китая и различными формами «самоуправления» в виде клановых объединений, гильдейских союзов, тайных об-

ществ и т. п., отражавших преимущественно интересы местной землевладельческой верхушки. К этому времени приблизительно 70—80 % населения острова уже были потомками китайских переселенцев из провинции Фуцзянь (с. 161).

Интенсивная китайская колонизация привела к концентрации огромных масс пахотных земель в руках крупных владельцев на материке. Многочисленные цинские чиновники и их приближенные становятся владельцами «казенной земли», реквизируемой в свое время у Ост-Индской компании. Феодально-бюрократическая верхушка расширяет свои владения за счет системы казенных лицензий («кэньху»), которые гарантировали им право получения соответствующей доли феодальной ренты («дацзу»). Как отмечает Ф. А. Тодер, «по томки держателей лицензий оказывались держателями документа, дающего им право на вечное получение дацзу с земель, и которых они никогда не жили и часто даже не знали, где они находятся» (с. 163). Многоступенчатая паразитическая аренда и субаренда, фактически отделявшая права владения от права собственности, превращала непосредственного производителя в объект многослойной докапиталистической эксплуатации.

К последним десятилетиям XIX в. на Тайване значительно усилились позиции местных помещичье-предпринимательских и помещичье-милитаристских группировок. Вместе с тем в социальной структуре тайваньского общества появились социальные силы, заинтересованные в модернизации социально-экономических отношений, что нашло частично свое отражение в известных формах Лю Минчжуаня (с. 171—186), которые содействовали превращению Тайваня в одну из наиболее развитых провинций Китая. Среди передовых кругов тайваньского населения пробуждаются идеи национализма, растет интерес к европейской культуре. «С введением европеизованного высшего образования и изучением иностранных языков, — отмечается в книге, — на острове начали распространяться нововведения. Росла китайская молодежь, знающая с революционными идеями Запада. Связанная с югом Китая, эта молодежь Тайваня все более проникалась сознанием необходимости переустройства всей системы маньчжурской монархии» (с. 187).

Во второй половине XIX в. обостряется борьба капиталистических государств Европы, а также США и Японии за господство в Восточной Азии, включая остров Тайвань. Автор весьма наглядно, используя международную документацию, показывает стремление США к захвату Тайваня. От экспансионистских настроений в правящих кругах США в тот период свидетельствует заявление сенатора Уильяма Стюарда (с. том, что внешняя торговля США «приближала... древние континенты и создала необходимость в приобретении новых позиций»). Другой сенатор, от штата Калифорния, доказывал необходимость «создания мировой державы, центром которой были бы Соединенные Штаты». В изданиях, от-

* Ф. А. Тодер. Тайвань и его история (XIX в.). Отв. ред. член-корр. АН СССР С. Л. Тихвинский. М., «Наука»; 1978, 337 с.

ваших вождельения бурно восходящей проамериканской буржуазии, говори- «Китай и Индия — наша очевидная ьба на Востоке» (с. 91).

в период второй англо-китайской войны реешный в делах США в Китае Питер дер в донесении, направленном в Ва- рттон, предложил план колониального дела Восточной Азии, с тем чтобы ышуская власть была установлена в ее, английская — в Чжоушане на ма- ьковом Китае, а американская — над ьмозой. Вслед за этим Паркер пересы- т в Вашингтон письмо от крупного риканского дельца Нея, который писал: сточный берег Формозы и его южная вечность... расположенные на прямом ровом пути между Китаем, Калифорни- и Японией, а также Шанхаем и Гуан- дул, должны стать протекторатом Соеди- ных Штатов Америки».

Правящие круги США в тот период не асплагали необходимыми силами, чтобы ерржать соперничество других колони- ьных государств. В длительной, сложной апряженной борьбе победителем стано- ся Япония, когда в 1895 г., по Симоно- сккому договору, завершившему японо- айскую войну, она добивается оконча- ьного отторжения Тайваня от материко- о Китая.

Японская колонизация Тайваня дала ьный толчок усилению националистиче- и реформаторских тенденций среди едовых кругов тайваньской интеллиген- , зарождающихся кругов буржуазии, ко- ая в условиях начавшегося в континен- ьном Китае движения Кан Ювэя за ьветительство и реформы выдвигает ю программу создания на острове «са- ьстоятельного народного государства — ьчжу-го, то есть республики» (с. 208), ьррая просуществовала всего лишь 5 ьшев. Это была первая республика, воз- ьшая в ходе борьбы против иностранно- ьладычества, за национальную независи- ь. «Именно лозунг народного правле- ь, — отмечает автор рецензируемой кни- ь — явился средством объединения раз- ьных потоков народной борьбы, развер- ьнувшейся по всему острову» (с. 220).

Антияпонское вооруженное сопротивле- ь потерпело тяжелое поражение, что яви- ь результатом раздробленности очагов ьбодительной борьбы и сепаратизма от- ьстных феодальных лидеров, анархизма ьвассированных элементов и утопических ьзовий крестьянско-ремесленнических масс. Одна из глав рецензируемой книги по- ьщена японской колониальной политике ьккупированном Тайване на рубеже X — XX вв. Захват Тайваня был нераз- ьвно связан с общей активизацией внеш- ь экспансии японского капитализма. Низ- ь уровень постоянного капитала, высокая ьта эксплуатации рабочей силы, которую ь массовом масштабе поставляли из дере- ь в вербовщики, «с неизбежностью вели ьужению внутреннего рынка. Приспоса- ьваясь к сохраняющимся феодальным пе- ьчаткам, имея дешевую рабочую силу и ьменяя полуфеодалные способы эксплу-

атации, японский капитализм объективно ьуждался во внешней экспансии» (с. 250).

Исследование японской колониальной ькупации Тайваня позволяет раскрыть осо- ьбенности социальной политики Японии в ьпорабощенных странах. Земельная пере- ьпись, в результате которой огромные мас- ьсы земли были экспропрированы (или на- ьсильственно куплены) и проданы правитель- ьственным предприятиям или японским ка- ьпиталистам, была ее началом. Обуржуази- ьвающиеся владельцы крупной земельной ьсобственности превращались в социальную ьпору колониального режима.

В промышленной сфере японцы проводи- ьли первое время курс на использование ьтрадиционной структуры сельских промы- ьлов, стимулирование капиталовложений ме- ьстного торгового капитала, мобильность ьразличных социальных слоев. Соответственно в колониальном обществе неуклонно «...размывался слой ростовщиков и торго- ьцев-перекупщиков, превращавшихся либо в ьпомещиков, либо в капиталистов. Крестья- ьне — пайщики товариществ по обработке ьсахара превращались в большинстве своем ьв рабочих; оставаясь же на земле, они ьоказывались опутанными кабальными ьконтрактами, из-за чего затем часть из них ь уходила в другие районы» (с. 275). Тем ьсамым колониально-буржуазная «цивилиза- ьция» объективно выполняла одновременно ьдве исторические миссии: разрушение стар- ьрой, консервативно-феодалной структуры ьи создание материальной основы новой, им- ьперналистической эксплуатации порабощен- ьных народов.

Содержательное историческое исследова- ьние Ф. А. Тодер не свободно, разумеется, ьот некоторых неточностей. Так, рассматри- ьвая стремление японского колониального ьрежима к сближению с тайваньской торго- ьво-помещичьей верхушкой, автор совершенно ьнеоправданно заключает, что капитали- ьстическая Япония якобы искала «ключ к ьдуховному миру широких слоев тайвань- ьских китайцев» (с. 281).

Разумеется, эти и некоторые другие по- ьгрешности имеют частный характер. Совет- ьская востоковедная литература пополнилась ьсодержательным и актуальным исследова- ьнием, значительно обогащающим наши зна- ьния по истории международных отношений ьи антиколониальных движений в Азии в пе- ьриод интенсивного перерастания капитализ- ьма в его высшую монополистическую стадию.

Что общего между историческими собы- ьтиями второй половины XIX в. и сегодня- ьшнего дня? Такой вопрос даже с позиций ькомпаративистики может показаться внача- ьле надуманным. Но только вначале. Читая ьи перечитывая солидное монографическое ьисследование Ф. А. Тодер, нельзя не при- ьйти к выводу, что актуальность исследова- ьния определяется не степенью хронологи- ьческой близости к современности, а научным ьуровнем, качеством самого исследования.

В. Ф. Ли,
доктор исторических наук

Маоизм — идейный и политический противник мирового революционного движения

Маоизм выступает на мировой арене как идейный и политический противник мирового революционного движения, как сила, противопоставившая себя основным революционным потокам современности. Идеологические концепции маоизма преследуют цель исказить марксистско-ленинское учение о мировом революционном процессе, противопоставить ему фальсифицированную трактовку проблем мирового революционного движения. В области практически-политической маоизм, широко используя социальную демагогию, пытается осуществлять курс, рассчитанный на разобщение и ослабление революционных сил современности, на подчинение их своим гегемонистским целям.

Критическому анализу идейно-политических концепций маоизма в области мирового развития и социальных революций посвящена книга доктора исторических наук Б. В. Поспелова «Маоизм и мировое революционное движение»*. Характерная особенность книги — комплексная разработка освещаемой в ней проблемы, широка диапозона вопросов, нашедших в ней отражение. Содержащийся в монографии анализ этих вопросов подчинен цели разоблачения подлинной сущности маоизма, его крайне реакционной роли как идейно-политического течения, стремящегося задержать поступательное развитие мирового революционного движения.

Хронологически монография Б. В. Поспелова охватывает в основном период с 1963 по 1976 г., когда в полную силу проявилась антимарксистская сущность идеологии и политики маоизма в отношении мирового революционного движения. Но, как справедливо отмечается в книге, относящаяся к этому периоду критика маоистской фальсификации движущих сил и характера общественно-политических процессов современности не является достоянием истории. Критический анализ идейно-теоретических основ маоизма на этой стадии его развития, показ эволюции маоистских концепций от левацкого радикализма до прямого союза с самыми реакционными силами империализма — отправная точка для разоблачения реакционной сущности установок, следуя которым и нынешнее китайское руководство ведет идеологическую, политическую и вооруженную борьбу против революционных сил современности.

* Б. В. Поспелов. Маоизм и мировое революционное движение (Некоторые вопросы критики маоистской фальсификации мирового революционного процесса). М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979, 200 с.

Раскрывая антимарксистское содержание маоистской идеологии, ее враждебность мировому революционному движению, автор характеризует исторические методологические и политические аспекты маоизма, неизбежно ставящие его в ряд с самыми заурядными мелкобуржуазно-националистическими течениями, пьющими кривую свою реакционную сущность марксистско-ленинской фразеологией. В книге подчеркивается, что мелкобуржуазность, великодержавный шовинизм, милитаристский дух, стремление к гегемонии, пронизывают позицию маоизма по всем новым вопросам теории мирового революционного процесса.

Эта черта маоизма особенно ярко проявляется в его отношении к кардинальным проблемам современности — к оценке сущности современной эпохи, вопросу о влиянии на развитие революционного движения борьбы против военной угрозы, выборе тактических средств осуществления социальных революций. Во всех этих вопросах маоизм прибегает к беззастенчивой фальсификации марксистско-ленинского учения, попыткам подменить их научное решение субъективистским, волюнтаристским их толкованием. Излагая содержание некоторых постулатов маоизма, противопоставляемых его адептами марксистско-ленинской трактовке ключевых вопросов теории мирового революционного процесса, автор пишет, что игнорирование социально-экономических условий, отказ от объективных критериев оценки происходящих в мире событий, стремление подменить «теоретические» изыскания задачами политической борьбы привели маоистское отрицание мирового социализма.

Закрывая глаза на существенные сдвиги в международных отношениях, отбрасывая наличие сил, способных противостоять попыткам империализма развязать новую мировую войну, они пытаются обосновать тезис об усилении угрозы новой войны благоприятном воздействии этой угрозы на социальное развитие. То же самое касается вопроса о формах и методах социальных революций. По этому поводу в книге говорится: «Исходя из антимарксистского понимания сущности мирового развития маоизм признает только одну форму мировых движений — форму вооруженного наступления. Теоретическая установка революцию, обязательно развивающуюся в форме вооруженного ниспровержения существующего строя, противоречит марксистско-ленинскому учению о революционной ситуации... вместо оценки основных признаков революционной ситуации, сформулированных В. И. Лениным, маоисты прибегали к произвольно сконструированным выводам о характере данного этапа революционного движения в той или иной стране или группе стран, волюнтаристски усматривая наличие революционной ситу-

там, где ее нет» (с. 51). Отсюда следуют авантюризм идейно-политических установок маоизма, неизбежно обрекающих революционные силы на поражение там, где они, поддавшись ультралевацкой демагогии, пытаются выступить против существующих режимов.

В книге анализируется отношение маоизма к основным революционным силам современности — мировому социализму, международному рабочему движению, национально-освободительному движению. Автор показывает враждебность маоизма социализму, мировому рабочему движению, попытки принизить всемирно-историческое значение достижений стран реального социализма, революционной борьбы развивающихся капиталистических стран, обвинить единство и боеспособность рабочего класса путем навязывания ему авантюристических установок.

Особенно ярко враждебность маоизма рабочему классу, всем революционным силам современности проявляется в его провокационной, раскольничьей деятельности против коммунистических и рабочих партий, возглавляющих борьбу трудящихся капиталистических стран против гнета монополий.

В книге говорится, что подлинная сущность идейно-политических концепций маоизма в отношении тактической линии революционной борьбы рабочего класса наглядно проявилась, в частности, в идеологической платформе и практической-политической линии маоистских группировок, созданных в капиталистических странах. Это и провозглашение войны, и полный отказ от мирных форм революционной борьбы, и антисоветизм, и клеветнические выступления против коммунистических партий своих стран, и попытки отрицать необходимость широкого антимонополистического фронта. Идеологическая платформа этих группировок, провозгласивших маоизм своим идейным знаменем, заключает в себе такие установки, которые не имеют ничего общего с задачей осуществления идеала революционной борьбы рабочего класса. В практически-политической области группировки поборников маоизма, действуя по его рецептам, пытаются проводить курс на раскол рядов рабочего класса по национальному признаку, противопоставляя друг другу различные группы рабочих, делая ставку на люмпен-пролетарские слои, прибегая к провокациям в рядах рабочего движения, стараясь в специфических условиях развитых капиталистических стран вызвать «городскую партизанскую войну».

Большое внимание в книге уделено разоблачению антимарксистских концепций, которые маоизм хочет навязать национально-освободительным движениям. Автор пишет, что праворевизионистская теория «новой демократии», фиксирующая завершение национально-освободительной борьбы на стадии антифеодальной революции, левые лозунги «немедленной пролетарской революции», концепция «народной партизанской войны», «окружения города деревней», «опоры на собственные силы» и пр. — все эти и другие идейно-политические

установки маоизма преследуют одну цель: изолировать национально-освободительные революции от мирового социализма и международного коммунистического и рабочего движения и таким образом создать условия для усиления влияния маоистского Китая в развивающихся странах.

В книге подчеркивается, что для маоистских установок в области национально-освободительного движения характерно прежде всего всемерное принижение роли рабочего класса в национально-освободительных революциях. Именно в этом суть маоистской концепции «партизанской войны» и тезиса об «окружении города деревней». Примененные к мировому революционному процессу, они означали отрицание всемирно-исторического значения освободительной борьбы международного рабочего класса, с мелкобуржуазно-националистических позиций трактовали тактические задачи революций в бывших колониальных и зависимых странах.

Анализируя идеологическую платформу маоизма по отношению к национально-освободительному движению, автор разоблачает демагогический характер лозунгов и призывов маоизма в защиту национально-революционных сил. Эти лозунги и призывы лишь прикрывали подлинные цели Пекина, которых он добивался в зоне национально-освободительных революций.

«Апеллирование маоистов к силам мирового национально-освободительного движения, — говорится в книге, — попытки придать универсальный характер специфическому опыту китайской революции, проявившиеся в стремлении навязать этим движениям концепцию «новой демократии», «народной войны», «опоры на собственные силы» и т. д., были продиктованы не заботой маоистских лидеров о победе этих движений, не желанием вооружить их участников боевой революционной теорией. Подобные попытки маоистов вытекали из их гегемонистских, великодержавных устремлений, нацеленных на установление своего лидерства в развивающихся странах... Конкретные дела маоистов наглядно подтверждают это» (с. 154—155).

Автор приводит яркие примеры подлинного отношения пекинского руководства к национально-революционным силам и широким демократическим движениям в странах Азии и Африки. Эти примеры разоблачают подлинное лицо маоизма как злейшего врага национально-освободительных революций. В книге обращается внимание на то, что курс китайских руководителей на установление своего лидерства в странах Востока предусматривал сохранение в них самых реакционных режимов, если они шли на блокирование с маоистами; он сопровождался полным отказом от поддержки местных национально-освободительных движений. Отношение маоистов к чилийской хунте, которая пользовалась и продолжает пользоваться их широкой моральной и материальной поддержкой, их отношение к национально-освободительному движению народов Анголы, против которого Пекин выступил совместно с силами расизма и ми-

ровой реакции, достаточно наглядно раскрывают подлинные цели пекинских руководителей в отношении народов Азии, Африки и Латинской Америки (с. 157).

Говоря о принципиальной несовместимости маонистских концепций с задачами национально-освободительных революций, об их враждебности марксистско-ленинскому учению о путях развития социальных движений в странах Востока, автор прослеживает сходство маонизма с буржуазно-националистическими теориями, распространяемыми реакцией в афро-азиатских странах. Это — положительная сторона исследования, автор которого, по существу, впервые в нашей литературе осветил данную сторону идейно-политических процессов в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Отмечаемое им сходство обнаруживается в выборе методологических принципов анализа общественных явлений, в отношении к ленинской теории классов и классовой борьбы, в подходе к оценке основных явлений и процессов современного этапа исторического развития. Автор отмечает близость трактовки ряда философских вопросов в маонизме и сходных с ним реакционно-утопических течениях «национального социализма», получивших распространение в афро-азиатских странах. Всем им присущи идеалистическое толкование основного вопроса философии, эмпиризм, недооценка рационального знания, преклонение перед прагматически понимаемым опытом (с. 168). Ошибки методологического характера в том и другом случае порождают извращенное толкование политических проблем. Подобно маонизму, на антиленинских позициях в вопросах об определении сущности классов и классовой структуры общества стоят многие мелкобуржуазные теоретики «национального социализма». Отрицание марксистской методологии анализа общественных явлений приводит маонистов и теоретиков немарксистских «национальных социализмов» к стремлению соединить марксизм с традиционными социальными утопиями либо реакционными представлениями религиозно-мистического толка.

В книге говорится, что Мао Цзэдун призывал к созданию «китайского марксизма» на основе соединения марксистского учения с социально-утопическими представлениями китайского средневековья наподобие конфуцианской теории «датуна» либо с некоторыми положениями легизма. В арабских странах отдельные авторы, стоящие на мелкобуржуазно-националистических позициях, призывают к «сочетанию» марксизма с исламом (с. 169). Идеологи концепции негритюда утверждают, что социалистические идеалы были воплощены в первоначальных родо-племенных отношениях и что построение социализма на современном этапе должно означать восстановление этих отношений.

Автор подчеркивает, что именно на подобных методологических ошибках, совершаемых сторонниками маонизма и мелкобуржуазными идеологами немарксистских разновидностей «национальных социализмов», на непонимании ими самого духа

марксистско-ленинского учения основан ошибочный классовый анализ социальной структуры афро-азиатских стран, особенностей их исторического развития и путей дальнейшей эволюции их общественных систем. Для тех и других характерно антинаучное толкование сущности империализма, важнейших политических и идеологических проблем современного этапа мирового революционного процесса.

Прослеживая сходство маонизма с различными мелкобуржуазными вариантами афро-азиатского социализма, ставшее маонизм в разряд заурядных мелкобуржуазных и буржуазных теорий, автор вместе с тем указывает на серьезное различие между этими течениями антимарксистской общественно-политической мысли. Оно касается как их социально-классовой роли и исторического значения, так и некоторых важных сторон их идейно-политического содержания.

В книге отмечается, что, во-первых, отличие от мелкобуржуазно-националистических концепций афро-азиатского социализма, «оформившихся в условиях преобладания традиционно-общинных общественных и экономических форм в период после завоевания бывшими колониальными и зависимыми странами политической независимости, маонизм временно возобладали в КНР в условиях существования первичной базы социализма, созданной в результате победы народно-демократической революции. Если в первом случае появление немарксистских концепций социализма объективно отражало сложную картину борьбы различных тенденций в жизни освободившихся стран и стало этапом приближения к научному социализму, то появление маонизма означало попятное движение идейно-политического процесса в КНР отступление от прогрессивного развития страны по социалистическому пути. Во-вторых, в буржуазно-националистических концепциях, в том числе концепциях немарксистского социализма, не получил развития культ милитаризма, насилия, составляющий основу маонизма, делающего ставку на войну» (с. 178).

Автор справедливо заключает, что «эти и другие черты маонизма делают его особенно опасным течением как для народов афро-азиатских стран, так и для человечества в целом» (с. 179).

Заключая исследование, Б. В. Поспелов пишет: «Рассмотрение различных аспектов маонистской фальсификации мирового революционного процесса свидетельствует о том, что маонизм является идейно-политическим течением, не имеющим ничего общего с марксистско-ленинизмом, что маонистская идеология принципиально враждебна всем революционным силам современности. Выступая против мирового социализма, против международного коммунистического и рабочего движения, разоблачая себя как силу, угрожающую национально-освободительным революциям, маонизм стремится задержать развитие революционного процесса, препятствует расширению освободительной борьбы народов мира. Мелкобур-

вая сущность маоизма, антимарксистский характер провозглашаемых им «теорий» обусловили реакционное содержание его идейно-политического течения, нанеся вред всему мировому революционному движению» (с. 185).

Новое китайское руководство, пришедшее к власти после Мао Цзэдуна, унаследовало и углубило наиболее реакционные черты маоизма, еще более обнажило его реакционную сущность, его враждебность мировому революционному движению. Оно форсировало начатый при Мао Цзэдуна курс на срывание с мирового империализма, на усиление антимарксизма, перешло от открытого предательство национально-освободительных революций. Ради осуществления провозглашенной при Мао Цзэдуна цели подчинения Китаю Юго-Восточной Азии оно не остановилось перед вооруженной агрессией против социалистического Китая, развернуло подрывную деятель-

ность против молодых независимых государств Кампучии и Лаоса. На Среднем Востоке послемаоцзэдуновское руководство поддерживает силы контрреволюции в Иране, вместе с американским империализмом и пакистанской реакцией пытается сорвать процесс революционных преобразований в Афганистане. Словом, новые лидеры Китая на международной арене пошли по заезженной колее маоизма, до конца разоблачили перед всем миром контрреволюционное содержание его идеологии и политики.

Это свидетельствует об актуальности монографии Б. В. Пospelова, придавая ей характер исследования, имеющего серьезное научное и политическое значение. Выход рецензируемой монографии является заметным вкладом в литературу, посвященную критике маоизма.

В. А. Долматов

Эволюция образа героя в китайской классике

В советском Китаеведении последние два десятилетия были ознаменованы выходом в свет ряда серьезных фундаментальных исследований, в которых в той или иной мере затрагиваются теоретические проблемы истории китайской литературы, анализируются судьбы древней культуры в современном Китае, исследуются традиционные китайские представления о литературе, подробно исследуются основные аспекты драматургического искусства изацзюй, своеобразие китайской классической поэзии¹. Таков далеко не полный перечень трудов, над которыми неустанно трудятся московские и ленинградские ученые.

Новые работы советских Китаеведов отличаются общей характерной чертой — глубокая научность, марксистско-ленинская методология исследования, бережное отношение к объекту научного изыскания и блестящий стиль изложения сложного материала.

Вместе с тем нужно признать, что при всем тематическом многообразии существующих в нашей области в китайской литературе, которые до сих пор оказываются вне поля зрения исследователей. К их числу относится совершенно не изученная проблема эволюции изображения персонажа в китайской литературе. Восполнить этот пробел призвана книга Б. Л. Рифтина «От мифа к роману»².

Автор подошел к этой сложной теме, имея значительный опыт научных изысканий в области древнекитайской мифологии, китайской фольклорной традиции и средневекового романа. Да и сам он отмечает, что данная книга представляет собой продолжение и развитие некоторых положений предыдущей его монографии «Историческая мифология и фольклорная традиция в Китае», опубликованной в 1970 г.

Многовековая литературная традиция в Китае оставила нам в наследство огромное число литературных памятников, исследование которых дает возможность познать и то, из каких элементов составляется образ литературных персонажей, проследить эволюцию портретного описания от статичного к многоакурсному и динамичному изображению героя.

Поставив перед собой такую масштабную проблему, как изучение различных типов портретного описания персонажей в китайской литературе, Б. Л. Рифтин ограничивает свое исследование определенными историческими рамками. С этой точки зрения представляется удивительным тот факт, что автор, который подвергнут анализу с одной стороны, это древние философские, в особенности апокрифические, сочинения рубежа новой эры — вэйшу, с другой — народные книги линхуа и средневековые исторические и псевдоисторические романы XIV—XVI вв. Совершенно очевидно, что этот диапазон достаточно велик, чтобы располагать нужным материалом для сопоставлений.

Автора интересуют не литературные персонажи вообще, а определенный круг образов, традиционно присутствующих в китайской литературе на различных этапах ее развития. И выбор здесь падает прежде всего на мифических героев. Применительно к китайской мифологии правильнее было бы говорить о героях, которым приписываются различные гуманные деяния: спасение мира от стихийных бедствий, изобретение орудий

¹ См. Н. Т. Федоренко. Древние памятники китайской литературы. М., 1978; И. С. Лисевич. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М., 1979; В. Ф. Сорокин. Китайская классическая драма XIII—XIV вв. М., 1979; Е. А. Сербяков. Китайская поэзия X—XI вв. Л., 1979.

² Б. Л. Рифтин. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М., 1979, 360 с.

труда и пр. Известно, что мифологические сюжеты традиционно присутствуют в различных жанрах китайской литературы.

Однако всякое исследование китайской мифологии и ее героев представляет известную трудность. Древняя китайская мифология, создававшаяся многими племенами, населявшими территорию Китая, в силу ряда исторических обстоятельств превратилась в часть традиционной китайской истории, а мифические герои трансформировались в героев исторических, мифические императоры Яо и Шунь даже были провозглашены идеальными правителями. Прозошло это без участия конфуцианцев, которые стали использовать переосмысленные ими образы мифических героев для аргументации своего учения.

Б. Л. Рифтин по отдельным сохранившимся деталям, упоминающимся в различных источниках, реконструирует древнейшие зооморфные черты обожествленных первопредков и выявляет связь облика мифических героев с тотемистическими представлениями. Тотемизм как тип первобытного мировоззрения вообще изучен крайне мало. Лишь некоторые китайские ученые (Вэнь Идо, Юй Синьзу, Чжао Техань) обращались к этой проблеме. Книга Б. Л. Рифтина, выявляющая реликты тотемистического мировоззрения в портретах первопредков и государей древности, дает в этом плане новый и интересный материал историку китайской идеологии и этнографу. Обращение автора книги к проблемам тотемизма позволяет в первую очередь представить себе те принципы портретного описания, которые были характерны для древнекитайского миро-поэтического мышления. Кроме того, портретное изображение различных типов персонажей играло определенную роль в некоторых философских системах древнего Китая и в различных памятниках повествовательной литературы.

Полвека назад академик В. М. Алексеев в лекции «Китайская литература и ее читатель» утверждал, что задача синологов — «просвещать читателя в предисловиях и объяснительных комментариях и разоблачать нездоровую экзотику, как разоблачают невежество»³. Именно эти слова прославленного ученого вспоминаются, когда читаешь книгу Б. Л. Рифтина. Глубокое текстологическое исследование древних и средневековых литературных памятников позволило ему вскрыть значительные неточности многих переводчиков, стремившихся модернизировать и подогнать под современные представления портретную характеристику героев китайской прозы. Переводчик и толкователь произведений китайской литературы должен владеть всем арсеналом знаний, который ему предоставляют новейшие исследования ученых-китаеведов. Иначе вряд ли можно избежать серьезных промахов при встрече со сложными китайскими реалиями, которые попадают в литературу, особенно в древней и средневековой, чуть ли не на каждом шагу. К че-

му может привести небрежение или недостаточная осведомленность переводчик показано в книге Л. П. и В. Л. Сычевы «Китайский костюм», одна из глав которой посвящена трактовке костюма в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме»⁴. Исследователям соответствующих проблем не бесполезно ознакомиться с работами Б. Л. Рифтина.

Высокий научный уровень рецензируемого издания есть следствие комплексного историко-филологического и фольклорно-этнографического метода исследования, благодаря которому книга стала серьезным филологическим исследованием. Подтверждением могут служить детали этнографические исследования таких апокрифических сочинений, как «Чуньцю. Хэ чэн ту» «Лошу. Линь чжунь тин» рубежа нашей эры, потребовавшие обоснования сделанного перевода, и подробного истолкования и комментирования (с. 130, 150).

В некоторых случаях автор прибегает к методу частотного анализа, что позволяет установить интересную закономерность: в народных книгах пинхуа при портретном описании персонажа чаще всего отмечается рост героя, что характерно и для древней китайской этнографии, а лишь затем лицо, причем, как правило, с указанием его цвета, а не формы. Анализ показывает, что цвет лица героя народных книг представлял собой особо устойчивое клише, имеющее характер символа (с. 239—241).

Книга «От мифа к роману» делится на две неравные по объему части. В первой Б. Л. Рифтин обращается к самым древним китайским мифам и анализирует портретное описание мифических первопредков Фу-си и Нюй-ва, божественного земледельца Шэньгуна, верховного владыки Хуан-ди, «усмирителей потопа» Гуня и Юя, идеальных правителей древних времен Яо и Шуня, также описание внешнего облика легендарных царей и древних императоров. Вторая часть книги посвящена изучению портретного описания персонажей в народных книгах пинхуа, сохранившихся в изданиях начала XIV в. и позднее — в романе Ляо Гуаньчжуня «Троецарствие», а также в своеобразном псевдоисторическом или мифологическом романе Чжоу Ю «Сказание о начале мира» — произведении, никогда ранее в синологии вообще не исследовавшемся. Здесь же рассматриваются и общие принципы описания персонажей в книжной эпосе и романе.

Подробный анализ имен и облика мифических первопредков Фу-си и Нюй-ва позволяет сделать вывод о том, что в их описании присутствуют наиболее архаичные черты, присущие тотемным существам, то есть позволяют проследить процесс становления литературного персонажа.

Наличие многочисленных древних каменных рельефов, образов настенной живописи и средневековых портретов на шелке позволило сопоставить словесные и письменные описания персонажей с их изображением

³ В. М. Алексеев. Китайская литература. М., 1978, с. 88.

⁴ Л. П. и В. Л. Сычевы. Китайский костюм. М., 1975, с. 81—89.

ичных жанрах древнекитайского изобра-
тельного искусства. Такое сопоставление
позволяет сделать вывод о том, что пред-
ставления о Фу-си и Нюй-ва совпадают лишь
в общих чертах и отличаются рядом сущест-
венных деталей.

В письменных памятниках можно просле-
дить эволюцию изображения персонажей от
морфных и зооантропоморфных обра-
зов к полностью антропоморфным. Что же
касается древнего изобразительного искус-
ства здесь можно говорить о различных
типах портрета мифических первопредков.
В каменных рельефах просматривается
тип архаичный, зооморфный, а в живописи
— более антропоморфный портрет героев
древних мифов. Б. Л. Рифтин высказывает
предположение, что «различные типы
портретных изображений Фу-си и Нюй-ва
являются результатом различных сложных конта-
минаций и трансформаций, а также использо-
вания уже готовых изобразительных форм
различных племен и наполнения их новым содер-
жением» (с. 79).

Словесные описания других мифических
персонажей — Шэнь-нуна, Хуан-ди и их по-
следков — свидетельствуют о существовании
определенной модели портретного изображе-
ния персонажей в древней литературе.
Вспомогательными постоянными компонентами такой мо-
дели входили уже упоминавшиеся ранее
элементы: росте героя, детализированное опи-
сание его лица, в том числе и особая маги-
ческая точка в межбровье, именуемая «лун-
лин» — «драконов лик».

В канонизированные конфуцианством мифи-
ческие правители древности Яо и
Шунь довольно подробно описаны в мало из-
вестных до сих пор апокрифических сочи-
ниях вэйшу. В облике Яо обнаруживаются
некоторые реликты древнего изображения
визитера в облике птицы. Мы находим
и следы древних изображений Шуня
первопредка некоторых племен с харак-
терными тотемными чертами. Эволюция
изображения Шуня весьма любопытна. Ран-
ние мифы, видимо, изображали его охотни-
ком более поздние — землепашцем. В VI—
V вв. до н. э. Шунь превращается в идеаль-
ного правителя конфуцианского толка.
С развитием антропоморфных представлений
в древних китайцев появилось изображение
Шуня в человеческом облике лишь с
незначительными зооморфными чертами. В опи-
сании внешнего облика этих «совершенно-
ных» правителей обнаруживаются черты
уже изначально данные (элементы так назы-
ваемого статического портрета), так и бла-
гоприобретенные, но последние — в значи-
тельно меньшей степени.

В реконструированный по многим древним
описаниям облик легендарного правителя
по конфуцианской традиции — тирана,
предшественника к гибели династию Ся, позволя-
ет увидеть, как древние китайцы представ-
ляли себе отрицательные персонажи своих
предков. Первоначально Цзе изображался
вместе с типичными чертами и атрибу-
тами стандартного эпического героя. Позд-
нее возникает представление о нем как о
злым герое, который способен противоб-
раться не только диким зверям, но и людям-

врагам. И лишь под влиянием конфуцианст-
ва, ставившего знания и обряды (вэнь и ли)
выше физической силы, Цзе превращается в
отрицательного правителя-тирана.

Первая часть книги заканчивается разде-
лом, в котором описываются портреты исто-
рических деятелей, начиная с мудрого пра-
вителя Чэн-тана, которого традиция счита-
ет основателем династии Инь, до правите-
лей малых династий, предшествовавших эпо-
хе Тан. Б. Л. Рифтин приходит к выводу,
что если первоначальное представление о
первопредках было недифференцированным,
то позднее каждый персонаж стал опреде-
ляться каким-то характерным атрибутом
(с. 203). Автор использует известный трактат
«Критические суждения» Ван Чуна (I в.
н. э.), когда описывает характерное для
эпохи поздней древности определение «обли-
ка героя через один его постоянный признак,
который в любом литературном тексте даже
без упоминания имени персонажа должен
был вызывать у читателя ассоциации с дан-
ным героем древности» (с. 204). Это было
чрезвычайно характерным и для средневе-
ковой литературы. Как выяснилось, в древ-
ней литературе портретным описанием бы-
ли удостоены далеко не все исторические
личности, а только первопредки, полулеген-
дарные и полумифические основатели пер-
вых династий, а далее — только основатели
последующих династий. Этот факт, по-види-
мому, свидетельствует о том, что в древнем
Китае портретные характеристики стали иг-
рать существенную роль в утверждении
«законной» преемственности государствен-
ной власти.

Сильное влияние на портретные характе-
ристики властителей в исторической прозе
оказал буддизм, появившийся в Китае в
первых веках нашей эры. Это влияние было
настолько значительным, что средневековые
китайские историографы даже начали пере-
носить черты облика Будды в портретное
описание своих императоров.

Изучение всех этих образов представля-
ется нам чрезвычайно важным в связи со
многими идеологическими дискуссиями в
современном Китае, например с дискуссией
о пересмотре отношения к Цинь Шихуану
или к Цао Цао. Работа Б. Л. Рифтина
дает ключ для понимания многих мест в
древних исторических сочинениях, где тра-
фарет описания, восходящий к мифологи-
ческому мышлению, превалирует над изо-
бражением реального исторического лица.

Во второй части книги рассматриваются
портреты персонажей средневековой пове-
ствовательной прозы и прежде всего герои на-
родной книги — пинхуа, портретная харак-
теристика которых в отличие от древней ис-
торической прозы нередко дается в момент
описания критической жизненной ситуации
персонажа.

В этом разделе книги читатель найдет
своеобразные фольклоризированные описа-
ния исторических персонажей: основателя
царства Шу — Лю Вэя или его ближайшего
сподвижника Гуань Юя, корейского полко-
водца Кэ Со Муна (Гэ Сувэня) или предво-
дителя народного восстания конца IX в.
Хуан Чао. Нет сомнений, что все связанные

с их образами разыскания Б. Л. Рифтина важны и для нашей исторической науки, и для изучения особенностей народного мировоззрения в средневековом Китае.

На примере романа «Троецарствие» Б. Л. Рифтин показывает, как средневековый китайский автор нередко использовал портретные описания, взятые из исторической прозы и народных книг, для описания популярных героев. Как и в пинхуа, герои романа представляли перед читателем в виде статической фигуры, описываемой только один раз, при первом появлении в повествовании. Для «ситуативных» описаний Ло Гуаньчжун часто использовал черты, уже известные читателю из первых, статических описаний того же героя.

Анализ «Сказания о начале мира» показывает, что Фу-си, Нюй-ва и другие мифические герои описаны в романе XVI в. уже не по стереотипу древних текстов и памятников изобразительного искусства, а в соответствии с традицией средневекового устного сказа, народных книг и романов. Все это, как доказывает автор, говорит в пользу решающей роли законов жанра в средневековой литературе.

Выскажем теперь некоторые критические суждения, которые носят, скорее, частный характер. Если бы автор в конце первой части или в конце книги привел сводные таблицы (так удачно примененные им в книге «Историческая эпопея...»), в которых сгруппировал бы наблюдения над портретным описанием каждого из рассмотренных героев, то это позволило бы читателю получить более стройное и целостное представление о весьма обширном и подробно проанализированном материале, а главное, удачно дополнило бы ценный указатель, каким, в частности, является словарь — указатель характерологических знаков, атрибутов персонажей и фольклорных мотивов, который дан в приложении к книге (в нем Б. Л. Рифтин приводит знаки-клише, из которых набирался портрет мифических героев в древней литературе и литературных персонажей в народных книгах и книжных эпопеях).

Толкование ряда слов и словосочетаний в книге вызывает некоторое сомнение. На с. 245 сочетание «чжи цзянь» предлагается перевести как «взгляните», «только посмотрите». Это словосочетание встречается довольно часто в устном сказе, да и про-

сто в разговорной речи при изложении последовательно разворачивающихся событий. В отличие от «це кань» («взгляните») рассматриваемое словосочетание, по-видимому, правильнее было бы перевести как «и вот появился», «и вот показался», «глядь». Под «да дао» (с. 253—254) следует подразумевать все же не «большой меч», обозначаемый в китайском языке морфемой «цзянь», а не очень длинную (не более 85 см), но широкую саблю-палаши с прямым однолезвийным клинком, слегка расширяющимся и изгибающимся к концу, причем обоюдоострым может быть лишь самый ее конец. К сожалению, в нашей переводной литературе термин «меч» уже устоялся и применяется с одинаковым успехом как для обозначения «цзянь» (что правильно), так и для обозначения «дао». Это же относится и к понятию «фей дао». Видно, давно назрела необходимость создания специального словаря-справочника, в котором приводились бы толкование единый установленный перевод на русский язык древних и средневековых реалий, к которым являются древнее оружие, бронзовые сосуды, названия чиновных должностей и прочее.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что фундаментальное исследование Б. Л. Рифтина, как и все его предыдущие работы, основано на самом тщательном критическом анализе огромного фактического материала, практически всего того, что опубликовано по этой теме на сегодняшний день его предшественниками на русском и западноевропейских, японском и китайских языках. В книге представлена обширная библиография по изучаемому вопросу, включающая 324 названия, половина из которых — на китайском языке.

О книге Б. Л. Рифтина «От мифа к роману» нельзя сказать, что она читается легко. Обилие фактов, детализированное скрупулезное описание каждой подробности, наконец, свойственная автору обстоятельность изложения налагают известный отпечаток на его язык. Все это требует от читателя постоянной напряженной работы мысли, в чем раскаиваться не приходится.

Н. А. Спешнев,
кандидат филологических наук

г. Ленинград

* * *

Становление прогрессивной литературно-критической мысли в Китае

Общепризнано, что зарождение и развитие прогрессивной литературной теории и критики, ее борьба с откровенно реакци-

онными и мнимо аполитичными концепциями составляют одну из важных сторон истории современной китайской литературы, зародившейся в конце первого десятилетия нынешнего века. Не случайно этой проблеме уделяется значительное внимание во всех общих работах по истории новой китайской литературы, так же как и в монографических исследованиях о творчестве ее наиболее видных представителей. Одним из специальных исследований по данному вопросу пока что появилось немногочисленно. Первой среди них была объемистая книга Ли Хэлиня¹, весьма полезная в свое время

но сейчас, естественно, устаревшая. В значительной степени на содержащихся в ней материалах основана книга А. Тагоге. Интересным, но ограниченным тематически и хронологически представляется австралийской исследовательницы Макдугал³, в котором речь идет о самом раннем этапе истории критической мысли в Китае. Напротив, поздние ее этапы рассматриваются в книгах М. Голдмана и Д. Фоккема⁴. Из советских сиологов особое внимание отдельным важным аспектам рассматриваемой проблемы уделено в своих монографиях В. Аджимамудова, В. Петров, Л. Позднеева, Н. Федоренко, М. Шнейдер⁵ и др.

Значительным шагом на пути создания длинной научной истории китайской литературной мысли в новейшее время является исследование известного словацкого киевоведа, сотрудника Кабинета востоковедения в Братиславе Мариана Галика, озаглавленное «Генезис современной литературной критики в Китае»⁶. Хронологические рамки работы охватывают период с появления первых литературных манифестов провозвестников борьбы за новую культуру в 17 г. до создания Лиги левых писателей в марте 1930 г. — важнейший период возникновения и вызревания новых течений, формирования школ и направлений, противоборства прогрессивных, реалистических и разного рода идеалистических течений.

М. Галик уже в течение многих лет занимается изучением различных аспектов истории литературной мысли в Китае XX в., опубликовав монографию о теоретических и критических воззрениях Мао Дуня⁷, а также значительное число научных

статей и рецензий. Настоящая книга во многом подытоживает результаты его исследований.

Как поясняет автор во введении, главным предметом его внимания является не столько литературная критика, ставящая своей задачей оценку и анализ конкретных произведений, сколько «философия литературы» — понимание сущности художественного творчества, его принципов, критериев оценки литературных творений, соотношения между литературой, с одной стороны, и обществом, революцией, политикой, идеологией — с другой (с. 5). При этом исследователь применяет системно-структурный подход, рассматривая в качестве единиц анализа системы воззрений отдельных, наиболее характерных представителей литературно-художественной мысли изучаемого периода. Взгляды их рассматриваются в рамках истории китайской литературы данного периода и истории мировой литературной мысли при сугубом внимании к воздействию прогрессивных литературных теорий (с. 3). Соответственно книга состоит из двенадцати глав, в каждой из которых анализируется совокупность высказываний одного или нескольких так или иначе связанных между собой писателей и идеологов, сыгравших заметную роль в развитии литературы и общественной мысли Китая в новейшее время.

В первой главе рассматриваются взгляды трех авторов — Ху Ши, Чжоу Цзожэня и Чэнь Дусю. Весьма различные по своим идейно-политическим позициям, а впоследствии оказавшиеся по разные стороны баррикад, в 1917—1920 гг. они выступали в числе инициаторов борьбы за новую культуру и активно сотрудничали в ведущем прогрессивном журнале того времени «Синь циньянь». Говоря об известных «Предварительных соображениях относительно реформы литературы» Ху Ши, автор отмечает, что критерием «новой» литературы Ху Ши считал разговорный язык байхуа, а важнейшими качествами — наличие «мыслей» и «эмоций», не раскрыв содержания этих понятий. Взгляды Чжоу Цзожэня Галик характеризует как «индивидуалистический гуманизм»: Чжоу полагал, что литература должна удовлетворять естественные запросы индивидуума (статья «Человечная литература»). В этом же плане он противопоставлял «литературу для простых людей» литературе «аристократической», «украшательской», занятой изображением героев, рыцарей, талантов и красавиц. К созданию «простой, народной литературы» звал и Чэнь Дусю, однако настаивал на том, что она должна быть социальной и реалистической, и рассматривал ее создание как революционный процесс. Такой же точки зрения придерживался и виднейший представитель начального этапа марксистской мысли в Китае Ли Дачжао: анализ его статьи «Что такое литература» (1919) в данной главе был бы вполне уместен.

Как известно, Го Можо — которому посвящена вторая глава — на протяжении

³ Ли Хэлинь. Литературно-художественная мысль Китая за последние 10 лет. — Изд. «Жэньху шудянь», 1939 (на г. яз.). В рецензируемой книге датой выхода этого труда ошибочно назван 1938.

⁴ A. Tagoге. Literary Debates in Modern China, 1918—1937. Tokyo, 1967.

⁵ В. McDugall. The Introduction of Western Literary Theories into Modern China, 1919—1925. Tokyo, 1971.

⁶ M. Goldman. Literary Dissent in Communist China. Cambridge, 1967; D. Fokkema. Literary Doctrine in China Under Soviet Influence. (1956—1960). The Hague, 1965.

⁷ В. С. Аджимамудова. Юй Дафу и литературное общество «Творчество». М., 1960; В. В. Петров. Лу Синь. М., 1960; Л. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество. М., 1959; Н. Т. Федоренко. Китайская литература. М., 1956; М. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цюй. М., 1964.

⁸ M. Galik. The Genesis of Modern Chinese Literary Criticism (1917—1930). London—Bratislava, 1980, 349 p.

⁹ M. Galik. Mao Tun and Modern Chinese Literary Criticism. Wiesbaden, 1969.

своей долгой литературной и научной карьеры не раз кардинально менял свои взгляды, подчас утверждая нечто противоположное тому, что он говорил ранее. И в первом десятилетии его деятельности как теоретика и критика М. Галик выделяет три этапа. В начале 20-х годов Го выступал с «эстетско-импрессионистских» позиций, находился под влиянием кантовской концепции «гения» и слов древнекитайского мудреца Чжуан-цзы о том, что тайна творчества состоит в забвении художником самого себя, отказе от выгоды и славы. Но в 1923 г. он обращается к идеям немецких экспрессионистов — главным образом представителей их левого, антибуржуазного крыла; Го отвергает путь подражания формам внешнего мира, ищет силу искусства во «внутренней природе» ее творца. Наконец, в 1926 г. Го Можо объявляет себя сторонником пролетарского искусства: он осуждает всю предшествующую литературу как «предназначенную для улады аристократов», он хочет слышать «крики угнетенных, стоны отчаявшихся, проклятия борющихся», зовет писателей «стать граммофонами» революционной эпохи. От увлечения романтической и экспрессионистской литературой он переходит к пропаганде реализма. Но, как справедливо отмечает исследователь, эмоционально написанным статьям Го часто недоставало последовательности и глубины.

Соратник Го по обществу «Творчество» Чэн Фанью известен как ведущий теоретик этого литературного объединения. М. Галик характеризует пройденный им путь как эволюцию от социэстетизма к «тотальной критике». Придавая большое значение социальной роли искусства, Чэн считал его главной задачей пробуждение в людях «сочувствия». Литература должна помогать улучшению жизни, но не должна делать это своей сознательной целью; главным средством достижения этого должно быть воздействие высокоморальной личности художника и красоты создаваемых им творений. Во второй половине 20-х годов Чэн становится одним из страстных приверженцев революционной литературы, подходя к ней сначала с эмоциональных и лишь позднее с классовых позиций. Эта перемена во взглядах привела Чэн Фанью к гиперритическому подходу ко всей современной китайской литературе и явно несправедливой оценке ряда ее виднейших представителей, особенно Лу Синя. По-видимому, Чэн скоро осознал свои заблуждения — во всяком случае, в последние десятилетия (он здравствует поныне) Чэн почти не возвращался к литературной критике.

Еще один ведущий участник «Творчества», Юй Дафу, отнесен М. Галиком к «панэстетическому» направлению в критике. Действительно, в начале своего творческого пути Юй Дафу находился под влиянием взглядов О. Уайльда и А. Бергсона, утверждал, что литература — «наука о прекрасном», что в широком смысле вся жизнь есть искусство. Говоря о классовой борьбе в литературе, он понимал ее как сопротивление установившимся порядкам,

как протест против социальных и моральных условностей. Исследователь считает возможным трактовать некоторые стороны возрений раннего Юй Дафу как «литературное декадентство и литературный анархизм» (с. 128). Но в 1927 г. Юй, по его собственным словам, «меняет направления и становится в ряды пропагандистов литературы, служащей целям социальной революции. Этот этап простого творческого пути Юй Дафу, художника и мыслителя искреннего, субъективного, мятущегося, рецензируемого исследовании не рассматривается; подробно о нем говорится в названной выше книге В. Аджимамовой.

Концепции революционной литературы получили распространение в Китае в год первой революции и особенно после ее поражения. Но первые значительные шаги этом направлении были сделаны ранее, начиная с 1923 г. Им посвящены две следующие главы работы. В пятой анализируются статьи молодых коммунистов, печатавшихся в журнале «Чжунго циньнянь»: Д. Чжунся, Юнь Дайина, Сяо Чунъюя. Наряду с ранними работами Цюй Цюбо автор рассматривает эти статьи, призывавшие к созданию литературы борьбы за социальное и национальное освобождение, к симптому возникновения «ангажированно-политической и приближавшейся к марксизму литературной критики.

Шестая глава посвящена критическому — порой, пожалуй, слишком строгому — разбору высказываний Цзянь Гуацзы, а также его художественных произведений и самой личности писателя. М. Галик приходит к выводу, что «его теория революционной литературы не может быть названа марксистской, хотя вдохновляла марксистскими идеями» (с. 142). Он справедливо указывает, что Цзянь Гуацзы, пропагандируя советскую литературную теорию первых послеоктябрьских лет, отдавал предпочтение сектантским взглядам «напостовцев», осужденным поздней РКП(б). Не нуждается в комментариях скажем, его заявление о том, что Демь Бедный — более народный поэт, нежели Пушкин. И все-таки разве подобные приемы не совершали (на китайском материале) другие молодые энтузиасты? Вероятно сейчас можно определить, насколько Цзянь Гуацзы виновен в распространении левацких тенденций в прогрессивной литературной мысли конца 20-х годов. Это были многочисленные социальные, идеологические и внутрилитературные причины, которые достаточно известны. Сам же Цзянь, несмотря ни на что, до самой своей безвременной смерти в 1931 г. оставаясь верен делу революционной культуры, не все из написанного им стало лишь достоянием истории.

Большой интерес представляет седьмая глава, посвященная Цянь Синьцуню (Ину) — пропагандисту «пролетарского реализма» и «литературы силы» (иными словами, «бунтующей литературы»). Насколько известно, это первое серьезное научное исследование данного вопроса, проведенное

с учетом тенденций мировой — прежде всего советской и японской — революционной литературы конца 20-х годов. Единственными представителями являются соображения о том, почему Цянь не принял такую живую часть концепции пролетарского аллианса, как психологизм. Очевидно, ему зашлось (и его оценки произведений Мао Дуня и Арцыбашева подтверждают это), что углубление писателей во внутренний мир персонажей только отвлекает литературу от самой актуальной задачи — поднимать народ на бунт против общества угнетения и насилия.

Последующие главы посвящены анализу литературных концепций трех виднейших представителей прогрессивной культуры Китая того периода — Мао Дуня, Цю Юэбо и Лу Синя. Об этом уже немало написано и самим М. Галиком, и другими исследователями. Тем не менее в каждом из этих разделов автор говорит новое слово, вводит оригинальные материалы, под новым углом зрения освещает уже известные. В рамках рецензии нет возможности ни оценить его вклад подробнее, ни судить некоторые детали, представляющиеся спорными. Несомненно, это будет сделано в специальных работах, ибо эта тема — роль Лу Синя и его соратников в обновлении марксистской критики и теории литературы в Китае, использование их опыта советской литературы — не перестанет привлекать внимание исследователей и в дальнейшем.

Одним из главных противников прогрессивной литературной мысли в те годы выступал ведущий идеолог общества «Помесяц» Лян Шичю. Ученик и последователь американского литературоведа Ирвина Бэббита, он выступил под знаменем «могутизма», заявив, что «литература имеет свое начало в природе человека, на ней основывается и в ней кончается». С этих позиций он подверг нападкам тезис о классовом характере литературы, вызвав ответную и очень убедительную критику со стороны Лу Синя. Как свидетельствует Вига, «при всей изощренности» Лян Шичю его «крайне идеалистические, далекие от действительности концепции» (с. 307) не смогли оказать серьезного и длительного воздействия на развитие современной китайской литературы.

Завершает исследование короткий раздел о полемике, которую вели в 1928—1929 гг. против Лу Синя и Мао Дуня участники «Творчества» Фэн Найчао и Ли Чуань. Позитивным итогом этой дискуссии, в то время принимавшей излишне резкие формы, было то, что она подготовила условия для объединения прогрессивных литераторов Китая в общую организацию. Создание в ней левых писателей и возникших вслед за ней аналогичных союзов левых деятелей театра, кино и изобразительного искусства ознаменовало собой начало качественно нового этапа в истории не только китайской литературной мысли, но и китайской культуры в целом.

По необходимости краткое изложение содержания книги М. Галика дает лишь очень ограниченное представление о сложности и разнообразии затронутых в ней проблем, о богатстве и нередко новизне использованного материала, основательности и оригинальности суждений автора. Выполняя свое обещание показать развитие китайской критики на фоне мировой литературной мысли, исследователь выказывает завидную эрудицию и владение приемами сравнительного анализа. Он не просто констатирует влияние того или иного эстетического направления или философской теории, но каждый раз старается установить конкретный источник влияния и показать, что именно взял китайский автор у своего иностранного предшественника, что отверг, а что интерпретировал по-своему.

В несколько меньшей степени, на наш взгляд, удалось Галику осуществить свое другое намерение — рассматривать взгляды отдельных критиков в связи со всей историей китайской литературы в данный период. Избранный им метод системно-структурного анализа совокупности взглядов индивидуальных представителей литературной мысли, безусловно, правомерен, а на данной стадии изучения, очевидно, наиболее целесообразен. Но ведь в реальной жизни эти критики и писатели выступали не изолированно, а обычно в качестве членов литературных объединений и групп, они участвовали в полемиках и дискуссиях, дружили или ссорились с собратьями по перу... Все это неизбежно накладывало отпечаток и на их работы, внося в них то сугубо личные элементы, то черты групповщины. Без учета этого не всегда понятны мотивы появления тех или иных суждений и их направленность. Безусловно, автор знает об этом, но избранный метод изложения не всегда позволяет показать эту сторону проблемы с достаточной полнотой. Впрочем, от одной, даже значительной по объему, книги нельзя ожидать равного внимания ко всем аспектам большой темы.

У рецензента есть ряд замечаний и соображений частного характера по некоторым разделам книги; наверное, такого же рода замечания возникнут и у других специалистов, имеющих отношение к данной теме. Это было бы естественно — слишком велик круг исследуемых вопросов, слишком недостаточно изучен обширный материал. Несомненно одно — монография М. Галика «Генезис современной литературной критики в Китае» является серьезным, фундаментальным трудом и в немалой степени восполняет пробел в изучении одной из важных сторон развития прогрессивной культуры Китая в новейшее время.

В. Ф. Сорокин,
доктор филологических наук

Китай после «культурной революции»

Вышедшая в свет в минувшем году коллективная монография советских китаеведов «Китай после «культурной революции»» сразу же привлекла внимание как специалистов, так и широких читательских кругов. Причина этого интереса не только в том, что новая книга посвящена совсем недавним и весьма памятным событиям в КНР. Интерес вызывает сам аспект рассмотрения этих событий: процессы, протекающие во внутривнутриполитической сфере, процессы функционирования самой маоистской политической системы, ее внутренней жизни и способов внутреннего обеспечения не всегда могут наблюдаться непосредственно. Между тем без познания внутренней природы маонизма невозможно активное противодействие этому фактору, который серьезно затрудняет процесс современного общественного развития.

Не вызывает сомнения и актуальность анализа внутренней политики маоистского руководства в период 1970—1979 гг., когда полностью проявили себя последствия «лево-маоистского переворота».

Маонизм 60—70-х годов навязал китайскому обществу нелепую цикличность «скачков» («революций») и упорядочений, заставив китайский народ растратить огромное количество общественной энергии на фантастические претензии социал-шовинистов. Китай вновь оказался в состоянии исторического кризиса (характер которого, кстати, заслуживает специального, комплексного, философско-исторического рассмотрения). Причем этот новый кризис не был обусловлен предыдущим этапом развития страны, когда в результате победы народной революции и успешного приступа к социалистическому строительству в 50-х годах наметился выход из прежнего, общесоциалистического кризиса. Более того, в результате маоистских «чисток» сегодня так и не обнаружили себя общественные силы, способные организовать действительный выход из критического состояния.

Не менее важно и другое — из этого периода непосредственно вышел современный этап эволюции маонизма, его идеологии и политики, сложилась нынешняя внутривнутриполитическая и историческая ситуация в стране.

Актуальность исследования этих событий имеет и международный аспект. Не случайно книга советских китаеведов уже неоднократно издавалась за рубежом. Что же произошло во внутривнутриполитической жизни

ни КНР после «культурной революции»? Какой политический строй был навязан Китаю в 70-е годы? Какие обстоятельства обусловили его возникновение? Таковы лишь некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении событий, описанию которых посвящена предлагаемая читателю книга. «Изучение внутривнутриполитической ситуации в Китае за последнее десятилетие, в первую очередь в связи с военно-бюрократической перестройкой политической системы КНР представляется особо важным для понимания процессов, происходящих в Китае, которые привели к его конфронтации с мировым социализмом, предательству интересов международного революционного движения» (с. 13) — так сформулировали авторы цель своего исследования.

Основное содержание рассматриваемого периода авторы книги характеризуют следующим образом: «Маоистский курс неудался в адекватном его содержанию административно-политическом аппарате и соответствующих ему общественных институтах. Создание такого аппарата и институтов вместе с внедрением в массы идеологических установок маонизма составляют суть внутривнутриполитического развития КНР после «культурной революции», положившей начало этому процессу» (с. 5—6). Однако, нашей точки зрения, подобная характеристика предполагает также и более четкую научную оценку смысла и итогов этого процесса. Дело не только в том, что маоистский курс, по существу, свелся к институционализации режима и к массовым репрессиям (см. с. 354, 355), но и в том, что попытка создания маоистской политической системы в ее «левом» варианте оказалась негодной ни по ее средствам, ни по химерическому характеру самой цели. С каждым днем становится все более очевидно, что маонизм в любом варианте — фальшь-идеология и фальшь-политика, то есть деятельность, не обеспечивающая действительного решения проблем развития КНР, призванная лишь сохранить и упрочить господство социал-шовинизма любым способом, «левым» или правым. Такова «диалектика» оппортунистов: и в правом, и в «левом» варианте они видят противником не друг друга, а научный коммунизм и его партию. Поэтому эволюция их политики в мистификацию неизбежна. Поэтому закономерный результат этой мистификации — предательство как «принцип деятельности». Авторы монографии весьма точно характеризуют маоистскую военно-бюрократическую диктатуру, подчеркивая, что подобный режим в обоих видах — основан ли он на перманентной дестабилизации или на «асолютомном» упорядочении общественной жизни — функционирует на базе факторов, хотя различных по содержанию, но равных противоборствующих требованиям общественного прогресса. Работа советских китаеведов восстанавливает действительную картину событий 70-х годов и тем самым разоблачает спекулятивный характер попытки свалить на «четвертку» (или даже на самого Мао) вину за трагедию минувших лет. Неопровержимо доказывает, что нынешний

* Китай после «культурной революции» (политическая система, внутривнутриполитическое положение). (Л. М. Гудошников, Б. П. Баракта, В. Г. Карымов, Р. М. Неронов). М., «Мысль», 1979, 360 с.

маоистское руководство видит в «критике Линь Бяо и Конфуция» лишь материал для изготовления аргументов в защиту собственного руководства дела интернациональной борьбы за торжество коммунизма.

Первая глава — «Трудности и противоречия нового режима» — характеризует идеологическую обстановку в КНР после девятого съезда КПК, ход формирования центральных органов этого режима. Меры по маоистскому «упорядочению» партии в целях обеспечения стратегической линии Мао Цзэдуна на милитаризацию страны и раздувание антисоветского, шовинистического психоза как постоянного фактора политики и общественных настроений в Китае.

Но маоистские усилия показали свою нестойкость очень скоро: через два года с небольшим политическая система КНР была потрясена острейшим кризисом сентября 1971 г., который привел к исчезновению официального наследника Мао Цзэдуна — Линь Бяо.

Вторая глава книги содержит серьезный и аргументированный анализ самого этого кризиса и как его следствия — серии политических и пропагандистских маневров различных политических сил. Маневры контролируемых группировок, как убедительно показывают авторы книги, свидетельствовали об усугублении неустойчивого состояния маоистской надстройки, несмотря на все попытки приспособить маоизм к условиям китайского общества и обеспечить ему устойчивую социальную базу.

Исследование дальнейших попыток приспособления маоизма и очередных компромиссов в пекинском руководстве составили содержание следующего этапа маоистской внутренней политики, связанного с решением X съезда КПК (глава III) — съезда укрепления стратегии и корректировки тактики маоизма. Данная глава интересна рядом обобщений, характеризующих маоизм как политику и идеологию.

Исследуемая далее кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» (глава IV) по своим масштабам, интенсивности и «историческому» камуфляжу занимает особое место в ряду ей подобных. Авторы убедительно и справедливо отмечают, что основанием этой кампании была борьба внутри маоистского руководства и маоистов с оппозиционными силами и что в ходе ее ставилась очевидной действительная функция политико-идеологических кампаний как «формы существования самого режима», «специфического метода политического руководства обществом» (с. 157). Авторы дают интересное описание этой функциональной стороны маоистских кампаний (с. 157—166), содержания и этапов их осуществления, их истинного смысла. В кампании же против Линь Бяо и Кунь идеология и практика маоизма достигли той степени самораскрытия (с. 186—187), которая соответствует политическому вырождению и идейной абсурдности.

Однако ни всеохватная кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», ни принятие новой конституции (глава V) не смогли

приостановить обострения кризиса китайского общества и кризиса самого маоизма, об этом очень убедительно свидетельствуют авторы. Парадокс ситуации заключался в следующем: чем с большим рвением маоисты пытались обеспечить будущее своей идеологии и психологии, «застолбить» ее на многие годы вперед, сделать «программой» будущего, тем менее устойчивым становился маоистский режим во всех его взаимодействиях.

Последние политические кампании и схватки в верхах при жизни Мао Цзэдуна, отразившие разброд в маоистской верхушке (глава VI), нашли свой конец в «землетрясении» 1976 г. в маоистской «поднебесной». Последние атаки «левых» во имя будущего «левого» маоизма, последние попытки спасти маоизм от явного краха, сопровождавшиеся далеко не последними расправами и чистками, развалом экономики и идейной деградацией, — таков объект исследования в этой главе.

Что же касается главы «Китай после Мао», то она очевидно носит добавочный, «вставной» характер, и хотелось бы надеяться, что авторы развернут ее в глубоком самостоятельном исследовании, посвященном очередному этапу политической жизни КНР.

Мы надеемся также, что это продолжение (или переиздание) позволит устранить некоторые частные промахи и оговорки, неясности или логические разрывы в основных главах, столь досадные в работе такого высокого качества. Наши пожелания касаются прежде всего редакционной стороны. Коллективная монография предполагает наличие ответственного редактора. В рецензируемом издании весьма заметно его отсутствие: отдельные параграфы выпадают из общего уровня работы, что создает ощущение неровности; отсутствуют выводы в главах и некоторых важнейших параграфах. Предлагаемая читателю книга — работа единственная в своем роде, а интерес к внутренним проблемам КНР, особенно в их взаимосвязях, все более возрастает, по мере этого растет и авторская ответственность. В книге «Китай после культурной революции» буквально напрашиваются хотя бы краткие экскурсы в социально-экономическую сферу, особенно когда дело касается последствий маоистских «встрясок» и кампаний, связи экономики, политики и идеологии. Вне этой системы связей смысл внутренней политики, которая, как известно, суть концентрированное выражение экономики, раскрывается неполно.

При чтении первой главы, несмотря на развернутое введение, которое ей предшествует, трудно преодолеть ощущение «внезапности» начала изложения.

Хотелось бы также обратить внимание и на некоторые методологические проблемы. Во-первых, это касается проблемы исторических рамок переходного периода в КНР. Можно ли считать вывод VIII съезда КПК о том, что вопрос «кто кого» решен, свидетельством окончания переходного периода в Китае? Достаточно ли для

построения социализма (и прежде всего в отсталых странах) разрешения противоречия между пролетариатом и буржуазией? Каким образом определять рамки переходного периода в случае, когда вопрос «кто кого» возник в отношениях пролетарских сил (и когда рабочий класс еще не успел развиться до уровня социалистического класса, то есть до уровня в полной мере руководящей силы общества) и мелкобуржуазных сил или той их части, которая не пожелала усвоить опыт всемирно-исторической миссии рабочего класса? Иными словами, как быть, если вместо закономерного социалистического преобразования мелкобуржуазных масс налицо попытка искусственного, мелкобуржуазного разложения пролетарских слоев и всех тех, кто способен активно бороться за социализм? Можно ли в этих условиях считать, что вопрос «кто кого» решен во всех отношениях и что задачи социалистических преобразований выполнены? Не точнее ли употреблять в приложении к сегодняшнему Китаю термин «базис переходного периода», а не «социалистический базис»?

Не проясняет дела и фраза в предпоследнем абзаце 255 страницы, где утверждается, что задача подавления сопротивления свергнутых классов решается в переходный период, а задача созидательная — при социализме. Как известно, диктатура пролетариата — государство переходного периода, главное орудие построения социализма — выполняет обе задачи одновременно. Об этом свидетельствует если не идеальный, зато классически реальный и универсальный опыт нашей революции. При социализме государство приобретает общенародный характер (при ведущей политической роли рабочего класса) и выполняет задачи и функции иного, более сложного порядка, чем государство переходного периода.

Во-вторых, у читателя возникает еще один вопрос: достаточно ли для плодотворного изучения китайского общества 70-х годов и его политической организации применять категории «базис» и «надстройка»?

Не остаются ли вне поля зрения при подобном подходе такие характеристики общества, как уровень развития производительных сил (состояние материально-технической базы, структура и характер общественного производства и труда), уровень развития и структура общественного сознания, в том числе общественной психологии, особенности социального развития, механизмы управления обществом и т. д.?

Наконец, еще одно частное замечание. Вряд ли следует подчеркивать реализм «прагматиков» (с. 265) по сравнению с «левыми». Реализм и научность с точки зрения теории и политики коммунистов — неразрывны.

Маоизм привел в состояние развала экономику Китая. Однако преодолеть развал политический и духовный (с неизбежной при этом дискредитацией великого дела социализма), преодолеть разрушение элементарной, первичной социально-политической организации общества — дело еще более сложное. Деформация этой стороны жизни общества — самое отталкивающее «произведение» маоизма, об этом убедительно свидетельствуют авторы монографии, разоблачая антисоциалистический характер маоистского политического режима.

Работа, проделанная авторами книги «Китай после «культурной революции», позволила решить нелегкую задачу первого порядка — воссоздать с позиций марксизма-ленинизма действительную картину событий 70-х годов. Вместе с тем монография советских исследователей открывает путь к решению и задачи второго порядка — теоретического осмысления и логического описания, с применением комплексного подхода и всего категориального аппарата ленинизма этапа эволюции маоистской политики от антипролетарского переломного («культурной революции») к «модернизации» социал-шовинизма 80-х годов. Нет оснований сомневаться в том, что эта задача будет не менее успешно осуществлена советскими учеными.

Ф. Ф. Ланно

Сдано в производство 9/VII 1980 г. Подписано к печати 22/VIII 1980 г. A11776
 Формат 70×108^{1/16}. Бум. л. 6,5 Печ. л. 13,0 Уч.-изд. л. 20,64 Изд. № 31433
 Цена 50 коп. Заказ 1759 Тираж 20 918 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР
 по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
 Москва, 119021, Зубовский бульвар, 21
 Чеховский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
 Государственного комитета СССР
 по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
 г. Чехов Московской области